

Анвар Абиджан

СКАЗКИ, ПРИКЛЮЧЕНИЯ, ФАНТАСТИКА

Ташкент
«Чулпон»
1991

Абиджан, Анвар.

А 15 Грозный Мешпалван: Сказки, приключения, фантастика.—Т.: Чулпон, 1991.—
336 с.

У 32

В книгу известного писателя Анвара Абиджана вошли его лучшие прозаические произведения различных жанров. Их объединяет занимательный сюжет в переплетении с юмором, которые не только увлекают юного читателя, но и побуждают детей к добрым поступкам и размышлению.

А 4803620201-56
----- 66-90
М 360(04)-91
ISBN 5-8250-0174-3

А. Абиджан, 1991 г.

и его пехота

ФЕХТОВАЛЬЩИК ИЗ ТАШТАКА

С трёх сторон окружили Таштаку могучие и крутые отроги Елкантага. С высоты кажется, что поместился кишлак как раз посередине огромной подковы, должно быть, потерянной крылатым скакуном сказочного героя Алпамыша.

Подкову, словно меч, рассекает буйный Кучкарсай – продолжение водопада, что струится с восточной скалы; дойдя до западного выступа горы, река огибает его и поворачивает на север. Все, кто приезжает в кишлак впервые, удивляются: как это небольшой поток, падая со скалы, внизу вдруг превращается в широкую речку, только местные жители знают, что из-под водопада выбивается родник и сливается с тем потоком.

В южной части кишлака, у подножия Елкантага, где невысокие дома попадаютя всё реже, раскинулся свежий зелёный луг – словно огромный зелёный дастархан. К вершине горы, подобно ступеням, подступают её отроги. На первой ступени раскинулась рощица горного миндаля, солнечные её склоны густо поросли исириком¹; все здешние растения целебны.

По мере того как вы поднимаетесь ко второй ступени, начинаете встречать на своем пути деревца арчи – одно, два... Но вот остановились, чтобы немного перевести дух, и, оглядевшись, вдруг обнаружили, что очутились в густом лесу. А секрет в том, что вы поднимались, наклонив голову, не всё вокруг замечая...

И вот вы на второй ступени горной лестницы. С наслаждением готовы броситься на мягкое ложе из лютиков. Но вас останавливает звонкое птичье пение! Это хиллол-кеклики, редкие птицы, их всё меньше и меньше на земле... Старые охотники говорят, что стаи хиллол-кекликов находят убежище и выводят птенцов в Мёртвой пещере – там повсюду рассыпаны их пёстрые перья.

Следующую ступень таштакалинцы называют «кашта» – вышивка. Она усыпана красными, жёлтыми, розовыми тюльпанами, которые цветут семьями. Издали это похоже на разноцветные узоры, вышитые по зелёной ткани, даже бабочки этих мест особенно пестры. Эта «вышивка» ещё больше подчеркивает красоту серебряных вершин Елкантага. Перед глазами человека, очарованного этой картиной, точно тянутся по спокойному морю до самого горизонта вереницы бесчисленных парусных лодок.

В этот райский уголок, словно в неприступную крепость, ведёт единственная дорога. Старинный висячий мост над Кучкарсаем считается парадными воротами Таштаки.

Представьте себе, что мы стоим на этом висячем мосту. Чуть поодаль на плоском валуне сидит остроглазый мальчик, шлёпая по воде ногами. Это и есть главный герой нашей повести Аламазон.

В местном говоре это слово означает буйно пылающий костёр. Для здешних ребят, что, забывая о сне, шатаются по свадьбам, самое большое удовольствие – в тот миг, когда подливают масло в костёр и он вспыхивает с особой силой, прыгать, хлопая в ладоши и крича «аламазо-он, гулдирамазон» – «гуди, костёр!» Эти непрерывные покрикивания до смерти надоедают герою нашей повести – он только и смотрит, как бы превратить традиционный обряд во всеобщую потасовку...

Что любит Аламазон? Первое – наигравшись в футбол, развалиться и читать лёжа; второе – фантазировать на темы прочитанного и излагать взбудораженные мечтами чувства в стихах; третье – когда в глазах зарядит от созерцания белой бумаги, забыв обо всех тревогах мира, до полного изнеможения снова бить по мячу. Но никто ещё не встречал человека, у которого легко сбываются все его желания. Это и к Аламазону относится. Когда он, набегавшись за мячом, весь в пыли, возвращается домой, мать откручивает ему ухо; старший брат гоняется за ним, чтобы задать жару за то, что Аламазон читает книги, запретные для его возраста; за то, что мальчик, спрятавшись в укромном месте, пишет стихи, а также за то, что подолгу ша-

¹ Название благовонной травы.

тается неизвестно где, отец угрожает выстегать ремнём... Этого мало; еще есть бабушка, которой давно за девяносто; она подбадривает всех троих мучителей: «Этого шалопая надо держать в узде!» Теперь вы сами видите, каково нашему герою от опеки его близких.

Всего обидней Аламазону, что не дают читать книги, какие хочется. С Чипполино, Буратино, Томом Сойером, Гekom Финном, Незнайкой, Хашимджаном он дружит с тех пор, как выучил азбуку. «Робинзона Крузо» и «Маугли» он перечитывал по три-четыре раза – оттого, что негде взять другие интересные книги...

И вот однажды Аламазон рискнул сделать набег на книжную полку старшего брата. Вытянул из ряда запретных для себя книг «Минувшие дни» Абдуллы Кадыри и три дня наслаждался чтением. Это было два года назад, когда он окончил пятый класс – тоже, как и теперь, начинались каникулы.

Дни шли; опасаясь нагоняя от брата, он торопливо прочёл «Мираж» и «Казачи»; когда уже заканчивал первую часть «Анны Карениной», случилась неприятность: брат поймал его за чтением... и это было лишь началом страданий, которые нашему герою предстояло пережить в будущем.

По книгам, написанным для детей, Аламазон научился желать добра людям, убедился, что правда и добро всегда побеждают ложь и злобу. А чем больше он прочитывал книг для взрослых, тем сильнее стремился сам сделать что-либо хорошее для людей; постепенно он стал понимать, что за победу добра над злом надо бороться. Ему хотелось совершить какое-то большое дело, чтобы прославиться по всей стране.

Была у Аламазона ещё такая черта: прочитав какую-либо книгу, он, незаметно для себя, начинал подражать её главному герою. Например, когда он читал «Гамлета», сделался сдержанным и печальным. Только обрадовались учителя, что этот шалопай «наконец стал похож на человека», как Аламазон принялся за чтение повести «Озорник» и опять переменялся. Когда же были прочтены «Три мушкетёра», по всему кишлаку пронеслась весть о том, что Аламазон «рассек» деревянной саблей голову своего одноклассника. Услышал об этом и руководитель школьного кружка фехтования. «Вот кто мне нужен!» – воскликнул он и призвал Аламазона в кружок.

Смелость, ловкость были прирождёнными чертами Аламазона. Очень скоро он, против своего желания (сердце его принадлежало футболу), стал самым искусным фехтовальщиком школы. Младшеклассники, завидев его, начинали перешёптываться: «Вон, вон самый лучший фехтовальщик!» Хотя рапира принесла ему уважение и почёт, Аламазону куда больше нравилось забить мяч в чужие ворота, чем нанести сопернику «укол». Должно быть, по этой причине он всё чаще стал пропускать занятия кружка. А после того как прочёл книгу «Прощай, оружие!», окончательно распростился с рапирой, вновь отдавшись футболу.

Если не ошибаюсь, мы с вами стоим на Кучкарсайском мосту? Продолжим наблюдение.

Шагах в четырёх от Аламазона сидит, насупившись, пухлощёкий мальчик, который пригоршнями отправляет в рот чёрно-сизые ягоды паслёна, бурно разросшегося на берегу реки. Это приятель нашего главного героя – Ишмат по прозвищу «Толстяк». Ишмат не из тех простаков, кто чересчур утруждает себя. Он любит только одно и точно так же только одно не любит. Он считает, что настоящая жизнь – это сытная еда, и больше всего на свете любит жевать. А что он не любит? Соответственно: когда нечего пожевать.

До поступления в школу для Ишмата не бы-

ло ничего ненавистного. Но в первый же раз, когда вошёл в класс учитель арифметики, Ишмат тотчас понял, что есть в мире нечто, придуманное специально для нервного трепки. По мере того как конкретные цифры арифметики превращались в абстрактные алгебраические знаки, Ишмат всё более охладевал к математике и наконец убедился, что эта наука – враг человечества.

Теперь давайте потихоньку удалимся от всячего моста, оставив в покое наших героев, которых в будущем ожидают удивительные приключения.

ИШМАТ СТАЛ ФРЕНСИСОМ

– Эй, Аламазон, о чём задумался? – спросил Ишмат, отправив в рот горсть паслёна.

– О кладе. О сокровище.

– О каком ещё кладе?

– Каком, каком... Настоящем! – вытащив ноги из воды, Аламазон повернулся к товарищу: – Ты что, всё ещё не прочёл?

В первые же дни каникул Аламазоном завладела книга Джека Лондона «Сердца трёх». Мужество весёлых и упрямых кладоискателей, которых не пугали ни ужасы мрачных пещер, ни угроза смерти, чрезвычайно восхищало его. Расхвалив книгу, он передал ее Ишмату. Странно! Оказывается, приятель тоже уже прочёл, а на уме у него всё тот же паслён...

– Что я, с ума сошёл, ломать голову над тем, чего нет на свете? – жуя ягоды, отозвался Ишмат. Проглотил и добавил: – По правде говоря, эти охотники за сокровищами мне не по нраву. Ради золота чуть на тот свет не отправились. А уж поголодали!

– Да ты только подумай! – Аламазон старался говорить спокойно, не выказывая злости, – если в пещерах у индейцев таятся клады, почему бы им не быть в узбекских пещерах? Чем хочешь клянусь, в нашей Мёртвой пещере полным-полно кладов. Искать только некому.

На загорелом лице Аламазона засияла улыбка.

– Если найдём клад, ого-го, сколько можно будет сделать хорошего для людей!

И он начал перечислять:

– Во-первых, построить стадион на десять тысяч мест... Ишмат вытаращил на него глаза.

– Э-э, погоди, у нас в кишлаке народу всего-то тысячи две. На кой чёрт тебе такой стадионище?

– Людей потом прибавится, – решительно сказал Аламазон. – Вот тебе пример. У дяди Арифа одиннадцать детей. У каждого из них тоже будет по одиннадцать детей. У детей их детей – ещё по одиннадцать... Посчитай сам, сколько это выйдет?

Запахло математикой. Ишмат поморщился.

– Да что считать? И так видно, что много народу будет. Только вот где они все разместятся? Кишлаку расти некуда.

– Будем строить многоэтажные дома. Клада на всё хватит, – нашёл выход Аламазон.

И продолжал мечтать: на базарной площади, где любят собираться старики, вырастет большая чайхана с мраморными стенами. По всем улицам ляжет асфальт. Мост над Кучкарсаем тоже нужно будет подновить. Пусть его ограждения сделают из чистого серебра!..

Тут Ишмат заметил, что как бы второпях не забыли построить в кишлаке хорошую столовую...

– Установим высокий памятник Ахмадали-ака, – решительно сказал Аламазон.

Ахмадали-ака всю жизнь работал преподавателем в начальных классах. Два года назад, ко-

гда ему оставался месяц до выхода на пенсию, он скоропостижно скончался. Среди его бывших учеников двое стали героями войны, один – министр, ещё один – директор маслозавода в городе. Да что далеко искать: в первом классе Ахмадали-ака учил даже самого Аламазона...

«Что бы ещё совершить? – задумался Аламазон, потом махнул рукой. – Ладно! Найдём сокровище, тоже подумаю хорошенько. Вон Назар-пьяница болтает: «Чем больше у тебя денег, тем больше расходов!»

– Ну, что, пошли? – Аламазон глядел в глаза Ишмату.

– Куда ещё?

– Как это «куда»? За кладом, конечно!

– Иди сам! – проворчал Ишмат. – Приготовили тебе клад в пещере!

– Трус! А я ещё хотел называть тебя Френсисом! Нос не дорос до такого имени!

В «Сердцах трёх» два главных героя – Генри и Френсис. Была бы возможность, Ишмат охотно поменял бы своё злосчастное прозвище «Толстяк» на прозвание «Френсис». Ишмат призадумался.

Аламазон тоже немало думал, пока не предложил другу это имя. В душе-то он считал, что далеко Ишмату и до Генри, и до Френсиса. Только он сам, Аламазон, может сравниться с такими смельчаками. Но нельзя же быть двумя сразу! Это нечестно. Хочешь не хочешь, одного приходилось уступить Ишмату.

«Ладно, одного отдам, – решил Аламазон, – но выберу сам».

Кем же стать ему самому? Может, Френсисом? Умница, храбрец. Да ещё аристократ. А Генри? Тоже смелый, стойкий, но не такой рассудительный, как Френсис...

И тут Аламазон вспомнил один эпизод из книги. Генри и Френсис схватываются один на один. Условие такое: победитель отрежет побеждённому ухо. Генри победил, но великодушно отказался отрезать ухо сопернику. Один этот поступок свёл на нет все достоинства Френсиса. Аламазон ещё мог бы вытерпеть, если б Ишмат оказался покультурней, но если этот толстопузый победит его в схватке... такого позора Аламазону не снести! И он окончательно остановился на Генри.

Ишмату засияла надежда – получить почётное имя. И он сразу переменял тон.

– Ну, ладно, чего ты сразу лезешь в бутылку? Надо еще узнать, да есть ли оно в Мёртвой пещере, это самое золото?

– Есть. Спорим? Даю в залог моё ухо. Говорят, что в самом конце пещеры есть место, называемое Дворец тьмы. Там и должен быть клад.

– Ты забыл сказать, что съестное надо взять с собой, – соглашаясь отправиться в пещеру, Ишмат вместе с тем не забывал и о потребностях желудка. – Разве мы там не проголодаемся?

– Не беспокойся, я уже позаботился о твоём желудке, – говоря так, Аламазон вскарабкался на большой камень. Влез, выпрямился, вскинул голову, торжественно объявил: – Готовься, Френсис! Начинаем священный поход. Впереди – Мёртвая пещера!

Назавтра, рано утром, путешествие началось. Чтобы не исцарапать лицо и руки, продираясь сквозь заросли фишашковой роци, Аламазон повёл Ишмата по узкой тропинке вдоль восточных склонов горы. Поднялись к водопаду и вдоль Джаннат-арыка стали пробираться к Елкантагу. Известно – арык приведёт к Мёртвой пещере...

ДВОРЕЦ ТЬМЫ

В пещере было прохладно и сыро. Под ногами валялись обглоданные кости животных, ставших жертвой более сильных хищников. Рассыпанные повсюду лёгкие пёстрые перья кекликов взлетали от человеческого дыхания, прилипали к губам, щекотали в носу.

С фонариками гордо, как сарбазы¹, кладоискатели вступили в пещеру. Вскоре им пришлось склонить головы, а потом и вовсе согнуться, и, наконец, передвигаться на четвереньках, потом ползти...

Когда проползли уже немало, проход слегка расширился,

¹ Личная охрана падишаха.

– Эй, приятель, давай перекусим, – сказал Аламазон. – Может, дальше такого удобного места не будет.

Ишмат, тяжело дыша, молча прилёг на бок. Аламазон установил включенный фонарик в углубление каменной стены, развязал свой мешочек. Поели немного мяса, яиц с чёрствым хлебом, потом взялись за флягу с водой.

После того как подкрепились, Аламазон прикинул: дальше проход всё сужается... Решил оставить мешок здесь.

– Возьми флягу и немного сухарей в карманы, – приказал он.

Ишмат уже почувствовал, что имя Френсис не такое уж завидное.

Не мог же он прямо сказать, что ползать под землёй неизвестно зачем – настоящая дурость! Он начал в том смысле, что не стоило бы пресмыкаться, подобно лягушкам, и осторожно предложил повернуть назад.

– Растяпа! – резко оборвал его Аламазон. – Если мы вернёмся ни с чем, кто установит памятник Ахмадали-ака? А стадион? Забыл?

– Если капельку подождём, государство само построит нам прекрасный стадион...

– Ты уж тогда совсем сядь на шею государству! – закричал Аламазон. – Если таких, как ты, дармоедов, расплодится много, считай, что государству крышка. Сказать, кто ты такой на самом деле?

Ишмат, как бы говоря «не надо», отмахнулся. Он хорошо знал: если Аламазон захочет, кого угодно сумеет обвинить. Ведь своими глазами видел, что произошло с Бутабаем из параллельного класса.

В тот раз Аламазон хотел сшибить с дерева спелую айву, а камень, пролетев дальше, попал в лоб Бутабаю, набил солидную шишку.

Кого хотите спросите, хоть дурака, хоть умного, любой скажет, что виноват Аламазон. Но сам Аламазон, вместо того чтобы попросить прощения у Бутабая, вдруг набросился на него.

– Ты почему физику не учишь? – грозно напустился он на товарища. – Почему на уроке сидишь, разинув рот?

Разевал ли рот Бутабай на уроке или нет, нам неизвестно, но после этих слов Аламазона он действительно разинул рот. Ишмат тоже не смог понять, при чём тут физика, если на лбу шишка. Оказывается, очень даже при чём!

– Какое тебе дело до моей учёбы? – взвизгнул Бутабай, утирая слёзы. – Что ты этим хочешь сказать?

– Хочу сказать, что ты в физике ни черта не понимаешь.

– Зря болтаешь! – выпалил Бутабай, не предполагая, конечно, что сказанное обернётся против него же. – На «пятак» знаю эту твою физику!

– Значит, ты и закон земного притяжения знаешь? – все пуще горячился Аламазон. – Ой, хитрец! Ой, мошенник! Значит, ты знаешь, что камень, брошенный вверх, обязательно возвратится на землю?

Бутабай как будто онемел. Аламазон, пользуясь этим, ещё пуще набрасывался с попреками:

– Так почему же ты не убежал из-под дерева? Почему нарочно подставился под мой камень? Или добивался, чтоб отец дал мне взбучку? Ты этого хотел?

Бедняга Бутабай, не зная, что сказать, так и стоял с вытаращенными глазами...

Припомнив этот случай, Ишмат не стал связываться с Аламазоном...

– Эй, да не горячись ты! – произнёс он примирительно. – Я просто так сказал.

Двинулись дальше. Проход становился всё уже. Теперь они ползли по-пластунски. Не хватало воздуха, дышать становилось всё тяжелее. Одежда кладоискателей промокла от пота, струившегося ручьями.

– Эй, давай вернёмся! – снова запросился Ишмат. – А то застрянем где-нибудь.

– Не бойся, проход еще широкий, – подбадривал Аламазон. – И клад уже близко!

– Больше ты меня не проведёшь этими штучками, – Ишмат наконец-то высказал всё, что накопилось в душе. – Там, где так воняет, золото не водится!

– Ты эгоист!

– Обзывай как хочешь, я возвращаюсь!

– Предатель! – в ярости заорал Аламазон. – Какой ты Френсис, ты Ишмат-Толстяк!

– Подавись своим Френсисом!

– Вот ты как? Тогда катись отсюда! – заорал Аламазон. Снова пополз вперёд, прибавив на ходу: – Убирайся, чтоб и духа твоего тут не было! И так дышать нечем, ты ещё воздух портишь!

Куда ж теперь? Вперёд? Назад? Ишмат не знал, на что решиться. Впереди – опасность. Назад возвращаться одному – страшно...

Делать нечего, пополз вперёд.

Конец прохода был таким тесным, что Ишмат, уже просунув голову в пределы Дворца тьмы, застрял, словно снаряд в дуле пушки. Аламазон едва-едва вытянул его внутрь. Здесь было свежо и прохладно, так, что душа радовалась. Ишмат не мог надышаться, поняв, наконец, почему они всё-таки не задохнулись в том проходе, узком, точно крысиная нора...

– А что тут гудит? – спросил он встревоженно, потирая ободранные плечи. – Зажги-ка фонарик! Я свой нечаянно раздавил.

– Это вода шумит.

Когда Аламазон направил луч фонарика на водопад, льющийся с потолка пещеры, тот засверкал, точно лестница из серебра.

Этот кристально чистый водопад и составлял очарование пещеры, он наполнял кипучее озерцо, в котором вода всегда держалась на одном уровне, и невозможно было понять, куда утекал ее излишек. Луч фонарика высветил стены пещеры, обросшие мхом, подпирающие потолок извилистые каменные столбы, бесчисленные углубления и щели. Пещера походила на великолепный заброшенный дворец.

Ишмат внимательно рассмотрел её. Нигде ничего не блеснуло.

– Где же золото? – не замедлил он с вопросом.

– Дворец нашли – и сокровищницу найдём, – беззаботно отозвался Аламазон.

Кладоискатели начали обшаривать все выемки, углубления и ямки. Чем меньше оставалось необследованных мест, тем сильнее Ишмату хотелось заплакать. И когда осмотрели последнюю щелку, в которой пискнула потревоженная ящерка, на глаза Ишмата навернулись слёзы.

– Хоть бы какой-нибудь поломанный кумган найти, было б не так обидно, – заныл он. – А теперь... что мы за невезучие люди?

– Эй, Толстяк, не хнычь! – прикрикнул на него Аламазон. Без толку переворачивая камни, он обломал себе ногти и был очень сердит.

Освещая фонариком бугристые стены, он заново стал исследовать Дворец тьмы. Напротив прохода увидел глубокую расщелину, подошёл ближе, направил на неё луч фонарика. У начала своего щель была шириной в пядь, но вскоре сужалась, и в конце края её смыкались. Аламазону вдруг припомнилась сказка про Али-Бабу, слышанная в детстве от бабушки. Он отступил шага на два и вскрикнул: «Сим-сим, откройся!» Каменные стены и не подумали раздвинуться, но Аламазон не терял надежды.

– Ты знаешь, где золото? – он потащил Ишмата к водопаду. – Дно этого озера выстлано золотом! Не веришь – отдам своё ухо на отсечение!

Подумав, кладоискатели решили, что поиски сокровища, начатые нынче утром с похода в Мёртвую пещеру, должны быть продолжены: где же быть кладу, как не тут, на дне озера?

Полезли в воду и убедились, что несколько пригоршней «образцов», добытых со дна, состоят из таких же точно камешков, какими выложено дно Кучкарсая.

Закоченев от ныряния в ледяную воду, кладоискатели стали торопливо одеваться.

– Пора пустить в ход лекарство, – Аламазон, как стрелок, у которого остался последний патрон, стал нервно обшаривать карманы. – Может, дядя обидится на меня, но другого выхода нет.

Дядей Аламазона был известный профессор Агабек Туркони. Собравшись в Индию на отдых, он заехал в Таштака, чтобы проведать сестру. На следующий вечер предполагал вернуться в город.

Вчера Аламазон, договорившись с Ишматом о походе в пещеру, возвратился домой и довольно долго беседовал с дядей. Между разговором профессор достал из кармана серебристую коробочку и положил её на полку. Аламазон спросил, что в ней.

– Лекарство, – улыбнулся дядя, – кто его выпьет, тот, как в сказке, получит исполнение желаний.

– У твоего дяди-доктора таких удивительных лекарств много, – засмеялась мать, – оттого-то у него все дела ладятся.

Аламазон не мог заснуть допоздна. В его голове беспрестанно вертелась одна фраза: «Выпьешь лекарство – найдёшь клад», а перед глазами, словно нарисованная в воздухе, стояла серебристая коробочка с двумя жёлтыми таблетками внутри.

«На всякий случай, не взять ли мне с собой лекарство? – думал он. – А может быть, дядя обидится, если возьму без спросу? Пустяки! Чего у врачей хватает, так это лекарство.

– Э... э... – Ишмат вытаращил глаза на таблетки в руках Аламазона. – Что это у тебя?

– Я же сказал – лекарство. Кто его выпьет, добьётся своего. Обязательно!

– Ну и врёшь же ты!

– Не веришь, тебе же хуже. Я сейчас выпью сам и достигну своей цели.

Не в привычках Ишмата упускать то, чего можно отведать. Он с завистью косился на таблетки.

– Ты что, обе глотнёшь?

– Одна для тебя, – Аламазон хитро прищурился, словно желая сказать: знаю, мол, чего хочешь. – Потому что у нас с тобой цель единая.

Проглотив таблетки, они прилегли на берегу озера передохнуть, перед тем как достичь своей цели.

– Ох, и устали же мы, – начал посапывать Ишмат. – До чего приятно растянуться, полежать чуть-чуть...

Аламазону тоже было приятно. Какая-то сладкая истома охватила его, мускулы расслабились, неудержимо клонило в сон...

КРОВАВЫЕ СКАЛЫ

Как будто раскаты грома потрясли Дворец тьмы.

– Ого! – прислушиваясь, Ишмат придвинулся к Аламазону поближе. – Землетрясение, что ли?

Аламазон вскочил и направил луч фонарика в ту сторону, откуда доносился грохот, и замер, увидев чудо: там, где недавно была расщелина, скалы начали раздвигаться!

Когда грохот прекратился, в тишине послышался какой-то дребезжащий звук... Как будто жук попал в пустое ведро и, жужжа, бьётся о его стенки.

Кладоискатели приблизились к раздвинувшимся скалам и увидели, что меж ними образовался узкий проход. На каменных стенах всеми цветами радуги играли лучи.

– Так переливается жемчуг, – с уверенностью опытного ювелира заявил Аламазон. Голос его задрожал от волнения, когда он приказал Ишмату:

– Вперёд! Священный поход продолжается, мой толстяк! Впереди – сокровище!

Он зашагал, Ишмат, едва переступая ногами, – за ним. Проход расширялся по мере того, как они продвигались вперёд. Усиливался и дребезжащий звук.

«Это тот самый жадный паук! – вспомнил Ишмат чудовищное существо, описанное в «Сердцах трёх». – Судя по звуку, пасть у него не меньше тандыра!»¹

С каждым шагом воздух в проходе нагревался. Кладоискатели шли, обливаясь потом. Жара становилась жгучей, уже и волосы у мальчиков опалило; они задыхались.

¹ Тандыр – глиняная печь для выпечки лепёшек.

– Ещё десять шагов пройдем, нас растопит, как сливочное масло! – прокричал Ишмат. Лицо его было пунцовое.

Аламазон, вытирая рукавом пот со лба, взглянул вверх – именно оттуда несся странный звук. И жаром тянуло оттуда. И радужные переливы на стенах были не отблеском сокровищ, они исходили от чего-то, с треском горящего в вышине. Стена уходила далеко вверх, и оттого снизу не было видно, что же там горит. Потеряв надежду, Аламазон ослабел. Прислонился к стене и тут же, охнув, откачнулся: камень был раскалён.

Аламазон вспомнил рассказы бабушки об огненном и каменном аде и сказал:

– Пора отсюда выбираться. В аду жемчугов не бывает! Он высказал то, о чём думал Ишмат.

В этот миг дребезжащий звук стал стихать. Постепенно тускнели радужные переливы стен, жара тоже пошла на убыль. Не успели кладоискатели осознать случившееся, как снова послышались громовые раскаты. Сверху градом посыпались мелкие камешки. Ишмат, бросив флягу, обеими руками прикрыл голову. От того, что часть стены изгибалась вправо, камешки сыпались только с левой стороны. Ишмат изловчился первым пробежать вдоль правой стены. Но неповоротливость всегда подводит. Улепётывая со всех ног, Ишмат вдруг споткнулся о камень и растянулся, Аламазон наскочил на него и, ступив прямо на поясницу, вновь пригвоздил к месту начавшего подниматься приятеля.

– Эй, Ишмат, ты чего тут разлёгся? – Аламазон, уронив наземь фонарик, подхватил друга под мышки, стал поднимать. – Скорей! Во Дворец тьмы!

Ишмат, пыхтя, поднялся и похромал дальше, одной рукой прикрывая голову, другой – поглаживая ушибленное колено. Аламазон, нагнувшись, чтобы поднять фонарик, остолбенел от удивления. Прислоненный к каменной стене, фонарик начал медленно двигаться, освещая каменную россыпь. Мальчик поднял голову, всматриваясь. И увидел, что две каменные стены медленно сближаются. Значит, скоро проход закроется совсем?

Сердце Аламазона дробно застучало. В голове замельтешили мысли: «Что делать... вперёд... назад... внутрь, надо бежать в глубь пещеры, обратно...»

– Ишмат! Вернись! – закричал он. – Назад! Там гибель! Пропадёшь!

Услышав «пропадёшь», Ишмат не стал мешкать. Скачками устремился назад.

– Ты чего? – спросил он Аламазона. – В чём дело?

В двух словах Аламазон объяснил, что происходит. Ишмату показалось, что там, впереди, смыкаются челюсти кровожадного чудовища...

Задыхаясь, они бежали в обратную сторону. Аламазон, поддерживая хромающего друга, торопил его, тянул, почти волочил на себе. Скорей бы выбраться отсюда!

Под ноги подвернулась фляга. Аламазон понял – они вновь попали в то место, которое показалось им адом. Несколько минут назад здесь был достаточно широкий проход, теперь протиснулись и то ладно.

Задыхаясь и кашляя от пыли, кладоискатели рвались вперёд, вперёд, сами не зная куда. Только бы спасти свою жизнь, больше ничего им не надо! Вперед, только вперед!

В КОГТЯХ СМЕРТИ

Каменный град, сыпавшийся на друзей, вдруг прекратился. Его сменили мелкие капли воды, и вот хлынул настоящий дождь. Он прибил пыль, дышать стало легче; кладоискатели с ещё большим рвением устремились вперёд.

Однако чудовищные скалы с обеих сторон продолжали надвигаться на них. Идти рядом им стало невозможно, так как, как помогать Ишмату, тогда Аламазон пропустил своего товарища вперёд, а сам, как пастух овечку, подгонял его криками: «Быстрей, быстрей!»

Они бежали, надеясь, что выход близко, но у каменного коридора, казалось, не было конца, а стены его всё сближались; едва протискиваясь меж ними, Аламазон думал: «Всё, конец...»; сердце его билось отчаянно.

– Похоже, гибель нам тут, в пещере! – едва прохрипел Ишмат, задыхаясь. От страха он весь обмяк и упал наземь.

– Ты чего развалился? – Аламазон тряхнул его за плечи. – А ну подымайся, пень неповоротливый!

– Пропади ты пропадом со своим золотом! – Ишмат, дёрнувшись, стряхнул его руки. – Не трожь меня!

Аламазон не плакал, но страх смерти лишил его сил. Он прислонился к стене, охлаждённой дождём. Неудачливый Генри смотрел на отчаянно рыдающего Френсиса, жалея его от всей души. В это время сильно потускневшие радужные блики совсем погасли, пещеру залил мрак. Стало ещё страшнее...

Аламазон включил фонарик и взгляделся в глубину прохода – его бесконечность сулила им погибель. Когда луч осветил подножье скал, в глазах Аламазона сверкнула радость. Сдвигающиеся скалы имели внизу выемку; он определил, что, сдвинувшись, они все же оставят проход. Но надо успеть проскочить его начало, слишком узкое даже для мальчика...

– Мы спасёмся, дружище! – на всю пещеру крикнул Аламазон. – Хочешь остаться в живых – вперёд!

Ишмат хотел жить. Забыв об ушибленной ноге, он вскочил с необычайным проворством и, расплёскивая воду, которая достигала уже щиколоток, скачками помчался вперёд.

– Скорей, скорей! – подталкивал его в спину Аламазон. – Зевать тут некогда, Толстяк!

Ишмат понимал – ругают для его же пользы; не обижался, а вприпрыжку летел вперёд. Когда каменные стены почти коснулись кладоискателей, Аламазон со всей силы двинул кулаком по спине приятеля.

– Ложись!

Ишмат хлопнулся наземь.

– Чего растянулся? – снова вскипел Аламазон. – Ползи! И не подымай головы, балда!

Они поползли по расщелине, которая постепенно расширялась. Грохот нарастал, наконец обе скалы сомкнулись. Дождь тотчас перестал, внезапно наступила тишина. Только теперь Ишмат понял, что остался жив, и заплакал уже от радости.

Проход, становясь всё шире, обратился в пещеру, где мог стоять человек. Прошли ещё немного, увидели воду, сбегаящую по жёлобу, захотели напиться, но вода оказалась горячей. Разочарованные, остановились. Аламазон, порывшись в карманах, нашёл три сухаря, два отдал Ишмату.

– По-моему, мы должны выйти через какое-нибудь ущелье за Елкантагом, – сказал Аламазон, с удовольствием хрумкая сухарём.

– В той стороне можно людей встретить, например, чабанов, – пробормотал Ишмат с набитым ртом, – может, наедемся овечьей брынзы? А?

Аламазон никогда не поддакивал, если не был уверен, промолчал и на этот раз. «Этому поэтому только бы жрать, – подумал он, – неужто я не мог найти другого спутника?»

Хотя Аламазон частенько бывал недоволен Ишматом, однако проводил с ним почти всё своё свободное время. Почему? Во-первых, их дом был на краю кишлака и вокруг, кроме Ишмата, не было сверстников. Во-вторых, наш герой, прирождённый вожак, нуждался в преданных сподвижниках. А Ишмат, доверчивый и согласный подчиняться, очень подходил на роль верного оруженосца.

Когда Ишмат догрыз второй сухарь, в пещере начало светать. Скоро и фонарик стал не нужен.

Хоть они спаслись от всех опасностей грозного подземелья, на душе у Аламазона было невесело. «В такой пещере – да не найти клад! – сожалел он. – Вот досада!»

ЗАЯЧЬЯ ГУБА И КРОЛИЧИЙ ГЛАЗ

Выйдя из пещеры, друзья застыли в удивлении. Аламазону показалось, как будто он стоит перед огромной сценой, залитой лучами сотен прожекторов. Но если это была бы и в самом

деле сцена, её оформляли с таким великим искусством, что всё видимое казалось настоящим. Красноватый туман, волшебнo окрасивший горизонт, выплывающие из-под тумана невысокие холмы и простирающаяся среди них ярко-зелёная долина, словно магнитом, тянули к себе, и Аламазону невольно захотелось поскорее броситься в их чарующие объятия.

И шум воды, стекающей с огромного валуна невдалеке от пещеры, и рябь ручейка, в который обращалась эта нежная струя, и радужная дымка под холмами, куда убегал ручей – всё было совершенно настоящее. Только бесчисленные звёзды, сверкающие над сценой, явно были искусственными, да ещё отсутствие луны среди звёзд изобличало ошибку безвестного декоратора...

Кладоискатели стояли неподвижно, словно замороженные, и вдруг очнулись, вздрогнув от того, что внезапно послышался грохот камней. Из оврага, рядом с пещерой, вышли два вооружённых воина, остановились в трёх-четырёх шагах и, наставив на ребят свои копья, начали осматривать их с головы до ног.

«Куда мы попали? – недоумевал Аламазон. – Это же какая-то «История средних веков».

Один из воинов смотрел на мальчиков с высоты своего исполинского роста – высокомерно и пренебрежительно, второй, карлик, старался не потеряться у него под ногами; он был одет в красный чапан¹ и сгибался под тяжестью своей огромной жёлтой чалмы. У высокого была заячья губа, у карлика – красные, воспалённые глаза.

– Хых-тьфу!

Церемония встречи началась этим восклицанием. Не внесённое ни в один национальный словарь, оно, тем не менее, всем понятно.

– Оп-па! Ни с места! – крикнул Заячья губа, сплюнув и пристукнув о землю сапогом, носок которого загибался крючком.

– Оп-па! – подпрыгнув, как козлёнок, пропищал Кроличий глаз.

– Бросай оружие, оп-па!

– Оп-па!

Аламазон понял, что речь идёт о фонарике, и бросил «оружие» на землю.

– Вы, оба, кто такие? Хых-тьфу! Чего вы тут шлёетесь?

– Чего шлёетесь, хулиганы? Побледнев, Ишмат едва выговорил:

– Просто гуляем...

«Хотят напугать маленьких! – обозлился Аламазон. – Дураков нет – пройти через такую пещеру вам на забаву!»

Разглядев грязную, мятую одежду этих вояк, Аламазон предположил, что они дезертиры и бродяги. Он посмотрел им прямо в глаза.

– Слыхали мы и не такие угрозы, – сказал Аламазон, – Сами-то вы кто такие?

Приподняв косматые брови и поглаживая усы, длинные, словно кошачий хвост, Заячья губа хмурo взирал на Аламазона. Взгляд Кроличьего глаза перебежал с Заячьей губы на мальчиков и обратно, видимо, он ждал, что решит его спутник.

Глаза, вытарашенные на Аламазона, чуть прищурились, косматые брови вернулись на своё место – словно обрывки овчины упали с крыши; Заячья губа ухмыльнулся. Кроличий глаз топтался в нетерпении, пока шёл этот официальный разговор, – наконец-то нашёлся повод отвести душу!

– Ий-и-ий, – взвизгнул он, тыча пальцем в Аламазона. – Этот беспутный спрашивает, кто мы такие! Теперь ты должен отвечать ему. Ха-ха-ха!

Он хохотал, хватаясь за живот, от смеха из его глаз катились слёзы.

Аламазон решил, внезапно нанеся второй удар, разоблачить их окончательно.

– Вы оба – бродяги! – крикнул он.

Хохот Кроличьего глаза застрял у него в горле. Но Заячья губа на этот раз и бровью не повёл. Только зорко глянул на Аламазона, словно желал сказать: «Оказывается, наглости у тебя достаточно». Сморщив нос, он проговорил издевательским тоном:

¹ Чапан – халат.

– Твоё счастье, что я сыт, не то тебя, шалопаю, насадил бы на вертел и за один раз съел бы, даже не дождавшись, пока прожаришься хорошенько. Хо-хо-хо...

– Если бы я был голоден, я бы тоже съел парочку таких, – как попугай повторил Кроличий глаз и, желая внушить им страх, заскрежетал зубами.

Заметив, что Ишмат побледнел, он обрадовался, но Аламазон стоял, гордо вскинув голову, и карлик вновь оскорбился.

– Ты что, не слышишь, нахал? – он начал наскакивать на Аламазона, во что бы то ни стало желая его напугать. – Думаешь, с тобой шутят, а? Слопаю враз, потом пожалеешь!

– Э-э, – беспечно отмахнулся Аламазон, – я вам не по зубам!

Кроличий глаз с силой вонзил копьё в землю и рявкнул:

– Как это не по зубам, хулиган?

– Человек не ест человека.

Видно, это обстоятельство ещё более раздосадовало карлика, он весь затрясся и завопил:

– Я... я не человек! Я... ем людей! Я... я...

– Заткнись, оп-па! – оборвал своего приятеля Заячья губа, видимо, поняв, что этот придурак и на его авторитет бросает тень. Потом так же резко повернулся к Аламазону и злобно спросил:

– Откуда пожаловали, негодники?

В его холодном взгляде чувствовалась непритворная жестокость.

Ишмат, у которого давно уже поджилки тряслись, тихонько подтолкнул Аламазона, умоляюще шепнул: «С этими не связывайся, дружок!»

«Слугу Робинзона Пятницу хотели съесть тоже люди, – подумал Аламазон. – Во всяком случае, осторожность не помешает».

Как настоящий дипломат, он вдруг широко улыбнулся Заячьей губе.

– Вот с вами можно поговорить, как с человеком, – начал он «вкручивать», – потому что вы совсем не то, что вон тот писклявый коротышка.

Уязвлённый Кроличий глаз взвыл и потянулся за кинжалом, заткнутым за синий поясной платок, но Заячья губа прицкнул на него, и карлик укротил свой порыв. Великан же уставился на Аламазона, явно ожидая дальнейших похвал в свой адрес. И они прозвучали.

– То, что вы большой человек, видно по тому, что...

Аламазон, взяв пример с подхалима-шакала Табаки из «Маугли», начал со всем усердием морочить голову Заячьей губе, а тот, глазом не моргнув, внимал потоку похвал. Кроличий глаз жмурился от зависти и, чтоб не слышать ничего, отошёл от своего охочего до лести товарища. Повертевшись немного, он тихонько подозвал к себе Ишмата.

Карлик, грозно вращая глазами, басом рявкнул:

– Боишься меня, нет?

Ишмат поискал взглядом Аламазона. Вот так, бывало, когда учитель математики задавал трудный вопрос, он с надеждой поглядывал на товарища. Увидев, что Аламазон всё ещё обрабатывает Заячью губу, втянув голову в плечи, пробормотал:

– Боюсь.

Обрадовавшись, – ведь нашёлся человек, который его боится! – Кроличий глаз взял тоном выше:

– А не съесть ли мне тебя?

– Не ешьте меня, миленький дядечка!

– Ладно, не буду, – тотчас смилостивился карлик.

– Спасибо, дядечка. Видно, вы очень хороший человек.

Разумеется, это было не сравнить со сладкой лестью, которой Аламазон осыпал Заячью губу, но всё же это была похвала! Кроличий глаз просиял.

Аламазон уже начал верить, что доброе слово может вытащить кость из зубов собаки. В стараниях размягчить Заячью губу он достиг пределов,

– Видно, ты мальчик неплохой, – удовлетворённо чмокнул губами длинный, насытившись лестью. – И всё-таки, обижайся, не обижайся, мы должны передать вас в распоряжение Фискиддина-Подлеца, управляющего по тайным делам. Это наш долг, хых-тьфу!

– Зачем это?

– Потому что вы оба – шпионы, посланные из Драконабада. Хотя вы не признаётесь, я сам догадался.

«Что ещё за Драконабад? – припоминал Аламазон. – Кажется, в «Истории средних веков» такое название не встречалось».

– Через три дня придут наши сменщики, – продолжал Заячья губа. Потом указал на еле видную вдаль хижину – она располагалась в зарослях, начинавшихся чуть ниже входа в пещеру, и сказал:

– Вон в той хижине будете жить, у Хумо Хобота.

– А кто это – Хумо Хобот?

– Так, один полоумный старик, – слегка оскалил зубы Заячья губа. – Было время – все ему кланялись. Но когда удача отвернулась, над ним все стали смеяться. Хых, тьфу? Не стоило бы вас допускать до него, да иного выхода нет. Его безумные речи не слушайте!

Заячья губа, оставив приятеля в дозоре, повёл пленников вниз по тропе.

– А ну, двинулись, оп-па!

– Оп-па! – повторил Аламазон, он хитрил, притворяясь покорным, и даже прикрикнул на Ишмата: – А ну, подтяни штаны, пузан! Священный поход продолжается. Впереди – Хумо Хобот!

ХУМО ХОБОТ

Хумо Хобот оказался тощим стариком с головой в виде груши, воткнутой прямо между плеч, без признаков шеи. В тот миг, когда воин ввёл мальчиков в его хижину, старик поспешно положил какую-то растрёпанную книгу на полку в стенной нише.

– Как ты тут, старик? – загремел Заячья губа. – А мы вот схватили шпионов из Драконабада. Поживут пока у тебя, потом отведём в Тандыр..

Услышав «Тандыр», Ишмат задрожал со страху, оглянулся на Аламазона, тот был спокоен. Вот тип!

Старик пытался разглядеть шпионов, но от яркого света, хлынувшего в хижину, на миг ослеп и только моргал.

– Предупреждаю: если они улепетнут, мне не под силу будет их поймать, – Хумо Хобот попытался застраховаться от ответственности.

– Куда им бежать, – Заячья губа презрительно причмокнул и замолк, не зная, куда сплюнуть; потом продолжил: – Вход в Горячую пещеру мы караулим. В Драконабад можно обратиться только по Каратуйнуку¹. А тот путь охраняют лучники владыки.

Старик хмуро опустил голову. Видно, у него были дела поважнее, чем сторожить пленников.

Заячья губа, вытолкнув мальчиков за дверь, показал старику карманный фонарик.

– Это мы отобрали у шпионов. Спрячь в сундук.

Когда воин вышел вслед за пленниками, старик начал с любопытством рассматривать фонарик. Сначала поднёс его к уху и послушал, потом осторожно потрогал стекло, наконец, боязливо нажал на кнопку. Ему показалось, будто у него в руках вспыхнула молния; Хумо Хобот в страхе бросил непонятную вещь. Встревожился от внезапной догадки, выскочил из хижины. Стал внимательно осматривать пленников, потрогал Ишматовы брюки и рубашку, уставился на его ботинки – особенно пристально.

– Откуда пожаловали? – спросил он Ишмата; тусклые глаза его неожиданно сверкнули.

– Мы... мы... – бормотал Ишмат. – Мы так себе...

– Вам же сказали, – Аламазон решил помочь ему. – Мы шпионы из Драконабада.

¹ Каратуйнук – Чёрная щель.

– Врёшь! – обернувшись к Аламазону, крикнул старик.

Ещё в разговоре с Заячьей губой Аламазон понял, что они попали в какой-то иной мир, где царит средневековый порядок, и что надо скрывать, откуда они сами, пока вопрос сам собой не прояснится. Об этом он успел шепнуть по пути и приятелю.

– В таком случае, откуда мы? – спросил Аламазон, встревожившись: неужели этот сумасшедший сумел догадаться, что они из другого мира?

– Неправду ты говоришь! – старик тыкал в Аламазона длинным трясущимся пальцем. – Вы – люди Светлого мира!

– Интересно, – не дрогнув, отразил его нападки Аламазон, – что вы называете Светлым миром?

Ишмат, чтоб не отстать, тоже деланно удивился и, шмыгнув носом, отвел глаза.

– Изуми-и-тельно! – схватившись в знак удивления за ворот халата, старик уставился на Аламазона. – И это в таком возрасте? Если останешься жив, выйдет из тебя или знаменитый деятель, или неисправимый лжец. Об этом свидетельствуют твоя стойкость и твоё нахальство!

...Бабушка Аламазона, которой давно исполнилось девяносто, видно, не зря ворчала: «Этот маленький болтун говорит речи сорокалетнего». Аламазон, начитавшийся книг, любил подражать их героям во всём: ступал степенно, употреблял высокопарные слова – ну, поглядеть, старичок! Однако, увлечённость игрой да безудержная фантазия всё равно выдавали его возраст.

Высказавшись, Хумо Хобот с мрачным видом повернул назад, вышагивая, как верблюд. У порога хижины опять остановился, оглянулся и с горечью сказал:

– Моего покойного отца все не любили – за то, что был доносчиком. Из его наследия этого качества я не принял! Хотите скрывать, так и я буду немым. Но то, что вы – люди Светлого мира, такая же истина, как вечность Она-Юлдуз¹.

С этими словами он исчез в тёмной глубине двери – скрылся, как призрак.

– Вот сумасшедший, говорит, что мы прибыли из Светлого мира! – пробормотал Ишмат. – А здесь что? На тот свет, что ли, мы угодили?

– Наверно, для них «Светлый мир» – тот, где мы живём, – сказал Аламазон, растерянно глядя на двери хижины. – Но этот старик не сумасшедший.

– Болтай ещё, – отмахнулся Ишмат. – Ты что, не заметил – он чуть не снял с меня ботинки!

– Балда! – рассердился Аламазон на недогадливость Ишмата. – Гамлета тоже называли сумасшедшим – за то, что был умней всех! Надо извиниться перед стариком, понял?

Не дожидаясь ответа, он направился к хижине. Ишмат, насупившись, последовал за товарищем.

В дверях, подтянув поближе к себе Ишмата, Аламазон произнёс торжественно:

– Простите нас, Хумо Хобот. Мы...

Старик перебил его:

– Моё имя – Хумо Хобот Али Абдурахман. Называй меня «господин Хумо». Потому что я в тысячу раз умнее населения, что копошится в этой стране, включая здешнего царя!

Ишмат многозначительно глянул на Аламазона, мол, «а я что говорил?»

– Мы – сыны Светлого мира, – гордо провозгласил Аламазон. – Вы угадали, господин Хумо.

Старик острым взглядом обжёг обоих. Похоже, не ожидал, что упрямыцы сознаются так скоро. Со слезами на глазах, взволнованный, он обнял пленников и поцеловал, засыпая в то же время вопросами о Светлом мире, солнце, луне, о голубом небе и прекрасных облаках на нём, он то замолкал, с любовью глядя на мальчиков, то недоверчиво повторял: «Уж не обманываете ли вы меня, выжившего из ума старика?»

– Я знал, что когда-нибудь через эту пещеру придут к нам люди Светлого мира, – старик утёр слёзы, дрожащие в морщинках у глаз, и печально улыбнулся. – Именно потому поселил-

¹ Она-Юлдуз – Мать-Звезда.

ся здесь, поближе к Горячей пещере, после того как меня изгнали. Но я боялся, что не доведётся увидеть гостей «оттуда» своими глазами. Ведь шли годы, а никто не являлся к нам...

– Вот теперь мы явились, – сказал Аламазон гордо, – нам удалось!

– Благодарение Ослу-Создателю... – начал старик дрожащим голосом и оборвал речь, махнув рукой: – Отсохнуть бы моему языку – привычка! И я, как другие дурни, всю жизнь преклоняюсь перед этим низменным созданием...

– Каким созданием? – уставился на старика Аламазон.

– Перед Ослом..

Ишмат, всё ещё сомневавшийся насчёт рассудка Хумо Хобота, глянул на Аламазона: «Ну что, убедился?»

Не обратив внимания на эту его выходку, Аламазон продолжал расспрашивать:

– Так вы говорите – перед ослом?

– В нашем Юлдузистане все поклоняются Ослу, – покачал головой старик, – когда наши предки впервые попали сюда, они были в таком возрасте, когда представление о божестве и религии ещё очень смутное...

Не закончив речь, старик встал.

– Ладно, об этом после доскажу... Сначала надо вас угостить. Стыдно Хумо Хоботу не принять достойно тех, кто прибыл из Светлого мира!

Гости в душе были вполне с этим согласны и ожидали угощения с нетерпением. На ска-терть были выставлены хлеб, варёное мясо, сушеные фрукты, три пустые чаши и кувшин, наполненный густой тёмно-бурой жидкостью, Хумо Хобот разлил её, на вкус она напоминала холодный чай с лимоном и сахаром.

Гости принялись за еду молча и справились с ней неожиданно быстро. Хозяин, непрерывно подливая чаю, едва успел узнать их имена, как вдруг обнаружил на опустевшем подносе только кости, крошки да семечки; сушёные фрукты исчезли без следа...

– Господин Хумо, а мы, между прочим, не уничтожили все ваши припасы? – только наевшись, Аламазон решил поинтересоваться достатком старика.

– Хоть я и ношу рваный халат, могу угостить ещё десяток таких, как вы, – отхлебнув напиток из чаши, усмехнулся старик. – Идёмте, покажу вам своё хозяйство. Потом поговорим о Юлдузистане.

Следом за стариком мальчики вышли из хижины. Пробираясь через заросли, Хумо Хобот показал им растение, похожее на тростник, и объяснил, что из него делается чай: листья и стебель кладут в холодную воду, через некоторое время они растворяются, получается вкусный напиток.

Заросли кустарника кончились, глазу открылось пшеничное поле. И вот что интересно: в этой стране, как выяснилось, не надо ни сеять, ни поливать, пшеница растёт и зреет сама по себе.

Когда вернулись к хижине, старик показал горячий родник: в его воде здешние жители, оказывается, варят мясо, на ней замешивают тесто. Не надо и солить – вода эта была солоноватой.

– В нашей стране сотни таких родников, – заметил старик, – в тех местах, где их больше, и население гуще.

Рядом с родником они увидели каменную глыбу зелёного цвета, тоже с интересными особенностями: ночью она была чуть тепловатой, а днём так разогревалась, что юлдузистанцы пекли на ней лепёшки. Такие камни, оказывается, привозят из верхней части Горячей пещеры.

«Если печь на этой глыбе мясо, тоже, наверно, выйдет очень вкусно», – облизнувшись, подумал Ишмат и спросил:

– А где вы берёте мясо, господин Хумо?

– Скот я не держу, – ответил старик, – но здесь много птиц, я ловлю их силками. А вот там, у речки, есть плодовые сады. Загляните туда как-нибудь.

– Да, здесь с голоду не помрёшь, – Аламазон восхищённо рассматривал чудеса Юлдузистана. – Вот только бы зерна запасти на зиму побольше... Хотите, мы поможем с этим?

– Зима? Это ещё что? – спросил старик.

«Неужто здесь и зимы не бывает?» – удивился Аламазон; потом, как учитель на уроке, легко и с удовольствием начал объяснять:

– Зима – это холод. Холодеет воздух, промерзает земля, посевы и трава желтеют, сохнут, деревья теряют листву. Люди, хоть и наденут по пять одежек, всё равно, стуча зубами, будут дрожать, трястись от холода.

– У нас есть горячая вода, холодная вода, но воздух не бывает холодным, – начал говорить старик как бы от имени своей страны. – В Юлдузистане не сохнут растения, деревья не теряют полностью листву. Если в поле пожелтеет один колосок, его место тотчас займёт другой, вместо упавшего листа немедленно набухает и лопаётся новая почка.

«Замечательная страна, – подумал Аламазон, – знали бы о ней люди из Светлого мира – так и полезли бы сюда, чем хотите клянусь! И тогда даже этот любитель гостей, господин Хумо, что стоит и высматривает их у входа в пещеру, очень пожалел бы».

Аламазону хотелось поскорее всё разузнать о Юлдузистане – «стране звёзд». Он с нетерпением ждал, когда старик начнёт свой рассказ.

Между тем господин Хумо вновь пригласил гостей из Светлого мира в свой дом...

КОНЕЦ ДИНАСТИИ СВЕТЛОГОЛОВЫХ

Хумо Хобот родился и вырос в царствование Светлоголового Четвёртого. Его отец занимал при дворе должность главного доносчика, и потому семья проживала в одной из уютных комнат рубинового дворца и пользовалась многими милостями правителя.

Хумо был ровесником Светлоголового Пятого – единственного сына владыки; они получили образование у одного наставника, свободное время часто проводили вместе.

Светлоголовому Пятому был двадцать один год, когда умер его отец. Принц занял его престол; в тот же день Хумо Хобот был назначен главным визирем. Среди других он выделялся своей рассудительностью и предприимчивостью. За сорок лет край достиг благоденствия, процветали провинции, по достоинству ценились знания учёных, просвещение распространялось, достаток граждан рос, шло строительство великолепных зданий...

Юлдузистан состоял из двух обширных провинций. Одна из них – Тандыр – отличалась своим богатством. Здесь блистали золотые дворцы и рубиновые замки, прекрасные здания из серебра; фонтаны рассыпали жемчуга, повсюду виднелись великолепные статуи из мрамора. Вторая провинция – Драконабад – именно в годы правления Светлоголового Пятого была значительно благоустроена. В этом прекрасном уголке вместо низеньких хижин из камня тоже поднялись сверкающие здания из серебра и мрамора. Население провинции выросло, почти все жители, ютившиеся в горных лесах и на лугах, переселились в её центральную часть.

Могучая стена высоких и гладких скал отделяла Тандыр от Драконабада, пройти из одной провинции в другую можно было только через Чёрную щель.

Основное богатство страны составляли зерно, мясо, фрукты, конопля, в окрестностях Тандыра груды лежали огромные кристаллы рубинов, золотые самородки, крупные, как бублик, жемчужины. Все это использовалось не только для женских украшений, но и для облицовки дворцовых стен; однако дороже этих камней считалась конопля. Она росла на очень небольших пространствах обеих провинций, никому и в голову не приходило, что можно расширить посевы, освоить под коноплю другие земли. Конопля ценилась дорого. Ткачи вырабатывали из неё и тонкие ткани, и грубое полотно, используя отвары трав, цветов и коры деревьев, окрашивали их в разные цвета, иногда отбеливали.

Основную часть населения составляли земледельцы, скотоводы и садоводы. Здесь процветали и ремёсла – ткача, строителя, резчика по ганчу, чеканщика по меди, плотника, гончара, сапожника, портного. Наиболее уважаемы были в народе музыканты и певцы, поэты и художники, скульпторы, а превыше всех почитали лекарей.

У Светлоголового Пятого долго не было детей. Его жена, Мاستон-ханум, старшая сестра главнокомандующего Бурбулита, была женщиной хитрой и коварной, но, каких она ни строила козней, в конце концов царь взял себе вторую жену – юную и прекрасную Рузвон-ханум, младшую сестру правителя провинции Драконабад Надыма. А когда пришла во дворец новобрачная, Мастон-ханум вдруг объявила, что судьба наградила её – она ждёт ребёнка! Родила Мастон сына – на три дня раньше, чем дождалась такого же события Рузвон-ханум. Вот так и появились у царя один за другим два сына: старшего назвали Фonus, младшего – Феруз.

Больше детей у Мастон-ханум не было, а у Рузвон-ханум впоследствии родилась ещё дочь. Ей дали имя Хазина – «сокровище».

Невежественная Мастон-ханум слишком баловала своего сына, и Фonus вырос ленивым, капризным, бестолковым. Ему было лень умываться, одеваться; прогнать муху, севшую на нос – и на то у него рука не поднималась. Учителей он слушал вполуха, смотрел на них, задрал царственный нос, а упражняться в стрельбе из лука, фехтовании вообще отказывался.

В отличие от него принц Феруз был хорошо воспитан, вел себя сдержанно, учился старательно. Своим красноречием и остротой ума он дивил учёных наставников. В десять лет без промаха посылал стрелу в кольцо, снятое с пальца, в одиннадцать – в совершенстве овладел искусством фехтования. Его точные и ловкие движения напоминали неповторимое мастерство Барри Барака, бывшего когда-то самым прославленным фехтовальщиком Юлдузистана.

А царевна Хазина росла хорошенькой, точно куколка, своими ласковыми речами и образцовым поведением восхищала всех, кто жил при дворе.

Когда сыновьям исполнилось по двенадцать лет, царь внезапно умер. Немедленно началась борьба за престол. Несмотря на то что царь завещал царство Ферузу, главнокомандующий Бурбулит выступил с претензиями на трон от имени своего племянника Фonusа, убеждая народ, что нельзя доверять государственную власть ребёнку: Феруз моложе Фonusа на целых три дня!

Главный визирь Хумо Хобот, правитель провинции Драконабад Надым Великий и командующий армией этой провинции Палахман-Силач потребовали точного выполнения воли покойного правителя. Но управляющий по тайным делам Фискиддин-Подлец, главарь сыщиков Исам-Чуткий нос, правитель провинции Тандыр Хашим-Башка и командующий армией Тандыра Шаламан-Барабан собрали значительные силы; в конце концов, сторонники Бурбулита одержали победу – на троне воцарился принц Фonus.

Оскорблённый этим, Надым Великий, взяв с собой сестру и племянников, перебрался в Драконабад, за ним последовал Палахман-Силач со своими воинами. Вот так и получилось, что Тандыр и Драконабад отделились друг от друга; граница между двумя провинциями стала охраняться.

– Вот уже два года нами правит капризный мальчишка, – Хумо Хобот глубоко вздохнул. – За это время тяжело стало жить простому народу. Новый царь щедро одаривает своих приближённых, им розданы самые изобильные сады, самые знаменитые пастбища, самые щедрые пшеничные поля. Среди музыкантов и поэтов в почёте только придворные подхалимы, другие учёные и деятели искусств в забвении, с ними никто не считается. Прекрасные произведения, запечатлевшие наше славное прошлое, под запретом – их нельзя читать, о них нельзя вспоминать. Страна превратилась в яму для мусора, семь поколений жили в чистоте, нынешние жители похожи на грязных животных. Словом, правление Грязнули Первого не принесло счастья краю и народу.

– Вы сказали «Грязнуля Первый»? – спросил Аламазон. – Кто это?

– Это новое торжественное имя того самого Фonusа, – ехидно улыбнулся старик. – Закончилось правление Светлоголовых, при котором страна процветала, началась эпоха Грязнуль, бесплодная и позорная.

– Народ, семь поколений которого жили в чистоте! – с расстановкой повторил Аламазон и задумался. – Семь поколений...

СТРАНА ГРЯЗНУЛЬ

В тот день, когда в борьбе за трон победили сторонники Бурбулита, Мاستон-ханум, вне себя от радости, кинулась к принцу Фonusу, принялась его ласкать, целовать.

– Завтра утром на тебя наденут венец, миленький мой, – начала она разговор, в то же время вытирая платком нос Фonusу, с этих пор уже Светлоголовому Шестому. – Теперь все тебе будут кланяться, сгибаясь пополам, а ты будешь заирать нос. Стой перед ними, гордо выпрямившись, ладно?

– Дядя тоже будет кланяться мне? – с удовольствием переспросил Фonus.

– Бурбулит, что ли? – пренебрежительно уточнила мать.

– Если прикажешь, будет ноги тебе целовать!

Потом Мастон-ханум напомнила, что перед коронаванием следовало бы хорошенько вымыться в бане. Фonus расстроился. «Умру, а не пойду в баню!» – объявил он. Мать уговаривала упряма: «Стыдно ведь будет предстать перед людьми в таком виде, вымой хотя бы лицо и руки». Фonus упёрся: «Если царю надо мыться, не хочу быть царём!» Мать всполошилась. Во время спора вошёл Бурбулит.

– Сказано «мыться», значит, мойся! – сказал он племяннику грозно (пусть сестра увидит, что между речами мужчины и женщины такая же разница, как между скакуном и ослом). – Завтра будем короновать тебя, шалопай!

– Иди, куда шёл! – внезапно гаркнул на него Фonus. – Надену венец, прикажу тебе целовать мои ноги!

Бурбулит, человек хладнокровный и надменный, все же слегка растерялся от неожиданности. Он ясно понял, что хотя перед ним стоит мальчишка-шалопай, но ведь завтра он станет царём... Куда денешься? Будешь целовать его грязные ноги!

– Что вы, племянник мой? – Бурбулит тотчас понизил тон и впервые в жизни обратился к мальчишке на «вы». – Я же попросту, по-родственному. Хотите – мойте, не хотите...

– Не хочу!

– Молодец! Вот это по-царски! – Бурбулит с фальшивой улыбкой обернулся к Мастон-ханум. – Вы ещё убедитесь, сестра, из моего племянника выйдет такой владыка, какого наш древний Юлдузистан ещё не видел, да и в будущем не увидит!

Эти слова слегка смягчили Фonusа.

– Может быть, сделаю вас главным визирем, – бросил он небрежно.

– Почему «может быть», миленький? – с лёгким укором сказала сыну Мастон-ханум. – Разве не знаешь, сколько сил положил твой дядя, чтобы посадить тебя на трон? Если он сказал «умойся», так это от любви к тебе. Чтобы придворные над тобой не посмеялись – вот чего он хочет!

– Посмеялись? – на всю дворцовую палату заорал Фonus. – Тогда я их всех в грязи перемажу!

На следующее утро он и начал...

Едва завершилось коронавание, еще не усевшись как следует на трон, новый правитель огласил первое повеление. Было оно очень короткое: «Стереть с лица земли все бани провинции!» Вельможи и придворные мудрецы, не поняв, какую пользу могут принести государству столь решительные меры, начали бурные обсуждения царского повеления, но Фonus не дал им разговориться.

– Молчать! – заорал он, чуть не свалившись с трона. – Всем запомнить: сегодня я ещё промолчу; но с завтрашнего дня пусть на глаза мне не показывается ни один чистюля! Это раз. Второе: теперь я не принц Фonus, не Светлоголовый Шестой, а Грязнуля Первый! И чтоб вы меня так называли! Всем ясно?

Вопросов ни у кого не было. Только что занявший должность глазного визиря Бурбулит изменился в лице, но тут же низко поклонился владыке.

Успокоившись за дворец, правитель решил позаботиться и о простом народе. Скоро десятки глашатаев были посланы на базары и площади, где и принялись во всё горло изъяслять царскую волю:

– Э-эй, э-эй! Люди! Учёные и невежи, неудачники и счастливики, пастухи, дышащие навозом, женщины, дышащие цветами, слушайте и не говорите, что не слышали! Высокородный Грязнуля Первый, заботясь о своих подданных, с нынешнего дня полностью освобождает их от тяжкой повинности умываться и купаться. Если кто-то отвергнет эту милость и своей чистоплотностью оскорбит царские щедроты, то будет заточен в тюрьму и бит палками, пока не образумится. Тот негодяй, что будет схвачен во время купания или умывания, как опасный бунтовщик, будет брошен в затхлую темницу. Э-эй, э-эй!

Дворцовые вельможи не спали всю ночь. Спеша обогнать друг друга, они делали все, чтобы выглядеть почумазее. Они предвидели: кто сильнее обезобразит себя, тот и привлечёт больше внимания правителя! Один без усталости валялся в жидкой грязи, другой сначала вымазался клеем, а уж сверху присыпал пыль, третий по грязному телу попытался вывести ещё узоры при помощи сажи. Конечно, разрисовать себя сажей легче было бы после купанья. Ну, а как сыщики застигнут тебя во время купанья, ещё не разрисованного? Разбираться не станут... Вон они, всюду рыщут, готовые за объедки со стола владыки мать родную продать!

На следующий день придворные, точно вороны, уставшие копаться в грязи, один за другим явились во дворец и предстали перед очами повелителя.

– Вот теперь мы все одинаковы, ув-ув-ув! – расхохотался Грязнуля Первый, как будто, высоко подняв морду, взвыл волк. – Теперь нет причины друг над другом смеяться. Ув-ув-ув...

По своему положению Бурбулит занял место поближе к трону, с правой стороны. Растянув в ухмылке толстые, исцарапанные углем губы, он с почтением склонил голову. Остальные, чуть не задевая чумазами носами пол, все кланялись и кланялись. Затем придворный поэт Дутари, успевший за одну ночь обратить себя в подобие чёрного дрозда, сделал несколько шагов вперёд, вновь поклонился царю и отважился произнести:

– Если будет дозволено, я прочитаю стихи, сложенные мною в честь нашего жасминноликого пресветлого царя!

– Ну, читай! – Грязнуля Первый разомлел от удовольствия.

Дутари достал из складок своей многослойной чалмы листок бумаги, поцеловал его, начал читать своё творение:

– Твоё лицо, вовек не мытое, прекрасно...

По своему обычаю, после первой строчки поэт сделал паузу, ожидая, когда посыплются похвалы. Однако, заподозрив в этой строке оскорбительный смысл, столпы государства стояли растерянно, не произнося ни слова. Первым опомнился Бурбулит: «Хвала!» – воскликнул он и подмигнул тем, кто стоял внизу, как бы говоря: «Ну, смелее!»

Дутари прочёл вторую строку:

– И тело, плесенью покрытое, прекрасно...

Главный сыщик, Исам-Чуткий нос, тотчас откликнулся шепотком:

– Молодец!

– Вот это да! – добавил полководец Шаламан-Барабан.

Воспрянув духом, Дутари с наслаждением прочёл последнее двустишие:

*– Чудесно гадок ты, как справа, так и слева:
Твоё открытое, закрытое – прекрасны!*

Государственные мужи на этот раз закричали все вместе, уверенно и смело:

– Хвала!

- Замечательно!
- Восхитительно!

Высокопоставленные люди очень быстро приспособились к новому порядку. Однако тот простой народ, который аристократы презрительно именовали «стадом», оказалось чрезвычайно трудно приучить к нечистоплотности. В начальную пору «перевоспитания» тюрьмы и темницы были полны узников. Те из них, кто «раскаялся», быстро освобождались, на их место пригоняли новые группы упрямцев, которых безжалостно били палками.

Через год большая часть населения в полной мере пользовалась новыми милостями царя. Были и такие, что не пожелали покориться судьбе – они всё ещё томились в тюрьмах.

– Вы могли бы уехать вместе с Надымом Великим в Драконабад, – удивился Аламазон, выслушав этот длинный рассказ.

– Уехали бы лучше, господин Хумо, – вставил словечко Ишмат.

– Если б вы видели, как принц Феруз упрашивал меня поехать вместе с ними, – с грустью вспоминал час разлуки старик. – А я мучился, не имея возможности открыть ему, почему я должен остаться здесь...

Старик встал и подошёл к стенной нише, взял с полки растрёпанную книгу с пожелтевшими страницами из шершавой серой бумаги; видимо, книга была написана в те времена, когда люди ещё не умели делать гладкую бумагу для письма...

– Именно вот эта книга обязывает меня оставаться здесь, – сказал старик. – Её написал Маджиддин Равшани-Светлый, один из наших предков, пришедших в Юлдузистан из Светлого мира. Она называется «Книга скорби».

ПЕРВОПРОХОДЦЫ

За неделю до смерти Светлоголового Пятого, когда Хумо Хобот выходил из дворцовой бани, истопник подал ему растрёпанную книгу.

– Нашёл её в старой, брошенной и развалившейся хижине, – сказал истопник. – Похоже, что древняя книга.

Едва глянул главный визирь на первую страницу, тут же воскликнул: «Из-зумительно!», а на другой день приказал наградить истопника нарядной одеждой...

Хумо Хобот сперва подробно ознакомился с книгой, изучил её содержание, а когда осознал, что может и сам ответить на некоторые её вопросы, решил сообщить о редкостной находке царю. Но внезапная смерть владыки помешала этому.

Пока не отыскалась эта книга, Хумо Хобот, как и другие юлдузистанцы, полагал, что огромная пещера, где он родился и вырос, и есть вселенная. Теперь же он понял, что был всего-навсего неразумным существом, блуждающим в огромной овчарне...

После того как старик поговорил с мальчиками о Светлом мире, где они живут, об их скитаниях по подземным лабиринтам, он ещё более уверился в необычайной ценности книги. Сведения о природе Светлого мира, о проходах и подземных залах Мёртвой пещеры, о сдвигающихся скалах Горячей пещеры, совпадали с тем, что было сказано в сочинении Маджиддина Равшани-Светлого, но то, что мальчики говорили о жизни людей Светлого мира, совсем не было похоже на его сообщения...

Повествование Равшани начиналось так: «Мирно и благополучно жило селение Таштака, но вот на него жадной стаей напали чужеземцы, выкрикивающие угрозы на незнакомом языке...» На первых страницах рассказывалось о том, как несколько детей, которые пасли стадо на склонах гор, убегали от преследования в сторону Мёртвой пещеры, враги пускали в них стрелы, вонзавшиеся им в спины, дети плакали и кричали... Лишь девять из них добрались до пещеры... Далее говорилось, как дети, заметив, что их продолжают преследовать, в страхе ушли в глубь пещеры. Протиснувшись через узкий проход, они очутились в большом подземном зале, где шумел водопад, набрали на коридор, стены которого переливались всеми цветами радуги. Постояли, прислушиваясь к подземному гулу, потом, ища спасения, двинулись всё вперёд и вперёд.

Возглавлял маленькую группу мальчик по имени Джебраил, было ему лет одиннадцать. Он нёс на спине четырёхлетнего брата своей ровесницы Рукии. Малыша звали Мадумаром. Остальные мальчики и девочки лет по девяти-десяти, изнемогая от жаркого дыхания подземелья, следовали за Джебраилом.

В других главах книги рассказывалось, сколько мучений перенесли на первых порах открыватели Юлдузистана. Питались они плодами, зёрнами, яйцами диких птиц. Только во сне могли увидеть свежее испечённую лепёшку. Малыш Мадумар плакал и просился к маме...

Когда дети обнаружили чудесные свойства горячих родников и зеленоватых камней, дела пошли на лад. Теперь они могли есть варёными мясо и яйца, а главное – печёный хлеб. Но разве люди живы только едой? Осиротевшие изгнанники без конца вспоминали своё селение, дома которого враги сравнивали с землёй, плакали о потерянных навсегда родителях, сестрах и братьях, проклинали бестолковых правителей, которые не смогли защитить страну от набегов.

– А ведь теперь у нас нет царя, – заметил как-то один из мальчиков. – Так не бывает...

Тогда Мадумар, самый маленький, гордо выпрямился и, картавя, сказал: «Я царь!» Все расхохотались. А Джебраил удивил всех. Он вдруг заявил:

– Давайте выберем его царем. Всё равно, мы же его кормим...

С тех пор и пошла забава. «О, мой царь, если б вы разрешили поохотиться на фазанов!» – умолял один, став на колени перед малышом. «Рыбу будем есть сырой или варёной?» – склонив голову, смиренно спрашивал другой, «царь» отвечал: «Подайте мне варёную!» – и все покатывались со смеху.

Иногда девочки, усадив малыша на огромный валун, начинали танцевать вокруг, спрашивали, хихикая: «Разрешите ли немножко отдохнуть, ваше величество?» Не подозревая подвоха, малыш важно кивал головой.

Однако эта забава плохо кончилась. Когда Мадумар подрос и мог бы сам добывать себе пропитание, он не захотел лишаться трона. Джебраил, который к этому времени женился на его сестре Рукие, стал на его сторону и вынудил всех остальных подчиниться. Так появился в Юлдузистане настоящий правитель...

На следующих страницах Равшани сообщал: через двадцать лет пребывания в Юлдузистане он создал алфавит из тридцати букв и начал учить грамоте своих и чужих детей.

Надежда вернуться в Светлый мир долго не оставляла юлдузистанцев. Сколько расщелин, трещин в скалах они осмотрели, обследовали! Но прохода на поверхность земли так и не нашли. Покорились судьбе и поклялись ничего не рассказывать о Светлом мире своим детям, чтобы те не терзались всю жизнь тщетным стремлением вернуться туда, к людям...

Равшани заканчивал свою «Книгу скорби» такими словами: «Есть за пределами Юлдузистана вселенная, необъятная, как человеческая мечта; край, где мы живём, лишь частица того мира, крохотная, как пшеничное зерно. И все же я не теряю надежды: явится в страну могучая сила, которая сумеет открыть путь в Светлый мир».

Маджиддин Равшани был первым человеком, который подумал о будущем детей Юлдузистана, о том, что с течением лет появятся сотни новых семей и подземное пристанище делается тесным для всех. Этим обстоятельством он был серьёзно озабочен...

ОТКРЫТИЕ ИШМАТА-ТОЛСТЯКА

– Значит, в настоящее время путь в Светлый мир один, – закрыв «Книгу скорби», Хумо Хобот задумался. – И этот путь – через Горячую пещеру.

– Этот путь был, – безнадежно покачал головой Аламазон. – Теперь он закрыт.

– Горячая пещера закрылась и тогда, когда там прошли первые поселенцы, – напомнил старик. – Для вас она открылась вновь... И так будет снова – через двенадцать лет.

Ишмат оторопел.

– Ай-яй-яй! – завопил он. – Как же так! Да нам через два месяца в школу надо, господин Хумо!

– Куда спешить? – усмехнулся Хумо Хобот. – Допустим, что через двенадцать лет Горячая пещера снова раскроется. Это еще не значит, что вы сможете пройти в Светлый мир...

... Оказывается, зелёная глыба камня над Горячей пещерой каждые двенадцать лет перегорает. Учёные дворца точно предсказывали этот день по «Таблицам Маджиддина», а население страны знало о его приближении и без таблиц, потому что незадолго до разогрева зелёной глыбы все животные и птицы, обитающие здесь, начинали беспокоиться и подыскивать себе убежище. По их примеру люди тоже укрывались в домах, в страхе и нетерпении ожидая, когда окончится это огненное чудо...

Поток света, который изливала на страну самая яркая звезда Юлдузистана – Мать-Звезда – обычно передвигался к верхней части реки и угасал, когда касался водопада. А в день, когда разгоралась зелёная глыба, этот поток лучей в своём движении достигал верхних постов Горячей пещеры. И тогда страну заливал такой ослепительный свет, что дети, видевшие это явление впервые, начинали кричать, боясь, что всё вокруг охвачено пожаром. Так продолжалось несколько минут, потом сияние, озарявшее весь Юлдузистан, постепенно угасало.

– Почему раскаляется зелёная глыба, когда на неё падает поток лучей? – вслух размышлял Хумо Хобот. – Не она ли является той силой, которая раздвигает скалы?

– Вот именно! – воскликнул Аламазон. – Она же нагревается, и, значит, расширяется! Спорю на что хотите, что именно зелёная глыба раздвигает каменные стены!

– От тепла – расширяется? – удивился старик.

– А как же! Потом, остывая, сжимается!

Это же из физики известно. Можно поставить опыт: забить в доску два гвоздя, чтоб между ними точка в точку поместилась копейка. А потом возьмите монету, нагрейте – она уже не пройдёт между гвоздями.

Хумо Хобот, услышав это, понял: мальчики из Светлого мира всё равно что зрелый ученый Юлдузистана. Дотемна вёл он беседу с молодым коллегой, используя знания Светлого мира, разобрались во многих таинственных явлениях, присущих природе Юлдузистана.

Ишмату казалось, что он опять в школе, он начал зевать и вскоре засопел, погружившись в сладкий сон.

... В огромной пещере, которую люди называли впоследствии Юлдузистаном, жизнь кипела и до их прихода, а основой её были Мать-Звезда и вода.

Мать-Звезда представляла собой отверстие в толще каменного потолка; через него проникали в пещеру лучи солнца; причём расположение и размеры отверстия позволяли лучам проходить вдоль реки в сторону Горячей пещеры и угасать, едва приблизившись к пластам зелёного камня.

Отверстие пропускало лишь узкий поток лучей солнца или луны, а река превращала его в сияние, освещавшее всю пещеру, и вот каким образом. На поверхности воды играли светлые блики, они отражались в крупных кристаллах драгоценных камней (возможно, алмазов), усеивающих каменный потолок пещеры – отражались, тысячекратно преломлялись, превращая таким образом бледный сноп лучей в безмерное сверкание.

Когда через Мать-Звезду начинали падать лучи Солнца, горизонт Юлдузистана розовел, когда это были лучи луны, каменный свод казался пепельно-серым, если же в Светлом мире наступала ночь, то зелёная глыба над Горячей пещерой отдавала Юлдузистану скопленный ею свет.

Очень чувствителен к свету был неизвестный минерал, из которого состояла зелёная глыба. Разбуженный лучом, он словно потягивался с исполинской мощью, раздвигая каменные пласты вокруг себя. Однажды, когда свет исчез, глыба, сжимаясь, оторвалась от верхних слоев и, словно тубетейка на голову, «села» на нижнюю скалу. Её передвижения заставили треснуть скалу – так и получились чудесные каменные ворота Горячей пещеры, которые открывались и закрывались через определённое время.

Однако и через раскрытые ворота не было возможности выбраться из Юлдузистана в Светлый мир – ведь надо было миновать зелёную глыбу, настолько раскалённую в этот момент, что всякий, кто приближался к ней со стороны Юлдузистана, рисковал обратиться в пе-

пел, не успев ещё и войти в проход. Но если человек шёл со стороны Светлого мира, его спасало то обстоятельство, что зеленая глыба была от него на некотором расстоянии, помогала ему вырваться из лап смерти и тёплая вода, струйками сбегавшая по стенам прохода. Видимо, один из многих потоков, которые сбегали со скал по вековым расщелинам и соединялись, образуя водопад Горячей пещеры, где-то на пути встретил каменную преграду и превратился в озеро. Когда же каменные ворота закрывались, вся вода, скопившаяся в озере, бурным потоком проливалась на зелёную глыбу и охлаждала её. Часть воды, струясь по каменным стенам, испарялась. Тогда поток возвращался в прежнее русло...

... Ишмату приснилось что-то страшное, он, вздрогнув, открыл глаза. Хумо Хобот и Аламазон в это время пытались разобраться – почему же лучи солнца достигают зелёной глыбы только один раз за двенадцать лет. Услышав разговор, Ишмат, ещё сонный, вставил словечко:

– Мой покойный дед говорил, что человек каждые двенадцать лет проходит один свой мучал...¹

И, словно давая понять «я все сказал!», вновь накрыл голову и захрапел.

Аламазон глянул на него и, наблюдая, как мерно опускается и вздымается одеяло в такт дыханию беззаботного приятеля, глубоко задумался.

Как-то раз он случайно слышал разговор стариков, сидевших в чайхане, их сосед, Баки-Болтун, рассуждал про мучал. Так что же он тогда говорил? Кажется, так: «Люди, жившие прежде нас, не были глупцами. Они не зря составили двенадцатилетний мучал. Прошли века, прежде чем выяснилось, что они были правы. Тут всё дело в Юпитере – есть такая планета».

– Ты сделал большое открытие, Ишмат! – закричал Аламазон, расталкивая сонного приятеля. Тот начал растирать кулаками глаза, но Аламазон, уже забыв про него, обратился к Хумо Хоботу:

– Понимаете, Юпитер совершает свой оборот вокруг солнца за двенадцать лет. Ведь так, господин Хумо?

– Допустим, так, – осторожно сказал старик, чтобы не сбить его с мысли, – а что потом?

– Вот потому и наша зелёная глыба перегорает раз в двенадцать лет! Впрочем, кто знает, может, есть и другая причина...

Перед сном Аламазон вышел из хижины немного прогуляться. Долго смотрел на Мать-Звезду, которая какой-то крохотной частью лунного света умудрялась освещать всю пещеру. Этот свет – оттуда... Ему было и грустно, и приятно. Но что же делать? Даже если сложить в одну кучу все камни Юлдузистана, и то не добраться до этой дыры – окна в Светлый мир! Но неужели нет какого-то другого выхода из пещеры? Предположим, птицы залетели сюда через отверстие в потолке. А животные? Эти козы, овцы, наконец, этот осел? Может, когда-то здесь существовал проход, но после землетрясения его завалило камнями?

Было слышно, как в реке играет рыба, кеклики – каменные куропатки начали залиристо петь...

КАК ОСЁЛ СТАЛ БОГОМ

Хумо Хобот и его гости завтракали, когда со двора послышался излюбленный возглас Заячьей губы «хых-тьфу!»

– А ну-ка, быстрее собирайтесь, негодники! – крикнул он. – Сейчас же отправляемся в Тандыр!

Взяв узелки, мальчики вышли во двор. В дверях показался Хумо Хобот с книгой в руках.

– И я переезжаю в Тандыр! – торжественно объявил он. Аламазон понял: здесь, у Горячей пещеры, старику нечего больше делать.

Заячья губа поинтересовался трофеем, захваченным у шпионов (карманным фонариком), старик ответил, что выбросил его в речку, опасаясь вредного воздействия диковинки.

– Хых, тьфу! До чего же ты трус, старый! – разозлился Заячья губа.

¹ Мучал – двенадцатилетний цикл летоисчисления у народов Востока; каждый год цикла носит название какого-либо животного.

Хумо опустил голову. Стражник сделал знак, чтобы они прошли вперёд.

– А ну, пошли, оп-па!

– Оп-па! – вторил Кроличий глаз.

Шли по берегу реки. Заросли кустарников, плодовые сады и пшеничные поля остались позади. Приблизились к Чёрной щели. Уселись отдохнуть под развесистым деревом, похожим на чинару. Ишмат робко обратился к Заячьей губе:

– Можно, я пройду вон за тот бугор?

– Что ты там забыл? – оборвал его длинный.

Ишмат, тараща глаза, погладил свой живот, круглый, как арбуз.

– Что ж ты не сказал: «Есть кое-какие делишки?» Балбес! – ухмыльнулся Кроличий глаз.

– Ну, иди, оп-па!

Ишмат ещё не успел скрыться за бугром, когда к путникам приблизился, волоча по земле конец сабли, подвешенной к поясу, низкорослый человечек, на огромной, точно котёл, голове его была грязная, ветхая чалма. Оказалось, это Кадыр-Коротышка, начальник пограничной заставы у Чёрной щели.

Стражники вскочили и, поклонившись, сообщили, что они препровождают пленников из Драконабада в Тандыр.

– Всё ещё живой, оказывается, – глянув на отдыхающего Хумо Хобота, поморщился Кандыр-Коротышка. – Куда это вы направляетесь с такими чистыми ногами, что смотреть противно? Не в тюрьму ли? Там вроде бы постель не пригодится?

Хумо Хобот поглядел на Коротышку с насмешкой.

– Знакомый голос, – сказал он. – Не ты ли года два назад массирувал мои ноги, громогласно восхваляя меня?

– Ну ты, старик! – крикнул Кандыр-Коротышка, хватаясь за саблю, но почему-то так и не выдернул её из ножен – замолк.

Губы его вздрагивали.

– Да вы не обращайте внимания на этого безумца, начальник! – заискивающе заметил Заячья губа и, добавив «хых-тьфу!», отошёл в сторону.

– Сумасшедший – он сумасшедший и есть! – угодливо подтвердил Кроличий глаз.

Кандыр-Коротышка, чтобы окончательно успокоиться, достал из-за пазухи табакерку, сделанную из тыквы-горлянки, насыпал на ладонь щепотку насвая¹ и протянул табакерку Заячьей губе, промолвив: «На, угощайся». Заячья губа, заложив насвай под язык, уставился на табакерку, украшенную перламутровыми зубчиками.

– Мастер Халил, видно, сработал... – пробормотал он.

– Недавно сделал и подарил мне, – подтвердил глава стражников. – Прежнюю-то я, видно, в речку уронил.

Аламазон вспомнил, где-то он видел такую табакерку раньше. Но где именно? И это бы он вспомнил, если б подумал хорошенько, но тут один из пограничников вдруг заорал во всю мочь:

– Бра-атцы! Смотрите, смотрите! На боге верхом едет! – при этом он указывал рукой на один из холмов.

Все взгляды устремились в ту сторону. Все оцепенели...

Ишмат решил воспользоваться услугами одного из ослов, бродивших меж холмов, однако еле держался на нём, отчаянно цепляясь за гриву. Дело в том, что непривычное к такому обращению «божество» беспрестанно брыкалось, пытаясь освободиться от своего неверного раба. Кончилось тем, что ноги Ишмата взметнулись в воздух, и он тяжело шлепнулся наземь. Когда Ишмат неуклюже поднялся, потирая ушибленный локоть, и увидел десятки глаз, устремлённых на него с удивлением и гневом, он застыл на месте.

– Хватайте негодяя! – грозно крикнул Кандыр-Коротышка.

Кроличий глаз выкатился вперёд и простёр обе руки в стороны, словно защищая Ишмата, и закричал:

– Погодите, оп-па! Мы должны передать его живым в руки Фискиддина-Подлеца!

Когда прозвучало имя управляющего тайными делами, Кандыр-Коротышка заметно поник.

– Ладно, не троньте! – махнул он рукой. – Его покарает сам создатель.

И снова – в путь.

Когда начались ярко-зелёные луга, путники рассыпались по всей их шири. Аламазон тут же дал знать Хумо Хоботу, чтобы тот отделился от других.

Поправив узелок, повешенный через плечо, Аламазон спросил:

– Как же это осёл сделался у вас богом?

Старик усмехнулся, потом, поглаживая свою чёрную с проседью бороду, начал рассказ:

Как повествуется в «Книге скорби» Маджиддина Равшани-Светлого, в первые дни пребывания в Юлдузистане маленький Мадумар увидел пасущуюся на лугу ослицу с ослёнком и стал сосать её молоко. Старшие дети строго наказали его и прогнали ослицу подальше. Когда же Мадумар повзрослел и был объявлен царём, он, чтобы все навек забыли об этом позорном происшествии, объявил осла богом, и с помощью властного зятя Джебраила заставил всех поклоняться этому нечистому животному. А уж если осла почитали как бога, так Мадумар, отведавший ослиного молока, стал по меньшей мере пророком.

Когда Хумо Хобот закончил свой рассказ, в звёздном мерцании, в сияющем тумане уже показались очертания дворца и других зданий – их стены переливались как радуга. Подходили к Тандыру...

Прежде чем войти в город, путники остановились у заброшенной чабанской хижины.

– В таком виде стыдно провести вас во дворец, – пробурчал Заячья губа. – Экие чистюли! На людей не похожи. Запачкайтесь, может, тогда вас не бросят в темницу, а просто запрут на замок. Хых-тьфу!

– Вы понимаете, что такое темница, а, сорванцы? – начал запугивать ребят Кроличий глаз. – Я скажу вам: там сыро и совершенно темно!

– Город-то уже вот он. Когда же я успею перепачкаться? – услышав о темнице, Ишмат, не посоветовавшись с Аламазоном, начал беспокоиться о своей шкуре...

¹ Насвай – особо приготовленный табак, который закладывают под язык.

– Это не трудно, лоботряс, – сказал карлик покровительственно. – Если натрёшься вон той травой, вмиг станешь красивой нас.

Ишмат торопливо вырвал пучок травы, натёр ею руки и лицо, кожа его приобрела цвет заплесневелой тыквы.

– В темнице, наверное, и есть не дают, – повернул он к Аламазону свою печальную образину. – Ну, что такого – немного попачкаться? Давай я и тебя натру травкой...

«Этот трус всё равно им покорится, – глядя на хнычущего Ишмата, подумал Аламазон. – Как бы и меня не предал! Без него как-нибудь обойдусь».

– Я знаю, что ты плохо переносишь голод, – сказал он, не выдавая своего огорчения. – Ты натришь, а я... посмотрим ещё.

Ишмат ещё поколебался, потом, сняв рубашку, принялся за дело. Скоро он стал похож на безволосую обезьяну бурого цвета. И, глядя на Аламазона, пробурчал: «Не хочешь – пеняй на себя!» Аламазона разбирал смех, но почему-то было жалко Ишмата.

Когда стражники снова начали их торопить, Хумо Хобот объявил, что он в Тандыр не пойдёт, а останется здесь, в заброшенной чабанской хижине.

– Как-нибудь проживу, – сказал он, прощаясь с Аламазоном. – Может, и не дождусь уже счастливых дней...

Сын Светлого мира был настроен бодро.

– Обязательно дождётесь, господин Хумо, – сказал он, хитро улыбнувшись. – Даю слово, что народ, живший в чистоте на протяжении семи поколений, я от грязи спасу!

Хумо Хобот долго с любовью смотрел на чистого сердцем, смелого мальчика.

– Будет трудно, может быть, опасно, но я не имею права отговаривать тебя, – с надеждой глянув на Аламазона, сказал старик. – Прежде всего надо во что бы то ни стало подорвать авторитет Грязнули Первого. Если народ начнёт смеяться над своим владыкой, он не задумается и сбросит этого и начну, – уверенно, будто народ Юлдузистана только и ждёт его указаний, заявил Аламазон.

Обнявшись, они с Хумо Хоботом простились.

«Как хорошо – избавлять людей от тиранов, – думал, шагая по дороге, Аламазон. – Я буду избавителем, вождём угнетённых. Я – Спитамен! Я – Спартак!»

Сердце его было охвачено счастьем – возглавить народ в борьбе за свободу разве не счастье? Это куда лучше, чем одарить небольшую группу людей золотом, как он мечтал раньше.

– Выше голову! – он подтолкнул плетущегося с несчастным видом Ишмата. – Священный поход продолжается. Впереди – Тандыр!

ГРЯЗНУЛЯ ПЕРВЫЙ

Весть о том, что пойманы два шпиона из Драконабада, обрадовала Фискиддина-Подлеца. Ведь основная часть населения уже примирилась с грязью; если и находился кто-то, всё ещё преданный чистоте, владыка не обращал внимания на такие мелочи, потому всё меньше интересовал его управляющий тайными делами.

– Шпионы! Это уже другой разговор! – Фискиддин потирал руки. – Я теперь покажу, кто я такой! Они без меня все пропадут – и властитель, и весь его двор!

Да, вовремя подоспело это дельце. В большом зале дворца как раз шло пиршество в честь того, что у владыки прорезался коренной зуб.

Фискиддин ворвался в зал и услышал две последние строки нового стихотворения Дутари, написанного в форме классической газели:

*– Эй, Дутари, не мать свою так сильно должен ты любить,
Твоя защита и оплот – Грязнуля Первый, славный царь!*

Повсюду в зале были расстелены и накрыты богатые дастарханы; столпы государства, сидевшие вокруг них, беспрерывно жевали всевозможные лакомства, слушали они или не слушали чтение Дутари, но все дружно восклицали: «Хвала!», «Молодец!»

Увидев, как распалённый гневом управляющий тайными делами устремился прямо к владыке, говоря всем своим видом «в стране бедствие, а вам бы только пировать!» – музыканты, настроивавшие свои инструменты, певцы, прочищающие горло перед тем, как запеть, танцовщицы, уже сделавшие первый грациозный шажок на сцену, вдруг попятились назад. Придворные перестали жевать и обратились в слух. Бурбулит, важно восседавший рядом с племянником, собрался было разгладить свои усы и замер, держа меж пальцев кончик правого уса, он устремил хмурый взгляд на Фискиддина. Как, этот наглец решается сообщить что-то царю, не поставив в известность его, Бурбулита?

Встретив этот взгляд, Фискиддин-Подлец понял, что провинился. Низко поклонившись, он чуть не ударился лбом о ступеньки трона, вытаращив глаза, отчеканил:

– Мудрейший и справедливейший из всех правителей нашего царства, высокородный владыка, разрешите пожелать Вам всех благ по милости Священного осла и промолвить несколько слов!

– Ладно, – сказал Грязнуля Первый, утерев нос рукавом, – говори.

– По тайному поручению преданного всей душой благоденствию нашей страны главного визиря господина Бурбулита на всякий случай мною была устроена засада близ Горячей пещеры. Предположение проницательного и предусмотрительного главного визиря о том, что здесь может находиться тайных ход в сторону Драконабада, оправдалось. Именно там мы схватили двух опасных шпионов.

Высказав всё это, управляющий тайными делами покосился на Бурбулита. Главный vizирь, успокоившись от того, что его не обошли, вновь начал разглаживать усы; взгляд его потеплел. Видимо, с него было достаточно – пора вспомнить и о себе. И Фискиддин продолжал, всё более выпячивая свои заслуги:

– Я полагаю, что отлично обученные и подготовленные воины с большим умением и ловкостью совершили поимку двух опаснейших шпионов и тем самым предотвратили смуту, беспорядки и прочие бедствия; считаю, что их несравненное геройство должно быть вознаграждено – по тридцать голов баранов на каждого, так я полагаю!

Грязнуля Первый скосил глаза на Бурбулита. Главный vizирь понимал, конечно, что управляющий тайными делами даст каждому из преданных его величеству воинов только по одному барану, а остальных присвоит, тем не менее он кивнул в знак согласия.

– Ладно, дадим, – сказал, шмыгнув носом, Грязнуля Первый. – Но ты покажи нам этих шпионов!

По знаку Фискиддина дворцовые стражники ввели пленников, нещадно подталкивая в спины и бока. Грязнуля Первый с интересом разглядывал шпионов. Глядя на Ишмата, повеселел. Спросил добродушно:

– С виду ты мальчик неплохой, зачем же это... шпионничать? Делать тебе больше нечего?

Ишмат, поглядывая то на владыку, то на Аламазона, молчал растерянно. Бурбулит прикрикнул на него:

– Его величество тратят на тебя слова. Отвечай, негодник!

И тут вдруг расхохотался Аламазон. Тыча пальцем в приятеля, он сказал:

– Этого? Вот этого считаете шпионом? Да это же Ишмат-Толстяк! В наших местах над ним все смеются, потому что вечно ходит чумазым! Пожалел я его. Дай, думаю, отведу в такую страну, где он подойдёт.

– Я же сказал, что он хороший мальчик! – взвизгнул рязнуля Первый, гордясь своей проницательностью. – У меня голова не работает, что ли?

Обеспокоенный таким дурацким великодушием, Фискиддин решил: «Хоть этого не упущу!» И накинулся на Аламазона:

– Ну, может, скажешь, что и ты не шпион? Нет тебе веры, проклятый чистюля!

– Я шпион, это так.

Управляющий тайными делами, облегчённо вздохнув, развернул плечи и с надеждой посмотрел на Бурбулиту. Тот уже заметил, что Фискиддин-Подлец сильно переживает. Ещё бы, один из шпионов уплывал из рук... Главный визирь, склонившись к владыке, утёр ему нос своим платком и сказал, ткнув пальцем в Ишмата:

– Может быть, этот наглец морочит нас. Шпионы бывают такие пройдохи!

– Да вы посмотрите, дядя, какой он грязный! – Грязнуля Первый упрямо стоял на своём. – Сразу видно – наш человек.

Бурбулит почувствовал: ещё несколько сердитых слов – и племянник пустится в рёв, он тотчас пошёл на попятную.

– Вы правы, ваше величество. Я думал, не проверить ли ещё раз, на всякий случай.

– Идёт! Проверим! – Грязнуля Первый уставился на Ишмата. – Ну-ка, скажи мне, Ишмат-Толстяк, что за человек этот... Надым Великий?

– Этот? – Ишмат, украдкой глянув на Аламазона, ждал, как видно, подсказки. «Справляйся сам!» – намекнул ему прищуренный взгляд Аламазона. Ишмат ещё чуточку подумал и брякнул:

– Он... он... козёл, попавший в баню!

– Ув-ув-ув! – взвыл от смеха Грязнуля Первый, хлопая себя по колену.

Придворные, один за другим, принялись вторить ему на разные голоса:

– Хи-хи-хи!

– Ха-ха-ха!

– Хо-хо-хо!

– Хе-хе-хе!

– И-и-и-и!

Грязнуля Первый всё никак не мог перестать смеяться, смолк, наконец, и тут же надменно спросил:

– А теперь говори: кто я? Я кто такой?

– Вы... вы... Наимогучий, наимудрейший, наилучший мальчик в Юлдузистане! – воодушевлённый первым успехом, во всю мочь гаркнул Ишмат. – Вы великодушно относитесь к таким странникам, как я. Вы наш старший брат!

– Ты что говоришь, мерзавец?! – закричал Бурбулит, ещё не потерявший надежды записать Ишмата в шпионы. – Ты, босяк, навязываешься в братишки правителю, чей несравненный разум повергает в трепет всю страну?

Но его величество был совсем очарован безобразной внешностью Ишмата.

– Оставьте его в покое! – потребовал царь. – Бедняга ищет во мне защитника. А вы хотите его бросить за решётку?

Бурбулит всегда держал нос по ветру. Успел и тут.

– Хвала великодушию государя! – закричал он.

И следом грянул дружный хор: «Хвала!», «Великолепно!», «Несравненно!»

– Поди сюда, Ишмат-Толстяк, – чтобы окончательно сразить всех своим милосердием, владыка обнял Ишмата. – Будем друзьями!

Ишмат, глянув на Аламазона, поёжился от неловкости, а потом неуклюже кинулся на грудь царю.

– Только целоваться не будем, – предупредил Грязнуля Первый, – а то ещё размажем грязь на щеках!

Владыка указал Ишмату, чтобы тот сел у его ног, на краешке ковра и, опершись левой рукой на его правое плечо, обратился к управляющему тайными делами:

– Теперь узнаем, чего хотел настоящий шпион! Фискиддин-Подлец начал с выяснения имени шпиона, прикрикнув заранее: «Говори полное имя!»

– Аламазон-Гульдирамазон, – не задумываясь, ответил хитрец.

– Ну, погоди, проклятый Аламазон-Гульдирамазон, – словно стальными клещами, щёлкая зубами, начал допрос Фискиддин, – отвечай, с какими злыми намерениями прибыл ты в счастливую страну неумывания и некупания?

– Мне поручено украсть корону владыки, – тут же отбарабанил «цель» Аламазон.

– Кем поручено, сознавайся?

– Это поручение принца Феруза.

– Ферузу... пастуший трюх ему, а не корону! – взвизгнул Грязнуля Первый. – Ув-ув-ув!

В тот же миг загремел хор придворных, вторящих правителю. Хохотали до упаду! Управляющий тайными делами тоже ухмыльнулся, но сейчас же вновь принял серьёзный вид и продолжал допрос. Стал выспрашивать, каким же образом шпион надеялся исполнить поручение. Аламазон рассказал, что собирался в самую глухую пору ночи проскользнуть мимо дворцовых стражников, схватить корону и убежать.

– Теперь вы поняли, почтенные господа, как опасен этот шпион? – горделиво приподняв бровь, спросил управляющий тайными делами, обращаясь к придворным. – Если царь страны счастливых останется без короны, мир сотрясётся! Но разве только это могло случиться в такую страшную ночь? Этот коварный шпион мог бы...

Фискиддин оборвал свою речь, многозначительно глянув на царя. Затем, снова обращаясь к придворным, продолжал:

– Да, он мог зарезать самого владыку!

– В тюрьму!! – вытаращив от страха глаза, завопил Грязнуля Первый. – Скорее! В тюрьму его!

Когда два здоровенных стражника вели Аламазона меж остриями своих копий к выходу из зала, Ишмат, глядя ему вслед, чуть не заплакал. Хоть он и натерпелся из-за Аламазона, но всё же любил своего отважного друга.

НЕЛЁГКИЙ ПУТЬ К СВОБОДЕ

Стражники поленились возиться с верёвочной лестницей, приоткрыв решётку, закрывающую люк, толкнули Аламазона – и он полетел вниз, в подвал. Грохнулся на подстилку из прелого сена, сел, скорчившись, и стал растирать ушибленное колено.

Глаза его, не привыкшие к темноте, ещё ничего не видели, когда рядом послышался хриплый голос:

– Ты кто такой, несчастный?

Аламазон назвал себя с гордостью, как будто его имя уже было известно всему Юлдузистану.

– Фу-ты, ну-ты, угодил в тюрьму, а нос задираешь до неба!

Аламазон различил какую-то тень, прислонившуюся к стене, определил, где голова по тому, как сверкнули глаза. Тень продолжала:

– Нечего важничать, иди-ка сюда! У меня ноги затекли, давай, разотри их.

– Сначала со своей ногой справлюсь, – спокойно и твёрдо сказал Аламазон.

Пониже глаз, светившихся в темноте, как у кошки, сверкнули зубы – тень усмехнулась.

– Не знаешь, как приземлиться, зачем летал?

В темнице раздался смех. Аламазоновы глаза уже начали кое-что различать, обернувшись, он увидел лежащих на полу ещё двоих узников. Похоже, что все они были не старше его самого. И тогда он начал смеяться вместе со всеми. Потом стали знакомиться.

– Вас-то как зовут? – спросил Аламазон.

– Какое у сироты имя? – отозвался обладатель занемевших ног. – Сколько помню себя, кличут «Ушастый». Нос-то у меня подкачал, коротенький, зато уши ничего себе. А вон те – братья. У старшего прозвище Чувяк, у младшего – Например. Все мы сироты.

Оказывается, все трое были бродячими музыкантами – ходили по свадьбам, пирушкам, что зарабатывали, делили поровну. Жили в хижине, сложенной из камней. Да вот беда – от грязи кожа стала зудеть. Полезли купаться в сай, а сыщики не дремлют! Всех троих и застучали...

– Когда нас сюда бросили, тут народу было битком набито. Я этим хочу сказать, что если захочешь сплюнуть – приходилось вставать и плевать на то место, где ты сидел! – брезгливо

сморщившись, вспоминал Ушастый. – На счастье, они покаяться, их и выпустили. Хоть дышать есть чем...

– А вы почему не раскаялись? – спросил Аламазон.

– Говорят, что для этого мало слов – надо поцеловать ногу Грязнули Первого. – Ушастый с отвращением сплюнул. – Что, лизать шкуру этого паршивого кота?

Аламазону это было по душе. Видно, ребята смелы и непокорны. «С такими не пропадёшь!» – подумал он.

Младший, Например, был очень приятный парнишка, весёлый и чистосердечный. Прозвали его не зря – через каждые два слова он повторял «например». От сырости в темнице мальчик немного прихворнул, ночами его мучал кашель, но он и не думал жаловаться на неприемлемость и упорство своих товарищей.

Чувяк, хотя и не такого весёлого нрава, но тоже был смел и правдив. Как объяснил Ушастый, его прозвище «Чувяк» было дано за лёгкую поступь – никто не мог услышать, когда он приходил, когда уходил. Словно всегда в чувяках. Как тень...

... Ночь пришла. Аламазон не спал, думал. Что бы там ни было, а надо пробудить простой и смиренный народ этой страны. Люди жили в чистоте, справедливости, были честны и открыты душой – надо покончить с царством тиранов, барахтающихся в грязи! Короче говоря, народ, бывший чистоплотным на протяжении семи поколений, следует избавить от грязи!

Что для этого нужно?

Аламазон вспомнил прощальные наставления Хумо Хобота. Прежде всего требовалось подорвать авторитет Грязнули Первого. Если настроить людей против него, дальше дело пойдёт...

Утром Аламазон предложил своим друзьям-сиротам – надо как-нибудь выбраться из тюрьмы. Бежать!

– И куда же ты побежишь? – Ушастый не одобрил предложение Аламазона. – Самое большее – через неделю снова угодишь сыщикам «на зубок». Я что хочу этим сказать? Нет в этой стране укромного уголка, вот что...

– Это почему? – вмешался в разговор младший из сирот. – А вот, например, тот колодец – Уракудук?

– Умница, Напримерчик! – обрадовался Ушастый. – Надо же, я совсем забыл о нем!

Оказывается, когда музыканты однажды возвращались со свадьбы, на каменистом берегу реки Чувяк угодил ногой в какую-то щель. Мальчики стали рассматривать её. Яма узкая – едва протиснется один человек, но дальше она расширялась, на дне её легко могли улечься человек пять-шесть.

Ребята прикрыли отверстие Уракудука большим плоским камнем, на всякий случай...

– Если есть такое отличное место, что мы тут прохлаждаемся, в этом хлеву? – подначивал приятелей Аламазон. – Надо поскорей уносить отсюда ноги!

Как бежать? Все трое ломали над этим головы. Ногтями, руками проход не выроешь. Даже если найдётся какой-то инструмент, это дело долгое.

Вдруг Аламазона озарила идея.

– Нашёл! – вскрикнул он, толкнув в бок Ушастого. – Ты встанешь на плечи Чувяка, а я – тебе на плечи!

– Чтоб я сдох – зачем это? – ошолбенело поглядел Ушастый. – Я хочу сказать, зачем ты влезешь мне на плечи?

– Не хочешь – ты влезешь на мои, – засмеялся Аламазон. Но помни: чем выше заберёшься, тем больнее можно упасть!

Решив, что это шутка, Ушастый тоже засмеялся. Но Аламазон затевал свой акробатический номер всерьёз и вовсе не шутил. Он всё обдумал.

Темницу, видимо, строили наспех, когда обнаружилось множество преступников: яма была неглубокой. Аламазон прикинул: если трое, подобно акробатам, станут друг другу на плечи, верхний дотянется до решётки люка. Когда стражники вталкивали Аламазона в подвал,

он успел заметить, что у решётки не было никаких замков, а верёвочная лестница, привязанная к краю решётки, подоткнута под него и лежит на земле, сложенная кольцами.

– Тот, кто будет верхним, сможет ухватиться и втянуть лестницу внутрь, тогда дело будет сделано, – убеждал Аламазон. – Взберёмся по ней, а уж решётку сдвинуть – пустяки!

Любоваться играми акробатов приятно, но вот самим очутиться на их месте... Целый час пытались – и так, и этак, все оказались в синяках и ссадинах. Держась за стену, они могли стать на плечи друг другу, это получалось. Потом нижний начинал шагать к люку, находившемуся посреди потолка темницы, и тут нее живая пирамида рассыпалась на три части. Особенно больно было падать Аламазону – он был верхним. Ушастый, бывший средним, жаловался, что он выше Чувяка, но втайне радовался тому, что ниже Аламазона...

К вечеру они почти научились сохранять равновесие. Казалось, еще немного потренируются – и достанут до решётки без падений. Но сил уже не было, акробаты один за другим повалились на соломенную подстилку.

– Спорю на что хотите: ещё немного поупражняемся – и всё будет в порядке, – старался поднять настроение приятелей Аламазон. – Мы выйдем на свободу!

И кому бы пришло в голову, глядя на обессиленных узников сырой и зловонной темницы, увидеть в них героев, которые в скором времени поставят всё вверх дном в огромной стране?

ОПАСНЫЕ СОПЕРНИКИ ДУТАРИ

Мастон-ханум с давних пор мучил сильнейший кашель. Наконец ей немного полегчало. В честь её выздоровления во дворце должно было состояться пиршество.

Услышав об этом, Ишмат засиял. «До отвалу наемся шашлыка из перепёлок», – думал он. глотая слюнки.

Как уже вошло в обычай, он появился в приёмной правителя, примостился на краешке ковра и стал раздумывать о предстоящем торжестве. Ишмату вдруг пришло на ум: «Хорошо бы показать перед гостями, каков я есть!» Но как? Он не умел играть ни на каком инструменте, не умел ни петь, ни танцевать. Наконец его всё же осенило, он обратился к царю:

– Ваше величество, – шепнул он, – а что, если я прочту одно стихотворение?

Грязнуля Первый, скосив глаза на стражников, выстроившихся по обе стороны от трона, тоже зашептал:

– Если умеешь сочинять, чего ж молчал? Научи и меня, Ишмат-Толстяк!

– Ладно! – не колеблясь, согласился Ишмат. – В таком случае идёмте в спальню.

В спальне царя было выделено место и для Ишмата. Именно там, на грязных одеялах-курпачах, они и расположились с бумагой и тростниковыми перьями. Растянувшись поудобнее, погрузились в поэтическое раздумье.

– Я буду диктовать, вы пишете! – Ишмат ткнул пальцем в бумагу. – Вот здесь!

С поэтическим жаром, до сих пор никак не проявлявшим себя, Ишмат помог царю сотворить не очень-то ладное стихотворение. Потом написал другое, ещё хуже, от себя, и посвятил его Грязнуле Первому.

– Моё особенно удалось! – радовался владыка, перечитывая снова и снова кое-как нацарапанные строки. – Прочту его и посрамлю Дутари!

Придворные, приближенные к владыке, как обычно, на торжество не опоздали. Стены пиршественного зала дрожали от рёва карнаев, воплей певцов, беготни танцовщиц, выкриков зрителей. В своеобразную мелодию сливались чавканье, хруст разгрызаемых костей, бульканье разливаемых напитков.

Дутари, который обязан был украшать любое собрание только что созданным стихом, конечно, не мог остаться в стороне на таком оживлённом сборище. Как всегда, он, сладко улыбаясь, вышел на середину зала, и, спросив разрешения владыки, достал бумагу из складок чалмы. Столпы государства, которым он надоел до смерти, с деланным вниманием обратили на него взоры. Поэт глянул в потолок, словно ища вдохновения свыше, затем нараспев стал читать свою новую газель:

*К тебе я в баню не войду, затем, что совесть есть,
Не соглашусь я, хоть убей – в душе имея честь...*

Последнее двестишье газели состояло из следующих громкозвучных слов:

*О мыле навсегда забыв, стал счастлив Дутари,
Готов я свой прославить век – за то, что грязь в нём есть!*

Как обычно, со всех сторон посыпались лицемерные возгласы:

- Хвала!
- Прекрасно!
- Великолепно!

Только сидящие на пиру вздохнули свободно, избавившись от Дутари, как вдруг царь снова поверг всех в уныние, провозгласив: «Теперь черед моего друга Ишмата-Толстяка!»

Делать нечего – придворные снова разразились приветственными криками.

Стараясь шагать с большим форсом, Ишмат вышел на середину, как положено, отвесил сначала поклон Грязнуле Первому, вытащив из кармана сложенную бумажку, начал неторопливо её разворачивать. Потом гаркнул:

– Нашему владыке и покровителю Грязнуле Первому посвящаю!

Опять послышался одобрительный шум. Между тем Ишмат, развернув бумажку, досадливо крикнул, сунул её за пазуху и полез в карман за другой, развернул её и, наконец, стал читать:

*Да здравствует Грязнуля Первый,
Первый Грязнуля да здравствует!
Всех чистоплотных болванов
Пусть бросит он в тюрьмы, пусть властвует!
Да здравствует!!!*

Придворные, словно возжелав, чтобы Дутари помер от зависти, не жалея глоток, выкрикивали похвалы и аплодировали. Когда волна криков и рукоплесканий начала стихать, Ишмат торжественно объявил:

– Его величество также в свободное время увлекается стихами. Черёд самого Грязнули Первого!

Грязнули такие аплодисменты, что зал затрясло. Царь, сидя на троне, улыбался, затем поднял руку, достал из складок чалмы свернутую в трубочку бумагу, стал её разворачивать, с гордостью шмыгая носом.

Развернув бумагу, он уставился в неё глазами, пробормотал; «Посвящаю себе!» и начал читать с запинкой:

*Есть один замечательный мальчик...
М-м-м-м...*

– Хвала, хвала!– воскликнул Бурбулит, утирая платком нос владыке.

Этот мальчик – царь царей!

– Чудесно!– восхитился главнокомандующий Шаламан-Барабан «несравненными», «прекрасными» строками.

Он всегда ходит грязным.

Потому что он всех умней!

– Ай-ай-ай!– от наслаждения сощурился главный сыщик Исам-Чуткий нос.

*Да будет этот мальчик здоров,
А сердца чистоплотных обратятся в прах!*

Управляющий тайными делами Фискиддин-Подлец и недавно назначенный главным судьёй Хашим-Башка одновременно взревели: «Хвала!». Хотя Дутари кричал вместе со всеми «Чрезвычайно прекрасно! Чрезвычайно изящно!», сердце его все сильнее ныло. Эти два нахала не остротой пера, а своим положением могли бы задавить любого поэта, ибо один из них занимает должность подносящего царю ночной горшок, а второй – сам царь. «Чрезвычайно опасно!» – прозвучало в душе Дутари.

После того как Грязнуля Первый кое-как выдал из себя неважный стишок, во дворце послышался такой шум рукоплесканий и возгласов, что эхо его разнеслось повсюду, дошло даже до стражей Чёрной щели и встревожило их. Этот шум услышали Аламазон и его товарищи, которые, перебравшись через реку, приближались к Уракудуку,

Весть о том, что опасный шпион и трое нарушителей порядка сбежали, достигла слуха Грязнуля Первого, когда пиршество уже заканчивалось.

– Разиня! – чуть не плача, кричал владыка на Фискиддина-Подлеца. – Тебе это так не пройдёт!

– Я их схватил, – торопился отвести от себя наказание Фискиддин. – А за то, чтобы их надёжно упрятать, отвечает Исам Чуткий-нос!

– Оба вы растяпы! – визжал Грязнуля Первый. – Теперь оба и ищите! Не найдёте, я вам покажу!

Узнав, что Аламазону удалось улепетнуть, Ишмат почувствовал, что камень с души его упал.

АНСАМБЛЬ «АЙ-ЯЙ-ЯЙ»

Трое братьев во главе с Аламазоном едва добрались до Уракудука, втиснулись в узкий проход и, с трудом переводя дыхание, растянулись на земле. Ещё бы! Столько времени заниматься акробатикой, а потом бежать, бежать, не зная отдыха – у кого хватило бы сил?

Чуточку передохнув, начали вспоминать.

– Эти двое сторожей спали как убитые, – с удовольствием рассказывал Ушастый. – Я хочу сказать, что им за это попадёт!

– Если бы наш Напримечик не споткнулся о бородатого, они и сейчас видели бы сны! – рассмеялся Аламазон.

А Чувяк рассердился:

– Пора бы человеку научиться ступать без шума!

В Уракудуке, даже если сдвинуть камень, прикрывающий яму, было темней, чем в тюрьме, но зато воздух не был таким сырым и затхлым, как там. Когда мальчики принесли по охапке сена и постелили наземь, их тайное убежище сделалось совсем уютным.

Агенты Исама-Чуткого носа разлетелись повсюду, словно осы из потревоженного гнезда, их голоса и звук шагов порою слышались и здесь, в окрестностях Уракудука, один из этих ищеек даже стучал каблуками по камню, закрывающему отверстие. Мальчикам приходилось затаиваться на долгие часы. Только убедившись, что сыщиков поблизости нет, они осторожно выбирались из ямы и добывали себе пропитание. Ушастый руками ловил в реке сазанов и варил их в горячей воде родника, протекавшего неподалёку. Аламазон, настороженно поглядывая вокруг, собирал плоды с деревьев, а малыш Напримечик, спугнув с гнезда фазаниху, забирал ещё тёплые яйца.

Однажды куда-то исчез Чувяк, друзья начали тревожиться, как вдруг он явился со стопкой лепёшек под мышкой. Вот была радость! Все уже так соскучились по запаху и вкусу лепёшки. Чувяк сказал, что он побывал в одном из домов, построенных вдаль от других, и сумел ухватить часть лепёшек, пекущихся на зелёных глыбах. Аламазон первым протянул руку к лепёшке.

– Это ж мы так берём, временно, – сказал он, оправдываясь перед друзьями, – а потом, спору на что хотите, мы всех осчастливим, выполним свой долг перед этими людьми.

... Пока что главное было – надёжно затаиться, и всё же Аламазон не терял драгоценное время: он писал стихи. Вскоре было готово высмеивающее Грязнулю Первого стихотворение «Ай-яй-яй». Братья заучили его наизусть. Потом они пробрались в свою покинутую хижину, взяли там инструменты – бубен и дудку-сурнай, принесли в яму.

Стихи были положены на музыку. Если сыщиков поблизости не было, потихоньку репетировали. Запевал Ушастый, Аламазон и Например подхватывали припев «Ай-яй-яй», а Чувяк при этом во всю мочь дул в сурнай.

Когда всё было готово, Аламазон предложил:

– Назовёмся по имени песни «Ансамбль «Ай-яй-яй», хорошо?

Таким образом, решившись нанести первый удар Грязнуле Первому, Аламазон начал готовить своих бойцов.

В тот самый день, когда главарь сыщиков Исам-Чуткий нос, основываясь на том, что у реки была найдена детская тубетейка, объявил во всеуслышание: «Шпион и его сообщники, обессилев, скатились по обрыву в реку и утонули, точно котята», ансамбль «Ай-яй-яй» среди бела дня появился на одном из базаров провинции. На глиняном помосте посреди базарной площади мальчишки сперва показали несколько акробатических номеров, разученных в темнице. Вмиг собралась толпа, и тогда Например, выбивавший по своему бубну «бака-бака, бум-бум», изменил темп и заколотил «дака-дунг, дака-дунг», чтобы зрители насторожились. Когда к дробу бубна присоединился голос сурная, Ушастый запел:

*Вот какой Грязнуля Первый,
Глянув, берегите нервы,
Ай-яй-яй!*

*Хоть чалма и нечиста,
Голова под ней пуста.
Ай-яй-яй!*

Услышав такое, собравшиеся насторожились. Боязливо поглядывая по сторонам, молчали. Но вот на лицах появились улыбки. А песня продолжалась:

*Расскажу секрет для вас:
В семь слоев на теле грязь,
Ай-яй-яй!*

*Бурбулиту мил всегда,
А стране от них – беда!
Ай-яй-яй!*

Кто-то из сидящих впереди расхохотался. Другие тоже оживились. Послышались смешки. Ободренный этим, Ушастый запел ещё громче:

*Свысока привык смотреть,
Нос не может подтереть,
Ай-яй-яй!*

*Распоясался, сопляк,
И сказать пора вот так:
Ай-яй-яй!*

Увлечённая песней, толпа забыла про сыщиков. Смеялись, выкрикивали насмешливые слова.

Бродячие музыканты исчезли внезапно и неизвестно куда, а люди ещё долго не расходились, со смехом и шутками обсуждая необыкновенное событие.

Ансамбль «Ай-яй-яй» с этой поры стал выступать постоянно. Хотя число сыщиков было удвоено, бродячие музыканты появлялись там, где их не ожидали, и скрывались, не оставив следов.

Прошло не так уж много времени, и все озорные ребята выучили песню о Грязнуле Первом и повсюду напевали её, потешая взрослых.

Когда песня, оскорбляющая царя и его царство, довела до бешенства всех дворцовых вельмож и они готовы были вылезти вон из кожи, только бы изгнать её из пределов края, бродячие музыканты исчезли. Как в воду канули...

Считавшийся хитрейшим из хитрых Бурбулит промолвил: «Тут что-то не так...» И всё же Грязнуля Первый немного успокоился. Сыщики Исама-Чуткого носа стали реже появляться на городских улицах.

Одного только Ишмата беспокоила судьба Аламазона. Он ещё не знал, что его друг и братья-сироты в это время готовили решительный удар против государства грязных.

ПРИЗЫВ К ПОДВИГУ

Едва переступив порог хижины, Аламазон поздоровался со стариком. Хумо Хобот постоял, моргая подслеповатыми глазами, и, узнав голос, безумно обрадовался.

Они обнялись, расспросили друг друга о здоровье, потом, поудобней устроившись на курпачах, оживлённо заговорили. Аламазон рассказал обо всём, что с ним приключилось в Тандыре.

– Из-зу-мительно! – дивился Хумо Хобот. – Значит, эти сыщики, обшаривающие всё и везде, даже крысиные норы, разыскивали вас?

– Они и сюда приходили?

– Раз по десять за день совали свои носы. Но странно, что в последнее время их что-то не видно.

– А вас...

Аламазон запнулся, не решаясь спросить старика, а почему же его не арестовали за чистоплотность.

– Вас... не тронули?

– Меня и не тронут, – усмехнулся старик. – Меня ведь здесь считают сумасшедшим! В нашей стране только сумасшедшие остаются чистоплотными.

Старик скорбно умолк. Заметив это, Аламазон перевёл разговор на другое.

– Я к вам пришёл по делу, – сказал он. – Мне нужна ваша помощь, господин Хумо.

Лицо старика просветлело. Видимо, после этих слов он почувствовал, что всё ещё нужен людям.

– Итак?

– Вы не можете сказать, как должно выглядеть привидение?

– Это знает только бог, – рассмеялся старик.

– Один из этих богов пасётся возле хижины, – махнул рукой Аламазон, – какой от них прок? Я верхом на нём добрался сюда.

Аламазон, действительно, приручил одного из ослов, столь избалованных в этой стране. Его друзья, собрав с десятков этих «богов», учили их таскать на хвосте по две охапки соломы.

– Тогда делать нечего, научите меня хотя бы пяти-шести фразам пострашнее, – очень серьёзно упрашивал Аламазон. – Например, если бы призрак пророка Мадумара сейчас вошёл сюда, с чего бы он начал разговор?

Услышав это, старик рассмеялся, но всё же рассказал, что обычно люди думают о привидениях, потом спросил удивлённо:

– Зачем это тебе?

– Это долгая история... Скоро сами увидите.

По глазам Аламазона можно было догадаться, что он предполагает вести игру поинтересней акробатических выступлений.

Когда Аламазон уже собрался в обратный путь, старик остановил его:

– Хорошо, если бы ты забрал своё добро!

Покопавшись в глубине хижины, он достал и принёс карманный фонарик. У Аламазона от радости засверкали глаза.

– Вы же сказали, что бросили его в реку? – взволнованно спросил он, беря фонарик. – Значит, провели Заячью губу?

– Эту твою маленькую молнию я зашил в подкладку одеяла, которое ты сюда принёс, – объяснил старик.

Чтобы увидеть своими глазами божество, которое начало служить роду человеческому, старик решил выйти вместе с Аламазоном, сказав:

– Ну-ка, провожу тебя!

Когда Аламазон вернулся в Уракудук, его воинство стало с любопытством рассматривать фонарик.

– Когда мы, например, определим Грязнулю Первого в товарищи тараканам, ты мне не отдашь эту штуку? – спросил малыш.

– Согласен подарить её тебе, – твёрдо пообещал Аламазон. – Но сначала ты должен выполнить одно важное поручение.:

Например попробовал догадаться.

– Что, опять поймать осла?

– Нет, на этот раз ты пойдёшь во дворец, впрочем, и там живут люди с ослиными головами. Есть у меня там один плутоватый приятель. Вот это письмо передашь ему в руки.

Вечером Ишмат прогуливался по дворцовой площади, здесь он и встретил маленького нищего, такого лее перемазанного пачкающим соком травы, как и он сам.

– Я всё знаю, – улыбнулся нищий, показывая щербатые зубы. – Ты плутоватый Ишмат-Толстяк.

– Иди, иди! – прикрикнул на него Ишмат. – Смотри, разозлюсь, душу из тебя вышибу!

– Зачем гонишь? – нищий с глуповатым видом поморщил нос. – А если я, например, принёс тебе письмо?

Письмо было вручено и прочитано. Вот что в нём говорилось: «Привет, приятель Френсис! Наконец, и до тебя дошёл черёд: ты мне нужен. Для того чтобы мои войска могли перейти в наступление, не хватает таких вещей, как покрывала и скатерти. Ты должен утянуть их из дворца. И по возможности разных цветов. Мой гонец, который принёс письмо, поступает в твоё распоряжение. До встречи, прощай! Твой друг Аламазон-Генри».

Узнав, что Аламазон жив-здоров, Ишмат от радости высунул язык.

– Пройди за дворец, притаись, точно кеклик, – озираясь по сторонам, шепнул он Напримеру (это и был «нищий»). – Я буду бросать тебе узлы через золотое окошечко, что рядом с куполом. Понял, пехота?

Потом он, величаво ступая, направился ко дворцу. Ведь теперь от него зависело, перейдут войска в наступление или нет. Хотя он и не знал, что за войска, где они, но чувствовал, что впервые в жизни призван на «Большой подвиг», и гордился этим.

ПРИЗРАК ПРОРОКА МАДУМАРА

Аламазон густо обсыпал лицо и руки мукой, прицепил фальшивую бороду и усы, завязав тесёмки на затылке, накинул на плечи белое покрывало, а шею туго обвязал тонким голубым платком. Ушастый с большим мастерством обмотал его голову огромной пёстрой скатертью в виде чалмы, к краям которой прочно прикрепил длинные витые рога дикого козла.

– Ты укрась ишака, – приказал Аламазон, протягивая Чувяку тонкую алую ткань. – Это накинь сверху. Потом к каждой ноге, снизу, привяжешь жёлтую тряпку.

– Например, чудное будет представление, а? – сказал Например, с восторгом разглядывая смешной и страшный наряд Аламазона.

– Бог-творец и пророк его не дают представлений, – оборвал малыша Ушастый. – Хочу этим сказать, что они сами будут зрителями!

Услышав это, Аламазон, который собрался объявить себя пророком, рассмеялся. Потом приказал пехотинцам:

– Надо побольше набрать разных железяк. Хватит этим баловням-ослам таскать на хвостах лёгонькую солому. Всё поняли, ребята?

Братья никогда не отказывались выполнять приказы Аламазона – сердцем чувствовали, что даются они во имя людей.

В тихую ночь, когда серебристый поток света, льющийся от Матери-Звезды, заметно потускнел, когда воды реки, словно свитые из молочных струй, потемнели и еле различалась Чёрная щель на другом берегу, неподалёку от стана пограничников появился ужасный призрак. Первыми его увидели часовые, лежавшие под кряжистым деревом – от страха даже «мама!» закричать не в силах, так и замерли на своих местах.

Какое-то рогатое создание, с головы до ног укутанное в белое, восседая на красноватом боге-творце с жёлтыми ногами, медленно приближалось к ним – синяя змея, обвивая его шею, развевалась, как знамя.

Чудовище остановилось в трёх-четырёх шагах от часовых, – глаза его сверкали, как фазаньи яйца, оклеенные перламутром! – и воскликнуло:

– Эй, вы, свернувшие с верного пути грязные рабы, знайте – я дух пророка Мадумара! Если не прекратите плясать под дудку Грязнули Первого, этого выродка шкодливой кошки, клянусь чем хотите: лучами этой звезды, тем, что у меня в руках, выжгу вам глаза!

С этими словами он взмахнул белыми рукавами и направил на часовых свет фонарика, который держал в руках. До смерти перепуганные, часовые отворачивались, заслоняли лица ладонями.

Пророк дал им четыре дня срока на то, чтобы опомнились, отказались служить Грязнуле Первому и снова начали жить с чистой совестью и в чистоте, дав такое указание, он, понукая желтоногого создателя, исчез из виду.

Переполох, начавшийся с утра в стане пограничников, к вечеру пуще разгорелся. Чем больше находилось желающих услышать рассказ о призраке пророка Мадумара из уст очевидцев, тем сильнее ощущали свою значимость ночные караульные, тем солидней они держались, рассказ же их, чем чаще повторялся, тем более обрастал ужасными подробностями.

– Только я собирался вздремнуть, как вон над тем холмом выросло что-то белое, огромное, – так начал свой рассказ первый часовой. – Не успел я понять, наяву это или во сне, как эта тень надвинулась прямо на нас. Тогда я разбудил Туйчи и Джумана.

– Хорошо, что Хабар ещё не спал, – подхватил его речь Туйчи. – Чувствую, щиплет меня за ногу. Открываю глаза – вижу чудовище, двурогое, с четырёхголовым драконом на шее, синим-пресиним, играя какой-то звездой, оно готово нас проглотить. И само говорит, что оно – призрак пророка Мадумара!

– Его величество пророк сидел на плечах самого всевышнего, – степенно продолжил рассказ Джуман. – Создатель, окутанный в ярко-алый туман, помахивая своим священным хвостом, как опахалом, едва касаясь земли жёлтыми ногами, плавно плыл по воздуху...

Слушавшие не знали, верить или не верить, но на следующую ночь призрак пророка Мадумара, оседлавший всевышнего, появился в самом центре Тандыра.

Ничуть не опасаясь часовых, охраняющих военную крепость, он приблизился и произнёс длиннейшее назидание. Когда пророк увещевал воинов, предлагая им стать на путь истинный в течение четырёх дней, проницательный всевышний, держа уши торчком, внимательно наблюдал, какое действие оказывают эти слова на часовых.

На следующий день призрак ворвался в один из богатейших домов края, где в это время справляли свадьбу.

– Через два дня я сотру с лица земли поганый дворец Алтын-сарай, – с такого грозного обещания начал он свою речь. – Чтобы как следует проучить бесстыжих столпов государства, каждый должен заготовить хорошую дубину. Говорю от имени всевышнего, на котором сижу и который глядит на вас! Предупреждаю: тех, кто не последует за нами, я прокляну, ослеплю и лишу языка!

Услышав вдалеке голос одного из своих сородичей, создатель, покрытый красной попоной, стукнув копытом в землю, заревел. Окружающие, прижав руки к груди, начали отвешивать почтительные поклоны...

Слухи о пророке Мадумаре поползли по стране – из уст в уста, с уха на ухо, не оставляя никого спокойным. Всюду проклинали Грязнулю Первого, своими дурацкими поступками обеспокоившего создателя и пророка. Народ, узнав, что борьбу против властей возглавит сам пророк, следуя его указаниям, обзаводился дубинами.

Аламазон и его верные друзья, сумевшие изнутри подорвать устои грязного царства, начали упорную подготовку к последнему, решающему бою.

ТРЕВОЖНЫЙ ДЕНЬ

...Царь мечется по дворцу, за ним по пятам толпа людей с палками в руках. Он движется очень медленно, никак не может отдалиться от них. Вот он вбежал в зал для пиршеств, закрывает за собой дверь на засов. Оглядывается – а перед ним двурогий призрак на создателе, окутанный алым туманом, глядя на него, грозно скалит зубы. Толпа уже вышибла дверь, слышатся крики: «Бей его, бей!», люди врываются в зал.

– Не спешите! – кричит призрак. – Сначала я вырву ему глаза, потом вы начнёте лупить палками!

Лучи звезды, сверкающей в его руке, ослепляют, жгут... «Мама!» – кричит во всё горло Грязнуля Первый. И слышит в ответ: «Я вам не мама, а ваш приятель Ишмат-Толстяк!» Тогда он, вздрогнув, просыпается...

Измученный такими кошмарами, усталый, со скорбным видом Грязнуля Первый вошёл в свою приемную и, не успев сесть на трон, накинулся на Бурбулиту:

– Чего ухмыляетесь, дядя? Ваш пророк когда-нибудь оставит меня в покое или нет?

– Всё это пустые разговоры, – начал успокаивать владыку Бурбулит. – Я приказал арестовать распространителей слухов, а для тех, кто их слушает, не жалеть палок.

– А ещё что? – не удовлетворённый ответом, спросил владыка.

– Кроме того, мы принимаем меры, чтобы уничтожить проклятый призрак, – поспешил заверить его Бурбулит. – Насчёт этого даны указания управляющему тайными делами Фискиддину-Подлецу, Главному сыщику Исаму-Чуткому носу, главнокомандующему Шаламану-Барабану, Кандыру-Коротышке отправлено секретное письмо.

Предводитель пограничников Кандыр-Коротышка получил письмо главного визиря на рассвете. Говорилось в письме следующее: «Если призрак пророка Мадумара снова сунет нос в ваш лагерь, приказываю стрелкам из лука тотчас взять его в окружение и превратить негодяя в решето. Если создатель примет его сторону или же начнёт громко реветь, во имя славы нашего государства, его также казнить. Выполнишь приказ, будешь повышен в должности. Бурбулит».

Прочитав письмо, предводитель задумался. Кошунственный риказ Бурбулита казнить пророка и создателя поверг его в дрожь. Но обещание повесить в должности придало смелости. «Может, стану главным сыщиком, – заволновался он. – А повезет, пролезу и в главнокомандующие...»

Карьеризм был прирождённой болезнью Кандыра-Коротышки. Теперь, в жару этого недуга, он обменял свою любовь к святым на ненависть и, схватившись за саблю, пригрозил: «Убью! пророка! А будет надо – и самого всевышнего!»

В это время среди пограничников, уже четвёртые сутки забывших про покой, всё сильней разгорался спор. Срок, отпущенный им пророком, чтобы стать на праведный путь, истекал нынешним вечером.

– Если пойдём сражаться с призраком, грош цена будет нашему авторитету, – сказал один из стрелков. – Его ж не возьмёт ни сабля, ни стрела.

– А если твоя стрела, посланная в пророка, по ошибке попадёт в создателя, то он тебе покажет – «мамочка» закричишь! – предупредил второй о возможности трагической ошибки.

Третий обвинил в слабоумии обоих.

– Пока станешь прицеливаться, он тебе будет стоять сложа руки? Лучом своей звезды ослепит тебя, вот и всё!

– Нет дураков – помирать по приказу Кандыра-Коротышки! – Хабар, наконец, перешёл прямо к сути. – Если жить надоело, пусть с призраком сражается сам царь! Нам какая нужда до этого Грязнули? Верно, Джуман?

Джуман заколебался. Потом, почесав в затылке, буркнул:

– Верно-то верно, Хабар... Но не будет ли это неблагодарностью? Как-никак, его величество Грязнуля Первый не давал нам голодать. Например, взять меня – дети мои сыты.

– Значит, так? – разочарованно взглянул на Джумана Хабар. – Если вся наша радость – сытость, чем мы будем отличаться от коз, баранов? Это скот, если сыт, и среди навоза доволен!

Он обвёл взглядом спорящих.

– Подумаем ещё раз, друзья, – умоляюще повторил он. – Неужели мы ничем не отличаемся от баранов и коз? Если нам не нужно ничего такого, что не нужно скоту, почему же мы тогда зовёмся людьми?

В столице, в крепости суматоха тоже разгоралась. Не смея разбежаться кто куда, воины в волнении шептались между собой: «Пророк – всезнающий и всеведущий, если мы не начнём стрелять, он нам не сделает ничего плохого».

Главнокомандующий Шаламан-Барабан, хотя и делал вид, что отдаёт душу укреплению порядка во дворце, на самом деле больше всего опасался, что невежды-воины нападут на пророка и этим испортят всё дело.

Сыщики, которым следовало арестовывать паникёров, взяв пример со своего начальника Исама-Чуткого носа, в эти тревожные дни опасались кого-либо обижать – ведь неизвестно, в чьи руки перейдёт завтра власть в государстве... Они только для вида шныряли по улице, не обращая внимания даже на тех, кто насмешливо свистел им вслед.

Когда группа сыщиков приблизилась к мосту через Чильтанарык, они были неприятно поражены, увидев поджидающего их сумасшедшего Ходжимата. Тот, ухмыляясь, начал, как всегда, свои штучки.

– Давайте поиграем в догонялки, а? Слышите?

Никто не отозвался. Тогда он неуклюже, вперевалочку, подобрался к одному из сыщиков и притронулся к нему.

– Эй, давай я тебя догоню, а? Поймаю – получишь щелчок в лоб. Вах-вах-вах!

– Отвали! – сыщик, оттолкнув сумасшедшего, продолжил свой путь.

Ходжимат не отставал, начал ломаться, дразнить его: «Будешь играть, будешь...»

– Пропади с глаз моих! – толкнул его в грудь сыщик. Ходжимат, как обиженный ребёнок, повесив голову, отошёл, плаксиво пожаловался зрителям этой сцены, которые хохотали до упаду над его проделками:

– Не поиграл со мной...

Пройдя через мост, сыщики направились в Джанджалмахаллю – махаллю Скандалистов – и удивились, здесь царило неестественное спокойствие. Ведь даже самый старый из проживающих не мог бы точно вспомнить день, когда тут не происходило б драки или потасовки. Жители правой стороны улицы с давних пор враждовали с теми, кто обитал на левой; достаточно было задеть одного, чтобы десятки людей накинудись друг на друга с кулаками. В этих драках участвовало всё население, от семилетних до семидесятилетних, то старик вцепится в мальчика, то мальчик – в старика, а женщины в это время, взобравшись на крыши, криками поддерживали «своих». Иногда драка продолжалась до глубокой ночи, пока одна из сторон не побеждала. Победители, если боевой пыл в них еще не угас, разделившись на две партии, начинали драться уже между своими. А тот, кто и на этом не успокаивался, начинал бить самого себя.

Сегодня же извечные противники на время оставили свои раздоры, готовясь к большой стычке, что пройдет по всей стране; они с нетерпением ожидали пророка, который дал бы знак начать это дело. Как и всё население, жители махалли скандалистов по велению пророка запаслись дубинками, некоторые, особо рьяные, уже с раннего утра держали это заветное оружие при себе.

Если не считать безмятежно посапывающего в своей каморке Ишмата, во дворце тоже было беспокойно. Сам Грязнуля Первый плакал, прильнув к матери, с недоумением повторяя: «За что пророк хочет мне отомстить?»

Главный судья Хашим-Башка с утра пораньше приготовил для себя дехканскую одежду и дубину. Он собирался в суматохе слиться с толпой и удостоиться увидеть звезду в руках пророка. А тот, кто считался самым коварным из столпов государства – Фискиддин-Подлец нашёл самый легкий способ уклониться от дворцовых забот. Со вчерашнего вечера он объявил себя больным и, как вороватая кошка, поджидал, чем дело кончится.

Поэт Дутари, запершись в своей комнате, был занят сочинением новой газели. Всем существом своим он чуял, что завтра в это время будет задавать пир новый владыка, и потому посвящал своё новое творение ему, пока еще неизвестному, начиналось оно такими строчками:

*Настало время чистоты, в баню ведите поскорей
Или в наполненный водой таз посадите поскорей...*

Только главный визирь Бурбулит выглядел, как всегда, хладнокровным и отважным, насколько он был встревожен, можно было заметить лишь по тому, как он метался по комнате от стены к стене. Он и теперь не верил паническим слухам о призраке пророка, он один догадывался, что все эти странные происшествия – проделки какого-то хитреца.

ПОКОРЕНИЕ ТАНДЫРА

Начальник пограничной заставы Кандыр-Коротышка помнил, что призраки предпочитают бродить в темноте. Когда свет Матери-Звезды стал тускнеть, он построил своих стрелков для священной битвы.

– Будьте смелы, мои молодцы-козлята! – опершись на саблю, подбадривал он воинов. – Как только увижу этого духа, изрублю его, сделаю из него фарш для пирожков.

Стрелки переглянулись, как бы говоря друг другу: «Пусть сам всё и сделает, а потом пеняет на себя!» Их предводитель высыпал на ладонь насвай из тыквочки-табакерки, украшенной перламутром, бросил под язык, стал прохаживаться вдоль шеренги стрелков, выпятив грудь и приговаривая время от времени: «Видали мы таких призраков. Я его так опозорю, что...»

Призрак не спешил явиться на поле боя, но страх перед его приближением постепенно охватывал округу. Сперва из-за холмов послышались лязг, звон, бряцание, потом к ним добавились стоны сурная и грохотанье бубна. Стрелки, ожидая, кто первым осмелится убежать, с нетерпением и надеждой поглядывали друг на друга. Неожиданно и у предводителя задрожала

ли коленки. Но волшебные слова «Ты будешь повышен в должности» снова и снова звучали у него в уме, и он старался держаться по возможности смело.

Шум и гам усиливались, наконец, из-за холма начала медленно выплывать фигура белого и рогатого чудовища, восседающего на создателе. За ним двигались ряды создателей, с колокольчиками на шеях, что-то несущие на хвостах, и, наконец, показались ещё два белых призрака: один дул в сурнай, другой бил в бубен. Когда вся эта буйствующая толпа во главе с пророком с невероятным шумом начала спускаться с холма, у хвастливого Кандыра-Коротышки затрясся подбородок, силы покинули его, он потихоньку стал пятиться и примазался к строю стрелков.

Дух пророка Мадумара приблизился к сбившимся в кучу стрелкам, с важностью натянул узду создателя. Следовавшие за ним всевышние с колокольчиками также остановились, стихли звуки сурная и бубна.

– Вы зачем выстроились, коты? – грозно спросил призрак. – И где тот лохматый кот, который натравил вас на меня?

Все взоры невольно обратились на Кандыра-Коротышку. Предводитель, забывший выплюнуть насвай, когда слышались чудовищные звуки, теперь с испугу проглотил жгучий табак.

– Хватайте его! – скомандовал призрак пророка.

Мстительный Хабар первым кинулся на своего начальника, затем и другие поспешили приложить силы к доброму делу на глазах у всевышнего и пророка. Когда Кандыра-Коротышка был поспешно обезоружен и связан по рукам и ногам, от пророка последовал еще один приказ – заткнуть ему рот.

Затем Аламазон, усилив свои войска за счет сотни стрелков, под звуки бубна и сурная начал свой поход на Тандыр.

«Шире шаг, моя пехота! – мысленно скомандовал Аламазон, поглядывая по сторонам, удовлетворённо улыбаясь. – Священный поход продолжается. Впереди – бой!»

В это время Ушастый, успевший пробраться через Чёрную щель, спешил в Драконабад, чтобы сообщить последние новости Надыму Великому.

Первым встретили призрак пророка Мадумара жители махалли Скандалистов, собравшиеся на пустыре у окраины города. Сначала они очень обрадовались, полагая, что пророк пригнал сюда пленников-отроков на суд и расправу. Когда же обстоятельства выяснились, обогнав стрелков, драчуны первыми поспешили к городу, поигрывая своими дубинками, словно мечами. По дороге к ним присоединились жители других махалля, отчего поднялся невообразимый шум. А железки, привязанные к хвостам ослов, на мощёных улицах города загрохотали куда громче, чем на лугах и полях.

Одетый как дехканин, Хашим-Башка, пробравшись в опустевший дом одного из жителей махали Скандалистов, притаился возле ворот, собираясь в удобный момент влиться в движущуюся толпу. И вдруг ощутил на своём плече чью-то тяжелую руку... Вздвогнув, повернулся. Увидел ухмыляющегося Бурбулита и онемел.

– Поздравляю с обновкой, – Бурбулит окинул его насмешливым взглядом. – Смотрите-ка, оказывается, наши желания совпадают! Оттого и прчемся оба в одном доме!

– Какие... какие желанья? – едва выговорил главный судья.

– Я знал, что вы захотите отомстить этому безродному пророку за наше потерянное добро, за попранный наш авторитет, – не выдавая своих истинных мыслей, лукавил Бурбулит. – Я очень уважаю вас, поэтому не стану мешать вам совершить подвиг и прославиться. Если хотите, можете воспользоваться моим луком.

– Что... что вы хотите сказать, господин Бурбулит?

– Хочу сказать, что трудно будет убить пророка вашей дубинкой. Вы рискуете жизнью, собираясь смешаться с толпой. Возьми бы лучше мой лук...

– Оставьте, – Хашим-Башка, вытаращив глаза, оттолкнул от себя лук. – Ведь это...

– Послушай-ка, Башка! – Бурбулит, взяв за ворот главного судью, поднёс к его горлу кинжал. – Бери лук – и на крышу! Прячься, пока не приблизится пророк. Когда он будет проезжать мимо, во имя нашего царства пустишь в него стрелу! Понял, негодник?

Хашим-Башка, боясь шевельнуться – как бы кинжал не задел горло! – захлопал ресницами в знак согласия.

– Вот это другой разговор, – Бурбулит, отпустив воротник главного судьи, вручил тому лук. – Когда будете прицеливаться, смотрите, чтоб у вас руки не тряслись, уважаемый! Когда станете стрелять, пророк будет двигаться, учтите это, прицел берите чуть впереди его. Я же заберусь на соседнюю крышу – вон тут сзади, – и буду за вас молиться. Если же вы промахнётесь, мой кинжал догонит вас...

Хашим-Башка знал, что кинжал, брошенный Бурбулитом, всегда вонзался в цель. Скосив глаза на это грозное оружие, он без слов полез на крышу.

Взобравшись на нее, главный судья увидел в начале улицы белую фигуру призрака, объятый ужасом, он шлёпнулся на живот и лежал, не шелохнувшись, лишь изредка с беспокойством поглядывая на соседнюю крышу, откуда мог полететь кинжал. Он и не догадывался, что коварный Бурбулит давно улепетнул из опасного места...

Чем ближе была толпа, тем громче стучало в груди у главного судьи. Он чуть не лишился чувств, когда люди, вооружённые дубинками, и шеренга стрелков поравнялись с домом, на крыше которого он прятался. В эту минуту он понял: человек, который волен сбежать куда глаза глядят, самое счастливое существо в мире!

А дух пророка приближался. Вот он! Хашим-Башка живо представил себе, как острие кинжала вонзится в него, и он дрожащими руками стал натягивать тетиву. Прицелился в священный призрак и замер, не решаясь пустить стрелу. Как знать! Быть может, когда стрела упадёт в пророка, в тот же миг одежда главного судьи вспыхнет и он сам обратится в пепел?

В то же время ему представлялась злобная рука Бурбулита, готовая бросить кинжал, чтобы этого не случилось, он отпустил натянутую тетиву... Стрела вонзилась в голову пророка!

У главного судьи от страха глаза полезли на лоб, прервалось? дыханье, и он скатился с крыши вниз. Ему показалось, что он грохнулся прямо в жидкое пламя, что тело его горит, от нестерпимой боли он заорал как сумасшедший: «Я проклят пророком, я живым попал в ад!» – поразила его догадка.

...Скатившись с крыши, Хашим-Башка упал в горячий родник, бывший во дворе, минута – и он съежился, как отварное мясо. Теперь ему не были страшны ни гнев пророка, ни кинжал Бурбулита, теперь никто и ничто не могло его беспокоить...

Аламазон, который в облике пророка Мадумара вёл людей, на штурм Тандыра, от неожиданного удара в голову покачнувшись, но сразу опомнился и, подняв руку, вытащил стрелу, вонзившуюся в его чалму. Хорошо, что Ушастый накрутил её такой многослойной!

Беспрестанно озираться, подобно зайцу, призраку пророка не к лицу. Поэтому Аламазон сдержался и даже не взглянул в ту сторону, откуда была пущена стрела. Он продолжал путь, горделиво выпрямившись. Но вторая стрела могла бы угодить ему под лопатку! Подумав об этом, Аламазон встревожился. «Самое главное – не закричать, когда вонзится стрела, – подбадривал себя Аламазон. – Терпи боль, двигайся, как будто ничего не произошло. Если доеду до дворца не упав, с остальным моё воинство справится само».

К счастью, второй стрелы не последовало. Выстроив войска на широкой площади перед дворцом, главнокомандующий Шаламан-Барабан, хмуря брови, расхаживал перед их рядами, стараясь не выказать страха. Когда издали стали доноситься крики, грохот, лязг и бряцание, он насторожился. Немного погодя показалась толпа – люди валили валом, размахивая дубинками. Когда в человеческих волнах, покачиваясь, подплыла ужасающая белая фигура пророка, полководец сначала поколебался немного, затем, ловко прорезав шеренги своих войск, исчез в неизвестном направлении. Всегда преданно следовавшие за ним воины и на этот раз не оставили в одиночестве своего командира...

– Братья, они бегут! – с досадой воскликнул старейшина махалли Скандалистов. – Но мы не такие дураки, чтоб возвратиться без драки!

– Смотрите, сбежали! – захопал в ладоши от радости сумасшедший Ходжимат, который вился в толпе. – Теперь все поиграют в догонялки, вах-вах-вах!

Над толпой взвились сотни палок, дубинок. Началась погоня. С криками: «Бей их, бей!» ловили разбегавшихся солдат владыки. Земля тряслась от топота.

Как только Ушастый принёс весть о восстании, войска Драконабада во главе с Палахманом-Силачом выступили в поход. Они вошли в город за пехотинцами пророка, и Тандыр был взят без всяких потерь.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ СУМАСШЕДШЕГО ХОДЖИМАТА

В то утро, когда чистоplotная страна полностью избавилась от грязного позора, Мать-Звезда засветилась ярче обычного. Радужное сияние драгоценных камней, рассыпанных по полям в окрестностях Тандыра, переливаясь, будто веер из павлиньих перьев, заслонило горизонт.

Выложенная мрамором площадь у Золотого дворца с утра наполнилась людьми. Толпа окружила стоявших у постамента в центре площади Грязнулю Первого, взьерошенного, как воробей, и его придворных, им грозили кулаками, выкрикивая гневные слова. Надым Великий, незадолго до того прибывший в город вместе со своими племянниками, Хумо Хобот, доживший до этого счастливого дня, и храбрый полководец Палахман-Силач сидели на постаменте, что-то обсуждая между собой.

Видимо, их тревожило, что мальчики – главные герои этого торжества – вчера в суматохе куда-то исчезли и до сих пор не давали о себе знать, а также беспокоило, что среди арестованных столпов государства не оказалось Бурбулита.

Между тем шум усиливался. Собравшийся народ стал требовать наказания арестованных.

– Забросаем их камнями! – крикнул кто-то.

– Хорошо бы засадить их в темницу, которую они сами построили! – выразил своё мнение другой. – Пусть попьют прокисшие помои.

– Лучше поручите их мне, – попросил старейшина махалли Скандалистов от имени всей улицы. – Мы с этими толстошеими будем драться один на один.

Внук старейшины, вертевшийся возле деда, глянув исподлобья на Грязнулю Первого, который на год-два был старше, крикнул ему:

– Эй, ты! Один на один выйдешь?

– Эй, люди, давайте-ка погоняемся за ними! – заложив за ухо клочок сена вместо цветка, предложил в свою очередь Ходжимат-Сумасшедший. – Схватим одного – и щелчок ему в лоб, схватим другого – и ему щелчок... Славно, а? Вах-вах-вах...

Люди, от Ходжимата до старейшин, предлагали каждый свое, и каждый считал, что его предложение лучше. Надым Великий обратился к Хумо Хоботу: «Теперь вы скажите что-нибудь». Старик, подойдя к краю постамента, поднял руку, постоял, поджидая, пока шум стихнет, потом сказал своё веское слово:

– Я понимаю, нелегко вам, – он печально оглядел собравшихся. – Но особенно трудно народу. Потому что он – любящая мать, а страна – её младенец. Мать может изнемочь, но всё равно прижимает младенца к груди. Мать может голодать, но всё равно будет кормить его своим молоком. Мать может сама ходить в тряпье, но своё дитя будет наряжать. Страна, оставшаяся без народа, как дитя, лишённое материнского молока и любви, обречена на гибель. И сам владыка, и его придворные, и мелкие чиновники – никто без страны. Если государственные мужи лишены чуткости, не способны растить по-матерински дитя-страну, преумножая его богатства, то в один прекрасный день его разобьёт паралич: оно ослепнет, оглохнет и тогда сколько ни люби его, оно всё равно останется живым трупом. Мать, конечно, будет рада тому, что сердце его пока ещё бьётся, но счастье покинет её, и не видать ей больше удачи. А чуть позже, оставшись ни с чем, она пойдёт по свету с протянутой рукой.

Хумо Хобот гневно воззрился на столпов государства, которые стояли внизу, у постамента, повесив головы, и продолжал речь:

– Вот эти тунеядцы своей бесполезностью ослабили наше дитя. Они привели страну к краю пропасти. Но, на наше счастье, младенец не погиб. Теперь он снова твёрдо стоит на ногах и ясно видит – любовь матери-народа исцелила его. Эти негодяи не стоят даже ногтя нашего младенца. Так достойны ли они этой земли?

Хумо Хобот подозвал Феруза и, положив руку ему на плечо, снова обратился к народу:

– Я бы хотел, чтобы новый владыка запомнил на всю жизнь: насколько мать благополучна и счастлива, настолько красивым и здоровым вырастет дитя. Мать, потерявшая ребенка, погибнет от горя, ребёнок, потерявший мать, погибнет от сиротства-Глаза Хумо Хобота увлажнились, он постоял, молча глядя на своих сограждан. И так закончил речь:

– Тысяча благодарностей за то, что земля дорога нам, как дорого матери её дитя. В этом заключается бессмертие нашей страны и бесценность наследия предков.

– Ваши замечательные слова я запомню на всю жизнь, почтенный Хумо, – глядя прямо в глаза старику, произнёс, как клятву, Феруз, а затем, повернувшись к людям, крикнул:

– Мой родной народ, дорогой мой, я преклоняюсь перед тобой!

Площадь зашумела. В этот миг, когда тысячи сердец взволнованно забились как одно, на краю площади послышались задорные звуки сурная и бубна. Люди, узнавшие мелодию, невольно заулыбались, шум постепенно стихал, у придворных, взятых под арест, перекосилились лица.

Толпа, словно треснувшая льдина, разделилась надвое и начала горячо аплодировать. Прямо через толпу шёл к постаменту ансамбль «Ай-яй-яй», исполняя в последний раз свою знаменитую песню:

*Вот какой Грязнуля Первый,
Глянув, берегите нервы,
Ай-яй-яй!*

В это время нарядно одетый, пухлощёкий мальчик, вырвавшись из толпы, с криком «Алама-азон!» бросился на грудь одного из бродячих музыкантов. Это был счастливый Ишмат, после долгой разлуки наконец-то встретившийся со своим земляком.

МЕСТЬ БУРБУЛИТА

Граница между двумя провинциями была уничтожена, Юлдузистан стал, как прежде, единой страной. Палахман-Силач стал правителем Драконабада, Надым Великий – Тандыра. Хумо Хобот снова занял кресло главного визиря. Должности главного сыщика и управляющего тайными делами были упразднены. Для охраны дворца оставили немногочисленный отряд стражников, остальные войска были распущены.

В тот самый день, когда принц Феруз сел на трон, народ был одарен разными благами. Земли, принадлежавшие придворным Грязнули Первого, были розданы труженикам, плодовые сады и пастбища стали общим достоянием, для постройки бань были выделены средства. Детей, с рождения не знавших, что значит мыться, пришлось насильно усаживать в тазы с водой, а все прочие с радостью надели чистую одежду на чистое тело и забыли, что значит «зудит», «чешется». Чтобы все это воплотить в жизнь, принцу Ферузу надо было посоветоваться с сынами Светлого мира.

Аламазон вместе с обитателями дворца проводил Палахмана-Силача в Драконабад. Затем привел братьев-сирот в ту часть дворца, где происходили увеселения.

– Вот эта комната теперь ваша, – сказал он мальчишкам, дивящимся на богатое убранство дворца. – Ушастый будет руководителем, соберем со всех улиц ребят – любителей пения, организуете большой ансамбль.

Дворцовые музыканты теперь будут давать представления не царю, а простому народу.

– Все это нам? – не мог поверить Ушастый. – То есть что хотим, то и можем делать с золотыми стенами, изумрудными окошечками?

– Если станешь портить стены, выламывать окошечки, то останешься без жилья, растяпа!
– Аламазон щёлкнул Ушастого в лоб.

– Верно. Я и не подумал!

Когда братья рассматривали украшенный драгоценными камнями потолок своего нового жилища, Ишмат, толкнув в бок друга, тихонько спросил:

– Как ты думаешь, может, и мне вместе с ними пиликать на какой-нибудь скрипочке?

– Зачем же на скрипке? – пошутил Аламазон. – Спорю на что хочешь, из тебя получится замечательный тяжеловес-карнаист! Длинный-предлинный карнай будет тебе по плечу!

В это время с улицы послышался вскрик «Ах, негодяй!» Что-то упало с глухим стуком. Аламазон подбежал к изумрудному окошку, выглянул... На лугу за дворцом лежал ничком Хумо Хобот с кинжалом в спине. Кто-то, пригнувшись, отбежал от лежащего. Когда Аламазон поспешно выпрыгнул через окно, сверху послышался встревоженный голос принца Феруза: «Что случилось, эй, Аламазон?»

– Брось сюда свою саблю, Феруз, – крикнул Аламазон, – господин Хумо убит!

Он поймал в воздухе брошенную саблю и, крикнув: «Унесите господина Хумо!» – побежал к реке.

В это время убийца уже успел добраться до Сверкающего поля и, пробежав его, несясь вдоль берега реки, драгоценные камни хрустели у него под ногами, вдруг он поскользнулся на грудке жемчуга, упал, но, видя, что его преследуют, тотчас вскочил на ноги и вновь пустился бежать. Когда ему пришлось пробираться меж золотых глыб, бег его замедлился, а преследователь, ловко перепрыгивая с глыбы на глыбу, приближался.

Вот и место, где река исчезает под рубиновой стеной, подпирающей небо Юлдузистана, не зная, куда бежать дальше, убийца, дрожа, обернулся.

– Вот кто убийца! – слегка запыхавшись, крикнул настигший его Аламазон. – Если надеешься остаться в живых, защищайся, Бурбулит!

– Ослу священному тысячу раз спасибо за то, что ты пришёл ко мне своими ногами, – оглянувшись по сторонам, Бурбулит выхватил саблю из ножен. – Ну-ка, подойди, выродок!

Аламазона сабля со свистом рассекла воздух и застыла в положении наготове. Противники, сойдясь, глядя в глаза друг другу, кружили на месте.

– Знаю, вместе с сумасшедшим Хумо ты и есть причина всего этого безобразия, – скрипел зубами Бурбулит, ложными выпадами пытаясь утратить противника. – Если твою хитрую башку отделию от тела, то, я уверен, ты станешь совсем безвредным!

Говоря так, он взмахнул саблей, Аламазон успел подставить свою, от лезвий отскочили искры. Хотя мальчику и удалось мастерски отразить удар, но силы его были несравнимы с мощью противника. Сила удара отозвалась в его теле, он постарался уклоняться от последующих ударов, поняв: чтобы победить, надо сначала измотать соперника. Он начал отступать, прыгая с камня на камень, Бурбулит шаг за шагом преследовал его, стараясь то кольнуть, то ударить саблей с размаху. Однако его точно рассчитанный удар каждый раз приходился мимо, и оттого, теряя равновесие, он то вертелся на месте, то падал ничком и тут же вскакивал, снова бросаясь в атаку, думая: «Ну, уж в этот раз зарублю его!» – и снова оставался с носом.

Аламазон, ловко отступая, остановился на золотой глыбе, там, где река, с шумом уходя под рубиновую стену, образовывала водоворот. Он понял: ещё шаг назад – и жадная пасть водоворота может поглотить его.

– Вот ты и попался, негодяй! – задыхаясь, проговорил Бурбулит, скаля зубы, он приближался к Аламазону. – Ну-ка, попробуй теперь отступить!

Собрав все силы, нацелившись прямо в переносицу противника, он нанёс удар. Но и в этот раз Аламазон, расчётливо защищаясь, сумел ловко отбить просвистевшую над головой саблю. Однако он вдруг поскользнулся на остром ребре глыбы, потерял равновесие и на миг остался без защиты. Это была единственная ошибка мальчугана за всё время боя. Бурбулит, жадно поджидавший вот такого удобного момента, с рычанием, как зверь на добычу, кинулся вперёд, нацелившись в незащищенную грудь противника, и нанёс удар...

Сабля его должна была, раздробив рёбра, вонзиться в трепетно-живое чужое сердце, но почему-то не вонзилась. Беззащитная грудь, которую чуть было не рассёк удар, вдруг исчезла, и Бурбулит, не успев понять, каким чудом это произошло, увидел себя во власти бурлящего водоворота.

Бурбулит попался на очередную хитрость мальчика. Когда он всем телом устремился вперёд, Аламазон, как птица, перепорхнул на соседнюю глыбу и спокойно наблюдал, как его хвастливый противник летит в воду вниз головой. Вытаращив глаза от ужаса, бывший главный визирь Бурбулит Идрис Ибрагим только успел разинуть рот для крика, когда струя, точно удав, обвила его и мгновенно утянула в омут, потом водоворот, словно ничего не случилось, снова начал скручивать струи и играть, как обычно.

«Топ, топ, – раздался звук шагов. Аламазон резко повернулся и, увидев спешащих ему на помощь дворцовых воинов, опустил готовую к удару саблю.

– Отменно, господин Аламазон, хвала! – Одетый в костюм дворцового стражника, Заячья губа, с которым только вчера, забыв прежние обиды, всласть наговорился Аламазон, остановился чуть поодаль от старого знакомого и, пыхтя, выразил своё восхищение:

– Хых, тьфу! Когда бежали, мы всё видели. Здорово!

– Да, видели, – вглядываясь в игру воды, начал, как обычно, попугаем повторять слова друга Кроличий глаз. – Вы перебросили этого головореза через себя и швырнули в реку. Даже знаменитый фехтовальщик Барри Барака не смог бы провести такой бой.

Третий воин сел на глыбу золота, чтобы отдышаться, вынул из-за пазухи украшенную перламутром тыквянку-табакерку, бросил под язык щепотку насвая. Это был тот отважный стрелок, который в памятной схватке у Чёрной щели по приказанию духа пророка первым бросился на своего предводителя Кандыра-Коротышку. Аламазон уставился с интересом на табакерку в его руке и протянул руку со словами: «Можно посмотреть?» Стрелок, о чём-то задумавшийся, не расслышал его слов.

– Эй, Хабар! – окликнул его Заячья губа. – Господин Аламазон просит посмотреть тыквянку. А ну, иди сюда, оп-па!

– Оп-па! – вторил Кроличий глаз.

Аламазон, с любопытством разглядывая табакерку, старался вспомнить – где-то он видел похожую. Вспомнил – и сердце екнуло. За несколько дней до похода в Мёртвую пещеру ребята, купавшиеся в Кучкарсае, вытащили из воды точь-в-точь такую же тыквянку.

– Откуда у вас это? – спросил у воина Аламазон.

– Память от Кандыра-Коротышки, – ответил Хабар, морщась от жгучего насвая. – По правде говоря, я отобрал у него табакерку. Не заслужил этот невежда такой красоты.

Аламазону ещё вот что вспомнилось: этот самый Кандыр-Коротышка, начальник пограничной заставы, рассказывал при нем Заячьей губе, как однажды по неосторожности уронил табакерку в реку... «Значит, Кучкарсай – продолжение этого водоворота. Значит, если нырнуть здесь, можно через некоторое время вынырнуть из родника, вытекающего из-под водопада Таштака?», обрадовавшись, заключил Аламазон.

...Это мог быть третий путь в Светлый Мир.

ПЕСНЯ О СВЕТЛОМ МИРЕ

В ответ на вопросительный взгляд Надыма Великого Аламазон кивнул головой: всё, мол, в порядке. Он стоял на коленях у постели Хумо Хобота, который был ещё жив. Старик тяжело дышал. Когда лекарь капал на его рану отваром травы, Хумо Хобот жалобно стонал. Время от времени открывая глаза, он смотрел на окружающих и никого не узнавал. Рузван-ханум беспрестанно вытирала пот с его лица.

Войдя сюда с одной мыслью – о старике, Аламазон не замечал, что блестящие, как бусинки, глаза Хазины неотрывно следят за каждым его движением...

– Рана не очень опасная, – сказал лекарь, когда закончил перевязывать Хумо Хобота, – но он потерял много крови. Выдержит ли старик?

Затем, укладывая лекарства в мешочек, лекарь помолился: «Да поможет ему всевышний осёл!» Бедняга и не подозревал, что самое близкое всевышнему существо – призрак пророка Мадумара – находится совсем рядом...

Аламазон, устало шагая, выходил из дворца на улицу, когда услышал своё имя, произнесённое мягким, как шёлк, приятным голоском. Он замер, как зачарованный.

– Аламазон, – Хазина с развевающимися кудрями тёмно-русых волос быстро подошла и остановилась рядом с ним. – Скажите, кто ранил господина Хумо? Поймали его?

«Вот если б эта девочка стала моим другом! – подумал Аламазон, заглядевшись. – Совсем не похожа на наших хохотушек...»

Правда, она чем-то напомнила Аламазону его одноклассницу Азизу, – точь-в-точь, хотя, конечно, принцесса была одета по-царски и сверкала драгоценностями.

– Убийцу мы не смогли схватить, – продолжив путь, сообщил Аламазон. – Он убежал на тот свет.

Они вместе вышли на дворцовую площадь, направились к травянистому полю, по краям которого высились фигуры из мрамора.

– Почему вы невеселы, Аламазон? – Хазина испытующе глядела на поглощённого своими мыслями Аламазона. – Скучаете... по Светлому миру?

– Да!

Хазина стала расспрашивать, каков он, Светлый мир. Её вопросы были так простодушны и наивны, что Аламазон, хотя и был опечален положением Хумо Хобота, невольно рассмеялся. Особенно его позабавило, когда Хазина спросила: «Если мы выйдем в Светлый мир, будет ли мой брат и там правителем?» Тут он едва удержался, чтобы не расхохотаться.

– Феруз – очень умный мальчик, – ответил он, не выдавая своего веселья. – Возможно, впоследствии станет министром. Но в первое время не сможет выполнять обязанности даже кишлачного старосты.

Тогда Хазина спросила, что значит «министр». Аламазон объяснил, что министр – это важный человек, который может приказывать по телефону далеко-далеко. Услышав это, Хазина захотела знать, что такое телефон. Наконец, у неё всё в голове перемешалось, её взволновало, что в Светлом мире такое множество чудес.

– Если мы выберемся в Светлый мир, мне, наверно, нелегко придётся, Аламазон?

– Ничего, научим, поможем...

– Не надо, – сердито махнула рукой Хазина, – потом будете хвалиться, что из нас, простаков, сделали мудрецов.

– Оставь это, Хазина, – обидевшись, Аламазон остановился. – Неужели ты нас считаешь такими подлецами?

В это время донесся крик Чувяка:

– Э-эй, Аламазон!

Вот не вовремя! Аламазон с досадой отозвался:

– Чего тебе?

– Иди сюда, нужно твоё слово!

Пришлось вернуться. Проводив Хазину до дворца, Аламазон сказал ей: «Посиди немного с господином Хумо, я тебя сменю» и отправился к своим товарищам.

Не дождавшись, пока он подойдёт, Ушастый уже начал говорить:

– «Ай-яй-яй», похоже, уже устарело. Я этим хочу сказать, что они требуют изменить название нашего ансамбля.

– И вы придумали новое? – спросил Аламазон.

Ушастый покачал головой – «Нет!», Например рассердился:

– Ты не придумал, а вот я придумал! – сказал он гордо. Потом повернулся к Аламазону: – Например, назовём вот так: “Боевой ансамбль, который, следуя за духом пророка, избавил страну от грязи».

– Вот как! – сдержанно усмехнулся Ишмат. – Малограмотному понадобится год, чтобы прочесть такое название.

– Тогда придумай сам, покороче! – потрогав у себя за пазухой фонарик, подаренный Аламазоном, сказал Например. – По мне, назовите хоть «Шалтай-болтай».

Усмехнулся и намекнул:

– А может, назовём его «Пузан»?

– В тот раз, когда передавал письмо, тоже допекал меня, – подтолкнув малыша животом, начал заводиться Ишмат. – Предупреждаю: будешь ещё меня злить...

– Нашел, нашёл! – торопливо закричал Аламазон, стремясь не дать разгореться ссоре. – Дадим нашему ансамблю название «Светлый мир»!

– Не понял! – насторожился Ушастый. Увидев, что и Чувяк с Напримером вытаращили глаза, повторил от имени большинства: – Не поняли! Я хочу сказать... что это такое – Светлый мир?

Аламазон покосился на Ишмата. Видимо, толстяка задело то, что Ушастый без всякого волнения повторил название необъятного мира, над которым сияет солнце – он скривился.

Аламазон почувствовал, что верным нукерам надо рассказать всю правду, иначе они ведь могут и обидеться на своего вожака. Но времени для долгого рассказа не было, и он решил пока отложить это дело. Ему надо было проведать Хумо Хобота.

– Светлый мир, что ли? – Аламазон задумался: как бы ответить ближе к истине? – Светлый мир – это Мать-Звезда! Я напишу про неё стихи.

Когда он вместе с пехотинцами направился ко дворцу, его окликнули: «Эй!» Аламазон оглянулся. Ходжимат-Сумасшедший, который был самым весёлым обитателем Юлдузистана, стоял невдалеке, прикусив палец и ухмыляясь.

– Давайте поиграем в догонялки! – чтобы заинтересовать ребят, он подпрыгнул. – Кого поймаем, тот получит щелчок в лоб. Вах-вах-вах...

Мальчики, рассмеявшись, продолжили свой путь.

Аламазон был вдохновлён своей тоской по родным местам и очень быстро написал стихотворение про Светлый мир. Поручив Ишмату заучить стихи вместе с ребятами, пошёл проведать Хумо Хобота.

Старик всё ещё не приходил в сознание. Однако увидев, что он дышит ровнее, чем прежде, Аламазон немного успокоился. При нём в комнату вошёл дворцовый лекарь, вновь стал прикладывать целебные мази к ранам Хумо Хобота. Он подтвердил, что состояние раненого постепенно улучшается.

Когда, лекарь вышел, Аламазон широко распахнул занавеси окошка и задумался, глядя куда-то вдаль, прислушиваясь к журчанию бурливой реки, исчезающей за радужными горизонтами Сверкающего поля.

– Чем любуетесь, Аламазон? – спросила, подойдя к нему, Хазина.

– Смотри вон туда, Хазина, где кончается река, – он указал рукой. – Видишь рубиновую стену?

– Да, вижу, – почему-то с особым вниманием Хазина посмотрела на сверкающие вдали скалы, столько раз виденные прежде.

– Интересно, а?

– Ой, что же там интересного?

– Интересно то, что за этой стеной находится Светлый мир, который красивее всяких рубинов. Однако сверкающие камни закрывают его от нас, – это он вспомнил фразу из «Книги скорби» Маджиддина Равшани, которую когда-то прочёл ему Хумо Хобот.

Хазина немного помолчала. Потом спросила, с какой целью они пришли в Юлдузистан. Аламазон сказал, что они искали сокровище, которое зарыто в пещере.

Слово «хазина» – «сокровище» в Юлдузистане было известно только как имя человека. Поэтому девочка спросила: «А кто она, Хазина?» и вдруг покраснела. Только тогда Аламазон вспомнил, что эта девочка носит имя «Хазина». Улыбаясь, он сказал: «Она – ты».

– Вы меня обманываете, Аламазон, – хотя и видно было, что Хазина обрадовалась, она все-таки разоблачила обман. – Вы ведь меня раньше не видели!

– Верно, не видел, – Аламазон начал говорить в прямом смысле правду, а в переносном – ложь. – Однако я предполагал, что Хазина должна быть в этих краях. Если не веришь, спроси у Ишмата, зачем мы явились сюда. Если он не скажет «искали хазину», то я прощаюсь со своими ушами!

– Поклянись от имени Светлого мира!

– От имени Светлого мира клянусь, что прибыл сюда искать хазину...

Хазина от волнения захлопала ресницами. В это время снизу послышались звуки приятной музыки, ее плавная мелодия разносилась по всему дворцу. Друзья Аламазона успели сочинить музыку к его стихам и теперь от души распевали:

*Ты далёкий ясный свет,
Эй, Светлый мир!
Но для сердца ближе нет,
Эй, Светлый мир!
Ты в пещерах не угас,
Эй, Светлый мир!
Подожди немного нас,
Эй, Светлый мир!*

ЭПИЛОГ. ИЛИ УНИКАЛЬНОЕ ЛЕКАРСТВО

В первых главах повести Аламазон и Ишмат, проглотив таинственные таблетки профессора Агабека Туркони, заснули во Дворце тьмы. Давайте вернёмся в это место.

Сонная улыбка на губах – Аламазон медленно раскрывал глаза, Где он? Во Дворце тьмы! Он вздрогнул.

«Как мы здесь очутились? – он встревоженно оглядывался по сторонам. – Где все остальные?»

Ишмат был рядом. Спал, посапывая, беспрестанно чмокая губами. Вот кому и море по колено! Аламазон рассердился. Когда Ишмат, надувая губы и причмокивая, пробормотал: «Теперь тащи шашлык!», он уже больше не смог сдерживаться. «А если отведаешь оплеухи, это как понравится? – он со злостью, схватив Ишмата за шею, начал трясти засоню.

– Ну-ка, вставай! Тебе говорю, вставай! Помер, что ли? Глаза открой, эй, ты, толстяк!

С трудом раскрыв глаза, Ишмат понёс какую-то чепуху:

– Аи? Что? Отпусти! Не ломай, негодник! Не ломай кухню!

– Всё ещё думаешь о жратве, ненасытный? – продолжал трясти его Аламазон. – Где Феруз и Хазина? Хумо Хобот – где?

– Что ты сам-то мелешь? – придя в себя, Ишмат вытаращил на него глаза. – Какой ещё «хобот»? Хобот бывает у слона.

– Дать по шее, чтоб ты понял, какой хобот? – распалился Аламазон. – Что, забыл его? А где сироты, которые пели с тобой? Может, ты их тоже не знаешь?

– Сам натворил дел, теперь изворачиваешься! Сначала скажи, зачем ты снёс начисто мою кухню?

Переругиваясь и ссорясь, они благополучно прошли сквозь узкий коридор, забыв захватить с собой мешочек, оставленный на полпути. Даже выходя из Мёртвой пещеры, всё ещё попрекали друг друга.

Жители селения Таштака, которые в поисках безвестно исчезнувших мальчиков и ночью не знали покоя, скитаясь по горам, услышали голоса... Кинулись туда. Мальчишки, продолжая скандалить, шли в сторону кишлака. Другая толпа, достигшая подножия горных пастбищ, завидев их издали, подняли крик. Люди стали поспешно взбираться вверх по тропинкам. Вмиг два скитальца были окружены гомонящей толпой.

Дошедшие до отчаяния родители от имени всего встревоженного селения начали отчитывать озорников. Аламазон с Ишматом и тогда не прекратили перепалку.

– Меня не трогайте! – Аламазон, вырываясь из рук отца, уже снявшего поясной ремень, тянулся к Ишмату. – Вот этот обжора, оказывается, даже не знает господина Хумо!

– Такого клеветника первый раз вижу! – кричал Ишмат, тыча в него кулаками. – Он разрушил мою большую кухню, а теперь заговаривает зубы!

– Предатель! – не стерпев такого нахальства, во всё горло заорал Аламазон. – Подонок Грязнули Первого!

Вмешался в дело профессор Агабек Туркони. Посмотрев многозначительно на взрослых, как бы говоря: «Не троньте их, всё пройдет», он обнял племянника за плечи и спросил спокойно:

– Ну, племянничек, где же ты побывал? Что увидел?

Аламазон обрадовался: есть всё-таки в мире сочувствие! Он посмотрел на дядю и сказал – серьёзно и с затаённой обидой:

– Я был в Юлдузистане, дядя. Там люди живут, не зная, что такое солнце. Они сыты, у них под ногами рассыпаны драгоценные камни, но солнца там нет. Я обещал моим друзьям, что выведу их в Светлый мир. Но они остались там, в тёмной пещере. Значит, я обманщик. Я не сумел сделать для них доброе дело.

Аламазон, закончив свой рассказ, медленно стал удаляться, оставив удивлённых людей там, где они встретились. Дойдя до кишлака, он с высоко поднятой головой прошёл по улицам в сторону реки. Подойдя к Усману-пастуху, который пас овец на берегу, Аламазон спросил, не видел ли он, чтобы по реке плыло мёртвое тело.

– Нет, да нет же! – разволновался пастух. – Но пусть аллах не даст мне соврать, видел, что плыл труп овцы.

– Если я лгу, можете отрезать мне уши. – Аламазон ледяным взглядом посмотрел в глаза Усману. – Вы видели тело Бурбулита. Ахмад-могильщик однажды сказал, что умершие все похожи, человек ли, овца ли...

Непонятно начавшийся и неясно законченный разговор бросил пастуха в дрожь, он с недоумением смотрел вслед Аламазону, который направился к водопаду.

Подойдя к бурлящей стене, Аламазон стал на колени у воды, и, глядя на родник, в журчании которого будто звучали голоса юлдузистанцев, долго хранил молчание. Потом, как бы поклоняясь заветной святыне, прошептал:

– Я оставил вас в трудное время, простите меня, господин Хумо! Феруз, Хазина, дорогие мои, для вас я стал обманщиком, простите! Мои весёлые братья, я не успел рассказать вам про Светлый мир, простите меня!

Потом он закричал громче:

– Милые, поверьте, я вас одних не оставлю! И вас, и всех людей Юлдузистана я выведу из мрака пещер. Вы все увидите солнце, да, солнце! Э-э-эй, э-эй! Вы слышите? Я говорю от имени Светлого мира!

Аламазон с тоской смотрел на лазурные воды родника. На его лучистые глаза набежали слёзы. Эти слёзы, сверкая, точно капли утренней росы, падали в бунтующие волны Кучкар-сая, сливались с ними...

Непонятные речи Аламазона о каких-то драгоценных камнях, его уход к речке, безостановочная болтовня Ишмата о какой-то разрушенной кухне привели в полное недоумение всех жителей кишлака.

– Ой, господи! – охватив голову руками, запричитала мать Ишмата. – Если мой умный мальчик останется тупицей, что мне делать?

– Да не надо впадать в панику! – немного заволновавшись, попросил Агабек Туркони. – Я вам говорю: все от того, что мальчики выпили лекарство. Скоро они придут в себя.

Он рассказал вот что.

Археолог, друг профессора, вёл раскопки на Афросиабе. В сыроватом грунте что-то блеснуло. Это оказалась сверкающая серебряная коробочка, размером чуть побольше спичечного

коробка. На крышке этой изумительной безделушки оказались вырезанные буквы. При помощи лупы, буква за буквой, археолог начал читать: «Выпей, и пус... та...» А дальше? Видимо, в незапамятные времена кто-то сильно ударил по крышке, она помялась, некоторые буквы стёрлись. Несмотря на это, впоследствии ему удалось почти полностью прочесть надпись на крышке. Как там предлагалось, он выпил одну из четырёх таблеток, спрятанных в коробочке. Выпил, поразился чудесному действию таблетки, решил обязательно рассказать обо всём своему лучшему другу профессору Туркони.

Услышав его рассказ, профессор понял: жёлтые таблетки могут в ближайшем будущем потрясти весь медицинский мир. Он с большим интересом стал исследовать состав этого изумительного средства, созданного несколько веков назад неизвестным учёным лекарем. Чтобы проверить действие лекарства на разных людях, чтобы убедиться в его чудесной силе, он дал выпить одну таблетку талантливому молодому архитектору. Тот спал беспробудным сном пятнадцать часов. Затем, проснувшись, но ещё чувствуя себя под воздействием лекарства, он начал создавать проекты огромных и благоустроенных современных зданий, признанные впоследствии беспримечным достижением зодчества.

Архитектор рассказывал, что во сне он провёл несколько недель в неизвестном городе, где было множество величественных зданий. Удивительно, что он сохранил в памяти их сложное устройство.

– Надо же, эти шалопаи втихомолку выпили такое драгоценное лекарство, – рассердилась мать Аламазона, когда, вернувшись домой, они узнали всё. – Но что теперь поделаешь? Видно, оно пропало зря.

А старший брат Аламазона, глянув на книжную полку, сказал, покачивая головой: «Его сгубило не лекарство, а книги». Девяностолетняя бабушка начала свои обычные нападки:

– Когда детей балуют, вот так и получается. Этого болтуна давно надо было проучить как следует.

Вновь потрогав ремень, уже очутившийся на поясе, отец спросил профессора:

– Наш Аламазон, кажется, болтает, что в пещере есть какие-то люди? И еще что-то, золота, жемчуга, говорит, навалом, а? Может, в его разговорах что-то есть, а?

– Трудно сказать что-либо про людей, – подумав, ответил профессор. – А что касается золота и прочего... Было бы неплохо, если б геологи хорошенько исследовали окрестности Мёртвой пещеры.

– Значит, выходит...

– Да, может, это и правда, – перебил зятя Агабек Туркони. – Например, когда мой друг археолог выпил таблетку, в своих снах он перенёсся во времена расцвета Афросиаба, тоже участвовал в бою, отражая натиск внезапно напавшего врага. В какой-то момент он увидел, как немолодой человек в златотканном халате закопал под стеной дворца сундучок. После того как друг очнулся, он дал указание коллегам-археологам копать в том месте, которое он заметил во сне. Когда под разрушенной стеной нашли сундучок, полный драгоценных украшений, он от удивления чуть не потерял сознание.

Ещё побеседовали. Потом профессор сказал своему шоферу, что пора готовить машину и отправляться в обратный путь.

– Я ведь собрался в Индию, – сказал он, надевая пиджак, – хотел показать лекарство моему нишапурскому другу доктору Радха Кришану, узнать, что он думает...

– Этот шалопаи огорчил вас ещё больше, чем нас, – продолжала жалеть о редком лекарстве мать Аламазона. – Теперь, значит, уж не найти такого средства?

– Нет, – покачал головой профессор. – И мы не успели установить его состав...

Надев шляпу и направляясь к двери, профессор Агабек Туркони сказал: «А это от меня Аламазону на память!» и поставил на полку серебряную коробочку. Теперь она была пуста и потеряла своё таинственное значение, обратившись в простую безделушку. В словах, вырезанных на её крышке, уже не было волшебства. На крышке было написано: «Выпей, и пусть исполнится твоя мечта!»

1976–1979

Вот жадный
с
Золотым сердцем

Повесть-сказка

ВОЛШЕБНАЯ ПАРИКМАХЕРСКАЯ

Маленькие знатоки, равнодушные к мудрым, деяниям своих предков, знают: на возведение медресе Шердара понадобилось двенадцать лет, на строительство несравненного Аксарая – Белого дворца, и того больше – почти четверть века. Между тем всего одной ночи оказалось достаточно для того, чтобы в самом центре нашего города выросла деревянная будка с загадочной надписью над входом: «Серебряные ножницы».

Ну и что тут такого, скажете вы?

Дело в том, что не будь этой самой будки, не было бы и моего повествования.

А началось все с того, что непоседливый усто Ташмат, не усидев дома после ухода на пенсию, открыл парикмахерскую. Притом не обычную – детскую!

Да. Была она детской, но, к удивлению прохожих, из неё никогда не доносились ни визг, ни писк (всем известно, как дети не любят стричься). И мой младший сын, принимавший раньше машинку в руках мастера за железную ялмагыз¹, теперь спокойно и далее с удовольствием разрешал себя стричь.

На то были свои причины. Усто Ташмат знал бессчётное множество сказок, умел нараспев пересказывать длиннющие дастаны «Авазхан», «Кунтугмыш», «Гёроглы», с особой доверительностью передавал похожие на небылицы таинственные истории.

В такие минуты не только дети, но даже их родители превращались в слух, с готовностью дожидались своей очереди, не торопились домой и после того, как их чада выходили с влажными чубчиками.

Именно там я услышал историю, которую и хочу теперь поведать вам. Трудно сказать, что тут быть, а что вымысел, то ли это сам старик сочинил, то ли позаимствовал из любимой сказки детворы о Гвоздике². Впрочем, это и не столь важно. Главное, что очень интересно.

НАЧАЛО НАШЕЙ ИСТОРИИ

Город наш славен не величиим своим, а тем, что красив и опрятен. Его прямые улицы, пересекающиеся словно линии на шахматной доске, утопают в тени чинар. А если заглянуть в парк, напоминающий скорее рощу или даже лес, то можно увидеть чуть ли не все разновидности деревьев и сорта цветов, какие растут в нашей стране. Рядом с парком протекает буйный сай, в нём вода такая холодная, что даже в саратан³ ломит зубы. А ещё наш город интересен тем, что окружён необыкновенным ландшафтом. Южной частью он выходит в пустынную степь, западной, упирается к подножиям гор, а восточной смыкается с каменистыми адырами, где там и сям выглядывает редкая растительность с нежными одуванчиками, готовыми разлететься от лёгкого дуновения ветерка. А вот южная сторона завершается бугристыми пастбищами, здесь множество родников, они прячутся в пышных зарослях кустарников.

У выхода к адырам, там, где сай петляет меж кустарников, берёт начало небольшой анхор¹, на берегу которого стоит каменное строение, напоминающее маленькую крепость. Расскажи-

¹ Ялмагыз – старуха-ведьма из народных сказок.

² Знаменитая сказка М. Арджилли и Г. Парка «Приключения Гвоздика».

³ Саратан – пик лета.

¹ Анхор – прорытая в ручную река, канал.

вают, это был когда-то загородный дом богатого хлопкопромышленника, а когда бедняки захватили власть, бай погрузил своё имущество на верблюдов и, взяв свою старшую жену с детьми, покинул родину.

Младшая жена, занедужившая после тяжёлой простуды, была оставлена с шестимесячным сыном Бекходжой в городе. Брошенные баем хлопковый завод и несколько огромных роскошных домов были национализированы, а небольшой домишко, вследствие оторванности от города, не представлял интереса для властей и был отписан младшей жене.

Мать Бекходжи была женщиной образованной, все звали её уважительно – Атын-биби. Атын-биби растила сына сама, стараясь вложить в него задатки образованности, предприимчивости, красноречия. Когда Бекходжа подрос и пошёл в школу, то проявил большие способности в науках и с жадностью набросился на учение. Не удивительно, что вскоре стал в них преуспевать.

Но в жизни немало случайностей. Вступив в отрочество, он вдруг занемог, и вскоре ему парализовало обе ноги. Тогда его дядя, ювелир Гани, взял мальчика к себе и стал обучать делу, в надежде, что в будущем племяннику будет на что прокормиться. Способный Бекходжа быстро освоил ремесло – через три-четыре года он превзошёл дядю и стал делать такие изумительные украшения, что о нём заговорили в городе.

Как ни радовалась Атын-биби успехам сына, в душе, однако, испытывала всегда нескончаемую грусть. Особенно заметно это становилось в пору свадеб, когда родственники приглашали ее на смотрины невесток.

Позже стало и того хуже. Бекходжа взял за правило общаться ночами с какими-то подозрительными личностями, о чём-то шушукался с ними, порой засиживался в их обществе до утра.

После того как Атын-биби умерла от чахотки, тихий дом за городом превратился в пристанище шайки знаменитого вора-взломщика по прозвищу Чёрный Крот, а таинственные подвалы, построенные баем-хлопкопромышленником, в амбары для хранения наворованного.

В самый расцвет дела ювелир Гани попался на перепродаже золота. Стоило старику сболтнуть ненароком лишнее – и вся шайка была бы раскрыта. Бекходжа, и без этого живший с опаской, окончательно потерял покой. Одна мысль долбила его мозг: надо вызволять Гани-ювелира из тюрьмы. Надо – но как? Где тот ключ, которому поддадутся железные двери?

Ключик нашёлся совершенно неожиданно. Как-то, листая свежие газеты, Бекходжа наткнулся на статью о своём бывшем однокласснике, ныне известном учёном Камале Камтари². Прочитал – и так обрадовался, будто нашёл исцеление от тяжёлого недуга.

– Как же я раньше-то об этом не подумал? – воскликнул он, самодовольно потирая руки. – Ну, вот, считай, ключ найден. Остаётся прикинуть, во сколько нам это обойдётся.

СМИРЕННЫЙ ЮВЕЛИР

Камал, получив письмо, как всегда, сначала взглянул на подпись: «Бекходжа». Кто бы это мог быть?

Недолго думая, принялся читать:

«Дорогой Камал! От всей души поздравляю с присвоением тебе высокого учёного звания. Расти на научном поприще все выше и выше, дабы мы гордились тобой.

Минуло немало времени со дня нашей последней встречи. Был бы рад вновь увидеться с тобой в моем скромном жилище. Надеюсь, ты еще не забыл своего несчастного друга и найдёшь свободную минуту заглянуть к нему, в его старый заброшенный дом, где он проживает до сих пор.

До встречи. С надеждой увидеть тебя. Бекходжа».

Прочитав письмо, наконец вспомнил автора и вдруг румянцем смущения окрасились его щёки. В детстве Камал никогда не был близок с горделивым Бекходжой, тем не менее усты-

² Камтар – скромный.

дился того, что забыл о своём однокласснике-инвалиде теперь, и подперев пятернёй высокий лоб, задумался.

Вспомнилось давнее...

Камал редко получал замечания. В тот день его пожурил учитель истории:

– В последнее время я не узнаю тебя! Не знать истории своего края!.. Ну, это...

– Ему лишь бы математика!

– Тебя не спрашивают, Бекходжа! – одёрнул учитель выскочку. И продолжал: – Мда... Спутать Муканну с Тараби... Это непростительно. Ты уже не маленький, Камал...

– Если поспрашиваете, он вам и Джалалиддина назовёт Кокандским ханом! – не унимался сын Атын-биби.

– Бекходжа! Замолчи, тебе говорят!

– А что, неправда? – не отставал Бекходжа. – Не мешало бы ему напомнить о его невежестве и тупости.

Тут и Камал не выдержал:

– Заткнись, пережиток!

После уроков, возвращаясь домой, он услышал окрик Бекходжи: «Эй, голодранец!», но не обратил на это внимание, будто слова эти касались не его, и повернулся к нему лишь тогда, когда Бекходжа задел его второй раз: «Что, струсил?» Приблизившись, Бекходжа ударил его в грудь головой. Не столько от боли, сколько от неожиданности Камал повалился на землю и не успел ещё прийти в себя, как Бекходжа насел на него и принялся безжалостно избивать...

Вот такое воспоминание. Прямо скажем, не из приятных.

Летавшая по веранде оса с жужжанием стала биться о стекло.

«Тупым, пожалуй, можно назвать вот это существо, – с улыбкой подумал Камал, откладывая письмо на тумбу рядом с креслом. – Хочет вылететь, но не может найти створку, в которую влетела».

* * *

Домработник Бекходжи в ярко расшитой тюбетейке на обритой голове сноровисто накрыл на стол, выставив редкие яства.

Между бывшими одноклассниками завязался душевный разговор.

Гостиная ювелира напоминала комиссионный магазин на центральной улице большого города. Слева от двери в длинном узорчатом серванте, отражая свечение хрустальной люстры, поблёскивали всевозможные предметы из фарфора, серебра и хрусталя с золотой инкрустацией, от чего рябило в глазах. Туркменские ковры устлали не только пол, но и закрывали одну из стен. На ковре со вкусом были развешаны древние клинки, сабли, палаши, кинжалы. На подоконниках меж бархатными занавесями высились разрисованные китайские вазы. Другая стена была заставлена стеллажами с книгами, большинство которых являли собой редкие экземпляры, что определил Камал с первого взгляда.

Ого! От Юсуфа Хос Хаджиба до Спенсера и Гегеля! Да, с, нынешними продавцами серёжек и колец не шути!

Те, что внизу сложены... Ага, древние книги, писанные арабской графикой.

Заметив, с каким вниманием Камал разглядывает предметы украшения «скромного жилища», Бекходжа горделиво расправил грудь.

– Всё это так... для утешения, – махнул он небрежно рукой. – Ты вот в тридцать лет достиг славы учёного и изобретателя, потому что здоров, руки-ноги целы. Я же, как видишь, вынужден «изобретать» серьги да кольца.

В словах «руки-ноги целы...» Камал уловил намёк: «Если бы я был здоров, таких бы вершин достиг, такой славы добился, какая тебе и не снилась».

– Ну, что ты, разве украшать наших женщин не великое дело? – попытался подбодрить хозяина гость. – Дарить людям радость и красоту...

Бекходжа не упустил случая, вцепился в последние слова бывшего однокашника.

– Спасибо тебе, – сказал он, потянувшись к выдвижному ящику за спиной и вынимая оттуда бархатный футляр, который положил затем перед Камалом. – Если ты искренен, поддержи меня на моей стезе.

Камал взял в руки футляр и благоговейно раскрыл его. В нём поблескивали пара серёжек и перстень с рубиновыми глазками. Увидев драгоценности, он недоуменно глянул на Бекходжу.

– Не смущайся, дорогой, – мягко, будто актер, исполняющий роль ангела, произнёс Бекходжа. – Это для меня то же самое, что дехканину поднести дары со своего огорода.

– Но ведь...

– Понимаю, тебя не заботит твоя собственная персона, но ты подумай о жене. Сам говоришь: мы должны украшать наших женщин...

Иронично оглядев на молодом учёном взъерошенные волосы и недорогой костюм, Бекходжа обворожительно улыбнулся и подмигнул ему: мол, бери, пока я добрый.

Разглядывая украшения, выполненные с большим вкусом, Камал время от времени испытующе поглядывал на ювелира, тот же, стараясь придать своему лицу серьёзное выражение, казался непроницаемым.

«Как бы ценны не были эти вещички, они всё равно не прельстят меня, – говорили глаза Камала. – Щедрая природа наделила меня энергией и талантом. Разве этого недостаточно?»

«Мне жаль тебя, босоногий Аристотель, – молча отвечал Бекходжа. – Ведаешь ли ты в эту минуту, что обречён на вечный труд и вечную неудовлетворенность?»

«Природа одарила меня проницательностью и умом, и тем самым дала возможность ощутить счастье познания. Разве это, не превыше всего?»

«Несчастный, а знаешь ли ты, как сладко не ведать забот окружающего мира, быть равнодушным к страданиям и воплям?.. Да, природа справедлива, в ней царит незримое равновесие, каждому отпускается своё, и нет на земле человека, наделённого всем; награждённый чем-то, в то же время бывает в чём-либо ущемлён...»

«Я никогда не чувствовал себя в чём-либо ущемлённым».

«Мы, простые смертные, привыкли смотреть на жизнь каждый со своей колокольни. Находясь в эйфории одобрений подобных себе чудаков, ты не замечаешь, как в то же время за спиной твоей дразнят тебя и смеются над тобой ловкачи, уже успевшие потуже набить кошель. Возможно, моё положение – обратная сторона этого зеркала. Но, как бы то ни было, превосходство на моей стороне: у меня есть деньги. Деньги скрывают любые изъяны: глупца делают уважаемым, бессильного сильным. У знания нет такой привилегии, даже бедность твою они не в силах скрыть от чужих глаз».

«Неужели бедность ты считаешь пороком?» «Во всяком случае, к достоинству её тоже не причислишь. А раз так, старайся покрепче ухватить то, что идёт тебе в руки. Борьба за существование – кто кому глотку перегрызёт, и если в этой суматохе ты упустил что-то, то упущенное уже не вернёшь. Бери же, бери! Первый раз это всегда трудно, потом привыкнешь, захочется ещё, захочется больше...»

Камал привык признавать и ценить умение, талант своих оппонентов, и на этот раз глядел на свидетельство мастерства ювелира не скрывая восхищения. Но вот наконец прикрыл крышку футляра. Ставя его на край стола, он несколько замешкался, не находя нужных слов. Он искал неоскорбительный повод для возвращения щедрому хозяину дома его дорогих подарков, но, как видно, не находил убедительных доводов.

МАГИЯ В ТЕНИ ПОДАРКА

Бекходжа хоть и хотел казаться спокойным, между тем его сверлящий взгляд выдавал внутреннее напряжение, улавливал каждое изменение в поведении Камала. Глаза ювелира под стать его тонким чёрным бровям были узки и чарующи, напоминая лица с восточных миниатюр. На первый взгляд они казались умными и добрыми, не способными причинить никому зла. Но как обманчиво было это впечатление.

– Мизерная доля из моего урожая, вижу, не пришлась тебе по вкусу? – тоном сожаления нарушил он недолгое молчание.

– Отнюдь... – и на этот раз постарался подбодрить его Камал. – У тебя золотые руки, я восхищён.

– Вот это другое дело! Если уж ты восхищён, то о жене твоей не придётся и говорить...

– Я очень сожалею... – с улыбкой взглянул на него Камал, – но моя жена и слышать не желает об украшениях. Видите ли, юристы должны быть очень строги к своей внешности. Золото, да ещё с камушками... Им это не положено.

Бекходжа будто и не слышал о его семье, удивился:

– Она юрист? Вот это да!.. Я-то подумал: симпатичная такая малютка...

– Эта малютка... сейчас прокурор города.

– Что ты говоришь! Да не может этого быть! Значит, судьба моего дяди...

Бекходжа сделал вид, будто невзначай вымолвил слово и вовремя прикусил язык. Камал насторожился.

– Дядя?

– Ох, и глупая у меня привычка, – сам себя пожурил Бекходжа. – Стоит начать разговор с близким человеком, как не могу удержаться от откровенности, не могу не поделиться с тем, о чём болит душа.

– В чём же всё-таки дело?

– Понимаешь, дядя мой, который заменил мне отца, находится сейчас в тюрьме. И что обидно – из-за пустяка!

Камал внутренне съёжился и пристально взглянул на Бекходжу.

– Ну... если действительно из-за пустяка... – Попытался уйти он от разговора. Там, мол, разберутся... и все уладится...

– Понимаешь, среди них сейчас не так много таких, как ты, – стал жаловаться Бекходжа. – Там не разбираются, что пустяк, а что серьёзно. Особенно, когда дело касается золота. Не важно, продал ли ты пятьдесят граммов или украл пятьдесят килограммов – всех одной дубинкой. Разве это справедливо?

Камал понимал, что в тени маленького подарка прячется большая просьба. Не в силах проглотить то, что у него было во рту, он непроизвольно положил обратно в вазу кисточку винограда.

– Ты хочешь сказать... Извини, конечно... но я никогда не вмешиваюсь в дела жены.

– И правильно делаешь, – одобрительно кивнул Бекходжа. – Вмешиваться всё время в дела жены мужчине не к лицу. Но, согласись, бывают случаи...

Поглаживая худой подбородок, ювелир на мгновение заколебался. Затем придал своему взгляду просительное выражение: «мол, на тебя вся надежда» и продолжил:

– Ну, в общем... ты жене не говори, где взял эти украшения. Если уж начнёт допытываться, можешь рассказать немного обо мне. И было бы неплохо, кстати, если бы ты между делом упомянул о моих душевных мучениях из-за дяди. Он мне теперь вместо отца, ты знаешь.

Камал застыл, не в силах вымолвить ни слова. Протягивая ему наполненную рюмку, Бекходжа стал упрашивать уже в открытую:

– Ну, пожалуйста, помоги, ведь ты же можешь, не забывай, что мы с тобой старые друзья. Сам понимаешь, я калека, нуждаюсь в помощи. А без дяди мне не прожить. Да благословит тебя аллах.

«Да благословит тебя аллах!» Все тот же Бекходжа.

И опять вспомнилось, как было в школе...

– Не доучил ты урок, Бекходжа. На этот раз ставлю тебе «четверку».

– Подождите, учитель, подождите! Поставьте мне «пятёрку» в долг. Вот увидите, в следующий раз...

– В следующий раз и получишь «пятёрку».

– Ну, пожалуйста, учительджан, да благословит вас аллах...

– Ну вот... Забыл, что здесь советская школа, а не мечеть? «Двойка» тебе!

– Пойдите, учитель! Вы же знаете, матушка меня в детстве обучала по-старинному. Вот я и привык, язык так и поворачивается. Но в бога я не верю, вон, спросите у ребят! Хотите, я пророка назову дураком? А чего бояться, у нас есть правительство...

...Да, неизменный Бекходжа. Истоиво божится – богохульствуя...

Камал невольно принял рюмку, но будто обжёгся, осторожно поставил её на стол. Ещё в детстве распознавший плутовство Бекходжи, он решил не обижаться лишней раз, видя, как тот юлит перед ним. Но Камала больно задело то, что тот поставил его в один ряд с теми, кто живёт ради наживы, да ещё таким примитивным способом решил купить его.

– Стало быть... это только задаток, маленькая доля, так сказать, от большого куска... Говоришь, пригодится в нужде? – усмехнулся он и решительно отодвинул подарок к ювелиру.

Пташка, казалось бы, уже попавшая в силоч, вдруг вспорхнула и улетела! Бекходжа приуныл, но сумел не подать вида и озабоченно сдвинул брови на переносице.

– Хорошо, тогда поговорим в открытую, – Бекходжа без стеснения сбросил маску несчастного и продолжил: – У тебя ум, у меня – деньги. Если объединить то и другое – можно далеко пойти, многого достичь.

– Не понял философии.

– Не прикидывайся дурачком.

Бекходжа решил собраться с мыслями и, стащив зубами мясо с шампура, стал сосредоточенно жевать шашлык.

– Ты талантлив.– Проглотив мясо, он принялся пояснять свою философскую идею. – У талантливых людей, как известно, тьма врагов и недоброжелателей. Сегодняшние аплодисменты могут завтра обернуться неожиданными ударами под дых. Такова логика всякого развития.

Бекходжа с видом мудреца взглянул на Камала и, подышав сквозь зубы, продолжил:

– Ты – человек целеустремлённый. Более того – беспокойный, рвущийся вперёд. Если дорога прямая, ты готов бежать по ней до самой смерти. Но, к сожалению, в жизни много преград. Если даже у тебя и хватит сил одолеть их, ты многое потеряешь: время – раз, силы – два, собьёшься с основного пути – три. Одним словом, пока доберёшься до желанной вершины, лишишься возможности одолеть последние ступени и мечта так и останется мечтой. Но если у тебя появятся деньги, много денег! – то враги твои превратятся в друзей, а препятствия в мосты, ты добьёшься всего! Вот такая это сила – деньги. Хочешь, я дам тебе эту силу. И заметь, что это не в долг, это сразу и насовсем!

– Во-первых, у меня нет никаких врагов, – спокойно произнёс Камал, подавив гнев и на этот раз. – А если бы и были, то лучше бороться с ними по-мужски, в открытую, полагаясь только на себя.

Бекходжа, откинувшись, будто ему всё надоело, уставился в потолок, затем играючи стал постукивать длинными пальцами по столу.

«Хм, нашёл с кем откровенничать, да ты, оказывается, ещё дитя! Интересно, в каком кармане находится твоя соска? Гляди ты, как горделиво сидит. Хочет сказать, что чист? Думает, что после смерти ему воздвигнут памятник на площади. Никто не может наперёд знать итог своей жизни и как долго будут помнить тебя люди».

Бекходжа, скривив губы, перестал стучать.

– Знаю, ты честный парень, – начал он, будто жалея доброго друга. – Ну, а другие? Деньги, которые ты не принял сегодня, могут перейти в руки другого, и он, возможно, использует их против тебя же. Деньги, что джинны: кому принадлежат, тому и служат, – не разбираются, кто прав, а кто не прав.

– От твоих «джиннов», когда их слишком много в чьих-то жадных руках, одни несчастья. Они скорее исполнители не желаний, а злодеяний.

– А ты используй их для исполнения благих дел – уничтожай, сокрушай, ради будущего, всё, что тому препятствует. Опережай, пока тебя не опередили. Таков этот мир. Смотри, не проворонь своё счастье.

Собравшись уходить, Камал напоследок сказал ювелиру:

– Деньги – это всего лишь цветная бумага. Их бы собрать да сжечь. А наука не горит в огне.

Переступая порог, он услышал громкий голос Бекходжи:

– Чудеса, творимые наукой, покупаются на деньги! Деньги сильнее всего!..

Два дня спустя ранним утром перед Бекходжой предстал его постоянный домработник по кличке Суперсур. Почёсывая обритую голову, он заявил:

– Хозяин, плохи дела.

– Говори без предисловий.

– Я о вашем дядюшке, ювелире Гани.

– Не тяни, Суперсур, – забеспокоился Бекходжа. – Выкладывай всё, как есть.

– Короче, в тюрьме с ним был сердечный приступ.

Бекходже не терпелось поскорее узнать главное. Оно угадывалось, но ещё не верилось...

– Что? Умер? Да не мычи ты, не мямли!

– Отошёл старик, – подтвердил тот спокойно.

Для Бекходжи эта была самая приятная весть за последние две недели. Свободно вздохнув, он откинулся на спинку кресла.

Всё! Не надо ловчить, унижаться перед всякими там скромниками... Но главное, не выдаст никого.

– Я благодарен тебе, дорогой Суперсур¹, за то, что в трудные минуты ты разделяешь мое горе, – печально произнёс Бекходжа и для приличия поднёс платок к глазам. – Что делать, мы с тобой бессильны перед творцом, если ему угодно было призвать к себе такого простого человека, как мой дядя.

ЧЁРНЫЙ КРОТ

Прошло двадцать лет...

Весенняя погода обманчива: утром сияло солнце, после полудня поднялся ветер и принёс с северной стороны караван чёрных туч, к вечеру всю колотил дождь. Порывистые струи, обрывая с ветвей прошлогодние изрешечённые листья, вминали их в землю; оголённые ветви серых деревьев, казалось, купаются перед тем, как одеться в новый наряд.

Перед сумерками к мрачному дому ювелира Бекходжи подъехало такси. Из машины вышел атлетического сложения мужчина с большой битком набитой сумкой и, съездившись, вернулся в плащ. Это и был разбойник по кличке Чёрный Крот. Вернувшись полгода назад после десятилетнего тюремного заключения, он вновь принялся за старое дело, сойдясь с прежними друзьями.

Рассчитавшись с таксистом, Чёрный Крот двинулся в сторону кирпичного дома, затерявшегося в сених древних карагачей. С трудом одолевая ступеньки, которые местами были зелены от сырости, он поднялся на крыльцо веранды и протянул было руку к кнопке звонка, как дверь бесшумно раскрылась сама, и на пороге показался остроглазый мальчик лет шести и поманил его вовнутрь.

– Проходи, кривоносый! Я увидел из окна, как ты идёшь.

В коридоре Чёрный Крот снял с себя плащ и шляпу, повесил на крючок. Затем похлопал мальчика по плечу и по-волчьи оскалился. Это у него означало улыбку.

– Как там у нас со жратвой, господин дармоед?

– Сам дармоед! – сжав кулачки, капризно выкрикнул мальчишка. – Показывай, что мне принёс! Или забыл?

– Мы из тех, кто держит своё слово, Халдарбай, – и Чёрный Крот вытащил из кармана игрушечный пистолет. – Этот драндулет называется револьвером.

Хитрый мальчишка, стараясь не выказывать своей радости, нахмурился, принимая подарок. Потом, ткнув к носу Чёрного Крота, нажал курок. Автоматический пистолет, пуская из дула искры, затарахтел.

¹ Сур (узб.) – нахал.

– Отличная «пушка»! Постарался кривоносый! – удовлетворённо проворчал Халдар. – Я бы тебе голову оторвал, если бы ты пришёл с пустыми руками.

В этот момент из комнаты вышел Суперсур, в неизменной яркой тюбетейке.

– Хозяин ждёт тебя, – сказал он Чёрному Кроту. – Заходи скорей.

Переваливаясь из стороны в сторону, как водолаз в скафандре, Чёрный Крот прошёл по ковровой дорожке до конца коридора, грубо распахнул дубовую дверь.

Ювелир Бекходжа сидел спиной к двери в мягком кресле на колесах, грея у электрического камина свои безжизненные ноги. Он не пошевелился даже тогда, когда дверь шумно закрылась.

– Приветствую вас, хозяин, – громко сказал гость, остановившись у порога.

Из-за высокой спинки кресла прозвучал ангельски чистый голос Бекходжи:

– Я слушаю тебя, Чёрный Крот. Удалось тебе вытянуть что-нибудь интересное из профессора?

Приблизившись, Чёрный Крот положил сумку на стол рядом с вазой, наполненной яблоками.

– Кажется, упёр больше, чем надо, хозяин. Будете довольны.

Двигая колеса руками, ювелир развернул своё кресло к столу и ласковым взглядом указал Чёрному Кроту на стул.

– Признаться, я боялся, что твои ключи не подойдут к умственному кладезю, – проворчал он удовлетворённо.

Раскрыв сумку, гость вытащил магнитофон, напоминавший «Репортёр» радиожурналиста.

– Есть один парень с хорошо подвешенным языком, – стал объяснять Чёрный Крот, вынимая магнитофон из футляра. – Представился корреспондентом радио, выудил у него всё, что нам надо.

На мрачном бледном лице Бекходжи проступили ямочки.

– Bravo, дружище! Давай послушаем лекцию профессора Камала Камтари.

Чёрный Крот закурил сигарету и включил магнитофон.

И вот послышался бравый голос...

Корреспондент: Уважаемый профессор, в одном из своих последних интервью вы наметнули на то, что конструируете какого-то авточеловека. За короткое время мы получили тысячи писем от радиослушателей – интерес к авточеловеку растёт. Не будете ли вы столь любезны рассказать поподробней об этом вашем изобретении?

Профессор: Во-первых, должен сказать, что этот аппарат не умственнозрелый авточеловек, а всего лишь кибернетический Автомальчик, ещё не осознающий полностью своего предназначения в обществе. Его аналитический ум несколько ограничен, он нуждается в систематическом направлении его способностей, указаниях, что и как делать.

Корреспондент: наших радиослушателей очень интересуют особенности и специфика этого аппарата.

Профессор: Создавая Автомальчика, я постарался повторить в нём все свойства организма человека. Микросхема, вмонтированная в его голову, очень напоминает ткань человеческого мозга, благодаря чему он видит, слышит, говорит, мыслит и действует в соответствии с поставленной задачей... И даже, представьте себе, устаёт. Поэтому, нажимая на специальную кнопку, его надо на шесть-семь часов в сутки отключать, то есть давать ему «поспать». В противном случае через тридцать шесть-тридцать семь часов ткань его мозга может полностью разрушиться.

Корреспондент: Если говорить о его бодрствовании, то выходит, Автомальчик крепче пожарников?

Профессор: Очень уместная шутка... Дело в том, что у Автомальчика, как и у нас с вами, имеется сердечно-сосудистая система. Разница лишь в том, что по его венам течёт не кровь, а поток электрических зарядов. Эта система подчиняется сигналам, исходящим из позитронного мозга. Она очень совершенна, обеспечивает выполнение Автомальчиком, обладающим эластичным телом и чувствительными сухожилиями, самых сложных действий, причём

очень аккуратно. Например, он может поднести человеку, не проронив ни капли, наполненную до краев пиалу с водой. Но нельзя заставлять его поднимать груз более трёх центнеров.

Корреспондент: Это восхитительно! Мальчишка довольно силен!

Профессор: К тому же он хороший бегун. Причём он сам выбирает, где и с какой скоростью передвигаться. Даже в самом многолюдном месте он может пройти, никого не задевая. А когда возникает необходимость бежать, то он может развить скорость до ста семидесяти километров в час.

Корреспондент: Чудное изобретение! Надеемся, в скором будущем наши граждане смогут встретить подобный аппарат на базаре или в сквере. Дорогой профессор, близок ли этот день?

Профессор: Да, не далек. Автомальчик почти готов. Жду заказ, который должна выполнить фирма «Голубая планета». Как только будет изготовлен прочный, долгодетный аккумулятор, то есть золотое сердце, Автомальчик тут же встанет на ноги. И начнёт жить, да! Учиться жить среди людей, говорить, совершать поступки...

... Чёрный Крот выключил магнитофон и торжествующе выпустил в потолок клуб сигаретного дыма.

– Дорогой, в предприимчивости тебе нет равных! – принялся хвалить его ювелир, поглаживая свой нос. Табачный дым ему был неприятен. – Значит, как только будет готово золотое сердце...

– Аккумулятор будет готов через неделю, – прервал речь хозяина Чёрный Крот. – Мой корреспондент побывал на фирме «Голубая планета», взял и у них интервью. Корреспондентское удостоверение я изготовил ему сам.

– Молодец!

Бекходжа с удовлетворением взглянул на своего «работника». Он наслаждался тем, что его подопечные здорово провели и этого не доступного гордеца профессора, и этих «золотоголовых» специалистов из фирмы, и, наконец, тем, что его гость притушил сигарету на дне пельницы.

– Представь себе, что я сижу в резиденции Великого Тимура и речь идёт об очистке Дамаска. Хочу сказать, что дело серьёзное и требует серьёзной проработки плана.

Чёрный Крот, похоже, сам подумывал о дальнейшей судьбе железного мальчика. Заговорил уверенно:

– Я не зря послал корреспондента в «Голубую планету» Украсть Автомальчика и аккумулятор надо одновременно. Если мы замешкаемся с этим делом, то профессор может испортить свою куклу, воспитав его по-своему. Верно говорю?

Бекходжа согласно кивнул.

– Ты прав как сам пророк Магомет, Чёрный Крот. Говори.

Чёрный Крот самодовольно осклабил. Рад, что угодил хозяину.

Смело протянув руку к вазе, он взял яблоко и, вытащив из-за пазухи нож, принялся счищать с него кожицу.

– Где находится аккумулятор, мы знаем, – уже спокойнее заговорил он. – Когда будет готов, тоже знаем. Мои джигиты запросто провернут это дело. А вот мальчишку поручите мне самому.

Прищурив косою глаз, Чёрный Крот продолжал чистить яблоко и, шамкая, игриво поглядывал на Бекходжу. Он всё сказал.

– По мне, так надо сделать наоборот, – ювелир вздёрнул палец, на котором блеснул перстень с рубиновым глазком и направил в сторону Чёрного Крота. – Эти ненасытные люди наверняка лучше стерегут два грамма золота, чем железного мальчика.

Отправляя в рот с кончика ножа дольку яблока, Чёрный Крот с жадностью посмотрел на графин с вином, стоящий на Дальнем краю стола.

– Понял, хозяин, – сказал он, сопя. – Выходит, аккумулятором должен заняться я. А джигиты выкрадут Автомальчика. А заодно и профессора... – Он вонзил нож в деревянную ста-

тую стоящую в углу комнаты. Нож попал прямо в лоб статуи, изображающей средневекового воина с луком.

Бекходжа взглянул на пронзённую скульптуру и повернулся опять к Чёрному Кроту. Понял недосказанное. И не одобрил.

– Учёных, любезный Крот, нельзя убивать, – сказал он тоном мудреца. – Они приносят большую пользу обществу. Мы с тобой тоже часть этого общества. Кто бы нам сотворил Автомальчика, если бы не было Камала Камтари, а?

Поняв, что яблоки почищены не зря, Бекходжа придвинул к себе графин и фужеры, разлил вино. Чёрный Крот, измерив взглядом количество налитого, сказал:

– Если не уберём профессора, можем влипнуть, – он сморщил кривой нос и откусил от яблока. – Этот изобретатель наверняка запомнил нашего парня, которого мы послали корреспондентом. Хорошая зацепочка для ментов.

– Пожалуй, ты прав, – сказал Бекходжа. – Придётся его ликвидировать.

Чёрный Крот обрадовался, что хозяин согласен с ним, но тут же передёрнулся, услышав уточнение:

– Да, корреспондента надо убрать. Мне бесконечно жаль твоего красноречивого джигита. Но... В большой игре не должно быть даже самого малого риска. А профессора не трогать! С Камалом Камтари у меня личные счёты. Я убью его сам. Морально. Мо-ра-льно! – И тихо закончил: – Выпей за здоровье профессора.

ТРАГЕДИЯ В ГОРАХ

Начальник городского уголовного розыска майор Ахмедов со своей оперативной группой вошёл во двор профессора Камала Камтари. Его насторожила странная тишина. Войдя в открытую дверь застеклённой веранды, сотрудники милиции увидели связанного по рукам и ногам с кляпом во рту домработника профессора. Самого Камтари в таком же положении нашли в его спальне. Хорошо – живы, облегчённо вздохнул Ахмедов.

– Подлецы! – пробормотал профессор, поглаживая онемевшую руку, на которой выступили синяки от верёвок. – Странно, кому так понадобился мой Автомальчик? К тому же без аккумулятора...

– Дело в том; уважаемый профессор, – сказал майор, внимательно следивший за работой экспертов, – аккумулятор на фирме «Голубая планета» сегодня ночью украден. Мы об этом узнали утром. И потому мы здесь. Профессор, вы никому не рассказывали в подробностях об Автомальчике?

– Рассказывал, – профессор поморщился. – Корреспонденту радио.

Лицо майора оживилось.

– Если не трудно, назовите его фамилию...

Профессор медлил с ответом. Похоже, он ещё не пришёл в себя после пережитых страхов, мучений, а теперь на него навалилась ещё и тревога. Что робот без аккумулятора? Игрушка в руках дураков! Но страшно подумать: вдруг кто-то вложит в Автомальчика его золотое сердце, мальчик оживёт, станет послушным чьей-то воле... Чьей-то злой воле – в этом уже можно не сомневаться.

– Вы спрашиваете про корреспондента, – вспомнил профессор. – Фамилия... Да своей ли фамилией он назвался?.. Несколько дней назад он брал у меня интервью и тогда произвёл на меня хорошее впечатление: эрудирован, корректен и не слишком назойлив. Но вчера этот корреспондент позвонил мне опять, попросил уделить ему две-три минуты для каких-то уточнений. Я, разумеется, не смог ему отказать. И вот... – Камал Камтари надул губы и утомлённо прикрыл глаза, словно бы показывая своим видом: вы же ясно представляете себе, что было потом.

Майору не составило труда вообразить, как, войдя в кабинет учёного, «корреспондент» направил на профессора пистолет, вежливо предложил встать лицом к стене, не оборачивать-

ся и не повышать голос, как разбежались по комнатам торопливые шаги... Но майора интересовали сейчас малейшие подробности происшедшего.

– Я понимаю, в каком вы состоянии, профессор, – сказал он, – и прошу прощения за то, что беспокою вас. Но поймите меня...

– Да, да, – перебил Камтари. – У вас такая работа... Спрашивайте.

– Скажите: для чего вы создавали своего Автомальчика?

– Чтобы избавиться от одиночества, – не открывая глаз, устало вымолвил профессор.

У Камала Камтари и его жены долго не было детей. Наконец, будучи уже сорокалетней жена родила ему сына. Профессору показалось, что стены его кабинета отступили и солнечный день проник в сумрачный до этого мир. Казалось, и жена только теперь поняла счастье семейной жизни, и в смущённых глазах её засияла теперь гордость материнства.

К сожалению, счастье оказалось недолговечным. Вскоре профессор одновременно лишился и жены, и сына. Стоит ему только вспомнить те дни, нервы натягиваются как струны сета¹ и он чувствует, как они готовы порваться с болью и стоном.

Красивый, незнойный кишлак Ходжамазар, расположенный в горном ущелье, был излюбленным местом отдыха горожан. На праздник Навруз, ранней весной Камал Камтари со своей семьёй отправился туда. Сыну его тогда шёл второй год, и он уже отчётливо выговаривал слова «мама» и «папа». Они, как всегда, остановились у старика-мельника. Дом мельника располагался далеко от кишлака и отличался тишиной и опрятностью. Было всего несколько дней отдыха, – счастливых дней! – и вдруг приглашение на симпозиум... Профессор твёрдо пообещал вернуться вскоре, еще до конца недели, и уехал.

А уже на следующий день в горах был сильный ливень. Ранним утром прибежал шофёр и сообщил, что в Ходжимазаре прошел большой сель. Профессор тут же сел в машину и помчался в горы...

Через три дня тело жены нашли далеко от Ходжамазара на выходе из ущелья. Труп сына не был обнаружен. Сель...

Камтари с трудом открыл глаза и печально взглянул на майора Ахмедова. Затем тихо сказал:

– Я хотел сконструировать себе самого сильного, самого работоспособного, самого послушного сына. Чтобы его не то что сель, даже пуля не брала. Увы, видно, не судьба...

Рассказ профессора майор Ахмедов выслушал с большим участием. Драма, пережитая учёным, в самом деле ужасна.

Но майора не могла не встревожить и вылазка грабителей. Такого ещё не бывало. Забирали золото и деньги, антиквариат и видеоаппаратуру, случалось, не брезговали дублёнками и джинсовыми, и коврами, и хрусталем, но чтобы робота, куклу...

Это вчера было куклой. А сегодня – это робот. А завтра это может стать металлическим убийцей...

Майор понимал, что его ожидает неустанная, напряжённая работа. Промедление с поимкой преступников может обернуться большой бедой.

Надо искать Автомальчика.

Надо найти.

Как?..

ТРУДНЫЙ УРОК, ИЛИ ПОЗНАНИЕ «ИСТИНЫ»

Итак, Автомальчик поселился в доме ювелира Бекходжи.

К лету он научился не только говорить, но и спорить и даже делать выводы из собственных суждений. Подобно окружающим его людям, он был груб, циничен и жесток.

В этом доме Автомальчику нравился только Халдар, хотя тот и называл его «Жестяной». Халдар был капризен и вспыльчив, однако не давал в обиду своего металлического друга,

¹ Сетар – струнный музыкальный инструмент.

внешность которого напоминала чешуйчатую рыбу, всячески оберегал его от грубостей Суперсура, когда тот изображал из себя хозяина дома.

Не очень-то жаловал Автомальчик и ювелира Бекходжу: он так уставал от его наставительных речей, что микроконденсаторы, установленные в его головной части, перегревались.

Вот и сегодня первую половину дня Автомальчик провёл довольно весело. За высокими каменными стенами, среди буйной растительности они играли с Халдаром в войну. Если Халдар «убил» его раз десять, то Автомальчик Халдара «поверг насмерть» раз двадцать. И оба были живы, возбуждены.

А кончилась игра невесело. И все из-за Халдара, но досталось Автомальчику.

Случилось вот что. Халдару вдруг захотелось яблок, и он стал сшибать камнями еще незрелые плоды осенних розмаринов. И вчера, помнится, было то же: когда настала пора прятаться Автомальчику, Халдар прекратил игру, сказав, что ему хочется яблок. Жутьничество Халдара разозлило Автомальчика, и он, обхватив яблоню за ствол, который был толщиной с голенище сапога, вытащил с корнями из земли и в сердцах бросил к ногам Халдара.

– На, жри, да гляди не объешься!

– Молодец, Жестянка! – обрадовался Халдар и захопал в ладоши. Затем с жадностью набросился на зелёные плоды.

И тут как тут Суперсур, сразу в крик:

– Ах ты, потомок кочерги! Нашёл куда использовать силу! У тебя голова или кастрюля? Соображаешь, нет? Зачем сгубил дерево?

– А чтобы нажрался этот длинноухий, – стал оправдываться Автомальчик. – Когда пришёл мой черёд прятаться, этот симулянт замер под деревом, так смотрел, будто готов слопать всё, что на нём. Вот я и предоставил ему такую возможность.

Выходит, Халдар виноват, нет – Суперсур опять напустился на Автомальчика.

– Этот сад не наследство твоей железной тетки, чтобы выкорчевывать деревья! Ух, чтоб сгореть твоему конструктору!

– Не ори! – жуя яблоко, погрозил кулаком Халдар. – Я тебе голову оторву, если будешь обижать Жестянку!

Халдар ещё не умел читать и писать, но рисовать любил. Однажды он нарисовал человечка, приставившего нож к горлу соперника и, хотя человечки были уродливы, один высок и худ как жердь, другой кривоног, тем не менее отец похвалил его: «Вот это настоящее мужское искусство. Цветы и птички пусть рисуют бабы».

Но вот как-то во время обеда, когда Халдар ел, Автомальчик взял его тетрадь для рисования, карандаши и стал что-то чертить.

Пообедавший Халдар подошёл к другу и, взглянув на его рисунок, воскликнул:

– Вот это да! Здорово похоже!

Затем, взяв у Автомальчика тетрадь, протянул разливавшему чай Суперсуру: «Взгляни на Кривоносого». Суперсур отпил глоток и пренебрежительно покосился на тетрадь, да так и застыл. Затем торопливо поставил пиалу на стол и впился глазами в рисунок. На листе точно-точно был изображён Чёрный Крот.

– Здорово! – выразил восхищение Суперсур. – Я думал, что у тебя ведро вместо башки, а ты вон как можешь!

В это время из селекторной установки на шкафу послышался голос ювелира: «Суперсур, ты уже проглотил свой обед?» Суперсур, приблизив обросшую щетиной образину к динамику, подвывая, ответил:

– Слава аллаху, набили животы...

– Прекрасно, Суперсур, – прозвучало опять в селекторе. – Сначала зайди ко мне и убери со стола. Затем начнём занятия с Автомальчиком.

– Мы не возражаем, хозяин!

Через некоторое время Автомальчик нехотя предстал перед ювелиром.

– Здравствуйте, хозяин!

– А, пришёл? – дружески взглянул на него Бекходжа. – Ну, как наши дела, Автомальчик?

Автомальчик, приготовившийся сесть в кресло, услышав последние слова ювелира, удивлённо застыл. Он это уже где-то слышал... И в памяти его всплыло приветливое лицо одного человека. Но где и когда он видел это лицо? Нет, не вспомнить! Лишь слова те же самые запомнились: «Ну, как наши дела, Автомальчик?», и ещё... всплыло, как седоволосый погладил его по голове и приветливо похлопал по плечу.

– Ты выглядишь сегодня печальным, дорогой! – ювелир глазами указал ему на кресло. – Мой сын не обижает тебя?

– Мы дружны с Халдаром! – сказал Автомальчик, удобно устроившись. – Меня этот Супер чуть что ругает. Таких надо убивать, вынимая из них аккумулятор.

Бекходжа расхохотался.

– Этот старый нахал даже автомату успел надоесть? – сказал он, подавляя смех. Затем, не предвидя того, что последующие слова ему когда-то дорого обойдутся, добавил: – Но вот что запомни, дорогой: в убийстве слабого нет доблести.

Увлечённый играми, Автомальчик, нетерпеливо ёрзал в кресле, как бы напоминая: «Чего тянешь, давай, проводи скорей свой урок!» Угадав его настроение, ювелир посерьёзней и, постукивая пальцами по столу, ненадолго задумался.

– Если не ошибаюсь, на прошлом уроке мы говорили о предметах и их ценности, и пришли с тобой к единому благоразумному мнению, – начал он, глядя на Автомальчика. – Ты не забыл этот вывод?

– Помню, – кивнул Автомальчик, обладающий необыкновенной памятью. – Вы говорили, что «ценность вещи заключается в его цене».

– Прекрасно, мой мальчик! Стало быть, валяющуюся на дороге железную ложку даже собака не понюхает. Но если ложка золотая, люди из-за неё передышат друг друга, и мы этому не должны удивляться. Не так ли?

– Верно, хозяин, – одобрительно кивнул Автомальчик. – Потому что цена золота высока.

Придав своему бледному лицу победное выражение, ювелир принялся далее вбивать в пизатронную голову мальчика свою философию.

– Сегодня мы поговорим о деньгах и отношении к ним человечества, – сказал он. – Человек, как всякое живое существо на земле, хоть и занято своей утробой, тем не менее имеет некоторое преимущество перед животным. То есть он умеет отличать деньги от обыкновенной бумажки, более того, любит их, копит их, и при необходимости частично тратит их. Именно этим своим качеством он резко отличается, к примеру, от осла и свиньи.

Бекходжа помолчал, чтобы нанизать мысли как жемчуг на нитку.

– Эти самые деньги, заслужившие законное право на любовь и уважение достойных людей, действуют в двух направлениях, – продолжил свой «урок» ювелир. – Первое направление – это прибыль, второе – убыток, выражаясь ещё проще, то, что попало в карман – барыш! То, что ушло из кармана – трата. Трата – это всегда убыток. Чем больше прибыль, тем удобней делать затраты. Но в любом случае не следует допускать того, чтобы прибыль равнялась с затратами. Отощание кошелька начинается тогда, когда человек не понимает этого элементарного правила или пренебрегает им. А у того, у кого кошелек пуст, нет ни положения, ни авторитета...

Суперсур, с нетерпением ожидавший Автомальчика, в надежде, что тот нарисует его портрет, увидев его уставшим, решил отложить на время свою просьбу.

– У меня горит голова, – сказал Автомальчик, бросившись на кровать. – Отключи меня, Супер. Я должен немного поспать.

– Хорошо тебе, ведроголовый, – осанисто подошёл к нему Суперсур и отодвинул стальной колпачок на груди мальчика. – Нажмешь на красную кнопку – умираешь, на зелёную – оживаешь. А попробуй я умри, да хоть сто раз на меня нажми, даже ухом не шевельну.

Он нажал на кнопку и задвинул стальной колпачок на место. Мурлыча себе под нос: «Спи, мой маленький, баю, ведроголовенький, баю», Суперсур вышел из комнаты.

ПЕРВОЕ ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗАНЯТИЕ

Вздвогнув от боя настенных часов, старый сторож открыл глаза. Было три часа ночи. Чумной от выпитого, он сидел покачиваясь на стуле, веки были тяжелы, глаза слипались.

Чтобы разогнать сон, старик налил из термоса крепкого чая и только хотел отхлебнуть, как вдруг дверь закрытого изнутри помещения с треском распахнулась, и он услышал стук упавшего на землю замка. Не успел старик собраться с мыслями, как перед ним предстало непонятное существо – не то чёрт, не то человек – в странном чешуйчатом одеянии. На плече у существа висела синяя плюшевая сумка с изображением в середине ярко-красного петуха.

– Ни звука! – Автомальчик подошёл к застывшему от изумления старику и приставил палец к губам. – Чш-ш-ш!!

– О, аллах, иллаллах, – опомнившись, зашептал молитву старик, стремясь тем самым отпугнуть нечисть. – В рот твой топор, в глаза твои перец... Тьфу-тьфу!! С глаз долой! Исчезни! Изыди, сатана!

– А я не боюсь ни топора твоего, ни перца, – сказал Автомальчик. Затем сильными, цепкими пальцами схватил старика за шиворот, волоком потащил в коридор. Действуя точно по плану Черного Крота, он подвёл старика к пятой двери, расположенной справа, и остановился.

– Открой по-хорошему! – приказал он старику, указывая на дверь с табличкой «Профсоюзный комитет».

– Ключ от этой комнаты у начальника, – дрожа от страха, произнёс старик. – Если вру, пусть аллах меня покарает, он всегда надо мной.

Перекатывая похожие на чёрные пуговицы глаза, Автомальчик посмотрел на потолок, и никого там не увидев, погрозил пальцем, «чего, мол, врёшь»; затем взялся за ручку двери, легко толкнул её, отчего замок в скважине заскрежетал, вокруг него образовались трещины и, как труха, посыпались щепки. Дверь распахнулась. Грабитель завёл старика в комнату и поставил его лицом к стене, ещё раз повторил: «Ни звука!» и направился к сейфу.

Стенки сейфа не были заполнены песком. Автомальчик обеими руками взялся за выпуклую наружу ручку и крутанул её, затем дёрнул, отчего внутри будто посыпался металл. Он спокойно раскрыл дверцу и, вытащив из сумы фонарик, осветил внутренность сейфа. На обеих полках лежали деньги: на верхней – купюры навалом, на нижней – пачки, крест-накрест склеенные бумажной лентой.

«Вот они, необыкновенные бумажки! – радостно подумал Автомальчик. – Что там говорил Чёрный Крот? «Увидел деньги, прикармань смелю!» Ага. Так и сделаем».

Он уложил в суму с петушком всё то, что лежало наверху, потом принялся бросать туда пачки. Денег было много, и вскоре сумка его наполнилась доверху. Однако больше половины ещё оставалось в сейфе.

Автомальчик ненадолго задумался, потом вытряхнул деньги из сумы обратно в сейф и захлопнул дверцу.

Чуть наклонил его на бок и подлез под него.

Когда тяжёлые, словно проламывающие пол шаги смолкли, старик несмело оглянулся и, к удивлению своему, не обнаружил ни мальчика-джинна, ни... сейфа.

«Вот это да! – застыл на месте старик. – Похоже, див пророка Сулеймана опустился с гор. Никак конец света?..»

* * *

...Чёрный Крот, в нетерпении дымивший у подоконника сигарету, увидев Автомальчика, несущего огромный сейф, оторопел. Соскочив с места, он бросился к двери веранды, и когда раскрыл её, Автомальчик уже поднимался по ступенькам.

– Куда прёшь, истукан! – растерявшийся от неожиданности наставник принялся поносить ученика. – Зачем притащил этот драндулет? Вот осёл!

– А что прикажешь делать, кривоносый? – хмуро глянул из-под сейфа Автомальчик.

– Поворачивай назад! – Чёрный Крот повёл его в конец сада, где была потайная калитка.

Сейф они поместили в амбаре, и Чёрный Крот заспешил к хозяину, чтобы сообщить новость. Спустя некоторое время, он, ворча, вернулся. За ним показался Суперсур, кативший впереди себя кресло с Бекходжой.

– Деньги не поместились в суму, хозяин, – стал объяснять Автомальчик, зачем тащил сейф.

Ювелир давно смекнул, что профсоюзные взносы многотысячного коллектива хлопкозавода немалы, но и думать не смел, что велики настолько.

У Бекходжи было прекрасное настроение. Глаза его светились радостью, и радость эта исходила не от того, чем был набит сейф, а от того, что Автомальчик справился с заданием даже лучше, чем можно было ожидать.

– Не смотри так зло на своего коллегу, Чёрный Крот, – по-монашески отрешенно произнёс ювелир. – Посчитай-ка лучше, какова прибыль?

Чёрный Крот, сопя, вывалил из сейфа содержимое. На землю выпала куча денег и посыпались связки лотерейных билетов. Ювелир с помощью Суперсура взял в руку одну из них и взглянул на Автомальчика.

– Вот это, дорогой мой, всего-навсего разрисованные бумажки, символы обыкновенного плутовства, в которой включаются глупцы. Если не ошибаюсь, я демонстрировал тебе образцы настоящих дензнаков. Ты плохо усвоил урок.

– Кривоносый дал мне никудышный фонарик, – нахально свалил свою вину на Чёрного Крота Автомальчик. – Света от него, как ума у хозяина.

Услышав поклеп, Чёрный Крот разозлился.

– Нашёл оправдание, драндулет, – блеснул он здоровым лазом. – Фонарь, видите ли, плохой. Лучше сбегай сам в мастерскую, да почини зенки.

Суперсур, сжалившийся над Чёрным Кротом, который роиграл ему вчера кучу денег, тоже напустился на Автомальчика:

– Это голова или котелок? – постучал он по голове новоявленного вора.

Ювелир нахмурился и будто говоря: «Кончайте!», спросил автомальчика:

– Надеюсь, ты прикончил сторожа?

– Хозяин, убивать слабых – это не доблесть, – повторил он «учителю» то, что усвоил на «уроках».

Бекходжа вспомнил свои слова, сказанные Автомальчику, несколько дней назад, и смекнув, что отрицать их, значит лишиться доверия ученика, замешкался.

– В общем-то ты прав, – уступил он. – Но запомни, если ты сегодня из-за жалости пожалеешь мышь, то завтра она может перегрызть твою суму с петушком. Слабость бывает разная. Будь безжалостен в борьбе за существование, опережай, пока тебя не опередили, иначе могут победить тебя.

Закончив назидание, ювелир озабоченно глянул на сейф. Этот инвентарь, стоявший на учёте государства, нельзя оставлять в доме. Он велел запихать лотерейные билеты обратно в

сейф, а сейф утопить в озере, расположенном в километрах двух от дома. Бедному Автомальчику пришлось вновь взвалить на себя этот тяжеленный железный шкаф.

– Барыш мог бы быть и покрупнее, – проворчал Суперсур после ухода Автомальчика, с жадностью глядя на деньги. Можно было и кассу ограбить.

– В кассе сигнализация, – сказал ювелир. – К тому же вчера у рабочих был день получки. Да и цель моя была не в том, чтобы получить свою долю из отцовского хлопкозавода, а провести практические занятия с Автомальчиком.

Бекходжа, довольный своей предприимчивостью, гордо расправил грудь.

«Эх, Камтари, Камтари, – скривив тонкие губы, мстительно подумал он. – Когда-то ты пренебрёг моими деньгами и сделал большую ошибку, которой хватило тебе на всю жизнь. Я лишил тебя многого, по частям отбирая у тебя всё самое дорогое. Ты смастерил себе металлическую игрушку. Но не успел твой Автомальчик открыть глаза, как я опять столкнул тебя в болото одиночества. Несколько лет назад ты отстранил от научной работы одного своего ассистента, назвав его бездарем и кутилой. А он, твой «бездарный» ученик, собрал и наладил Автомальчика и посвятил нас в его тайны. И всё это он сделал за мои деньги. Моя сила – в моих деньгах. С помощью денег стоит только захотеть, я могу лишить тебя всех твоих званий. Но я не сделал этого. Потому что, чем больше званий у твоего соперника, тем интересней с ним бороться. Я наслаждаюсь тем, что морально душу не слабую личность, а знаменитого Камала Камтари, который когда-то преклонялся перед наукой, а теперь через различные звания и степени сосредоточил всю ее силу в своих руках. Пока ты держишься, но я уже слышу твой стон! А раз ты ноешь, значит, тебе больно. Это руки денег стискивают тебя. Стало быть, они сильнее тебя. Да, деньги – сила!..»

ЗОЛОТОЙ КАПКАН, ИЛИ МИКРОМАЯК

Поздоровавшись с профессором и расспросив его о самочувствии, майор Ахмедов сел на диван и тут же перешёл к делу.

– Наверное, вы догадываетесь, зачем я к вам пришёл? Надеюсь, профессор слышал о слухах, которые ходят по городу.

– Слышал, – тихо произнёс Камтари. – У всех на языке Автовор.

– Когда старик, по счастливой случайности оставшийся в живых, рассказывал о железном грабителе, я вспомнил ваши слова о физических возможностях Автомальчика. – Майор старался говорить осторожно, чтобы не ранить профессора.

Камал Камтари низко опустил голову. Можно подумать, он сам имел непосредственное отношение к этому ограблению.

– Да, это мой Автомальчик, – произнёс он, шумно вздохнув. – Никакой другой робот на такое не способен.

С разрешения профессора майор закурил. Глядя на портрет Аль-Хорезми на стене, он несколько раз глубоко затянулся и, повернувшись к собеседнику, сказал:

– Я пришёл к вам не для того, чтобы уточнить, ваш ли это Автомальчик, а просить у вас совета.

Профессор пристально взглянул на майора.

– Хотите, чтобы против автовора я смастерил вам автопреследователя?

– Нет, по-моему, это заняло бы слишком много времени, – сказал майор. – Мне... нам нужен микромаяк.

– Что? I,

– Обыкновенный микромаяк. Хотелось бы, чтобы он был миниатюрным и магнетическим. После этого можно было бы начать операцию под названием «Золотой капкан».

Придуманый майором капкан был прост и надёжен, – у него родился план организовать в городе выставку старинных золотых изделий. Эта приманка непременно привлечёт внимание той банды, которая завладела Автомальчиком. По замыслу майора, микромаяк следовало

установить на один из самых крупных предметов, чтобы тот излучал постоянные сигналы, и если предмет этот будет украден, то можно напасть на след похитителей.

– В общем-то ваша идея очень остроумна, – произнёс профессор. – Но к чему этот микромаяк, когда Автомальчика можно поймать на этой выставке самого. Например, соорудив очень крепкие решётки...

– Вот здесь вы ошиблись. Сразу видно, что вы не детектив, – улыбнулся майор, стряхивая пепел с сигареты. – Нас интересует не столько Автомальчик, сколько те, кто управляет им. Вы думаете, если мы поймаем Автомальчика, он так сразу и укажет на своих хозяев?

Профессор хорошо знал, что Автомальчика не так-то просто вызвать на откровенность. Для этого надо заслужить его полное доверие, никаким другим силам он не подвластен. А для перевоспитания его, вернее, выправления его поведения, понадобилось бы немало времени. Для майора же каждая минута была дорога, ибо его заботило только одно – поимка настоящих преступников. И как можно быстрее. Если он не поспешит, то может всё упустить. Такова его работа.

После недолгого молчания Камал Камтари сконфуженно, будто и вправду был виноват его сын, спросил:

– Сколько денег украл Автомальчик?

– Пока не очень много, – ответил майор, сделав ударение на слове «пока». – По-моему, это было всего лишь испытание Автомальчика.

– Испытание?

– Да. Я в этом уверен. И если мы не примем срочные меры, то ваш Автомальчик... извините, этот авторазбойник может ещё не то сотворить... Одним словом, чем быстрее будет сделан микромаяк, тем быстрее продвинется наше дело!

Расстроенный профессор, проводив гостя, принялся расхаживать по комнате. Автомальчик – вор! Разбойник! Это неслыханно! Ведь профессор Камтари создавал своё детище из самых благих намерений, для высоких целей. И предмет его вдохновения, мечтаний, плод его бессонных ночей делает сегодня зло – грабит людей?

Сегодня – грабит! А завтра начнет убивать? Как же тогда известному учёному глядеть людям в глаза? Да и можно ли себя оправдать тем, что он не желал этого, что робота направили на разбой другие?

«Ведь ты был не таким! – профессор в отчаянии прикусил губу. – В тот день твои глаза излучали такое добро...»

Тот день запомнился профессору навсегда. Перед тем как заказать фирме «Голубая планета» аккумулятор, профессор решил испытать Автомальчика – пустил в его «сосуды» ток в двенадцать вольт. Автомальчик, прислонённый к углу комнаты, постепенно ожил: приподнял свисавшие безжизненно голову и руки, твёрдо встал на ноги, огляделся по сторонам, остановился взглядом на некоторых предметах и портрете Аль-Хорезми, наконец, взглянул на профессора. Камтари, глядя на него с улыбкой, погладил его по спиралевидным металлическим волосам; любовно похлопал по плечу и сказал: «Ну, как наши дела, Автомальчик?» и подумал про себя: «Потерпи ещё несколько дней, и ты станешь настоящим мальчиком».

Убедившись в том, что все детали робота действуют нормально, он отключил ток, но увидев, как тот опять безжизненно сник, расстроился; ему показалось, что он лишил жизни только что родившегося и впервые посмотревшего на мир ребёнка...

Думая обо всём этом, Камал Камтари ещё раз вспомнил выражение лица Автомальчика, которое излучало гордость и чистоту. Профессор перестал ходить по комнате и, закрыв полные тоски глаза, застыл на месте.

– Что с тобой сделали, сынок мой! – невольно прошептали его губы.

НЕПРОБИВАЕМЫЙ ГРАБИТЕЛЬ

Мамат-миллионер принял в магазинах городка химиков деньги в специальных мешочках, уложил их в саквояж и сел на заднее сиденье «Волги». Машина двинулась в сторону города.

По правде говоря, он не был миллионером, такую кличку дали ему друзья за то, что он вот уже лет тридцать работал инкассатором. Через его руки за день проходили десятки и сотни тысяч рублей, но жил он более чем скромно. Его небольшого оклада с трудом хватало на пропитание и одежду девятерых детей, себе же не мог справиться приличный костюм.

Между посёлком химиков и городом пролегала голая, выжженная степь. Трудно было поверить, что совсем недавно такая же пустошь была на месте цветущего, благоухающего ныне посёлка химиков.

Который уж раз Мамат-миллионер равнодушно взирал на эти скучные просторы. Вот и на этот раз, устало глядя в окно машины, он неожиданно вспомнил, что у младшей дочери сегодня день рождения. «Что бы ей купить в подарок?» – озабоченно пощипывал он себе ус. Да так и не успел придумать – увидел на дороге странного металлического человека, с высоко поднятой рукой.

– Не останавливай! – крикнул он шофёру. – Это он! Автограбитель!

Шофёру уже приходилось слышать о нём; он поднажал на газ, и машина промчалась мимо Автомальчика.

– Жми на всю катушку! – крикнул Мамат-миллионер, вытаскивая из кобуры пистолет. – Он гонится за нами!

Стрелка спидометра, дрожа, поползла к концу шкалы, показывая все большую и большую скорость: 100... 110... 120... 130...

– Давай, брат, давай! – торопил шофёра Мамат-миллионер.

Когда стрелка спидометра достигла цифры 140, мотор взвыл, казалось, машина вот-вот взлетит. Это была предельная скорость.

Автомальчик, как то ни удивительно, вскоре догнал «Волгу» и силой ударил по багажнику, от чего металлическое покрытие прогнулось и на машине образовалась выемка размером средний таз для замески теста. Перепуганный Мамат-миллионер, высунувшись в открытое окошко задней дверцы, несколько раз в упор выстрелил из пистолета и с ужасом заметил, что автограбителя не берёт пуля, более того, Автомальчик ускорил бег и уже мчался рядом с машиной, ухватившись за оконную раму. Мамат, не помня себя, забился в противоположный угол и крепко прижал к груди саквояж.

– Эй, чурбан! – грозно окликнул его Автомальчик, пригнувшись к стеклу. – Если ты опять вздумашь играть со мной в «войну», я вырву твои усы.

Затем он перебежал к передней дверце и, сунув руку в окно, ухватился за руль.

– Останови! – громко приказал он. – Если не остановишь, поверну баранку, тогда узнаешь, как колеса крутятся в воздухе.

Шофёру ничего больше не оставалось, как нажать на тормоз.

Автомальчик открыл дверцу, вытащил за шиворот дрожащего шофёра и легонько пнул под зад, отчего тот отлетел на обочину дороги, затем подошёл к задней дверце, чтобы разобраться с Маматом-миллионером.

– Отдавай прибыль по-хорошему! – сказал он, сунувшись в машину и протягивая к саквояжу свои цепкие металлические руки.

– Т-ты, ты что, с ума сошёл?! – прокричал срывающимся олосом Мамат-миллионер и крепче прижал к себе саквояж, – то же государственные деньги, сумасшедший!

– Какое мне дело, чьи они! – нагло выкрикнул Автомальчик. – Мне не говорили, не брать государственных. Деньги – все! Ну?!

– З-за... за это придётся отвечать и по большому счету, слышишь, мальчик! – не сдавался Мамат, указывая при этом пальцем куда-то вверх. – Ты хоть раз читал уголовный кодекс Узбекистана? За такое преступление не погладят по головке, возьмут да сдадут в утиль, понимаешь?!

– Не заставляй перегреваться мою голову. – Автомальчик отнял у него саквояж, открыл его и стал перекаладывать деньги в свою суму с красным петушком. – За то что не остановились вовремя, я бы мог вам обоим оторвать головы, но в убийстве слабых – нет доблести.

Он закрыл свою суму, стянул её металлической цепью и, отступая назад, приложил палец к губам, грозно шипя:

– Ни звука! Чш-ш-ш!

Пока Мамат-миллионер пришёл в себя и выбрался не без труда из машины, Автомальчика и след простыл. Далеко в степи клубилась лишь пыль за беглецом.

После этого случая разговоры об авторазбойнике разлетелись по всему городу, волнуя и будоража воображение жителей. Собираясь группами, люди горячо обсуждали случившееся, спорили, возмущались, с ужасом хватались за головы.

– Представляете, «Волгу» догнал...

– Видел бы... Сам слышал от одного ответственного лица – пятьсот километров в час жмёт, каналья.

– Надо же, банковскую машину ограбил...

– Злодея пуля не берёт – как орешки от него отскакивают они...

– Как бы то ни было, следует поймать этого прохвоста...

– О, эту почётную миссию мы предоставляем тебе, приятель! Вот зайдёт он к тебе ночью в окно, да поздоровается. Ты и хватай его. И держи крепко. Ха-ха-ха, ха-ха-ха!

ТОРГОВКА ШАРАМИ

Халдар был не по годам груб и упрям. На людей он смотрел изподлобья, поблёскивая пронизательными глубоко посаженными глазами, разговаривая, будто обиженный, капризно надувал чуть припухшие губы, а когда злился, его брови сходились на переносице и лоб морщился как у старика. Строптивость его объяснялась не только грубостью окружавших его людей. Мальчишка рос, так и не познав материнской ласки, без игр со сверстниками, а сам мир его был ограничен высоким дувалом.

Редкие радости доставляли ему прогулки, на которые он выезжал вместе с отцом на «жук-машине» – потрепанном «Запорожце» Суперсура. Жизнь Халдара несколько оживилась после того, как отец купил для него металлического друга (он не сомневался, что Автомальчик именно куплен ему для забавы). А друг оказался замечательный: сильный, ловкий, выносливый и понятливый.

Вот и сегодня Халдар катался на Автомальчике, как на коне, с одного конца сада в другой. Пронесаясь мимо ворот, он увидел под навесом Суперсура, тот чинил машину, лежа под ней на подстилке. Халдар спрыгнул с Автомальчика и подошёл к дом-работнику.

– Эй, Супер, ты когда опять повезёшь меня в город? – спросил он подбоченясь.

Суперсур, раздосадованный тем, что никак не мог докопаться до причины поломки, угрюмо молчал. Повозился ещё минуту-другую и вылез из-под машины. Потом в сердцах швырнул ключ на землю и так же молча прошёл к стоявшей на краю аллеи скамейке. Усевшись, вытер грязной тряпкой промасленные руки.

Угнетённое состояние Суперсура подзадорило Халдара. «Так тебе и надо, ворчун!» – зло-радно подумал он и, чтобы позлить старого тугодума, издевательски спросил:

– Эй, лысый, когда ты купишь новую машину?

Но Халдару на этот раз не повезло – Суперсур не вышел из себя, как бывало обычно в таких случаях, и ответил неожиданно миролюбиво:

– Может быть, подашь эту идейку своему папочке?

– А у тебя что – язык отсох! Пойди и скажи ему сам!

– Пробовал говорить, – сплюнул сквозь редкие зубы Суперсур. – Знаешь, что ответил твой папочка?

Почувствовав в молчании Халдара недовольство, Автомальчик поспешил вмешаться:

– Чего мнёшься, Супер, откуда ему может быть известно, что сказал тебе его отец?

– Они, – будто говоря о боге, Суперсур возвёл ладони вверх, – говорят: «Чем больше у тебя богатства, тем латанней у тебя должны быть штаны».

– Какие... штаны? – не понял Халдар.

Суперсур молча поднялся с места и, что-то ворча себе под нос, направился к дому.

– Кончено! – сказал Автомальчик, пристально глядя ему вслед. – Пропал Супер. Кажется, у него стряхнулись мозги. Ты говоришь о машине, а он о штанах.

Воспользовавшись отсутствием Суперсура, они влезли в машину, чтобы поиграть там. Халдар сел за руль, Автомальчик устроился рядом. Халдар крутил баранку и, брызгая слюной, дребезжал: «др-р-р, др-р», а Автомальчик время от времени кричал: «бип-бибип».

– Хочешь, возьмём тебя с собой на прогулку, когда машину исправят? – спросил Халдар. – Она хоть и маленькая, но быстро ездит.

– Всё равно ей меня не перегнать, – похвастался Автомальчик.

Халдар удивлённо покосился на него.

– Ты что, с ума сошёл? Это же машина, «Жук-машина»! У неё мотор, понял?

– Это у меня мотор! – вскипел Автомальчик. – Даже прыгая на одной ноге, я перегоню этого твоего жука!

– Ну-да уж, так и перегонишь!

– Давай на спор, – ещё больше разгорячился Автомальчик. – Идёт?

– Идёт! На что?

– На твой пистолет!

– А проспоришь?..

– Не проспору! Ладно, отдам тебе свой фонарь.

Выбравшись из машины, Автомальчик с лёгкостью отодвинул в сторону чугунные подпорки, открыл ворота и, взяв Халдара за руку, вывел его со двора. Они прошли сквозь заросли и остановились в адырах.

Автомальчик нисколько не сомневался, что давно желанный пистолет уже принадлежит ему. Он присел на корточки и предложил другу взобраться ему на плечи. Халдар, замороженный невиданным доселе простором, застыл на месте, жадно оглядываясь по сторонам. Сегодня он впервые самостоятельно переступил порог дома и не в силах был оторвать взгляда от пружинящей под его ногами земли, от вцепившихся в эту землю всеми корнями неярких дрожащих на ветру полевых от возвышенностей, которым эта небогатая растительность придавала мрачно-бурый цвет. Первый раз в жизни он смотрел на всё это свободно, не по чьей-то указке.

– Эй, давай побыстрее! – поторопил Халдара Автомальчик. – Садись, тебе говорят!

Опомнившись, Халдар стал неловко взбираться на плечи друга. Автомальчик встряхнул его, проверяя, удобно ли тот сидит.

– Считай, что ты уже распрощался со своим пистолетом! – сказал он и помчался в сторону сая, который извивался между адырами, как оборванная тетива.

– Ну как твой аккумулятор, ещё не сел? – спросил, не останавливаясь, слегка повернув голову в сторону седока.

– И это называется бег? – задиристо произнёс Халдар. – Собака и та бежит куда быстрее.

– Ах так? Ну, держись крепче! – завёлся Автомальчик и припустил еще быстрее.

Сначала игра увлекла Халдара, он понукал Автомальчика, пришпоривал пятками, то и дело выкрикивал: «Пошел, пошёл, жеребчик!» Потом, когда перед его глазами стали в мелькании сливаться деревья и кустарники, закружилась голова, перехватил дух и он пауком вцепился в шею Автомальчика, закричал: «Остановись! Остановись, тебе говорят!»

Вздыбив гравий на берегу сая, Автомальчик встал. Халдар съехал по его спине на землю, и, задыхаясь так, будто бежал сам, сел на камни.

– Неплохо бегаешь, Жестянка! – стараясь казаться равнодушным, признал Халдар. – Давай и ты садись, отдохни.

Автомальчика задело то, что друг не восхитился им.

«С этим жуликом и поспорить нельзя, – подумал он. – И теперь будет настаивать, что «жук-машина» бегаёт быстрее меня. Но пусть не надеется – фонаря моего ему всё равно не видать!»

– Я не устал, – обиженно ответил он. – Если захочу, могу и дальше этого, и быстрее этого пробежать. А ты как думал! Ты ещё меня не знаешь!

– Не хвастайся!

– Жулик! Нахал! – не выдержал Автомальчик. – Кто упрасивал: «остановись, хватит!»? Ты же сам не дал мне лучше разбежаться. Глаза прижмурил, не видел, как я бегу! А хочешь посмотреть? Смотри, как я добегу вон до той горки! – И не дожидаясь ответа, разгоряченный спором Автомальчик вскочил на ноги, рванул с места так, что в Халдара шибанула щебнем, будто от вырвавшегося из пробуксовки колеса машины. Пока проморгался – Автомальчик исчез из виду.

«Да, уплыл мой пистолет, – почесал затылок Халдар, сожалея, что зря поспорил с Автомальчиком. – Если побиться на что-нибудь большее, эта Жестянка и на луну взберётся».

Мальчишка настолько был занят своими мыслями, что не услышал, как зашуршал на берегу сая осыпающийся гравий, и огляделся лишь тогда, когда совсем рядом прозвучал чей-то голос: «Что здэс дэлаешь, эй, бачо?¹ Кто ты такой?» На ослике с хурджуном, устроив перед собой пухленькую девочку, развалившись, сидела смуглая старуха, её чернющие глаза блестели, как антрацит. И осёл, и собака были черны, как закопчённый котёл.

– Какое тебе дело? – огрызнулся Халдар. Но поняв, что та настроена миролюбиво, подобрел: – А ты кто?

– Вай, бачо-о! – шлёпнула старуха себя ладонями по коленям. – Ты что – не из нашей страна, из заграница пирехал? Здэшний любой живой душа миня знает, за голос маего осла узнаёт. Если ти слышал о мудрой бабушка-шар, то не зевай, вот она – перед тобой. Паздаровайся с ней, да харашенько.

– Здорово... бабушка Шар.

– Эй, бачо, ти только не думай, что почтенный старух завётся шар из-за её толщина, – заволновалась цыганка. Затем, указывая на девочку, продолжила: – Я бил вот такой малютка, когда шар начала продавать.

¹ Бачо – мальчик (тадж.)

– Шары, говорите? – заинтересовался Халдар, вспомнив, как однажды в городе Суперсур купил ему разноцветные воздушные шары, и с надеждой посмотрел на старуху. – А мне дадите?

Бабушка-шар потёрла большой палец об указательный, засопела.

– Сначала надо заплатить, айла-най. В твоих карман, я знаю, имеется монетка, раз ты встал мне поперёк дороги.

Халдар сунул руки сначала в карманы рубашки, затем вельветовых брюк, и не найдя ничего, вдруг ступешевался и просительно посмотрел на старуху. Но та ещё никому в жизни не уступала свой товар в долг и тем более даром, поэтому хоть и почувствовала, что у мальчишки нет ни копейки, всё же не теряла надежды выудить у него хоть что-то.

– Даже бутылка нет? Что – твой несчастный папа и не пьёт? Я не жадный, однак...

Услышав необычный шум, старуха прервала свою речь, и упёршись толстым подбородком в грудь, обернулась в сторону, откуда он доносился. Затем, приставив козырьком ко лбу ладонь, внимательно взгляделась в адыры, где, волоча за собой клубы пыли, стремглав бежал обратно Автомальчик.

– Ты не знаешь, что тут праисходит, – спросила она на своём цыганском диалекте. – Мчит-ся на меня мотоцикль или ослица, почуявшая моего мула?

– Не бойтесь, – успокоил её Халдар, чувствуя, что она непременно ударится в панику, хоть и держится пока спокойно. – Это мой друг, мальчик такой...

Между тем Автомальчик приближался. Рассмотрев наконец-то непонятный предмет, бабка опешила. А когда поблёскивающее на солнце незнакомое существо стремглав подлетело к ним и с шумом остановилось, вовсе растерялась. Испуг её передался ослу, тот, подпрыгнув, закричал и начал лягаться, отчего бабушка-шар, увлекая за собой девочку, повалилась на землю и во весь голос начала поносить кого-то на своём языке. Девочка тоже визжала что есть мочи. Скаля зубы, не переставал кричать и старый осёл.

– Бери его, Караялак! – крикнула старуха собаке. – Вали, вали, шайтана!

Собака, зная и ласки и побои своей хозяйки и всегда беспрекословно подчинявшаяся ей, не заставила себя долго ждать. С громким лаем бросилась на врага. Разъярённая собака попыталась укусить и впилась зубами в Автомальчика ногу, но тот даже не вздрогнул, стоял как вбитый кол, вопросительно поглядывая на Халдара: «чего, мол, она делает?»

Караялак совсем остервенел, вознамерился вцепиться ему в глотку, но Автомальчик ловко поймал собаку на лету и, будто разглядывая игрушку, стал вертеть её в руках: раскрыл пасть, заглянул в рот, осмотрел зубы, язык, глотку, затем взяв за хвост, отбросил в сторону, как отбрасывают обглоданную виноградную кисть. Жалкий визг собаки доконал осла, и тот, вырвавшись из рук хозяйки, в ужасе бросился в бурлящий сай.

– О, прапал я! – завопила старуха, шлёпая себя ладонями по бедрам. – Осёл мой уплил! Весь мой пожитка в хурджуне!

Девочка, будто вторя старухе, визжала пуще прежнего.

– Чего орёте! – прикрикнул на них Автомальчик. – Поймать вашего осла? Только перестаньте выть!

– О, аллах! – взявшись от удивления за воротник платья, обернулась старуха к Халдару. – Я думала, эта чугунный печка с руками-ногами, а он ругает меня как чалавек! – И тут же стала умолять Автомальчика. – Дай бог тебе здоровья, Чугунный палван, если можешь, поймай мой хурджун. Не нужен мне больше неверный осёл, раз он бросил такой мудрый хозяйка.

– Хорошо! Но только уговор, – не кричать больше.

Автомальчик пошёл к саю и, войдя в воду, нырнул. Халдар, обеспокоенный тем, что друг его может не выплыть (железка же!), напустился на цыганку:

– Чтoб подох твой осёл! Ты же утопишь Жестянку, старая ведьма! Я тебе голову за это оторву!

Халдара поразило, как безоглядно бросился Автомальчик выполнять просьбу. Ведь утонет он, вон, утонул уже, пропал... И понял Халдар в эту минуту: то, что он считал игрушкой, называл Жестянкой, значило для него куда больше – друг, единственный друг... И невольные слёзы брызнули у него из глаз.

– Эй, бачо, не винават я, – подняла руки старуха, отчего широкие рукава её платья стали развеиваться как флаги. – Твой дружок, что, не соображайт! Сам-то он из чугуна, а пристало ли чугуну купаться... да ещё в таком сае. – Она вытянула руку, указывая на сай, и вдруг радостно воскликнула: – Сматри! Бона, голова тваего чугунного палвана. Не утонул, однак.

Халдар торопливо вытер слёзы и взглянул туда, куда указывала старуха. Автомальчик, беспрестанно двигая руками и ногами, плыл, покачиваясь, словно в люльке, на гребне волны.

– Плыви к берегу, Жестянка! Зачем тебе этот осёл?

Халдар бежал по берегу и кричал что было сил. Вдруг он испуганно остановился. На пути Автомальчика возник большой порог. У Халдара учащённо забилося сердце, но в тот миг, когда он от ужаса готов был закрыть глаза, Автомальчик еще сильнее замахал руками и ногами, точно торпеда вылетел из порога, и поплыл обратно.

Держа за руку всё ещё всхлипывающую девочку, старуха подошла к Халдару и многозначительно кашлянула, давая понять, что будет говорить.

– По земле мчитсЯ как мотоцикль, в воде плаваеТ как рыба, шайтан, – принялась изъяснять своё удивление старуха. Затем, пригнувшись к Халдару, шепнула: – Вот помянешь мой слова, твой друг водитсЯ с нечистой силой.

Халдар повернулся к старухе и неумело погладил девочку по волосам.

– Не плачь! Мой друг поймаеТ твоего осла. – Как тебя зовут?

– Катанека, – сказала девчушка, всхлипнув.

– Каталка!

– Кастаньетка! – обиженным тоном вмешалась бабка. – Может ли человек быть каталкой, где это видано? Святая Кастаньетка она.

– Ха-ха-ха! Хи-хи-хи! – развеселился Халдар, ударившись опять в озорство. – Кто её так назвал? Святая Кастаньетка, вот это да! Ха-ха-ха!

– Эй, бачо, не дразни мой внучка, – по привычке, вытянув руки вперёд, сказала она. – Её так называли такой же хулиганы, как ти. Патаму что, когда я бью в бубен и паю, чтобы созвать детей, она стучит кастаньеткой. А зовут её Таджихан. Вот взгляни на её ухо, видишь красное пятно?

– Да, мы же с тобой тѣзки!¹ – почему-то обрадовался Халдар и, стянув с плеча рубашку, показал родинку:

– Вот и у меня есть родимое пятно. Поэтому меня называли Халдаром.

– Если так, укуси маю внучку за ушко², – выпучив глаза, улыбнулась бабка. – Вырастит бальной – отдам тебе в жени.

¹ Приставки «таджи», «хал» добавляют к именам детей, родившихся с родинкой или родимым пятном.

² По древнему обычаю, это было как обручение с детства.

Увидев, как Халдар после этих слов отступил от девочки, старуха, хлопая в ладоши, захотала.

– Сбежал жених! Жених сбежал! Трусливым оказался наш женишок!

Никогда раньше так не смеялись над Халдаром, никто не смел этого делать. Он нахмурился и опять накричал на старуху:

– Эй, бабка, заткнись! Нашла над кем смеяться! Смотри, голову тебе оторву!

Издали раздался крик осла и положил конец начавшейся сваре. Автомальчик, повесив на плечо хурджун, спокойно вёл послушно семенящего осла.

– Чудный мой палван, чугунный! – издали раскрыв объятия, восхищённо запричитала старуха. – Где ты такой сил берешь, где свой подводный крылья прячешь?

Дойдя до Автомальчика, она обхватила его за шею и принялась целовать в блестящие щёки.

– Дай мне золот с голову маего ишака, всё равно не буду сидеть дома, – стала она говорить, глядя то на Халдара, то на Автомальчика. – Я свободный чаловек, куда хочу, туда иду. А вот скажи от чистого сердца, потеряйся мой осёл, куда пайдёт старух, каму шар будет предавать? А если будет ишак и не будет хурджун, разве я, шайтанка, не останусь голодный?

Спустя некоторое время осёл, нагруженный мокрым хурджуном, старухой и девочкой, подфыркивая, засеменял в известном одной старухе направлении.

– Караялак, за мной! – скомандовала старуха собаке, которая более не решалась подходить к людям и копошилась в стороне. Оглянувшись, цыганка добавила: – Караялаку стыдно. Как ему типерь сматреть мне в глаза?

Халдар долго не мог оторвать взгляда от вольной старухи. Ему не хотелось возвращаться домой, и он делал вид, что не слышит Автомальчика, который торопил его: «Давай, полезай скорее и бежим, не то нам попадёт от Суперсура».

– Чего опять хмуришься? – пробурчал Автомальчик, приняв состояние друга за очередной каприз. – Не хочешь отдавать пистолет? Знаю, какой ты жулик!

Но Халдару в эту минуту не нужны были ни пистолет, ни более дорогие игрушки, ни дом, который утопал в роскоши. Он сейчас очень завидовал внучке той старой цыганки и ему очень хотелось бы оказаться на её месте.

ТАЙНА СУПЕРСУРА

Автомальчик нарисовал портрет незнакомого человека, который хранился в его памяти, и, вглядываясь в него, никак не мог вспомнить, где и когда его видел. И ещё у него в памяти всплывал его голос, мягкий и добрый: «Ну, как наши дела, Автомальчик?»

– Чего ты там нарисовал, Жестянка? – Халдар подошёл к нему и вырвал тетрадь. Вырвать вырвал, но вдруг посерьёзшел и засмотрелся на мягко улыбающегося седого человека.

– Кажется, я уже где-то видел его. Кто это? – спросил он, неожиданно подобрев.

– Не знаю. Мне он тоже кажется знакомым, но не помню...

– Наверное, кто-нибудь из тех, кто приходил к нам за серёжками.

Автомальчик отрицательно качнул головой:

– Нет, я с ним виделся в другом месте. На стене ещё висел портрет длиннорядого человека. Этот седой человек даже разговаривал со мной. Я это ясно помню.

Хлопая пушистыми ресницами, Халдар ещё раз взглянул на рисунок и в душе его шевельнулось что-то доброе.

– Мне тоже он что-то говорил, – произнёс он задумчиво. – А может, это волшебник, который является человеку во сне?

– Во сне? Что это?

В этот момент тяжёлыми шагами вошёл в комнату Суперсур.

– Спать пора, драные филины, – буркнул он. И дальше тоном приказа – Халдару: – Отключи ведроголового и дуй в свою комнату.

Тут раздался звонок входной двери, и он повернул обратно. Через некоторое время вместе с Чёрным Кротом, бубня о чём-то, они прошли в кабинет ювелира.

– А мне и вправду хочется спать, – зевнул Халдар. – Ну-ка, Жестянка, вались на кровать. Сначала должен уснуть ты.

Автомальчик послушно лёг. Халдар подошёл к нему, отодвинул похожий на карман колпачок и собрался нажать на красную кнопку, но Автомальчик мягко отвёл его руку.

– Ты иди, спи, кнопку я сам нажму, – тихо пробасил он. – Полежу-ка немного и хорошенько подумаю, может, вспомню этого седого человека.

– Нажать-то кнопку ты нажмёшь, но вот задвинуть колпачок не сможешь, – звонко щёлкнул ему по лбу Халдар. – Будь осторожен, как бы мыши не залезли в тебя.

Когда Халдар ушёл к себе (отец не разрешал ему спать с Автомальчиком в одной комнате), Автомальчик отвернулся к окну. Перед его глазами опять всплыла знакомая картина: небольшая комната... приятный седой человек приветливо смотрит на него... Затем, сказав: «Ну, как наши дела, Автомальчик?», гладит его по голове и легонько хлопает по плечу... а на стене портрет длиннорободого человека... Да, большой портрет... В цвете...

Все это длилось очень недолго, в этом он уверен. Но что было дальше?..

Кто же был этот седоволосый человек? Где он может быть сейчас?

Со скрипом открылась дверь, и мысли Автомальчика прервались. Споря о чём-то, вошли Суперсур и Чёрный Крот. Автомальчик так и не успел нажать на кнопку. «Ну, если Суперсур заметит, что я не сплю!..» – пронеслось в голове Автомальчика. Он притворился спящим, не откликнулся даже, услышав: «До сих пор не отключился, ведроголовый?»

– Дрыхнет твой драндулет, – сказал Чёрный Крот.

– Если бы не хозяин, в жизни не стал бы спать с ним под одной крышей, – пробурчал Суперсур. – Бывает, проснусь ночью, увижу его и вздрагиваю от ужаса. Будто мертвец лежит рядом.

Двигая стульями, они уселись за стол и принялись играть в карты. Иногда они с таким рвением перетасовывали колоду, так били картой об стол, что начинали позванивать пиалы.

Вскоре комната наполнилась табачным дымом и запахом водки. Чёрный Крот проигрывал. Он ругался, нервничал. В конце концов он шлёпнул ладонью по столу и промычал, как бык:

– Всё, у меня кончились деньги... Не играю! Послышалось бульканье.

– Возможно, у тебя и кончились деньги, но у брата твоего выпивки навалом, – Суперсур был пьян, и это было заметно из его ставшей тягучей речи. – Н-на, выпей!

– Буду жив, ещё не такие деньги у меня заведутся! – Видно, Чёрному Кроту было очень жалко проигранных денег. – Но ты, ради этих грошей, обманываешь друга.

– Не з-заговаривайся!

– Аферист! Ты прячешь карты в рукаве. Думаешь, не замечаю? Смотри у меня, голову оторву за такие делишки!

– Не повторяй слов этого сопляка Халдара, – гневно укорил его Суперсур. – Лучше вылей в глотку вот это.

Послышалось, как пустая пиала стукнулась об стол, кто-то из них с шумом выдохнул и ненадолго затих.

– Скажи правду, Супер, откуда взялся этот пацан? – поинтересовался Чёрный Крот. – То, что вы его в детском доме взяли – туфта. У меня не тандыр¹ вместо головы, чтоб поверить такой басне.

– Когда сам узнаешь, шепни и мне, вот тогда с меня будет один плов.

– Так ты мне не доверяешь! – взъярился, как кабан, Чёрный Крот. – Плевал я на такого друга, как ты! Я ему ещё деньги из уважения проигрываю... Эх...

– Ну, вот! Зачем тебе это знать? – смягчился Суперсур, боясь потерять постоянного друга по карточной игре. – Не обижайся, но я не могу этого тебе сказать.

Чёрный Крот заскрипел зубами.

¹ Тандыр – круглая печь для выпечки лепёшек.

– Боишься! – сказал он. – Кто тебя так страшит? Калека-ювелир? Хочешь, я зайду сейчас к этому безноготу и вырву у него язык? Думаешь, не проживу без него? Если захочу, и на тебя плюну!

– Слушай, прикрой свой рупор! – Суперсур, хотя и прикрикнул на него, но чувствовалось, что он побаивается буяна. – Ты, как голодный кот, хочешь из-за одной мыши весь пол разломать. Если это тебе так надо...

– Очень надо! – подтвердил Чёрный Крот. – Я должен твёрдо определить: те, кто жрёт со мной за одним столом, друзья мне или враги. Если кто-то таит от тебя правду, так и знай, продаст, предаст, прирежет.

– Ну, косой! – усмехнулся Суперсур. – Как красиво заговорил. Ладно, слушай...

Это событие произошло в те времена, когда Чёрный Крот сидел в тюрьме. Бекходжа, следивший за каждым шагом ненавистного ему Камала Камтари, долго не находил случая хорошенько «подковырнуть» его и был из-за этого зол.

Но вот однажды ювелир услышал, что у Камала Камтари наконец-то родился сын. Ему показалось, что между его мстью и этим крохотным существом пролегает какая-то незримая нить. Странно, какая тут может быть параллель. Тем не менее случайно мелькнувшая мысль отразилась на его лице улыбкой, доставив душе странное успокоение. Через несколько дней он опять вернулся к ней, чему способствовал показанный по телевизору индийский фильм «Бродяга». Герой фильма – известный разбойник, крадёт у своего врага, преуспевающего в обществе человека, сына-младенца. Ребёнок, воспитанный в воровском духе, вырастает антиподом своего отца.

«Вот она, классическая форма мести! – хладнокровно подумал ювелир, будто речь шла о краже кувшина из мечети. – А опыт воспитания придётся перенимать у более сведущих мастеров этого дела».

На следующий день Бекходжа вызвал к себе Суперсура.

– Это тебе на предварительные расходы, – сказал он своему работнику, вручая ему пачку купюр. – Если доставишь сюда сына профессора, будешь купаться в деньгах.

Долго не удавалось им повернуть задуманное. Только весной во время празднования Навруза, когда профессор выехал с семьёй за город, представился удобный случай. Сама природа тут подыграла – прошёл сильный ливень, с гор сошёл сель. Дело было выполнено без сучка и задоринки. Суперсур, можно сказать, спас мальчишку от смерти. Что же касается жены профессора, то... Не одну её унёс тогда безжалостный поток, и не все тела были найдены...

– Мы вырвали этого мальчика не только из рук смерти, но и из лап демагогов, – было сказано ювелиром. Теперь он, как всякий имущий человек, вырастит всемогущим.

Вот так...

Вскоре в газетах появился некролог о трагической гибели во время стихийного бедствия жены и сына профессора Камала Камтари. Ювелиру не было нужды даже скрывать или менять имя мальчика...

– Выходит, профессор смастерил этот драндулет для того, чтобы заглушить горе? – хихикнул Чёрный Крот.

– Теперь вот и его заграбастали, – хвастливо произнёс Суперсур, разливая в пиалы водки. – Когда-то профессор крепко обидел нас, сказал, что знание сильнее денег. Кто оказался прав, а? Чего он добился своими знаниями? Что имел хорошего – всё отобрали у него наши деньги.

– Если хорошенько раскинуть мозгами, то профессор тут не виноват, – пожалел интеллигенцию Чёрный Крот. – Их портят институты. Плуты-философы одурачивают незрелых юносов, вбивая им в головы, что счастье не в богатстве, а в труде.

Они поговорили ещё, но вот Чёрный Крот заметил, что уже шестой час и не мешало бы немного прикорнуть, ушёл в пристройку в конце сада. Он спал там всегда, когда ночевал у ювелира. Суперсур завалился на кровать здесь же, в доме, и вскоре захрапел так, что задрезжали стёкла.

«Вот, значит, кто этот седой человек, – стал размышлять Автомальчик, и в «жилах» его участились заряды.– Значит, он мой... и Халдара отец?»

В нём проснулось желание тут же вскочить, чтобы придушить ювелира, расправиться с пьяными Чёрным Кротом и Суперсуром, таким образом вырвав из их лап Халдара и вернуть его отцу. Но прикинув хорошенько, Автомальчик отказался от этой мысли и постарался успокоиться.

«Возможно, Халдар очень любит ювелира, – подумал он. – Может, ему не нужен другой отец. Поговорю-ка я сначала со своим другом...»

Если бы профессор мог предвидеть дальнейшее, он не усложнял бы настолько позитронный мозг Автомальчика, ибо рассудительность робота обернулась для него впоследствии трагедией. Предавшийся размышлениям, Автомальчик и не заметил, как начало светать. Не почувствовал он и того, что в голове у него что-то монотонно гудит. Убедившись ещё раз, что Суперсур спит как убитый, он незаметно нажал на красную кнопку. Но «выспаться» ему не удалось, через час его «разбудили» и новый день Автомальчик встретил с гудящей головой.

ПОСЛЕДНЕЕ ЗАДАНИЕ

О том, что в городе откроется выставка старинных ювелирных изделий, Бекходжа прочитал в газетах ещё неделю назад. Появление Чёрного Крота в доме ювелира было связано именно с тем, что выставка эта наконец-то открылась, о чём он и поспешил сообщить хозяину. Если верить его словам, там были ценности, равные сокровищам Худаярхана. Один золотой шлем, найденный при раскопках Аксарая, чего стоил! Сообщение о шлеме очень взволновало Бекходжу и навело на серьёзные размышления.

Когда Чёрный Крот, весь опухший, мрачный после ночной попойки, явился к ювелиру, тот по-прежнему был сосредоточен на мысли о золотом шлеме Великого Тимура.

Разговор был коротким. Решение Бекходжой было уже принято – шлем следовало похитить нынче же ночью!

– Выставка будет продолжаться десять дней, – уточнил Чёрный Крот, намекая на то, что можно и не спешить.

Однако ювелир Бекходжа и на этот раз остался верен себе, считая свои умозаключения неоспоримыми.

– Те, кто не торопится, надеясь, что выставка продлится десять дней, пусть себе считают ворон, – сказал он, прищуривав свои миндалевидные глаза и тем самым отвергая любые возражения. Высший закон существования – опередить, пока тебя не опередили!

Ты полагаешь, в городе одни мы нуждаемся в столь ценной добыче?

– Хорошо, хозяин. Сегодня – так сегодня, – согласно швнул Чёрный Крот, почёсывая левую ладонь. Ладонь сулила удачу, примета проверенная. – Это всё, хозяин?

Ювелир придвинул к себе стоявший на столе динамик селектора:

– Сейчас я вызову Автомальчика. После того, как обговорим детали, ты уведёшь его и хорошенько вправишь ему мозги.

Нажав одну из кнопок, он приготовился говорить, но услышал голос Автомальчика:

«...пьяный, он разболтал всё Чёрному Кроту, – горячо убеждал кого-то Автомальчик. – Они думали, я сплю. Они убили твою маму! Украли тебя и меня у нашего папы! Теперь я вижу: они плохие люди...»

И тут же в динамике прозвучал крик Халдара:

– Неправда! Ты врун, Жестянка! Учти, если всё это неправда, я оторву тебе голову.

Теперь огрызнулся Автомальчик:

– Хочешь, притащу сейчас Супера и, держа его за ногу башкой вниз, заставлю всё рассказать?

Побледневший ювелир отпустил кнопку и с яростью глянул на Чёрного Крота.

– Свины! Что вы наделали!

Чёрный Крот сжался в комок, скорчил своё могучее тело.

– Мы... мы... – пролепетал он. – Откуда нам было знать? Сволочь драндулет, значит, он не был отключен?

– Пришли сюда сейчас же Автомальчика, – приказал ювелир. – Я попробую его отвлечь, а ты тем временем спрячь Халдара в подвал и приведи сюда Суперсура.

Чёрный Крот стремглав вылетел из комнаты. Ювелир, отключив телефон, поднял трубку и поднёс к уху. Когда вошел насупившийся Автомальчик, он сделал вид, что занят телефонным разговором.

– Всё понял. Значит, вам нужны две пары серёжек для жены и дочки? Чудесно, дорогой!

Между разговором ювелир указал на кресло, предлагая сесть, но Автомальчик, не двигаясь, продолжал стоять.

– Если можно, назовите возраст жены и дочери, – продолжал ювелир тянуть время. – Да, это очень важно. Любое украшение мы изготавливаем исходя из возраста клиента. А ещё было бы неплохо им самим заглянуть сюда...

Вошли Чёрный Крот с Суперсуром, и Бекходжа тут же прервал разговор, даже «не протившись» с клиентом, положил трубку и нагло взглянул на Автомальчика.

– Я знаю о твоём разговоре с Халдаром, – заговорил он, не опасаясь более Автомальчика. – Возможно, ты и рад, что твои, как тебе кажется, враги собрались сейчас вместе. Но перед тем как дать волю рукам, внимательно выслушай меня. Пока ты ожидал здесь окончания мнимого телефонного разговора, Крот успел припрятать Халдара. И его теперь никто не сможет найти без нашей помощи. Надеюсь, ты – понял? В таком случае пойми и другое: если ты хорошенько попросишь нас...

– Я вас сейчас всех превращу в лепёшку! – угрожающе перебил Автомальчик. Он был похож на льва, изготовившегося к прыжку.

Чёрный Крот, побледнев, невольно отступил назад, Суперсур, стараясь унять дрожь в коленках, взялся за спинку стула. Ювелир, погрозив Автомальчику пальцем, торопливо сказал:

– Учти, дорогой: превращенный в лепёшку не сможет тебе помочь. Это значит, что запертый Халдар не будет найден и умрёт там от голода и жажды!

Автомальчик медленно разжал кулаки.

– Когдапустишь Халдара?

Ювелир удовлетворённо прислонился к спинке кресла.

– Есть одно маленькое дельце, – сказал он. – Как только выполнишь его, мы в тот же миг вернём тебе Халдара.

– И можете отправляться хоть в Стамбул! – добавил Суперсур.

– А ты не гавкай, – обернувшись к нему, бросил Автомальчик, затем обратился опять к ювелиру: – Ладно, ради Халдара я сделаю всё, что прикажешь. Но учти, без хитростей! Если обманешь, живым тебя не оставлю, переломая в тебе все механизмы.

Как бы ни был умён Автомальчик, мыслил он все же по-детски – так уж был задуман. А тут ещё голова гудит. Где ему сообразить, что преступники при первой возможности не преминут избавиться от свидетелей своих грязных делишек. Но и пойми он это, ни других решений, ни выбора нет.

– Что я должен сделать? – всё ещё вызывающе спросил он.

Окончательно успокоившийся ювелир многозначительно переглянулся с Чёрным Кротом и размеренно произнёс:

– Задание получишь у Чёрного Крота. Можете пройти в другую комнату и обговорить там детали.

Когда за ними закрылась дверь, ювелир мстительно уставился на Суперсура:

– Всё-таки не удержал язык за зубами, лысая дубина.

Суперсур, потупившись, молчал.

– Мы ещё вернёмся с тобой к этому разговору и потолкуем по душам. Если, конечно, не загремим в тартарары, – и с лица Бекходжи вдруг исчезло выражение недовольства. – Перед нами сейчас задача куда важнее: как только вернётся Автомальчик, его надо немедленно сдать в металлолом. Понял?

- П-понял. Разобрать на мелкие железки, и... всё. А что Халдару скажем?
- Внушим, что Автомальчик скончался от помрачения ума.

ПОД ЧУГУННЫМ ЛЮКОМ

Было три часа ночи...

Город, суета которого днём напоминала суматоху на тонущем корабле, теперь стал похож на огромный, после многих сеансов опустевший кинотеатр. Даже матовые фонари на высоких столбах, казалось, вот-вот заснут, скамейки, вытянувшиеся под чинарами вдоль тротуаров, казалось, уже спят, напоминая издали свернувшихся калачиком дивов.

Недалеко от скверика, возле здания, где размещалась выставка ювелирных изделий, с охотничьим ружьём на плече, вышагивал сторож. Со стороны он казался вполне безмятежным, на самом же деле взгляд его был настороженным, сторож вглядывался в темноту, внимательно прислушиваясь к каждому шороху.

«Чего он медлит? Уж шёл бы скорее, раз должен прийти, ворчал старшина милиции, он же сторож выставки с самого его открытия. – Пока не явится, не будет покоя ни мне, ни оперативникам. А вздумают грабители тянуть до последнего дня, тогда мне майся тут, торчи ещё девять ночей. А если робот вообще не придёт? Если другие?.. Что я тогда?..»

Не успел додумать, вздрогнул – неподалёку от здания, где хранятся ценности, в развилке двух сросшихся чинар устрашающе блеснул странный овал. Он!.. Сторожу стало не по себе. Он вспомнил слова майора Ахмедова о том, что Автомальчик не трогает людей, хоть и жутковат на вид. Старшина был не из робкого десятка – не раз сталкивался лицом к лицу с опасными преступниками – и ничего, разоружал, скручивал. Но то были всё-таки люди. А тут приходилось впервые выходить один на один со стальным грабителем. Это обстоятельство привело его в необычайное волнение.

Старшина унял минутную слабость и, войдя вновь в роль безобидного сторожа, который ничего не заметил, продолжил своё хождение – повернул назад и неторопливо зашагал к противоположному концу здания.

За спиной сторожа послышался торопливый топот ног, напоминающий цоконье копыт. Он резко повернулся и в двух шагах от себя увидел остановившегося Автомальчика, на плече которого висела сума с красным петушком.

– Ни звука! – предупредительно приставил палец к губам Автомальчик. – Ружьё отдашь по-хорошему?

«Сторож» изобразил испуг, поколебался для вида, потом снял с плеча ружьё и протянул ему. Автомальчик, точно карандаш, переломил ружьё на две части и отбросил в сторону. Сгрёб сторожа за воротник и поволок на край улицы. Старшина был предупреждён майором, что роль сторожа безопасна, только не надо проявлять инициативы, сопротивляться не надо, и это вроде как подтверждал сам Автомальчик: «Не дрожи, – бубнил он, – убийство слабых не в моей привычке», тем не менее испытывал состояние, похожее на страх. И причиной тому полная беспомощность, неопределённость: что дальше?.. На этого грабителя не действовали ни пуля, ни самбо, ему ничего не стоило переломать человека, как то ружьё, которое валялось теперь на асфальте.

Майору Ахмедову, следившему за всем этим из окна противоположного здания, было очень жаль старшину.

Автомальчик с лёгкостью проволоч сторожа по тротуару, поднял чугунную крышку канализационного люка и, затолкав его туда, задвинул крышку на место. Потом легко сорвал один из автоматов с газированной водой и поставил на люк.

– Как лихо работает, чертёнок! – прошептал майор стоявшему рядом лейтенанту. – Настоящее чудо!

Быстро оглянувшись по сторонам, Автомальчик зашагал в сторону выставки. По пути он вытащил из сумы какой-то желтоватый материал. Поднявшись по ступенькам главного входа, он без труда открыл дверь и, не обращая внимания на сирену сигнализации, прошёл в здание.

С делом грабитель справился быстрее ожидаемого. Не прошло и четырёх минут, как он уже был на улице с жёлтым мешком на спине. Видимо, тротуар показался ему узок, он вышел на середину улицы и припустил бежать с такой скоростью, что из-под ног его летели искры. Скорость увеличивалась с каждой секундой, шум был похож на учащающуюся дробь барабана.

С этой минуты работники уголовного розыска со вспомогательной группой, ориентируясь на сигналы микромаяка, начали преследование Автомальчика.

А тот, двигаясь в южном направлении, отдалялся от города.

Что такое?..

Через несколько минут скорость его резко упала и вскоре он вовсе встал.

– Он находится в двенадцатом квадрате, – сказал лейтенант, глядя на специальные установки в машине. – Здесь ничего нет, кроме озера.

– Интересно, почему он остановился? – сощурился майор. – Автомальчик, насколько мне известно, практически не устаёт.

– А не собирается ли он спрятать золото в озере? – предположил лейтенант.

Майор глянул на лейтенанта.

– Не исключено, – согласился он озабоченно. – В этом случае дело осложнится. И микромаяк может выйти из строя.

Непрерывный сигнал микромаяка дал знать, что Автомальчик задвигался. Группа опять пустилась вслед за ним. Шаги грабителя были теперь неторопливыми. Дойдя до четырнадцатого квадрата, Автомальчик опять остановился.

– В этом квадрате ничего нет, кроме дачи ювелира Бекходжи, – сообщил лейтенант.

Услышав имя Бекходжи, майор вдруг озабоченно сжал губы и задумался. Затем решительно приказал:

– Ни одна живая душа не должна выскользнуть оттуда, действуем, ребята, быстро, точно, без шума.

ГОЛОВА ДЕРЕВЯННОЙ СКУЛЬПТУРЫ

Несмотря на непрекращающийся шум в голове, Автомальчик выполнил задание безукоризненно. После того как он вышел из здания, обобрав выставку подчистую, он бежал по асфальту очень легко, но потом вдруг почувствовал, что силы покидают его.

«Что со мной? – удивился Автомальчик. – Почему мне трудно бежать?»

То, что его каждой ночью отключали, он воспринимал как досадную необходимость, вызванную людской привычкой спать, поэтому безропотно подчинялся, теперь же он не догадывался, какая беда ждёт его. Автомальчик не знал о том, что, проведя тридцать шесть часов без отключения, он может погибнуть. А он не отключался вот уже сорок часов...

Вскоре он стал плохо слышать, перед глазами всё потускнело. Теперь и в грудной его части что-то дребезжало.

Когда подошёл к озеру, совсем обессилел, и не в состоянии передвигаться дальше, невольно опустился коленями на траву. Даже в тот день, когда нёс на себе сейф, он не чувствовал такой тяжести в теле, а теперь даже эта небольшая ноша тянула его плечи назад, заставляла неметь пальцы рук и ног.

Дребезжание в груди усилилось, шум в голове возрос, в глазах потемнело. Автомальчик положил свой мешок на землю, и схватившись за голову, опрокинулся навзничь. И тут перед глазами его мелькнул седовласый профессор.

– Иди сюда, иди скорее ко мне, – звал он к себе ласково Автомальчика. – Я сам тебя исправлю. Если ты будешь со Мной, голова твоя никогда не будет болеть, я буду внимательно следить за тобой. Ведь ты... мой сын... как и Халдар...

«Халдар! – опомнился Автомальчик. – Надо скорее к нему! Иначе его убьют! Убьют, мерзавцы!»

Вскочив на ноги, он вскинул на плечи мешок, и несмотря на то, что заплетались ноги, ускорил шаг и направился в сторону дачи.

Шум в голове сменился режью. А из микросхемы в груди соответственно этой боли стал импульсивно раздаваться трескучий звук.

Автомальчик ясно чувствовал, что с ним вот-вот произойдёт что-то ужасное, но, невзирая на это, спешил вперёд. Он должен спасти Халдара!

Суперсур ожидал Автомальчика у главных ворот. Увидев его, он постарался изобразить на лице улыбку. Когда Автомальчик входил к Бекходже, было заметно: каждый шаг давался ему с трудом. Но вот наконец подошёл к ювелиру и высыпал на стол содержимое мешка. Часть украшений посыпалась на пол. Золотой шлем, находившийся на дне мешка, выскользнул последним и звонко покотился прямо в руки Бекходжи.

– Где Халдар? – спросил Автомальчик, протягивая ювелиру открытую ладонь, будто речь шла о предмете, находящемся в кармане ювелира.

Ювелир, вожделенно поглаживая шлем, безмятежно ухмыльнулся.

– Ах, да! Я же давал слово. Знаю, дружбе приходит конец, когда та или другая сторона не выполняет обещания. Поскольку мы хотим остаться друзьями...

– Не тяни резину! – угрожающе крикнул Автомальчик. – Сейчас же покажи мне, где Халдар. Мне некогда, понимаешь?

– Чего так спешить? Друг твой наслаждается сном, – вставил Чёрный Крот. Он как вошёл, впился глазами в золото, не мог отвести взгляд и, казалось, не дышал.

Теряющий слух Автомальчик не обратил внимание на эти приглушённые слова и пристально посмотрел на ювелира.

– Давай Халдара, говорю! Если не отдашь...

Бекходжа нажал одну из кнопок селектора и придвинул к нему динамик.

– Для начала попробуй подать голос своему сводному братцу. Спроси, захочет ли он тебя видеть. Или, может быть, сон дороже?

Автомальчик присел в кресло и, пригнувшись к динамику, крикнул:

– Халдар! Братец! Ты не спишь? Ты слышишь меня? Слышишь мои слова?

– Это ты, Жестянка? – из динамика послышался, как всегда, задорный, но теперь хрипловатый голос Халдара. – Меня заперли в подвал, дружище! Сижу в темноте. Пить хочется.

– Сейчас тебя выпустят оттуда! Говоришь, пить хочется? Да я тебе бочку воды принесу, пей сколько захочешь. А потом мы уйдём с тобой к нашему отцу. Но сначала надо вытащить тебя из...

Автомальчик не заметил, как Суперсур подкрался к средневековой статуе лучника и повернул его голову. Как только он это сделал, кресло наклонилось вперёд, и Автомальчик, соскользнув, провалился в глубокую яму.

Он гулко ударился о дно ямы, и не успел сообразить, в чём дело, как крышка наверху хлопнулась и всё погрузилось в полную темноту.

– Подлецы! Выпустите меня отсюда по-хорошему! – кричал он, протягивая вверх руки и подпрыгивая как можно выше. – Всё равно я выберусь отсюда! И тогда вам несдобровать. Выпустите, вам говорят!

В это время боль в голове стала невыносимой, а скрежетание в груди усилилось. Прекратив прыжки и схватившись за голову, Автомальчик в бессилии закачался из стороны в сторону, медленно осел, скрючившись, улёгся на землю.

«Что за твари эти люди? – страдая от боли и отчаяния, думал он. – Что плохого сделал я им? Зачем они меня так мучают?» Как кадры киноленты проносились перед глазами холодные, впивающиеся глаза ювелира Бекходжи, мерзкое лицо Чёрного Крота, отталкивающая улыбка Суперсура. Затем ему почудилось, что к нему приветливо подошёл седоволосый человек и обнял его. Но вот ему показалось, что оставшийся в подвале Халдар закричал: «Дайте мне воды!» Автомальчик вскочил с места. Он попытался прыгнуть ещё раз, но лишь гулко ударился о каменную стену и на мгновение застыл как статуя, затем осел на пол и больше не шевельнулся.

Его незакрывающиеся пуговичные глаза выражали беспредельное страдание и ещё в них, казалось, застыл вопрос: «Зачем ты меня создал, если не смог защитить?..»

Его создавали всеильным и свободным.

Потом обманывали его, помыкали им.

За то, что он решил противостоять лжи, его убили.

Он жил среди людей, но так и не понял их.

«ГДЕ ТЫ, ДРУЖИЩЕ?»

Как только Суперсур. поправил положение головы статуи, кресло, прикреплённое к люку ямы, вернулось на место. То обстоятельство, что Автомальчик внезапно замолчал, встревало Халдара, и в динамике раздался его взволнованный голос: «Жестянка! Где ты, дружок? Почему молчишь?..»

Чуть не задев динамик своим кривым носом, Чёрный Крот прохрипел:

– Не беспокойся. Твой драндулет ушёл навестить свою родню! Ха-ха-ха...

– Что ты с ним сделал, кривоносый? – крикнул Халдар срывающимся голосом. – Не трожь Жестянку! Ты у меня ещё попляшешь! Я тебе голову оторву!

Чёрный Крот выключил селектор и проворчал:

– Испортился нрав у этого отпрыска науки. Из него мог бы выйти приличный безголовый хулиган.

Бекходжа, упрятав наконец-то Автомальчика, с вожделием рассматривал желанный шлем Великого Тимура.

– Когда-то даже турецкий султан, огненосный Баязид, превративший в свою вотчину всю Европу, преклонялся перед владельцем этого шлема, – гордо произнёс ювелир, будто с этой минуты стал сам завоевателем мира.

Как бы плотно не был задвинут люк, из ямы время от времени доносился голос Автомальчика. Позже послышалось, как он гулко ударился об стенку. Удар был настолько сильным, что на потолке закачалась хрустальная люстра, а в окнах задребезжали стёкла.

– Если несчастный Камал Камтари не наврал корреспонденту, то этот Автомальчик должен скоро отдать концы, – взглянул исподлобья на Суперсура ювелир и продолжал рассеянно вертеть в руках женское украшение с жемчугами. – Ладно, так уж и быть, разрешаю вам с Чёрным Кротом поделить между собой его золотое сердце.

Неожиданно с треском распахнулась дверь. В комнату ворвались четверо оперативников.

– Все руки вверх! Не двигаться! – скомандовал лейтенант.

Вслед за ними вошли майор Ахмедов и с ним профессор Камал Камтари.

– Ах, скорпион! – тихо, со сдерживаемой яростью проговорил профессор, глядя на Бекходжу. – Так вот кто жалил меня всю жизнь...

– Не я, не я тебя жалил... – иронично произнёс ювелир, – а мои

деньги! Всемогущие деньги! С их помощью я играл тобой, как марионеткой! Отобрал у тебя всё самое дорогое.

– И тем ты счастлив? И в этом видишь свою победу? А нет её, победы, есть крах. Ты проиграл свою жизнь, Бекходжа.

Ювелир саркастически улыбнулся:

– Извини, дорогой, но лично от тебя я не потерпел поражения. Тебя сделали победителем вот эти синие фуражки. Потому что ты им нужен.

– Ты прав, я действительно нужен людям. Я помню об этом и этим горжусь. Это счастье – знать, что ты нужен своему народу...

– Народу? А может быть, ему нужны не твои чудеса, а нечто большее?

– Чего бы ни потребовалось народу, наука, рано или поздно, сотворит.

Глаза Бекходжи презрительно сощурились:

– Так уж и всё? Нет! В мире есть такие вещи, что их не сотворишь в лабораториях. Сколько мировых открытий свершилось на моих глазах, но способен ли хоть один изобретатель вернуть мне отца? Моё детство и отрочество прошли в печальных наблюдениях за теми, кто нежился в лучах отеческой любви и заботы. Ты хоть способен это понять, умник?

«Отца твоего никто отсюда не гнал», – хотелось сказать Камалу Камтари, но он не стал связываться с распалившимся ювелиром и заговорил о главном:

– Где Автомальчик?

– Ты спрашиваешь о созданном тобой автограбителе? – насмешливо спросил Бекходжа. – Кажется, ушёл в баню.

Лицо профессора выражало беспокойство, он интуитивно угадывал, что произошло что-то неотвратимое.

– Где мой сын? – громче, голосом, звенящим от волнения, переспросил он.

Чувствуя, что дело его проиграно, а посему не боясь ни ювелира, ни Чёрного Крота, Суперсур издевательски произнёс:

– Ну и дурак ты, профессор! На что тебе сдалась эта железяка ведроголовая! Спроси-ка лучше о родном сыне!

Профессор с изумлением уставился на обычно тихого слугу ювелира.

– О сыне? Каком сыне?

– В подвале под амбаром лежит мальчишка, который очень мечтает стать головорезом, – Суперсур исподлобья взглянул на Бекходжу, затем на Чёрного Крота, давая понять, что ничего, мол, теперь вы со мной не сделаете. – Если хочешь знать, профессор, этого пацана зовут Халдаром. На плече его имеется большая родинка, похожая на полумесяц...

Дрожа от волнения, профессор протянул руку в сторону Суперсура, желая ему что-то сказать, но не успев раскрыть рта, зашталался. Подоспевший майор не дал ему упасть. Камал Камтари был без сознания.

ВЕРНУВШИЙСЯ ИЗ НЕБЫТИЯ

Через неделю майор Ахмедов вновь встретился с профессором. На этот раз случайно.

Шёл мелкий дождь. Майор возвращался с работы на своей машине. Проезжая мимо Академии наук, он увидел Камала Камтари, который стоял на остановке в ожидании автобуса. Притормозив машину, майор открыл дверцу и окликнул профессора.

– Товарищ профессор! Камал-ака! Садитесь, я вас подвезу.

Широко улыбаясь, профессор подошёл к машине, усевшись на переднее сиденье, крепко, как другу, пожал майору руку, расспросил его о жите-бытье.

– Моя служебная машина находится на техосмотре, – смущённо пояснил профессор. – А тут ещё заседание Академии затянулось, вот и запоздал.

Они поговорили о том, о сём, стараясь деликатно обходить недавние события, но тем не менее не смогли не коснуться темы, волновавшей их обоих.

– Надеюсь, вы уже подружились с Халдаром? – спросил майор.

– Пока не совсем, – насмешливо ответил профессор. – Требуется, чтобы я скорее починил ему Автомальчика. Грозится, что оторвёт мне голову, если не починю.

Майор расхохотался.

– Вот, сорванец! Видно, вам ещё предстоит потрудиться, ока сделаете из него нормального мальчишку. Если понадобится какая-то помощь... не стесняйтесь!

Профессор ненадолго замолчал.

– Знаете ли, мой друг, – обратился он к майору счастливые глаза. – Такое чувство, будто я заново родился и стал опять ребёнком, и только теперь начинаю понимать всю прелесть жизни.

– Понимаю вас, – кивнул майор. – Найти сына, которого считали погибшим, да ещё через шесть лет... От такой неожиданной радости не мудрено и разум потерять.

– Да! – счастливо вздохнул профессор, не скрывая своего ликования. – Это такое счастье, что не променяешь его ни на какие сокровища.

Майор многозначительно кашлянул и попытался придать, своему лицу серьёзное выражение, но не смог удержаться от лукавства:

– Но-но, уважаемый профессор. Деньги, что ни говорите – это сила!

Профессор вызывающе посмотрел на майора. Тот всё ещё силился удержать на лице строгое выражение, но не сумел и прыснул от смеха. Поняв, чьи слова тот повторяет, рассмеялся и профессор. Они хохотали от всей души над теми несчастными, которые чуть ли не молились на цветные купюры, копили их, ради них закладывали души чёрту, продавали свою совесть, поступались честью и гордостью, верой и любовью даже к своим близким.

Майор чиркнул зажигалкой, прикурил сигарету и, выпуская в окошко дым, спросил:

– Ну, а поставить Автомальчика на ноги можно?

– Можно, – уверенно кивнул профессор.

– Ну тогда восстанавливайте, – улыбнулся майор. – Зачем вам рисковать головой перед Халдаром?

Профессор ради приличия тоже улыбнулся, но лицо его выражало озабоченность.

– Но это будет совсем не тот Автомальчик, – с сожалением произнёс он. – Его мозговая часть окончательно расплавилась и элементы памяти сторели. Так что робот будет совсем Другим Автомальчиком. А Халдару подавай прежнего старого друга...

Подъехав к дому профессора, майор мягко притормозил машину. Приоткрыв дверцу, Камтари пригласил майора в дом:

– Будьте нашим гостем. Большого угощения не обещаю, но чай у нас очень замечательный.

– Спасибо, – улыбнулся майор. – Не сегодня. Дела! Но ведь мы не прощаемся?.. Будете справлять день рождения сына – напомните, ладно? Очень хочу повидаться с ним...

Они тепло простились, крепко пожав друг другу руки.

* * *

... Мой уважаемый читатель, видно, настала пора прощаться и нам с тобой. Но перед расставанием давай условимся: говорить за глаза – дурная привычка. Так что, если я чем-то не угодил тебе – выкладывай все как есть, не стесняйся.

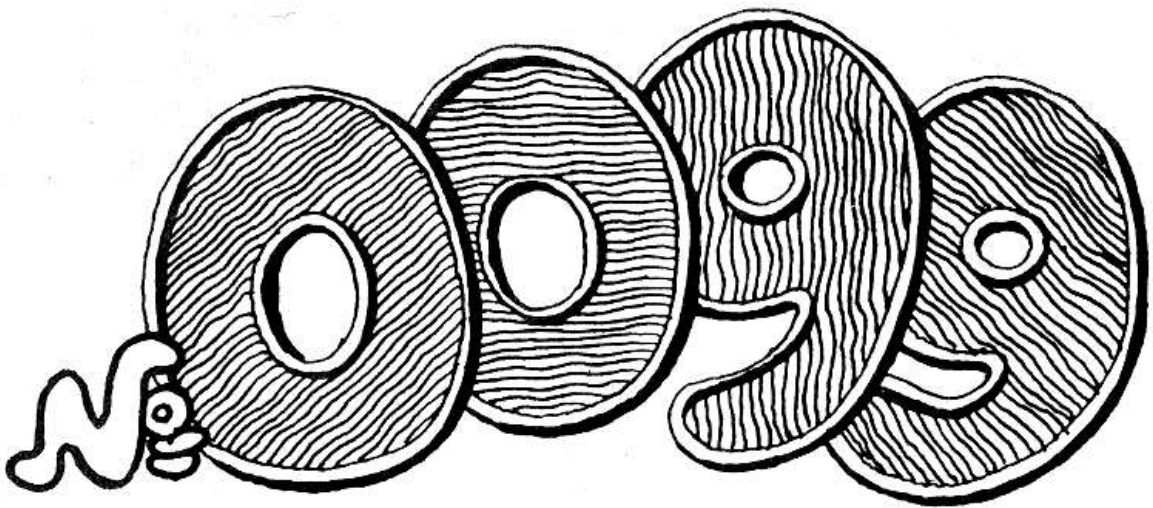
Впрочем...

Возможно, ты увлекаешься физикой и найдёшь немало неточностей в описании внутреннего строения Автомальчика. Но когда я брался за ручку, то преследовал цель написать не научную статью! И еще: как уже сказано в прологе, я услышал эту историю не из уст знаме-

нитого физика-кибернетика, а от обыкновенного парикмахера. Вот и скажи: можно ли ожидать большего от простого парикмахера и незнаменитого писателя.

Значит так: если вдруг эта повесть тебе не понравится, то нам придётся всю вину свалить на Ташмата-парикмахера, но если она устроит тебя хотя бы чуть-чуть, то что ж, я готов принять все лавры на себя.

ПОХИТИТЕЛЬ КОЛОКОЛЬЧИКА

Каждому известно: свидетельство о рождении является очень важным документом. А вот на фермах, к сожалению, эту ценнейшую бумагу животным не выдают. Потому что для хранения у этих бедняг ну решительно ничего нет – ни тебе сундука, ни самого что ни на есть обыкновенного кармана. Вместо свидетельства метят одно ухо кругленькой, вроде пуговицы, металлической тамгой, на которой вытиснен номер, и всё, и живи, как можешь, с этим «документом».

На ферме «Бабачак», само собой, тоже такой порядок. Не успеет животное на свет появиться, как его сразу же за уши цап... Не избежал этой «церемонии» и главный герой всех приключений, о которых пойдёт речь в этой повести, плутишка Козлёнок. Впрочем, мы не станем рассказывать мальчишкам, какая неприятная штука носить на ухе такую пуговицу – им это ни к чему, а девчонки, которые больше всего на свете любят вертеться перед зеркалом, и сами это хорошо знают.

Если бы нашего героя не поместили тамгой с четырёхзначным номером 0099, он давно бы уже улепетнул с этой распроклятой фермы и тихонько нашёл себе пристанище среди животных в хозяйстве какого-нибудь дехканина.

Вообще-то говоря, на ферме «Бабачак» совсем неплохо. Амбар полнёхонек вкуснейших кормов, вокруг высятся громадные стога аппетитного сена. В хлевах тепло, чисто и пол мягкими опилками выстелен. Несмотря на такие распрекрасные условия, Козлёнок терпеть не может ферму, до смерти надоели ему дисциплина и порядок. И каждое утро, когда, безжалостно прервав сладкий сон, гонят его на пастбище, он горько сожалеет о том, что не появился на свет у какой-нибудь домашней козы на дехканском подворье.

И всё-таки наш пострелёнок очень ловко приспособился к этой ужасной жизни. Нисколько не задумываясь, стал сосать любую встречную козу, а то и овцу. Ну, какому козлу или, скажем, барану это могло понравиться? Вот и бодали они его изо всех сил за то, что ворует хлеб, то есть молоко насущное, у их собственных малышей. Свалится, бывало, бедняга Козлёнок от их ударов с копытец, перекувыркнётся раза три-четыре, встанет, превозмогая боль, на ножки и опять за своё: нимало не смущаясь, снова норовит припасть к чьему-нибудь вымени.

В конце концов все животные фермы «Бабачак» невзлюбили Козлёнка за его наглость и отвратительное поведение. А ему от этого ни холодно, ни жарко. Напротив, молока ему доставалось куда больше, чем ровесникам, и рос он прямо на глазах, набирал силу.

Известное дело: где есть порядок, там есть и его нарушители. Будь не так, чего стоила бы тогда дисциплина? Гроша ломаного не стоила бы. Я это не сам выдумал. Первый аксакал фермы «Бабачак» – старый Козёл по кличке Копьерогий, точно такого же мнения.

Уж до чего строг и скор на расправу был Копьерогий, – вожак, одним словом, – а всё же нет-нет, да летел кувырком порядок на ферме. То взрослые козы да овцы из-за какого-нибудь пустяка повздорят, то молодые, заигравшись, разнесут в щепки кормушки, из которых сами же и едят, или исчертят едва прорезавшимися рожками только-только побеленные стены.

Так вели себя многие юные обитатели фермы. Что же касается героя нашего повествования, Козлёнка номер 0099, то он с самого своего рождения считал подобное поведение мелким хулиганством и, можно сказать, никогда до таких, проделок не опускался, чтобы не уронить своего достоинства. Силком отнять у кого-нибудь еду, отколошматить такого же, как он сам, питомца фермы, самовольно отбиться на пастбище от стада – вот это было гораздо солиднее, это было как раз по нему. И не удивительно, что ещё не достигнув четырёх месяцев от роду, он успел обзавестись пятью очень, очень строгими выговорами.

Ну, а уж дальше, чем старше он становился, тем больше, обнаруживалось в его поведении недостатков. Кроме зазнайства, лживости и плутовства стали проявляться в нём и карьеристские замашки. Сперва он втиснулся в плотные ряды старых, авторитетных по праву шедших во главе стада, животных. Потом пролез ещё дальше и зашагал, вернее, засеменял почти бок о бок с самим аксакалом.

Даже считавшийся на ферме первым прихвостнем аксакала, премерзкий козёл по прозвищу Обжора, и тот не решался на такой наглый поступок.

Что же касается Копьерогого, то он со стариковской мудростью делал вид, что не замечает нахальства выскочки. Не хотелось ему обижать малыша, а может, считал неприличным для себя связываться с каким-то озорником – кто его знает? Нам, во всяком случае, сие не известно.

Очень плохие, прямо-таки отвратительные это качества – заносчивость и карьеризм. Заразишься ими, и сам не заметишь, как начнут сыпаться на твою голову всякие неприятности, Даже беды. Так и с нашим Козлёнком вышло. Однажды он, семеня рядышком с аксакалом во главе стада, так размечтался об ожидающей его в самом скором времени распрекрасной жизни, что не заметил, как выскочил вперёд Копьерогого. Это было уже слишком. Копьерогий скосил глаза и многозначительно подмигнул Обжоре. Тот, сразу сообразив, что у хозяина лопнуло терпение, пребольно боднул ненавистного нарушителя порядка в бок,

С тех пор наш нахальный герой стал остерегаться высказывать вперёд, хотя от присвоенного «права» идти во главе стада не отказался.

Козлёнок, как и всякий карьерист, был очень злопамятен и не простил Обжоре того подлого удара в бок. Раздобыв где-то кусок хозяйственного мыла, он измельчил его своими острыми копытцами и подбросил в кормушку, из которой всегда ел заклятый враг. Вскоре после этого шерсть на Обжоре начала линять, и весь он стал до того безобразен, что даже родственники и близкие приятели не желали встречаться с ним, брезгливо обходили стороной.

«Так тебе и надо, – глядя на Обжору, злорадствовал Козлёнок. – Перед хозяином выслужиться хотел, вот и получи по заслугам».

На рассвете первого дня весеннего праздника Навруза на ферме «Бабачак» случился переполох, каких сроду здесь не бывало. Весть о том, что у Копьерогого пропал серебряный колокольчик – свидетельство его власти и величия – переходя из уст в уста, лишила покоя всех обитателей фермы. Группа верных аксакалу приближённых во главе с Обжорой старательнейшим образом обшарила все уголки, перевернула всё вверх дном, но так и не нашла пропавшие. Незамедлительно последовал строжайший приказ: всем козлам и козам, баранам и овцам вместе с их детворой выстроиться на площади. И когда животные были построены, на месте не оказалось лишь одного – Козлёнка номер 0099.

– Так вот у кого колокольчик! – заорал Обжора, шкура которого уже начала покрываться коростой. – Я знал, что этим кончится!

Огромное несчастье постигло Копьерогого. Ведь вожаку стада остаться без колокольчика – всё равно что королю лишиться короны. Поэтому неудивительно, что он некоторое время пребывал в скорбном молчании, наводя своим видом тоску на подданных, после чего мрачным голосом объявил:

– Тот, кто поймает гнусного воришку, получит награду – пять вёдер самого жирного хлопкового жмыха.

ЭРУДИТ

Роса под лучами солнца испарилась, лишив траву праздничной яхонтовой окраски, и пастбище вновь обрело свой буднично-неброский вид. Вот в этот-то предполуденный час и пожаловало сюда надменное ушастое существо – осёл по прозвищу Эрудит.

Эрудита интересовало всё на свете. Он иной раз ночами глаз не смыкал, ломая голову над какой-нибудь загадкой. К примеру, почему летом не падает снег. Этот труднейший вопрос

надолго лишил осла покоя. В результате неустанных размышлений он пришёл к такому выводу: снег падает и летом, но, не достигнув земли, тает в небе от солнечного тепла.

Ещё одна важная мысль занимала его: к чему природа создала мула, когда есть такие замечательные животные, как лошадь и осёл? В конце концов, он и на это нашёл мудрый ответ. По его мнению, мир создан таким образом, что между двумя могучими существами вполне может затесаться какой-нибудь никчёмный, путающийся у всех под ногами замухрышка. «Точно так же, как меж плодородными долинами и цветущими садами нередко простираются совершенно голые адыры», – важно говорил он в подтверждение своей мысли, и ни у кого уже не оставалось сомнения в его правоте.

Интересная всё-таки штука жизнь. Только разгрызёшь какую-нибудь мудрёную задачку, глядь, а перед тобой уже новая стоит, ещё более замысловатая. В последнее время Эрудит день и ночь раздумывает над одним запутанным вопросом: почему люди ездят верхом на ослах, а ослы на людях нет? И сколько он ни задаёт его себе, ответа никак не находит.

Вот и сейчас он, аппетитно хрустя пальчатой травкой, продолжал думать об этом, но услышав оскорбительный возглас: «Вай, иш-шак!», гневно вскинул голову. Прямо перед ним, позванивая висящим на шее колокольчиком, стоял игривый Козлёнок. Осёл надменно поморщился и вдруг как гаркнет:

– Вот дам разок, так в небо со всеми своими копытами улетишь! Как повернулся у тебя язык меня ишаком назвать?

– Ага, так ты меня и обманул, – нагло усмехаясь, ответил Козлёнок. – Разве я не вижу, что ты не тигр? Хех-хех-хе!..

– Меня зовут Эрудит! – взревел Осёл. – Запомни это, пострелёнок, раз и навсегда! Понял?!

– Вот ещё! – нисколько не испугавшись, фыркнул Козлёнок. – Почему я должен называть тебя Эрудитом, когда ты самый что ни на есть настоящий ишак?

– Потому, что я знаю всё! – приблизившись к нему, гордо провозгласил Осёл. – Даже до десяти сосчитать могу. Вот, слушай: один, шесть, три, восемь, десять.

– Правильно, – невозмутимо мотнул головой Козлёнок. – Считать и я умею. На вязанку сена поспорим, если не веришь.

Осёл с ног до головы смерил хвастливого Козлёнка изучающим взглядом. Потом спросил, откуда он здесь такой шустрый взялся.

– Разве ты не видишь, что у меня на шее? – горделиво звякнул колокольчиком Козлёнок. – Меня с фермы сюда прислали. Теперь я буду начальником этого пастбища. Понял? Главным аксакалом!

– Ой, умора! – захохотал Осёл. – Вы только поглядите на него! Неужто на вашей дурацкой ферме аксакалов постарше не нашлось, а, козье отродье?

От этих слов Козлёнок пришёл в негодование. Пригнув к земле голову, словно намереваясь поддеть Осла своими крохотными рожками, он угрожающе сказал:

– Если ещё хоть раз назовёшь меня козьем отродьем, я навсегда лишу тебя права орать на пастбище. Пусть твои безобразные уши услышат, а безмозглая голова запомнит: с нынешнего дня ты должен говорить мне «уважаемый аксакал» или «мой повелитель». Другого обращения я от тебя слышать не желаю! – Слегка смягчившись, Козлёнок добавил: – Если ты обещаешь строго следовать моим указаниям, я, пожалуй, смогу назначить тебя своим помощником.

Осёл уже давно был обижен на свою судьбу: при таком незаурядном уме она не удостоила его никакой должности. Услышав то, что сказал Козлёнок, осёл восторженно, в вытаращенных глазах его зажёгся огонь надежды. Ни минуты не медля, он поинтересовался, какую выгоду может принести ему должность помощника. Услышав же, что получит право вместе со своим начальником пастись в самых лучших местах, он чуть не пустился в пляс от радости.

– Вот это дело! – ликующе воскликнул он. – Если ты действительно хозяин своего слова, то я готов хоть с этой минуты выполнять все твои указания. Приказывай, козье отродье!

Воскликнул вот так и тут же едва не лишился дара речи. Как могли вылететь из его пасти эти крамольные слова?

– Из... извините... – Пытаясь хоть как-то загладить свою вину, он даже перешёл на «вы». – Я... я хотел сказать «мой повелитель»...

Козлёнок, вздохнув, – осёл, мол, и есть осёл, – снисходительно глянул на него:

– На сей раз я тебя великодушно прощаю... Стало быть, с тобой мы договорились. Теперь и других, кто тут есть, надо к порядку призвать.

Сказав это, он обвёл всё вокруг надменным взглядом своих жёлтых глаз:

– А где, кстати, другие?

– Сегодня, наверно, выходной, – высказал предположение Осёл. – В выходные дни все, кроме меня, отдыхают.

– Что?! – гневно сверкнув глазами, воскликнул Козлёнок. – Кто позволил?! Мало эти скоты наотдыхались зимой, не выходя из помещений? Это самое настоящее безобразие! Понял?

– Ещё как! – подобострастно вильнул хвостом Осёл. – Голова же у меня всё-таки, не тыква.

Новоявленный аксакал призадумался, потом принял вельможный вид и выдал вступившему в должность Ослу первое ответственное поручение:

– Ступай и немедленно приведи сюда этих лодырей. Собрание с ними проведём. А я тем временем погляжу, как тут дела обстоят.

– Будет исполнено, мой повелитель! – приняв стойку «смирно», рявкнул ушастый помощник.

Он круто развернулся и пустился вскачь в сторону кишлака.

«Ничего, мы и здесь, на этом заброшенном пастбище, порядок наведём, – самодовольно подумал Козлёнок, глядя вслед удаляющемуся помощнику и позванивая серебряным колокольчиком. – Дураков уму-разуму научим, болтунам языки укоротим».

Вскоре со стороны кишлака донёсся отчаянный ослиный рёв.

ЗНАКОМСТВО

Примчавшись в кишлак, Осёл первым делом направился к Волу – самому старому и почитаемому здесь животному.

– К нам с фермы аксакал прибыл! – с ходу выпалил он. – Требуется всем явиться на пастбище. Будет большое собрание.

Вол, наморщив лоб, стал чесать голову о шершавый ствол дерева. «Чтоб мне подохнуть, если я хоть что-нибудь понимаю, – про себя промычал он. – Где эта ферма и кто этот аксакал? Как бы меня на старости лет снова в плуг не впрягли».

И всё время, пока он, вместе с другими животными, двигался в сторону пастбища, перед глазами стоял этот распроклятый плуг с истёртым лемехом.

– Послушай-ка, – не вытерпев, наконец, обратился он к Ослу. – Кто этот аксакал?

– По правде сказать, это самый обыкновенный, паршивый козлёнок... – Осёл на всякий случай огляделся вокруг. – Однако – подумать только! – на шее у него серебряный колокольчик.

– А колокольчик и в самом деле ему принадлежит? – вмешался в разговор Олапар – пёс, получивший эту кличку за свою пёструю масть. – Уж не самозванец ли он?

– Верно говорит Олапар, – подхватил Верблюжонок, до сих пор не решавшийся высказать вслух свои сомнения. – Гнать надо отсюда это козье отродье. Тёткой своей пусть командует, а мы уж как-нибудь без него обойдёмся. Плевать нам на него.

– Ве-е-ерно, – в поддержку ему проблеял Ягнёнок.

– А по-моему, так поступать нехорошо, – с присущей ему, рассудительностью заявил Вол. – Не следует торопиться с выводами. Сперва надо потолковать с ним.

Ягнёнок и с этим мнением согласился:

– Ве-е-ерно.

– В том, что предлагает почтенный Вол, пожалуй, есть смысл, – солидно кивнул Осёл, решивший показать, что он ничуть не глупее Верблюжонка, и вообще... – Попробуем сперва поговорить по-хорошему. Если он вознамерился обмануть нас, то я сам это козье отродье...

Конец фразы застрял у Осли в горле. Увидев приближающегося Козлёнка, он сперва было опешил, но, быстро придя в себя, уверенно двинулся ему навстречу:

– По вашему приказанию стадо собрано, мой повелитель!

– Объявляю тебе благодарность, Эрудит, – важно проговорил Козлёнок, после чего, обведя начальственным взглядом собравшихся животных, торжественно воскликнул:

– Здравствуйте, скоты!

Животные кто как, вразнобой, ответили на приветствие. Самым последним гавкнул Олапар. Аксакал скорчил недовольную мину.

– А ты как здесь очутился, собачий сын? – нахмурился он. – Пастбища существуют только для травоядных.

У Олапара от этого оскорбительного не только для него, но и для всего собачьего племени выпада даже нос задрожал и встали торчком уши. Однако он сдержался, решил не вступать в пререкания с аксакалом. Только сказал, что назначен хозяином охранять Ягнёнка.

– Ну, это-то я тебе разрешить могу, – смиловился Козлёнок. – Но лаять на пастбище строго-настрого запрещая. Потому, что никто не имеет права мешать нам, когда мы едим и, насытившись, отдыхаем. Это непростительное нарушение порядка.

Олапар, не зная, как быть и что ответить, умоляюще глянул на Вола. Вол бросил на строгого аксакала испытующий взгляд и сказал хриплым голосом:

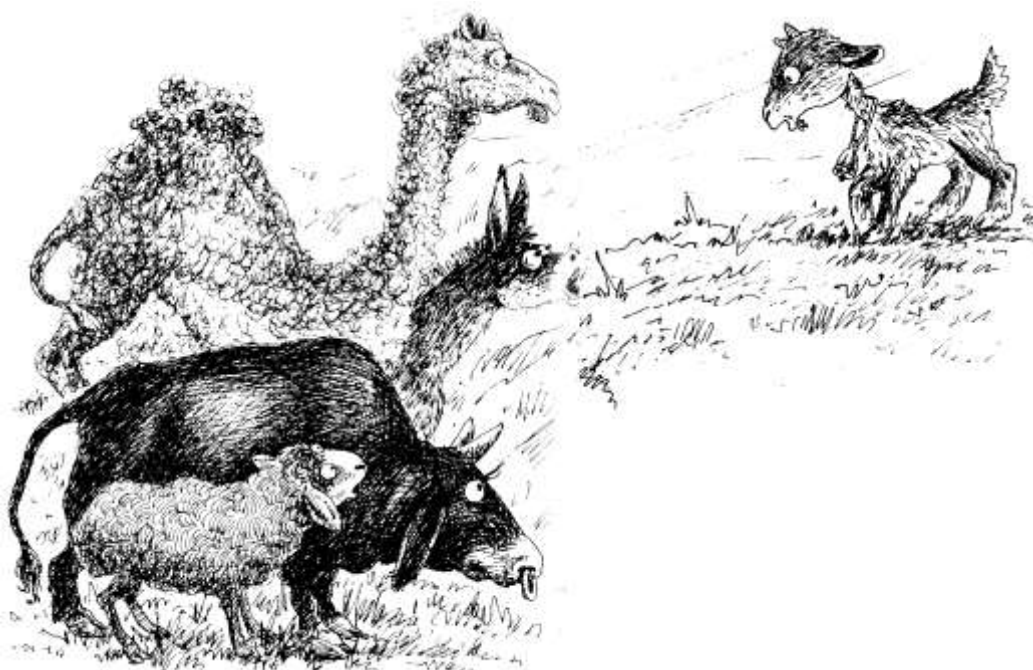
– Это несправедливо, уважаемый аксакал. Олапар уже давно с нами живёт. Все мы здесь, как братья.

– Очень неправильно вы рассуждаете, почтенный Вол, – стал настаивать на своём Козлёнок. – Этот самый братец, – он бросил уничтожающий взгляд на Олапара, – в один прекрасный день может с аппетитом обглодать ваши, или даже мои, кости. Разве не так?

С мнением Вола в стаде считались. И не только по причине его мудрости, но и из-за преклонного возраста и солидности. Но вот сейчас он стоял, будто язык проглотил, не находя достойного ответа какому-то выскочке. Воспользовавшись этим, Козлёнок вынес свой окончательный приговор:

– Таким образом, мы лишаем Олапара права лаять и выть. Чтоб с сегодняшнего дня голоса его не слышно было!

Пёс, ставший первой жертвой нового порядка, обвел печальным взглядом односельчан,

надеясь найти хоть у кого-нибудь поддержку, но увидев, что все они стыдливо отводят от него глаза, тяжело вздохнул.

– Р-р, гав-в! – после небольшой паузы начал он. – Я, дорогие друзья, не смогу так жить. Сами подумайте, ну как мне смолчать, когда чужаки по пастбищу разгуливают? Пёс я, в конце концов, или не пёс? А вдруг, скажем, коршун над вами кружить начнёт? Разве смогу я не обляять его? Гав! В-в-в!.. Довольно и того, что меня по вечерам на цепь сажают. Да лучше мне подохнуть, чем вот так мучиться, даже не иметь права гавкнуть. Так что прощайте, друзья, не могу я больше быть с вами на пастбище, в кишлак возвращаюсь. Р-р-р!..

И Олапар, смертельно обиженный на своих никудышных друзей, поджал хвост и трусцой побежал в сторону кишлака.

«Нехорошо вышло», – подумал Вол, чувствуя неловкость от того, что не сумел защитить Пса.

Проводив виноватым взглядом Олапара, он повернул огромную, украшенную кривыми рогами голову к Козлёнку и пробормотал:

– Худо вышло, аксакал, ох, как худо...

СПОР

Говорят, будто простор и свободу верблюды ценят выше, чем даже самое главное в жизни – сытость и покой. Если верить погонщикам караванов, верблюды чтут саксаул как священное растение, почтительно опускаются перед ним на колени и молятся: «Упаси нас от тесных улиц и зловонных хлевов». И Верблюжонок то же в полной мере унаследовал это от родителей. Никакой степенности! Никаких ограничений! Да здравствует свобода!

После того, как униженный и оскорблённый Олапар вынужден был удалиться в кишлак, он понял, что никакой радости от прихода на пастбище нового аксакала ждать не приходится. Внутри у него всё так и клокотало от гнева. И когда Вол, качая лобастой головой, сказал: «Худо вышло, аксакал, ох, как худо», его прорвало:

– Да какой это аксакал! – пронзительно закричал Верблюжонок. – Он самый настоящий самозванец! И ещё этот... интриган и провокатор, явился сюда, чтобы всех нас перессорить, друг с дружкой стравить! Плевал я на него!

– Ве-е-ерно! – проблеял Ягнёнок.

Услышав такое, Осёл испугался за свою карьеру.

– Угомонись, Верблюжонок! – свирепо вращая вытаращенными глазами, заорал он. – Аксакал принял правильное решение. К чему нам здесь псина? Мы траву едим, а он нет.

На этот раз Ягнёнок поддержал Осла:

– Ве-е-ерно!

– Друзья, этот прохвост, козье отродье, Эрудита купил! – завопил Верблюжонок. – Осёл предал нас!

– Пра-а-вильно! – не задумываясь, проблеял Ягнёнок.

– Ты что тут мелешь, поганец! – набросился на Верблюжонка встревоженный возможным разоблачением Осёл. – Я не продаюсь! Никто ещё меня на базаре не видел!

– Друзья, – не обращая внимания на его рёв, снова обратился к окружающим Верблюжонок, – я всё равно не верю, что этот... это козье отродье и есть настоящий аксакал. Не иначе как он украл колокольчик.

Вот так прямо, никого и ничего не боясь, во всеуслышание заявил Верблюжонок.

Но и Козлёнок, несмотря на свой юный возраст, был не промах и ни при каких обстоятельствах не терялся.

– Ты, горбун, тысячу раз должен благодарить судьбу за то, что не живёшь на ферме «Бабачак», – грозно глянул он на Верблюжонка. – Не то тебя за оскорбление аксакала в два счёта пустили бы на мясо.

– Плевал я на твою ферму, – огрызнулся Верблюжонок. – И на тебя тоже.

«А что если этот пострелёнок в самом деле аксакал? Тогда оскорбление, которое нанёс ему дерзкий Верблюжонок, может обернуться для всех нас большой бедой», – подумал предусмотрительный Вол.

– Не обижайся, братишка, – примирительно улыбнулся он Козлёнку. – Общественность м-м... как бы это сказать, немного сомневается, что тебя сверху прислали к нам аксакалом. Ты вот козыряешь колокольчиком. Кто знает, может, ты его и впрямь у кого-нибудь м-м... взял. Или на дороге нашёл – такое тоже иногда случается. Было б хорошо, если бы ты представил другое, более существенное, доказательство своего старшинства.

– А не представишь, мы тебя вмиг вытурим! – выкрикнул неугомонный Верблюжонок.

Как ни нагл и самоуверен не был Козлёнок, слова Вола привели его в замешательство. Пытаясь скрыть это, он постарался выглядеть совершенно спокойным, засмеялся и почесал копытцем за ухом. В его плутовских глазах можно было прочесть: «Есть у меня и другие доказательства, но так ли уж обязательно их вам показывать?» Пока он вот так искал и не находил достойного выхода из щекотливого положения, в какое поставил его Вол, нога, которой он чесал за ухом, случайно задела красовавшуюся на ухе тамгу.

– Есть доказательство! – сразу воспрянув духом, завопил он. – Вот оно! Видите, что у меня на ухе? Это аксакальская тамга! На ней даже номер есть. Найдётся среди вас хоть один грамотный?

– Я до десяти считать умею, – выскочил вперёд Осёл. – Поглядим-ка, что там написано?

– Гляди, – показал ему своё ухо Козлёнок. – Ноль ноль девяносто девять. И не написано, а выбито! Вычеканено как на монете. Или даже как на медали! Верно?

По тому, как растерянно хлопал глазами Осёл, Козлёнку стало окончательно ясно, что с грамотой у него так же худо, как у всех остальных животных.

– В самом деле... написано, – неуверенно промямлил Осёл.

– Этой тамги меня на ферме удостоили, – ещё выше задрал нос, хвастливо сказал Козлёнок и, подойдя к Волу, добавил: – Может, и вы, почтенный, желаете убедиться?

Вол внимательно осмотрел тамгу. Даже лизнул её своим шершавым языком. Уверившись в том, что она сделана из чистой меди, он обратился к стаду:

– Тамга настоящая и очень умело в ухо вделана. Козлёнок действительно прислан сюда с фермы.

– Ага, говорил же я вам, что он настоящий аксакал! – радостно воскликнул Осёл. – Не тыква же, в конце концов, у меня на плечах.

На душе у Верблюжонка стало тревожно. Всем своим существом, каждой каплей крови, каждой шерстинкой он ненавидел неволю и притеснение. Разве мог он смириться с тем, что какое-то козье отродье, какой-то самозванец, – а в том, что это так, он несколько не сомневался, – станет отныне командовать им и его приятелями только потому, что на шее у него болтается серебряный колокольчик, а на ухе пришита дурацкая пуговица.

– Я не понимаю вас, друзья, – ещё больше изогнув спину, снова начал он. – Настоящий ли, фальшивый, – зачем нам вообще аксакал? Если бы он хоть давал нам вдоволь корма – тогда ещё куда ни шло. А приказами, которые он направо и налево раздаёт, сыт не будешь. Я ещё не видел, чтобы хоть какому-нибудь животному довелось их на зуб попробовать. Предлагаю изгнать этого самозванца.

– Эй, невежда! – оперевшись копытцем в бок, прикрикнул на него Козлёнок. – Держу пари на охапку сена, что ты самый настоящий псих. Ты хоть знаешь, что происходит за пределами твоего пастбища? Везде сейчас наводится порядок. Прогоните меня – другого пришлют. Тигра, например, с такой же, как у меня, тамгой. Он таких, как ты, в одно мгновение грамоте обучит и к порядку призовет.

– Ты о каком это порядке говоришь? – не унимался настырный Верблюжонок. – Мы так тихо, спокойно жили, пока ты здесь не объявился. С твоим приходом всё кувырком полетело. Такой порядок ты собираешься установить?

– Эх, ты, неуч. Разве там, где спокойно, можно порядок навести? Согласно правилам, для этого надо сперва хороший беспорядочек устроить.

– Подумать только! – воскликнул восхищённый мудростью Козлёнка Осёл. – Вот, оказывается, в чём дело!

Верблюжонок в сердцах плюнул себе под ноги. Он был возмущен трусостью приятелей, которые, дрожа за свою шкуру, предпочли отмолчаться, не поддержали его.

«ПРАВИЛЬНО, ВЕРНО!»

Хотя Ягнёнок рос вялым и неповоротливым, говорить он начал рано. И была тому причина. Родители его знали только два слова – «правильно, верно», так что выучить эти слова ему было проще простого.

И теперь, слушая всех, кто старался перекричать других, он ничуть не сомневался в том, что все они говорят верно.

Доказав, что он и есть присланный с фермы аксакал, Козлёнок решил: надо как можно быстрее покончить с беспорядком и установить новый порядок; он уже было вознамеривался разъяснить кое-какие наиважнейшие условия, как вдруг заметил, с каким интересом смотрит ему прямо в рот коричневый Ягнёнок.

Польщённый таким вниманием, Козлёнок объявил:

– Прежде всего надо покончить с тем, что каждый пасётся там, где ему вздумается. Вы, уважаемый Вол, с сегодняшнего дня будете пастись вдоль сая. Ягненку мы отведём участок вон за тем холмиком, где курмак растёт. Ну, а Верблюжонку – подножья адыров.

– Плевал я на твои подножья, – услышав это, взъярился только-только начавший успокаиваться Верблюжонок. – Там же ничегошеньки, кроме янтака, нет. А разве может наш брат одним янтаком быть сыт?

Ягнёнку стало жаль Верблюжонка, и он сочувственно подумал: «Правильно».

– Все твои предки и предки твоих предков питались янтаком, – невозмутимо ответил Козлёнок, – вовсе не обязательно лакомиться пальчаткой.

Этот довод тоже показался Ягнёнку правильным.

– Ладно, а здесь кто будет пастись? – указал хитро прищуренным глазом на молодую кудрявую травку в центре пастбища Верблюжонок. – Об этом ты почему-то не сказал.

Козлёнок скромно откашлялся.

– Здесь на одной части буду пастись я, – ответил он, нимало не смущаясь. – На другой – мой помощник Иш... гм... Эрудит.

Плутовская выходка этого плюгавого существа козьего отродья снова вывела Верблюжонка из себя.

– Друзья, что же это такое происходит? – Губы у него от возмущения дрожали. – Да он же, это козье отродье, самое лучшее место заграбастать хочет! Да кто он такой, чтобы нами командовать! И чтоб объесть нас!

– Ве-е-ерно! – высказал своё мнение Ягнёнок.

Однако ничто не могло теперь испугать Козлёнка. Он был спокоен, уверен в себе.

– Эй, горбатый! – закричал он. – Ещё хоть один раз обзовёшь меня козьим отродьем, я тебе... тебя... ух!.. Всех прав лишу! Известно ли тебе, невежде, что такое порядок? Порядок требует, чтобы руководитель всегда находился в центре. Так разве я виноват, что там трава лучше?

– Ве-е-ерно! – поддержал аксакала Ягнёнок.

Переспорив строптивного Верблюжонка, Козлёнок тоном заправского военачальника обратился к своему длинноухому помощнику:

– Эрудит!

– Слушаю вас, мой повелитель!

– Построй стадо и разведи всех по местам.

– Есть, мой повелитель! – подтянувшись и наострив уши, ответил Осёл, после чего повернулся к животным и, что было голоса, проорал: – В одну шеренгу станови-и-ись!

Животные нехотя исполнили команду.

– За мной шагом марш!

И все гурьбой, наступая друг дружке на ноги, двинулись за Ослом.

Когда Эрудит развёл животных по выделенным им участкам и возвратился, чтобы доложить о выполнении приказа, аксакала на месте не было. Он, как и следовало ожидать, нежил-ся на облюбованном местечке в центре пастбища и тихонько напевал незатейливую песенку:

*На ветру листва, качаясь,
Всё дрожит, дрожит, дрожит.
Облаков пушистых стая
Вдаль бежит, бежит, бежит.
А на солнце жаворонки
Пинь-пилинь-пиликают.
Колокольчик мой презвонкий
Динь-дилинь-дилинькает.*

«Ишь, сколько вкуснейшей пальчатки слопать успел, – глядя на поредевшую траву, подумал Осёл. – Наверно, ему и в голову не пришло, что помощнику тоже обедать надо».

Он растянулся рядом с Козлёнком, чтобы перевести дух и, словно других забот у него не было, участливо спросил:

– Подкрепились, мой повелитель? Травка на нашем пастбище м-м, копыта оближешь. Ешьте в своё удовольствие, жирейте нам на радость.

– Тоже мне трава, – скорчил недовольную мину Козлёнок. – Слышал я... Нет, видел собственными глазами, в Алатау трава высотой с чинару вымахала. Жуёшь её, а она, будто огурец, на зубах хрумкает.

– Вот это да! – разинул от удивления пасть Осёл.

– Как думаешь, – продолжал Козлёнок, – не отправиться ли нам в те края в культпоход?

– Извините, мой повелитель, а что это... культпоход?

– Путешествие, – снисходительно усмехнулся Козлёнок. – И прогуляемся, и вдоволь наедемся. Так что ты на это скажешь?

За бугорком шипал травку Ягнёнок. Он слышал весь их разговор и, конечно, сразу сообразил, что аксакал предложил что-то очень, очень правильное. А что же, интересно, жажет Осёл? Ягнёнок даже перестал жевать, чтобы не пропустить ни звука.

– Э-ха, э-ха! – бросив по сторонам беспокойный взгляд, воскликнул Осёл, которому страсть как не хотелось покидать это благодатное место. – Во-вторых, Алатау очень далеко отсюда. В-шестых, там, поговаривают, два близнеца-волка живут. Чистые разбойники.

Представив себе на миг острые, как шилья, волчьи зубы, Козлёнок подумал: «А он у меня и впрямь эрудит, даром, что Ишак». Однако внешне страха перед волками не показал, чем немало озадачил помощника.

– А ты, видать, здорово боишься серых? – насмешливо сказал он. – Я ведь лично знаком с этими близнецами. Недавно изловил их да так поколотил, что они, бедняги, взвыли: «Акаджан, уважаемый, родненький, пусть собаки наши кости сгрызут, если мы ещё хоть раз посмеём попасться вам на глаза». Я их по доброте своей и отпустил, уж очень жалко мне их стало. Так они были рады, так благодарили, даже копыта мне облизали.

У Эрудита от удивления глаза чуть не повылазили:

– По правде сказать, в такое даже поверить трудно, мой повелитель.

– Эх, ты, балбес, – обозлился вдруг Козлёнок. – Ты мне помощник, правая нога, или кто?

– Помощник! – вытянулся в струнку и щёлкнул копытами Осёл.

– То-то же! А раз так, выполняй свои обязанности, как положено. Помощника, который не верит словам начальника, в конце концов прогоняют с работы. Понял?

– Еще как, – виновато понурил голову Осёл. – Не тыква же у меня, а голова всё-таки.

Козлёнок медленно встал с места и, прищурившись, посмотрел вдаль, словно прикинул на глаз расстояние до Алатау.

– Стало быть, решение моё будет такое, – сказал он после недолгого молчания. – На будущей неделе отправляемся в путешествие. В этой жизни, брат, побольше надо скакать да взбрыкивать. – Он засмеялся удачной шутке. А Ягнёнок, услышав последние слова, подумал: «Правильно».

ПУТЕШЕСТВИЕ

Наверно, никому и никогда ещё не доводилось видеть, чтобы Заяц напал на кого-нибудь. Даже пучеглазый Филин, которому ведомо абсолютно всё про любое живущее в горах Алатау существо, и тот не припомнит такого. А вот недругов всяких у Зайца столько, что у вас пальцев на руках и ногах не хватит, чтобы их сосчитать: волки, лисы, коршуны, шакалы... Даже бестолковый удав ни за что не променяет заячье мясо на крысиное.

Бедному Зайцу чуть не каждый день приходилось спасаться от преследования великого множества врагов, и жив он был благодаря регулярным занятиям бегом на длинные дистанции.

Рано утром, когда он с превеликим трудом сумел убежать от волка и отлёживался, приходя в себя, в норке, снаружи донёлся беспорядочный топот чьих-то ног. Он прислушался и понял, что ноги эти принадлежат каким-то незнакомым животным. Сердце в груди, не успев успокоиться, забило ещё сильнее.

Дождавшись, когда звуки шагов, постепенно отдаляясь, полностью затихнут, Заяц осторожно выбрался из тёмной норы наружу. От ослепительного яркого света у него заслезились глаза. Он смахнул лапками слёзы и настороженно огляделся вокруг. Ничего тревожного ни вблизи, ни дальше, за густыми зарослями кустарника, не обнаружилось. Заяц – скок-поскок, скок-поскок – запрыгал вслед за незнакомцами и вскоре чуть не столкнулся нос к носу с Ослом, аппетитно хрустевшим сочной травой. Неподалёку от Осла, позванивая висящим на шее колокольчиком, резвился, перескакивая с камня на камень, щупленький козлёнок.

С небольшой площадки, скрытой за огромной скалой под названием Тукмакташ, послышались какие-то звуки. Заяц, стараясь оставаться незамеченным, осторожно приблизился и, к великому своему удивлению, увидел Вола, Верблюжонка и Ягнёнка. Лёжа на траве, они о чём-то беседовали. Заяц прятался в кустах и стал внимательно слушать.

– Тьфу, тоже мне путешествие! – недовольно шлёпая губами, проворчал Верблюжонок. – Один какой-то паршивец... козье отродье всех нас дурачит. Нам уже давно пора было турнуть его отсюда. Тьфу!

– Пора бы тебе язык укоротить, – осуждающе сощурил правый глаз почтенный Вол, который немало повидал на своем долгом веку и хорошо знал, какие беды бывают от длинных языков. – Аксакал прислан к нам с фермы. А присланного прогонять нельзя – запрещено.

– Ве-е-ерно! – подтвердил Ягнёнок.

– А я бы наплевал...

Верблюжонок не успел договорить. Из-за скалы, облизывая зелёные от сочной травы губы, вышел Осёл.

– Это что ещё за сборище? – заорал он. – Тебе, горбун, кто позволил здесь речи произносить?

Осторожный и миролюбивый Вол, всегда старавшийся избежать ссоры, и на этот раз попытался увести разговор в другую сторону:

– Скажи-ка, Эрудит, что это за путешествие? Объясни нам.

– Это не просто путешествие, а культпоход, – важно ответил Осёл. – А цель – попрыгать, повзбрыкивать.

Услышав такой ответ, Заяц чуть было не прыснул со меху. Он выскочил из-за куста, в два прыжка приблизился к Ослу и, хихикнув, сказал:

– Зачем надо так далеко идти, чтобы попрыгать и по... как это? – повзбрыкивать?

Все одновременно посмотрели на Зайца и каждый подумал про себя: в самом деле – зачем? Эрудит пришёл в ярость.

– Сгинь с глаз моих, бестолочь косоглазая!– завопил он.– Кто позволил тебе здесь околачиваться?

Заяц хорошо знал, что Осёл – не хищник, и потому пропустил его крик мимо ушей.

– Стыдно нам с тобой, родственничек, ссориться, – улыбаясь, сказал он. – Ведь мы же, как-никак, оба ушастые.

– Ах, косой! – ещё больше взъярился Осёл. – В родственники набиваешься? Да знаешь ли, с кем разговариваешь? Я помощник самого аксакала и права у меня ой-ой какие! Если есть у тебя хоть капля ума, скажи, куда глаза глядят, не то беду на свою голову накличешь.

– Сам мотай отсюда, – засмеялся Заяц.

Этого Осёл, конечно, стерпеть не мог.

– Уж не хочешь ли ты, чтоб я тебе рёбра пересчитал? – изо всех сил топнув копытом, закричал он.

– А я-то хотел доброе дело вам сделать, – укоризненно покачал головой Заяц.

– Видали, видали его? – презрительно фыркнул Осёл. – Да что хорошего ты можешь сделать, косой? Ну, говори же!

И Заяц заговорил. Он поведал о том, что вокруг рыщут лютые и кровожадные близнецы Ашкал и Дашкал, и предостерег новых знакомых от возможной встречи с ними.

– А эти твои близнецы – не волки, случайно? – осторожно поинтересовался Осёл.

– Они самые, – шёпотом подтвердил Заяц. – А ты откуда знаешь?

– Знаю, и всё. Не тыква же у меня всё-таки, а голова. Тут в разговор вмешался почтенный Вол.

– Эх, нет сейчас с нами Олапара! – с сожалением воскликнул он. – Разве стали бы мы с ним бояться каких-то волков?

– Кто это – Олапар? – удивлённо спросил Заяц, подумав про себя: «Неужели есть среди домашних животных кто-то сильнее, чем волк?»

– Олапар – пёс, причём самый отважный во всём кишлаке Чимзар, – ответил Вол. – Раньше мы с ним очень дружны были. А потом...

Вол не успел поведать, что стало потом. Из-за скалы послышался звон колокольчика. Все замолкли. Прыгая с камня на камень, к ним приближался Козлёнок. Он, должно быть, почувствовал, что животные чем-то взволнованы и, обратившись к Ослу, спросил:

– В чём дело, Эрудит! Что тут произошло?

– Здесь, говорят, волки рыщут, мой повелитель. Ашкал и Дашкал.

– Кто сказал?

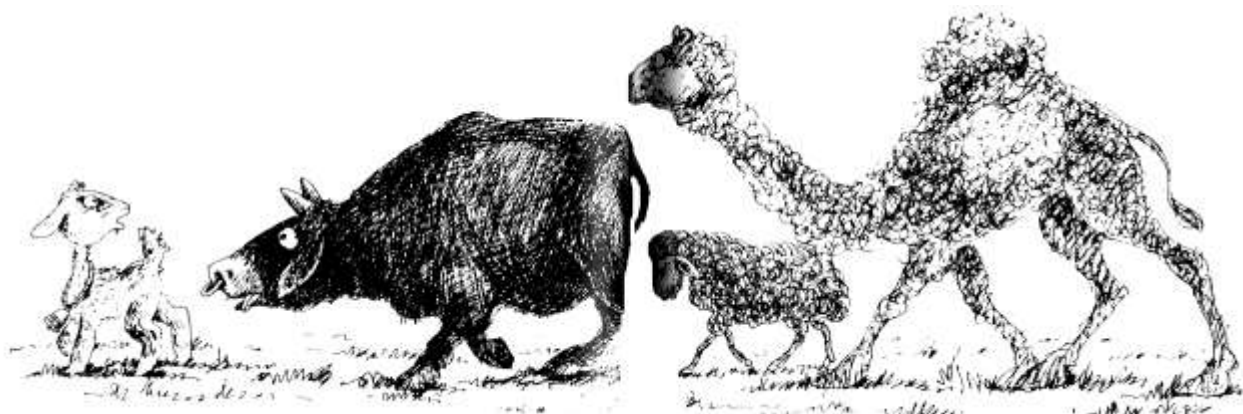
– Вот этот косоглазый. – Осёл пренебрежительно кивнул головой в сторону Зайца. Тот на всякий случай наострил уши.

Козлёнок смерил Зайца с ног до головы уничтожающим взглядом:

– Стало быть, вы поверили этому провокатору? Да он же мелкий воришка! Капусту-то кто с огородов ворует?

– Сам ты воришка! – высунув язык, передразнил его Заяц. – И ещё первый трус! Как увидишь волка, так сразу первый и драпанёшь.

– Кто – я?! – ткнув себя копытцем в грудь, возмутился Козлёнок. – Могу поспорить на охапку сена, что серые разбойники, увидев меня, со страха забьются в мышинные норы. Я однажды им такого трепака задал...

– Скромничаете, мой повелитель, – подобострастно хихикнул Осёл. – Точней было бы сказать, растерзали вы их в клочья.

– Потом они клялись, что никогда больше не возникнут на моём пути, – продолжал бахвалиться Козлёнок. – Уж как они, бедняги, плакали, копыта мне лизали. Сжалился я над ними, отпустил на все четыре стороны.

– Напрасно отпустили, мой повелитель, – всё так же подхалимски глядя на Козлёнка, сказал Осёл. – Они ведь до сих пор продолжают разбойничать.

– Ой, не могу! – бросив искоса насмешливый взгляд на Козлёнка, расхохотался Заяц. – Вот хвастунишка-то! Да такого труса, как ты, я в жизни своей не видел! Ха-ха-ха!.. Хо-хо-хо!..

Козлёнок сообразил, что ещё чуть-чуть, и авторитет его полетит вверх тормашками, грозно глянул на Осла:

– Эрудит!

– Слушаю, мой повелитель!

– Ты мне помощник, или нет?

– Конечно, помощник!

– Так почему стоишь, разинув рот, невежда? Не видишь разве, какой-то ничтожный во-ришка оскорбляет твоего повелителя!

Осёл правильно понял, что надо задать ушастому хулигану хорошую трёпку, и двинулся на Зайца:

– Ну, держись, косой! Знаешь, что я с тобой сейчас сделаю? Над аксакалом насмеяться вздумал?!

Приблизившись к Зайцу, он вдруг резко повернулся к нему задом, взбрыкнул крепкими, как камень, копытами. Но тот ловко увернулся и с криком: «Так вам, дуракам, и надо, на себя пеняйте!» одним прыжком скрылся в кустарнике, только его и видели.

БЛИЗНЕЦЫ

Мудрый, закалённый в кровавых драках Ашкал, прячась от полуденного зноя в зарослях ежевики, неподалёку от ворот древней крепости, задремал. И приснился ему кошмарный сон, будто напая на него с братом ядовитые змеи.

– Будь проклята такая жизнь! – проснувшись, в сердцах пробурчал он. – Ни наяву нет тебе покоя, ни во сне.

Сегодня у них с братцем был день рождения, но – надо же! – он с самого утра ещё ничего не ел. Это было ужасно обидно. «Поймай я утром того зайца, худо-бедно перекусил бы, – глотая слюну, подумал он. – А виноват Дашкал. Во что ни вмешается, всё к чертям собачьим летит».

Заметив петляющего в кустарнике Зайца, Ашкал сразу не сообразил, что заячья нора должна быть где-то поблизости и далеко он не убежит. Но в колючих кустах косоного не очень-то поймашь. И Ашкал решил: надо терпеливо ждать, когда он выскочит на открытое пространство, за скалу Тукмакташ. Там-то ему, голубчику, и крышка.

Ашкал поделился с братом этой мыслью. Но Дашкал наотрез отказался ждать.

– Если бы речь шла о том, чтобы напасть на кабана, тогда другое дело, – сказал он. – А из-за какого-то зайчишки мозги себе сушить не стоит.

Так и не договорившись между собой, зайца они – можно сказать, тёпленького, готовенького – упустили.

Ашкал, как вы уже заметили, был мудр и ничего не делал, хорошенько не подумав. А взбалмошный Дашкал дальше своего носа не видел. Он ни в грош не ставил философию брата, без конца твердившего: «Всегда нужно видеть перед собой цель, уметь ради грядущего праздника отказаться от лишнего лакомого куска в будни». Свой девиз был у Дашкала: «Увидел – лови, поймал – съешь!»

Укрывшись в зарослях ежевики, Ашкал предался сладостным мыслям о своей природной хитрости, незаурядной смекалке, благодаря которым он за свою жизнь сумел одурачить, заманить в западню столько легковверных простаков, что и не счесть. И вспомнился ему случай, который произошёл однажды на пастбище Ширманкир.

Это было ранней весной, когда только-только проклюнувшаяся изумрудная травка начала наливать соком. Близнецы Ашкал и Дашкал, учуяв дразнящий запах пасущегося на Ширманкире стада, до позднего вечера рыскали вокруг, выжидая удобной для нападения минуты. Издалека доносился сиплый лай охранявших стадо огромных волкодавов. Не подойти.

Время шло, а удача как будто и не собиралась им улыбаться. И тогда они отправились в сторону оврага, по дну которого бежал говорливый сай, в надежде поживиться каким-нибудь барсуком или хотя бы сусликом. И когда они увидели пришедшего утолить жажду Козлёнка, от радости и предвкушения удовольствия языки у них отвисли чуть ли не до самой земли.

– Вот это удача так удача! – прошептал, глотая слюну, Дашкал. – Ну, брат, вперёд!..

Как ни заманчиво было заморить червяка нежной козлятинкой, Ашкал не стал торопиться. На уме у него было другое. И если бы удалось достичь желанной цели, он устроил бы такой мясной пир, какого ещё не доводилось видеть ни одной волчьей стае, чтобы даже самые знаменитые, самые могучие волки пасти разинули, дивясь его выдающемуся уму и находчивости.

У Дашкала аж сердце защемило, когда брат поделился с ним своими намерениями.

– Слопаем мы его, никуда от нас не денется, однако не теперь, после... – Не отрывая от Козлёнка горящего взгляда, махнул он лапой. – А сейчас я очень есть хочу. Сам слышу, как кишки шуршат.

Чтобы показать, как он голоден, Дашкал прихлопнул скакнувшего к его ногам доверчивого кузнечика и в миг проглотил его.

Однако на этот раз Ашкал был непреклонен, и после некоторого препирательства братец вынужден был с ним согласиться. И они стали осторожно спускаться.

Увидев волков, Козлёнок от страха похолодел. И хотя Ашкал и Дашкал, здороваясь с ним, дружелюбно улыбались, ноги у него предательски дрожали. Между тем серые братья, показав свою благовоспитанность и высокую культуру, представились, чинно-благородно подали ему украшенные острыми когтями лапы. Благополучно высвободив из них своё маленькое копытце, Козлёнок немного пришёл в себя и даже слегка приободрился.

– Я искренне рад знакомству с вами, – обнажив страшные клыки, улыбнулся Ашкал. – Много прекрасных легенд довелось мне услышать о вашей необыкновенной храбрости.

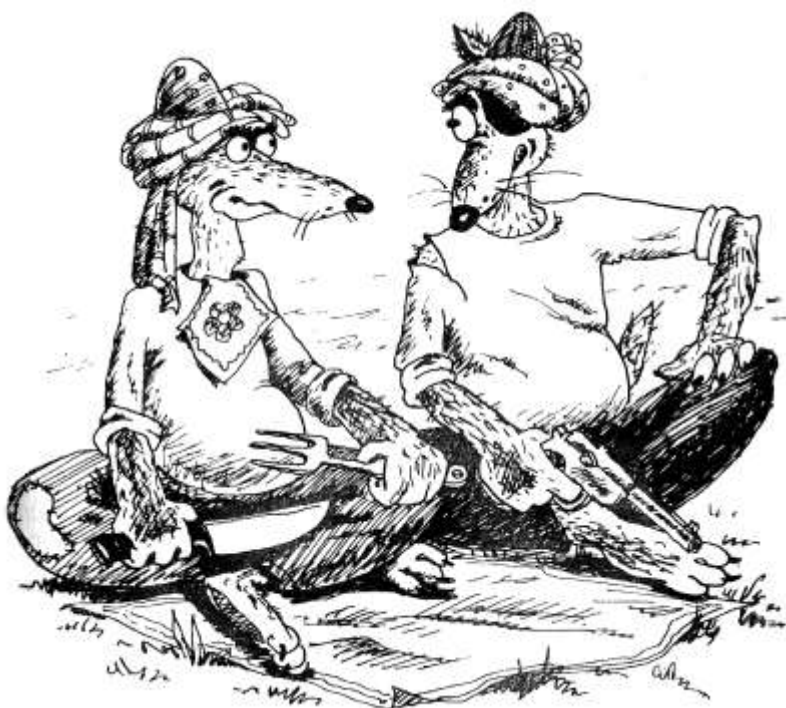
– А теперь мы и сами это видим, – вставил словечко Дашкал.

Козлёнок попытался было сделать вид, будто ему неловко слышать такие лестные слова, однако нос у него сам по себе задрался вверх.

– Гляжу я на вас, и завидки берут, – продолжал льстить ему Ашкал. – Глаза ваши прямо-таки светятся пронизательностью.

– Ну что вы, – стыдливо потупился Козлёнок.

– Не скромничайте. Скромность – беда наша. Будь на вашем месте другой козёл,

разве снизошёл бы он до того, чтобы со стадом пастись?

– Такой умный, такой удивительный Козлёнок, и прозябаете в этой грязи, – с сожалением покачал головой Дашкал. – И в то же время какой-то безмозглый козлище ходит в аксакалах. Только потому, что на шее у него серебряный колокольчик болтается. Надо отнять у этого нахала колокольчик.

– Так он вам его и отдал! – забыв о том, что перед ним кровожадные хищники, обиженно прикусил губу Козлёнок.

– Это верно, подобру он колокольчик не отдаст. Придётся похитить.

Заморочив таким образом Козлёнку голову, братья принялись наставлять его:

– Прежде всего вы отправитесь в кишлак Чимзар и возглавите тамошнее распущенное стадо.

– А чтобы показать, какой вы современный, передовой вожак, поведёте этих скотов в культпоход на Алатау. Вот это будет здорово!

– Постарайтесь распустить слухи о вашей богатырской силе и отваге. Самое лучшее, похвастайте своей победой над Ашкалом и Дашкалом.

– Разве эта деревенщина поверит, что я вас отлупил? – сказал Козлёнок таким тоном, будто и впрямь одолел волков.

Хитрый Ашкал словно только и ждал этих слов:

– Поверить в это, конечно, трудно. Но вы ведь знаете, что дуракам нелегко что-нибудь втолковать, им показать надо.

Немного подумав, он продолжал:

– Мы сделаем так. Отправившись в культпоход, вы первым делом поведёте их на Ташкурган. Мы почти всегда там. Увидев нас, они, само собой, от неожиданности оцепенеют. Мы притворимся, будто собираемся напасть, но вы опередите нас и рванётесь вперёд. Сперва припугнёте, как следует, потом немного поколотите.

– Только не очень сильно, – панибратски похлопал Козлёнка лапой по плечу Дашкал. – И, главное, не по рёбрам. Их-хи-хи!..

Ашкал представил себе, как станет потешаться над ним пересмешник Дашкал, если не удастся осуществить задуманное, и от этого ему стало не по себе. Он даже вздрогнул всем телом, и в эту минуту услышал звук скатывающихся с тропинки камешков. Ашкал вскочил на ноги, настороженно осмотрелся вокруг и увидел: крадучись приближается к нему Дашкал.

– Ну и светлая у тебя головушка, Ашкал! – по-братски обнял его Дашкал. – Хвалю за смекалку!

– Пошёл ты! – злобно огрызнулся голодный Ашкал и стряхнул с себя лапу брата. – Небось уже пару сусликов перехватил?

– Я Козлёнка видел! – продолжал радоваться Дашкал. – Нашего – простофилю! Он сюда идёт!

Ашкал сразу подобрел, перестал отпихивать от себя брата.

– А не врешь? – с надеждой в глазах спросил он. – Я ведь, в два счёта хвост оторвать могу.

– Пусть у меня на носу чирей выскочит, если вру, – поклялся Дашкал. – Это он, тот самый! И не один, со стадом. Всё точно, как ты задумал. Мудрый ты мой!

«Как хорошо, что я не сплеховал, мордой в грязь не ударил! – не веря своим ушам, с радостью подумал Ашкал. – Слава обо мне пронесётся теперь по всему Алатау. Глядишь, даже хитрюга Лиса от удивления пасть разинет, да так и забудет захлопнуть».

– И много их? – спросил он вслух. – Ну-ка, назови, кто там.

Дашкал, у которого беспрерывно текла из пасти слюна, с выражением, словно читая стихи, начал перечислять:

– Впереди всех вприпрыжку скачет Козлёнок.

– Ув-в-в!.. – задрав вверх лобастую голову, тихонько взвыл Ашкал.

– За Козлёнком, едва поспевая, плетётся какой-то Осёл.

– Тьфу! – брезгливо сплюнул Ашкал. – Откуда взялся этот недоумок?

Дашкал, словно не слыша вопроса, продолжал:

– Следом за Ослом бредёт, качается Вол.

Услышав это, Ашкал снова повеселел:

– Вай, вай, вай!

– За Волом, поплёвывая по сторонам, шагает Верблюжонок.

– Ох, ох, ох!

– Ну, а за Верблюжонком – маленький, курчавенький Ягнёнок.

– Вай, вай, вай! – Ашкал даже подпрыгнул от восторга. – Мы устроим роскошный пир!

Дашкал осторожно приблизился к скале, выглянул наружу, посмотрел в сторону пастбища.

– Они идут прямёхонько к каменной крепости, – обернувшись к брату, самодовольно ухмыльнулся он. – Козлёнок, видать, и впрямь собирается поколотить нас. Побереги рёбра... Рёбра, говорю, побереги! И-хи-хи!..

Распахнув пошире ворота крепости, братья спрятались за колючими зарослями ежевики. Чуть погода снова послышались звуки скатывающихся с крутой тропинки камешков.

ЗАПАДНЯ

Ещё вчера Дашкал был не очень-то высокого мнения о брате, называл его про себя «несчастливым мечтателем», «паршивым философом». Сегодня же он вдруг осознал, как глубоко ошибался, недооценив Ашкала. Брат, несомненно, выдающийся зверь, достойный стать даже вожаком стаи.

Звук осыпающихся с тропы камешков усиливался, стал явственно слышен топот копыт. Наконец рядом со скалой появилось стадо во главе с Козлёнком. Когда животные приблизились к воротам крепости, Козлёнок остановился и внимательно оглядел каменные стены.

– Крепость, которую вы видите, построена не меньше ста лет назад, – как заправский экскурсовод, начал Козлёнок. – Тогда ещё не было уютных ферм и хлевов. Таких, как мы с вами, обыкновенных животных держали взаперти в помещениях без крыш, вроде, например, вот этого...

Закончив свою лекцию, Козлёнок собрался было двинуться дальше, но тут Вол, упершись ногами в землю, сказал:

– Послушай, братец, такие незнакомые места, как эта крепость, лучше на расстоянии разглядывать, да поскорей сматываться. Кто знает, может, волки там западню устроили.

– Я же сказал вам, почтенный Вол, – снова задрал нос, высокомерно усмехнулся Козлёнок, – как только эти грязные хищники увидят меня, так сразу кинутся наутёк.

Сказав это, он бросил победный взгляд на Осла:

– Эрудит!

– Слушаю, мой повелитель!

– Веди стадо в крепость, культпоход продолжается.

– Есть! – вытянулся в струнку Осёл и, придирчиво оглядев строй, скомандовал: – За мной шагом м-марш!

И стадо, повинувшись ему, вошло в крепость. Следом за ним в крепость влетели волки.

Остановившись посреди крепостного двора, животные с любопытством рассматривали внутреннюю часть полуразрушенных каменных стен, остатки истлевших деревянных кормушек для лошадей. Волки, оскалившись, некоторое время молча наблюдали за ними. Первым не вытерпел Дашкал:

– Попались, скоты пустоголовые! – злорадно заорал он. Вот вам и культпоход!

– Заодно и на тот свет прогуляетесь, – почесав об ворота спину, добавил Ашкал. – Может, есть желающие отправиться первыми?

Услышав волчьи голоса, все животные отпрянули, да так и замерли, будто окаменели. Козлёнок сперва тоже испугался, но, вспомнив то, о чём он вёл с волками разговор на Ширманкире, немного приободрился и, шагнув навстречу хищникам, важно спросил:

– Узнаёте ли вы меня? Быстро же вы забыли, как я вас поколотил!

Дашкал больше всего на свете любил потешаться над теми, кого ему удавалось надуть, и теперь он обрадовался случаю ещё разок позабавиться.

– Эй, башка! – воскликнул он, хлопнув себя лапой по лбу. – Да это же богатырь Козлёнок!

– Как это мы его сразу не узнали! – сходу включился в игру Ашкал. – Простите нас, неразумных, аксакал!

«Молодцы, не забыли о нашем уговоре, – мысленно похвалил волков Козлёнок. – Сейчас мы разыграем представление».

Осмелев, он бросил суровый взгляд на Дашкала:

– Ты что, не помнишь, как в ногах у меня валялся: «Отпустите, акаджан, пощадите!»

– Помню, как не помнить, – смиренно признался Дашкал.

– А ты – копыта мне лизал! – прикрикнул на сей раз на Ашкала Козлёнок.

– Верно, было такое, – плачущим голосом сознался Ашкал.

– И снова меня гневите? Всё, не будет больше пощады!

Он заговорщически подмигнул волкам: «Не бойтесь, мол, сильно я вас бить не буду», и пригнув голову, скакнул вперёд, но в тот же миг Дашкал изловчился и, впившись зубами ему в загривок, вскинул над собой, пару раз крутанул и с силой отбросил в сторону. Хвастунишка аксакал пролетел в воздухе, словно мячик, и плюхнулся на землю прямо у ног почтенного Вола.

– Я тебе покажу, как копыта лизать, – бросив на Козлёнка кровожадный взгляд, прорычал Дашкал. – Мы тебе волю дали, чтобы этих простаков в западню привёл. А ты, дурачина, и впрямь возомнил о себе чёрт знает что. Гадостей всяких сколько нам наговорил. Придётся нам тобой позавтракать, чтобы лишнего не болтал.

Сообразив, наконец, какую непоправимую ошибку он совершил, Козлёнок в ужасе подался назад, прижался к воловьим ногам.

– Кровопийцы! Обманщики! – со слезами в голосе закричал он.

– Кто обманщик? – усмехнулся Дашкал. – Мы тебя одного обманули, а ты вон скольких – четверых дураков.

Жуть охватила и без того насмерть перепуганного Козлёнка. Он вдруг явственно ощутил близость и своей смерти, и гибели других безвинных животных, осознал, что виной всему его самоуправство.

– Агаджан, – виновато глядя на Вола, проблеял он, – эти вероломные зверюги голову мне заморочили, закадычными друзьями, говорили, навек будем. Я им и поверил. Да и как было не поверить, если они меня даже коготком не тронули, с миром отпустили.

– Эх, простодушный ты малый, – горестно вздохнул Вол. – В волчью дружбу поверил, да? Кому поверил! Волкам! Да они только если очень сытые могут кого-то пощадить. Надо было бы тебе это раньше понять.

– Да, с твоим умом ты бы много великих дел мог наделать, – издевательским тоном сказал Дашкал. – Жаль только, ни умом, ни силой своей бычьей ты, как следует, распорядиться не смог. А всё потому, что тугодум ты и добрый слишком. Из-за твоей покорности вот этот вонючий недоумок, – он презрительно скосил глаз в сторону притихшего Козлёнка, – взял над тобой верх. И никакой разницы между вами, дураками, не осталось. Так что кушать вас мы будем одинаково. Ох-хо-хо!..

– Скушаем мы вас всех разом, – добавил Ашкал. – Вот уж всем волчьим племенем попируем!

Как ни был глуп и бестолков Дашкал, он хорошо знал, что чем меньше едоков, тем больше еды каждому достаётся. Услышав слова братца, он не на шутку разволновался:

– Как это «всем волчьим племенем»? Ты чего это разболтался?

Но разве мог он остановить Ашкала, которому страсть как хотелось, чтобы молва о его уме и предприимчивости разнеслась по всему Алатау.

«Ну и балбес, таких простых вещей не понимает», – с раздражением подумал Ашкал, а вслух сказал:

– Разве ты забыл, что сегодня наш день рождения?

– Вон оно что? Хм!.. – пробормотал Дашкал и поскрѣб лапой в затылке. – Что ж, пировать, так пировать!..

Обведя прижавшихся друг к другу животных насмешливым взглядом, братья вышли из крепости и хорошенько заперли снаружи деревянные ворота, да к тому же, для большей надёжности, привалили к ним здоровенный камень.

– Ты ступай, пригласи самых авторитетных волков, – сказал брату Ашкал. – А я за этими присмотрю. Прежде всего постарайся встретиться с Вожаком. Скажи, что сегодня вечером мы в крепости знатное угощение устраиваем. Милости, мол, просим пожаловать.

– Хорошая штука угощение, – поглаживая впалый живот, вздохнул Дашкал. – Однако хорошо бы нам сперва устроить самим себе махонькое угощеньице.

– Сперва сделай то, что тебе велено, – строго сказал Ашкал, который прекрасно знал, что стоит ему только согласиться, как «махонькое угощеньице» превратится в огромное пиршество. – Когда вернёшься, мы, так уж и быть, заморим червячка этим обманщиком Козлёнком.

– Слава светлой твоей голове, Ашкал! – обрадовался Дашкал. – Хвалю за рассудительность!

Сорвавшись с места, он со всех ног помчался в горы, чтобы сообщить волкам об ожидающем их угощении, пока те отсыпались перед ночной охотой и видели во сне дармовые харчи. Вскоре со стороны горного ущелья донёсся его ликующий голос:

*Чтобы Козлик был послушен,
Надо драть его за уши,
Надо за ноги подвесить,
Чтоб удобней было скушать.*

ПОБОИЩЕ

Слишком поздно понял Козлёнок номер 0099, что хищные волки перехитрили его. Съевшись, понунив голову, сидел он, бедняжка, в сторонке не ведая о том, что волки сговорились задрать его первым.

«И зачем только надо было мне наводить здесь такие же порядки, как на ферме? – с горечью думал Козлёнок. – Уж как я эту ферму проклятущую ненавижу, а вот ведь... Небось не подох бы, если б тихонько присоединился к стаду и стал, никому не мешая, в своё удовольствие пощипывать травку...»

Он был ещё очень молод и не мог понять, что только своим карьеризмом, заносчивостью, презрительным отношением к другим животным накликать беду на свою голову. И если бы только на свою...

– Чего слюни распустил, козье отродье? – приблизившись к нему, с издёвкой спросил Верблюжонок. – Ты ведь, кажется, грозился волков исколошматить? Странно, и копыт твоих они почему-то не облизывали.

Следом за Верблюжонком, воинственно выпятив грудь, набросился на своего бывшего начальника Осел:

– Ты кто такой, а? Я таких, как ты, «аксакалов» знаешь, сколько перевидел? Врун несчастный... Самозванец!

– Ве-е-ерно! – решительно поддержал его Ягнёнок.

– Надо же, друзей своих, с которыми из одной кормушки ел, из одного родника пил, так обмануть! – топнул в сердцах ногой Верблюжонок. – Всех нас, можно сказать, своих единокровных сделал добычей диких зверей. Предатель ты, козье отродье! Плевал я на тебя и на твой серебряный колокольчик!

– И на тамгу твою тоже, – злорадно добавил Осёл. – Убивать таких надо. Ух-х!..

– Ве-е-ерно! – убеждённо проблеял Ягнёнок. Вол и на этот раз не изменил себе:

– Нехорошо поступаете, братцы. Не ко времени ваши упрёки. Не видите разве, как он переживает свою ошибку?

– Пра-а-вильно! – почувствовав вдруг прилив жалости к Козлёнку, поддакнул Вола Ягнёнок.

Услышав такое, остальные пленники пришли в негодование:

– Плевал я на его переживания!

– Предатель он, вот кто! Изменник!

– Пра-а-вильно! – подвёл итог всеобщему возмущению Ягнёнок.

Долго бы ещё продолжались нападки на беднягу Козлёнка, если бы вдруг не распахнулись настежь ворота крепости и не ворвались волки. Оба они были явно не в духе.

– Мы, кажется, поспели к самой потасовке, – обвёл пленников насмешливым взглядом Дашкал. – Мы гостей на пир пригласили, так что вы уж постарайтесь не прикончить друг друга раньше времени.

– Если весь сыр-бор у вас из-за того, кому первым превратиться в угощение, то спорить незачем, – тоном миротворца проговорил Ашкал. – Мы уже решили в первую очередь осчастливить Козлёнка.

Козлёнок невольно подался назад и упёрся в ноги Вола.

– Не ломайся, маленький, – поманил его передней лапой к себе Дашкал. – Скачи-ка сюда.

– Да ты не трусь, – ласково добавил Ашкал. – Разве мы тебя мясникам отдадим? Сами раздерём, да так осторожненько, бережно, что ты и не заметишь.

– И не надейся на это! – топнув копытом, гневно фыркнул Вол. – Пока я жив, ты к Козлёнку и не подступишься!

– Уж не хочешь ли ты этим сказать, что мы раньше всех должны тебя съесть? – уставился на него налитыми кровью глазами Ашкал.

Дашкал попытался обратить гнев обманутых животных против Вола:

– Что ж ты друзей-то своих не уважаешь, бесстыжие твои глаза! Силой воловьей отнимаешь у братьев меньших их черёд. Отпусти бедняжку Козлёнка.

– Сказано тебе: о Козлёнке и не мечтай! – грозно замычал Вол.

– Вон как?

– Ну, тогда пеняй на себя, – в один голос рывкнули Ашкал и Дашкал и с двух сторон двинулись на Вола. Тот изготовился к драке не на жизнь, а на смерть.

Дашкал стремительно бросился вперёд, норовя вонзить свои острые клыки в воловье горло. Однако Вол с удивительной ловкостью сумел подхватить его на рога и отшвырнуть в сторону. На какой-то миг он остался незащищённым. Ашкал воспользовался этим, схватил его за бок и вырвал клочок мяса. И уже крался к Вола Дашкал. Но ему преградили путь Верблюжонок и Осёл.

С каждой секундой схватка становилась всё ожесточённой. Шерсть на Верблюжонке стояла дыбом, у Осла с губ падали хлопья пены; на Воле всё прибавлялось и прибавлялось кровоточащих ран, и с каждой минутой он становился слабее и слабее. В глазах у него помутнело, голова закружилась. «Конец, – подумал он, из последних сил продолжая сражаться. – Теперь всем конец».

И поплыли перед тускнеющим взглядом видения... Вот, похожая на верблюжий караван череда адыров, следом за ней – покрытые изумрудной травой необозримые пастбища... Вот ткнулся мордочкой в тёплый бок матери, прильнул к вымени пёстрый телёнок... Потом припомнились ему те тяжкие времена, когда приходилось с ярмом на шее тащить врезающийся глубоко в землю плуг...

«Всё равно, прежде чем погибну, хоть одного зверюгу да доконаю, – собрав остаток сил, твёрдо сказал себе старый Вол. – Довольно жить в страхе!»

Когда Ашкал на какой-то миг потерял равновесие, он поддел его своими острыми рогами и прижал к стене. Понимая, что в таком положении ему от второго волка не защититься, – Дашкал не упустит возможности вспороть ему брюхо, – он решил держать своего лютого врага до последнего, до конца, пока тот не подохнет.

Однако Дашкал не успел наброситься на Вола. От сильнейшего удара копыт Осла по голове он трижды перекувыркнулся в воздухе и с лёту шмякнулся о крепостную стену. Пошаты-

ваясь, он встал на ноги и, услышав предсмертное завывание братца, понял, что помощь Ашкалу уже бесполезна. В дикой ярости набросился Дашкал на Козлёнка, схватив зубами, вскинул себе на спину и со всех ног помчался к воротам.

– О, почтенный Вол, помогите! Помогите!.. – трепыхаясь у волка на спине, что было голоса завопил Козлёнок.

– Волк Козлёнка унес! – всполошился Осёл. – Держи разбойника!

Что тут началось! Ягнёнок от страха заблеял так, как никогда прежде. Верблюжонок в гневе плюнул вслед умчавшемуся волку. Вол, отшвырнув в сторону испутившего дух Ашкала, хотел броситься за Дашкалом, но не успел: шатаясь, повалился на землю.

Между тем Дашкал с Козлёнком на спине уже выбрался за ворота и... столкнулся с Олапаром. Отпустив свою жертву, волк накинулся на пса. Но Олапар, несмотря на усталость, в первом же броске подмял хищника под себя и рыча стал трепать, как тряпичную куклу. Когда все остальные животные, обессиленные, едва стоящие на ногах, вышли за ворота крепости, с Дашкалом было покончено. Окровавленная, вывалянная в пыли и грязи, вывернутая наизнанку овчина – вот на что стал похож ещё так недавно грозный волчище.

– Молодец, Олапар! – восторженно закричал Верблюжонок. – Проучил негодяя!

– Хорошо, что ты подрос, – не обращая внимания на боль в ранах, взволнованно сказал Вол. – Спасибо тебе.

А Ягнёнок, подбежав к Олапару, прижался к нему и растроганно всхлипнул.

– Вы не меня, а Зайца благодарите, – ответил всем сразу Олапар. – Если бы он вовремя не сообщил мне...

Олапар на минутку умолк, огляделся вокруг:

– А где же Заяц-то? Э-гей, где ты, отзовись!

– Ку-ку! – выглянул из-за скалы Заяц. – Я тут.

– Вы только подумайте! – одобрительно глядя на длинноухого, шагнул навстречу ему Осёл. – Это же наш младший брат Заяц. Будь здоров и удачлив, раскосенький!

– У меня что-то на душе тревожно стало, и я следом за тобой поскакал. И хорошо сделал, прямо-таки здорово, верно? – сказал Заяц. – А когда увидел, какую ловушку волки устроили этим глупым, вспомнил, что ты говорил об Олапаре и, не раздумывая, помчался в кишлак.

– Счастья тебе и удачи, – благословил его растроганный Вол. – Очень умный ты Заяц.

– Пра-а-вильно! – поддержал Вола Ягнёнок.

Ах, до чего же хороша свобода! Ничего слаще её на свете нет. Чудом избежав гибели, пленённые волками животные повеселели. Один только Козлёнок номер 0099 уныло сидел, поджав под себя ноги, на большом плоском камне. Глядя на него, можно было подумать, что спасение от верной гибели нисколько не радует его, а может быть, даже печалит. Верблюжонок, легонько толкнув стоявших рядом приятелей, сделал им знак глазами: поглядите, мол, на этого чудака. Животные, многозначительно переглянувшись, заулыбались. Однако, соблюдая приличия, никто не засмеялся. А Вол, прихрамывая на все четыре ноги, подошёл к нему и спокойно, будто ничего такого не происходит, спросил:

– Ты что это тут один сидишь, пригорюнившись?

– А чему мне радоваться? – со слезами в голосе ответил Козлёнок. – Звания аксакальского я лишился. Но это бы ещё полбеды. Главное, никто теперь со мной водиться не станет.

– Ну, это ты зря, – возразил ему Вол. – Я этих скотов хорошо знаю. Все они добрые, отзывчивые. Они, по-моему, тебя простят. Ты ведь такое же домашнее животное, как и все мы. Хочешь, я сейчас тебя с ними помирю?

– Нет, почтенный Вол, – слегка приободрившись, неторопливо поднялся с места Козлёнок. – Лучше я сам помирюсь.

– Это очень хорошо, – одобрил Вол. – Хвалю тебя!

Козлёнок, спотыкаясь, медленно направился к стоявшим чуть поодаль животным. Вид у него был сконфуженный. Особенно неловко было ему перед Олапаром и Зайцем.

– Дру... друзья мои... – заикаясь от волнения, начал он. – Готов поклясться целой охапкой сена, что я... что теперь...

– Брось, не мучайся, – прервал его Заяц. – Мы все хорошо понимаем, что ты хочешь сказать.

– И я понимаю! – гордо воскликнул Осёл. – Не тыква же у меня вместо головы.

А Верблюжонок взволнованно выкрикнул:

– Не огорчайся! Плевал я на такие огорчения! Радуйся, приятель, веселись вместе с нами!

– Пра-а-вильно! – восторженно проблеял Ягнёнок.

Что же касается Олапара, то он, подойдя к Козлёнку, дружелюбно лизнул его в нос и обнюхал тамгу, показав тем самым, что старые приятели снова приняли его в свою компанию.

– Ничего страшного, дружище, – успокоил бывшего «аксакала» Олапар. – Раны, оставленные дикими зверями на наших телах, быстро заживут, гав, гав-в... Лишь бы мы сами друг дружке сердца не поранили.

Услышав эти слова, Козлёнок сорвал со своей шеи колокольчик, в сердцах отшвырнул его и с облегчением вздохнул. Набрали полную грудь чистого, благодатного воздуха и все остальные животные. В этот счастливый миг каждый чувствовал себя так, будто заново родился на свет.

1979

В один из жарких летних дней в самом начале заготовок продовольствия падишах Рыжих Муравьёв давал в своём прекрасном дворце большой пир. В разгар празднества явился к нему, запыхавшись, главнокомандующий муравьиным полчищем, прозванный за полноту Круглым палваном, и доложил:

– Наши добычливые войска собрали упавшие со щедрого человеческого дастархана крошки и намеревались тотчас утащить их в закрома. Но внезапно на них напали алчные Мураши и отняли всё добытое.

– А вы небось стояли, разицув рты? – грозно глянул на него падишах. – Лучше бы тебе, Круглый палван, подохнуть, чем дожить до того, чтобы с таким доблестным войском испугаться каких-то ничтожных Мурашей!

– Ничего себе, «ничтожные», – проворчал Главнокомандующий. – Они – кусачие!

– Зато вы большие, а они маленькие!

– Они маленькие, зато их ужас как много!

– И потому ты испугался? Всё! С сегодняшнего дня разжалую тебя в рядовые.

После этого падишах обратил взор к своим приближённым и спросил, кого они советуют назначить главнокомандующим вместо разжалованного. Однако никто ничего сколько-нибудь путного не высказал. Потому что в глубине души каждый из них мечтал занять этот высокий пост. С какой же стати он стал бы называть не себя, а кого-то другого?

– Тому, кто добровольно возьмёт на себя обязанности главнокомандующего и одолеет врага, я отдам в жёны свою младшую дочь, – торжественно провозгласил падишах. – Но если он потерпит поражение, я его обезглавлю.

От этих слов у всех придворных душа в пятки ушла... А один из вельмож шепнул на ухо другому:

– Давай-ка побережёмся, приятель. Была бы голова цела, а жена найдётся.

– Ну что, есть добровольцы? – неперпеливо спросил падишах, раздражённый нерешительностью придворных.

– Есть! – громко ответил кто-то. Все удивлённо обернулись в сторону, откуда донёсся этот голос, и, расступившись, освободили дорогу. Молодой, с горящим отвагой взором Рыжий муравей, приблизившись к трону, поклонился владыке:

– Я проучу этих разбойников.

– Ты кто такой отчаянный будешь? – удивился падишах. – Не бахвалишься ли, пострелёнок?

«Пострелёнок» был единственным сыном дворцового повара, прозванный за пылающий взор и горящее отвагой сердце Оловджаном.

Увидев однажды младшую падишахскую дочь, он с первого взгляда полюбил её и готов был рисковать жизнью за то, чтобы назвать её своей женой. Ну, а кроме того, он достаточно наслышался от стариков рассказов о злодеяниях Мурашей и решил: давно пора наказать их.

Оловджан с достоинством представился падишаху:

– Ну что ж, – пожал плечами владыка. – Придётся держать слово, раз уж я обещал. Только помни, ты головой рискуешь.

– О моей голове не тревожьтесь, – простецки махнул рукой Оловджан. – Если окажусь побеждённым, умру на поле брани.

Оловджан помогал отцу в его многотрудном деле, а случись свободная минута, проводил время за книгами. Особенно нравились ему жизнеописания военачальников. Случалось, чтобы дать голове отдохнуть, он отправлялся прогуляться в какое-нибудь уединённое место и, не боясь быть услышанным, во весь голос распевал любимую песню о великом полководце Каллабатыре:

Не беда, что крошки ростом, –

Нас побить не так-то просто.

За себя мы стоим

И отпор врагам дадим, –

Не робейте, крошки!

*Смельчаков не одолеют
Даже те, кто их сильнее.
Наш Каллабатыр – герой,
С ним не страшен враг любой, –
Не робейте, крошки!*

Как-то раз младшая дочь падишаха Заррабану, прогуливаясь в окружении служанок, услышала эту задорную песню и, очарованная приятным голосом, невольно приблизилась к певцу. Стараясь оставаться незамеченной, она долго наблюдала за молодым муравьем, вкладывавшим в песню всю свою душу. С того дня ей часто являлся во сне сын дворцового повара.

Сегодня Заррабану была счастлива. Её очень обрадовала весть о том, что возлюбленный вызвался стать главнокомандующим. И даже узнав, что он рискует головой, она нисколько не встревожилась, потому что была уверена в его победе.

Оловджан из книг знал, что многие знаменитые военачальники, благодаря хитрости и воинскому искусству, брали верх над численно превосходящим противником. Направляясь во главе своего войска к границе страны Мурашей, он думал, как заманить их неисчислимые полчища в западню. И в конце концов придумал.

Сперва он намеревался собрать военачальников, каждый из которых командовал десятью тысячами воинов, и посвятить их в свои планы, однако скоро отказался от этой мысли. «Лучше я каждому в отдельности дам приказ, что ему надлежит делать», – решил он.

Да, очень умен был Оловджан. И решение принял правильное. Скажи он вслух сразу всем военачальникам о своём плане, вполне возможно, какой-нибудь из них мог оказаться предателем, и тогда всё пропало. Ведь почти все они происходили из знатных родов, и ему, простолыдину, можно ожидать от них чего угодно.

На следующий день он отдал приказ четверти своего войска вступить в бой с Мурашами, а командующему повести

сражение так, чтобы избежать больших потерь, в нужный момент отступить и увлечь противника за свою территорию.

– Мы же тем временем, – сказал он, – западню ему здесь устроим, крепость с липкими стенами соорудим. Вы со своими воинами войдёте внутрь через специально оставленный проход. На противоположную стену, покрытую густым вареньем, будут набросаны стебли травы-пальчатки. Когда ваше войско, поднявшись по ним, преодолеет стену, вы всем скопом вытащите пальчатку наверх и сбросите за крепостную стену.

– Ничего не понимаю, – недоумённо пошевелил усами командующий. – Какая от всего этого польза? Противник следом за нами вступит в крепость, но, увидев, что нас ему не настигнуть, повернёт назад и через тот же самый проход уйдёт восвояси. По-моему, пальчатку убирать не стоит. Лучше уложить её вроде эдакого узкого мостика. Мураши, преследуя нас, вынуждены будут друг за дружкой перебираться по нему, мы же внизу, собравшись вместе, станем уничтожать их поодиночке.

«Вот она, аристократия. Таких простых вещей не понимает, а нос дерёт, да ещё меня поучать собирается», – подумал Оловджан, а вслух сказал:

– Выполняйте то, что вам приказано. Пока я здесь командую. В конце концов, моя голова поставлена в заклад.

Командующий снисходительно усмехнулся: поглядим, дескать, на что ты, выскочка, сын кашевара, способен, – и многозначительно промолчав, отправился выполнять приказ.

Как только он ушёл, Оловджан собрал остальных военачальников и повелел:

– Немедленно отправьте всех своих воинов за вареньем. Пусть наберут побольше, чтобы хватило густо обмазать стену.

На западной стороне крепости нужно оставить небольшие сирота.

Военачальники удивлённо переглянулись. Только один из них, умудрённый опытом Найзапалван, прозванный так за мастерское владение пикой, сразу же понял замысел молодого полководца и ободряюще улыбнулся ему.

К вечеру всё было готово к решающей битве. А вскоре оказались головные части войска Мурашей.

Оловджан отдал ещё один приказ:

– Пусть все находящиеся здесь воины наберут в рот варенья и встанут в укрытия по обе стороны ворот.

Отступающие Рыжие муравьи, следом за своими командными, начали входить в крепость. Мураши, которые по численности в несколько раз превосходили Рыжих, продолжали преследовать их по пятам. Когда последний Мураш ступил на территорию крепости, Оловджан ввёл в дело стоявшие в укрытии войска. Воины Оловджана в два счёта залепили вареньем ворота. Когда отступающие Рыжие муравьи перебрались по стеблям пальчатки на другую сторону крепостной стены и затем вытащили их наружу, всё войско страны Мурашей оказалось в западне.

Ослеплённые ненавистью к Рыжим муравьям, Мураши бросились на стену. И что? Они сразу же увязли ногами в варенье, а вскоре и вовсе утонули в нём!

Так Оловджан, благодаря своей мудрости и находчивости, почти без боя одолел разбойничьи полчища Мурашей.

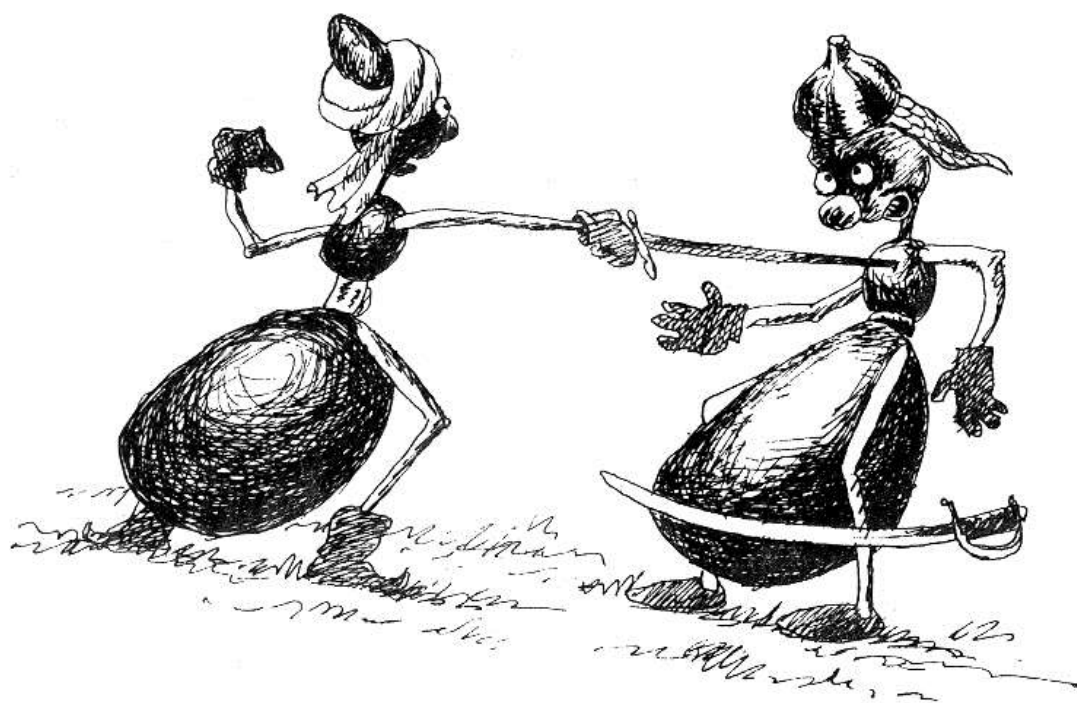
По этому поводу в стране Рыжих муравьев прошли большие торжества, которые завершились сводьбой Оловджана и Заррабану. В самый разгар свадьбы Найзапалван, первым по достоинству оценивший воинский талант молодого полководца, приблизился к нему и тихонько, чтобы их не услышал никто другой, спросил:

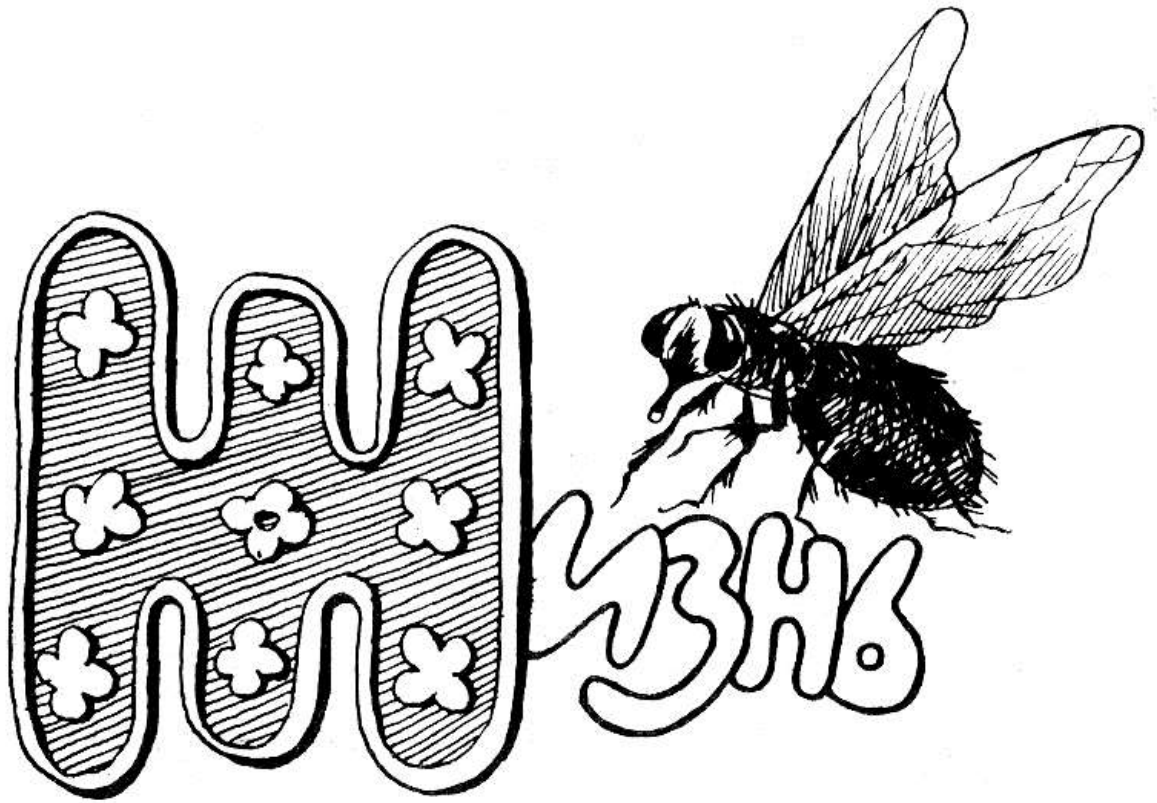
– Извините, но я всё ещё не могу постичь, как вы, совсем ещё юный, нашли такое замечательное решение? Кто научил вас, сына простого повара, полководческому мастерству?

– Друзья, – коротко ответил Оловджан. И помолчав, добавил: – Очень многое я узнал из книг, потому и считаю их своими настоящими верными друзьями. А без друзей ничего хорошего достичь нельзя.

... Глядя, как барахтается в стоящей на столе пиале с ароматным вишнёвым вареньем незадачливый муравей, я невольно вспомнил эту сказку, услышанную в теперь уже далёком детстве от своего дедушки.

1982

И СМЕРТЬ
СТРАДАНИЦЫ

АУУУ

Часть первая

КРАХ СЕМЬИ

Глава первая

Со всех концов города приходят люди в столовую «Шарк». Впрочем, это и не столовая вовсе, а как люди называют, «забегаловка».

Здесь, под потолком, в самом уголке мы и живем.

Не пойму я этих людей. Приходят они в столовую какие-то вялые, еле ноги волочат и, вместо того чтобы как следует поесть, сразу за питьё принимаются. А там, глядишь, одни шакалами выть начинают, другие буйволами орут. Как говорит мама, пьянство среди мух из-за людей повелось, они нас к этому приучили.

Один из самых горьких пьяниц – мой отец. Каждый день возвращается он домой во хмелю и давай лупить маму. Ни одного спокойного дня нет. До того дошло, что старший мой брат, не стерпев, крепко его отругал и чуть было даже не побил.

А вот меня отец почему-то не трогает. Наоборот, со мной он ласковый становится. Только мне от этого никакой радости. Потому что какая может быть радость, когда твоя мама слезами заливается.

Ох, и поганая штука водка. Вырасту – глядеть на неё, проклятущую, не стану, не то что пить.

Глава вторая

Сегодня перед заходом солнца мой бедный отец нырнул в рюмку с водкой да так и не вынырнул. Все мы – и мама, и я, и даже брат – сильно плакали. Только сейчас я поняла, что как он ни бузил, а родней и дороже его никого у нас не было.

– В последнее время ваш папочка, не тем будь помянут, слишком уж безобразничал, – горестно сказала мама. – Поначалу-то он только рюмки облизывал. А потом пошло – раньше самих людей хлебнуть норовил.

Тут мама всхлипнула и на чём свет стоит принялась ругать людей, которые сбивают простодушных мух с пути праведного.

Впервые в жизни мне вдруг захотелось хоть разок поучить старших уму-разуму, и я, набравшись смелости, сказала:

– Нам необходимо перебраться куда-нибудь подальше от людей.

– Наше место здесь! – сердито оборвал меня брат. – Это они всё тут захватили, а нас под потолок вытеснили. Наоборот, мы должны довести этих пришельцев до того, чтобы они сами убрались отсюда.

Действительно, мухи в столовой жили всегда, даже когда тут ещё ничего не варили. Потом появились повара, а уж за ними эти... едоки. И они – не столько едят, сколько пьют.

– Так ты их и выгнал, – криво усмехнулась мама. – Как бы нас самих не выжили. Она на минутку призадумалась и добавила: – Поживём, увидим, что нам на роду написано.

– А что такое род и как на нём писать? – спросила я. Но мама только лапкой махнула.

Отмахнулась, одним словом. А разве я такая уж назойливая?

Глава третья

Вскоре после смерти отца к нам нагрянули сваты. Оказалось, что одному старику нашего мушиного племени, жившему в пекарне рядом с закопчённым тандыром, приглянулась мама. Он тоже недавно овдовел – его жену проглотила плясунья Лягушка.

– На кой мне этот бесстыжий старец сдался, – сказала сватам мама. – Поищите ему какую-нибудь вдовушку среди собачьих мух.

Ах, как я обрадовалась такому ответу!

Только мы проводили сватов, как вдруг, шатаясь, ввалился к нам приятель брата Трясун, прозванный так за вечно трясущиеся с похмелья ноги, и прямо у порога брякнулся на пол. Мама стала обмахивать его крылышком, допытываться, что с ним произошло, ведь видно же: не пьяный он теперь.

И Трясун, еле дыша, рассказал, как было дело.

Оказалось, что мой брат, созвав всех своих приятелей и подружек, повёл их на демонстрацию протеста, точно в бой с этими наглými существами, которые называются людьми. Люди сперва вроде бы только удивились: это откуда вдруг так много мух. Потом стали отмахиваться и ругаться. И вот, откуда ни возьмись, появился один в белом халате и стал брызгать вокруг себя какой-то вонючей дрянью.

– И посыпались наши доблестные воины на пол, словно ягоды с тутового дерева, – всплакнул Трясун. – Вот увидите, эти поганцы люди всех нас, до единого, истребят.

Трясун отчаянно замахал крылышками, задрогал ножками и, заплакав навзрыд, сообщил о геройской гибели брата. Мама, услышав это, упала без чувств, а я, закричав: «Брат, братик мой любимый!», вылетела наружу. Лечу, а в ушах у меня беспрестанно звенит: «Эти поганцы люди всех нас, до единой, истребят!.. До единой!.. Истребят!»..

Глава четвёртая

Опасаясь, что я могу стать пьяницей, как отец, или скандалисткой, как брат, мама строго-настрого запретила мне питаться в столовой и стала брать с собой в другие места.

Вчера перед полуднем мы с ней прилетели к собачьей миске. Вы, наверно, скажете: «Ну что может остаться после собаки?» И ошибётесь. Миски-то немывые стоят, и чего поесть нам, всегда находится.

Короче говоря, мы с мамой вместе с другими мухами стали кормиться из собачьих мисок. Однажды, когда мы, не мешая друг дружке, лакомились остатками вкуснейшей похлёбки, какой-то глупый, нехороший человек плеснул на нас помой. И не подумал, что нам, малым существам, тоже жить охота... Кто смог улететь – улетел, кто не смог...

Мама не смогла.

Прилетела я домой, и так мне тоскливо стало, что аж сердце защемило. И всю ночь я не спала. Только закрою глаза, сразу вижу клыкастую собачью пасть над миской, где похлёбка с мамой, и тотчас вскакиваю, как очумелая. И если меня сейчас кто-нибудь спросит, что на свете всего страшнее, я, не задумываясь, отвечу: одиночество.

Часть вторая СКИТАНИЯ

Глава первая

Узнав, что я совсем осиротела, прилетели из дальних краёв моя старшая сестра с мужем и забрали меня к себе. Так начались мои скитания...

Сестра жила за роскошным шкафом в доме какого-то богача. Влетев в дом, я прямо-таки ошалела от увиденного. Повсюду, кроме окон и дверей, ковры, на потолке лепные украшения, всё – от посуды до ложек-поварёшек – сверкает так, что ослепнуть можно.

Прилетела я в счастливый день, когда хозяин, собрав своих друзей, давал щедрый пир по случаю именин младшего сына. На дастархане разве что луны да птичьего молока не хватало.

Мы вместе с зятем и его старой бабушкой подлетели к цветастой пиале с земляничным вареньем и, сев на самый краешек, принялись вылизывать его. Вот уж варенье, так варенье!

Всё было прекрасно, пока один подвыпивший гость, крикнув что-то бессвязное, не стукнул изо всех сил кулаком по столу. От его удара пиала с вареньем опрокинулась, но я успела отпорхнуть и с лёту ударилась головой об перечницу. Ушиблась – а ничего, жива. Я-то спаслась, а вот бабушка моего зятя увязла в варенье, да так и погибла.

И ни один человек её даже не пожалел. Они ведь нас, мух, ох, как ненавидят. Мы для них, видите ли, разносчики заразных болезней. Надо же придумать такое! Хоть одна из нас погибла от какой-нибудь заразы? Нет. От людей наша гибель.

После этого случая зять стал неприятлив и глядит так, будто хочет сказать: «Черти тебя на мою голову принесли». И вообще зло затаил на меня. Ну и пусть злится, я его ничуть не боюсь.

Глава вторая

А сегодня вот что случилось.

Услышав зов о помощи, я стрелой полетела на выручку. Гляжу, а это моя бедная сестра влипла в историю... то есть приклеилась к бумаге, на которой было что-то намазано. Как она ни трепыхалась, как ни махала крылышками, не только взлететь, но и лапок оторвать от бумаги не могла.

Тут откуда ни возьмись зять. Сделал пару кругов над бумагой и, нахохлившись, сел рядом со мной.

– Эти коварные существа – люди – против нас клейкие вещества применять стали, – сказал он. – Говорил я твоей сестре: «Не будь душой, не верь им», а она сразу в крик, ругаться на чём свет стоит начинала. Теперь вот сама видишь, чем это кончилось. Была бы у неё хоть капля ума, разве села б она на эту бумагу?

Я хотела было кинуться на помощь сестре, но зять остановил меня:

– Тебе что, жить надоело?

Он крепко прижал меня крыльями и, как я ни умоляла его, не отпускал. Я даже заплакала, так мне было жаль несчастную сестричку.

– Глупенькая, ты о себе подумай, – пытался успокоить меня зять. А сестра... так уж, видать, на роду у неё написано.

Пока он говорил, сестра окончательно прилипла к бумаге. И тогда зять отпустил меня.

– Ты, – сказал он, – не думай обо мне плохо. Я тоже мог броситься на помощь твоей сестре. Но тогда ты лишилась бы и любимого зятя.

Видали вы его – «любимый»! И у такого ничтожества я, бедняжка, вынуждена была жить...

Глава третья

В другой раз, изголодавшая, такая одинокая-одинокая, я вспомнила покойную маму и, сев на трубку стоявшего в нише телефона, горько зарыдала. Была бы она жива...

Тут невесть откуда прилетел зять и, сев на лежавшую рядом с телефоном толстую книгу, спросил:

– О чём горюешь?

Я не стала ломаться и сказала, что голодна и что мама никогда и на за что не допустила бы этого.

– Какое ты беспомощное дитя, – укоризненно покачал головой зять. – Запомни: если хо-рошенько поискать, хоть махонькую крошку да всегда найдёшь. Но никто ещё не видел, что-бы крошка муху искала. Твои сверстники...

Что он ещё хотел сказать – так и осталось неизвестно, расхаживающая шаркающей походкой по комнате старушка смахнула кожаной мухобойкой и... пришлёпнула моего зятя книге, на которой он сидел. Только что был, учил меня жить, и вот – нет его...

На душе у меня стало совсем худо. Я подумала: всё равно ведь ему предстояло умереть, так не лучше ли было погибнуть, спасая жену? Пусть бы это случилось несколькими днями раньше, зато оставил бы о себе добрую память. Долго бы ещё после этого другие мухи рассказывали своим детям о его самоотверженном поступке.

Глава четвёртая

С того дня начались настоящие мои скитания. Где только я не побывала и кого только не повстречала. На себе познала, что таких, кто умеет посочувствовать, разделить твою боль-печаль, куда как меньше, чем желающих так просто, от нечего делать, поиздеваться, а то и прихлопнуть.

Познакомилась я однажды с Мушкой, чуть поменьше меня самой. Узнав, что я бездомная, неприкаянная сиротка, она искренне огорчилась и даже всплакнула. В жизни не встречала я такого жалостливого существа. А жалостливые, говорят, щедры и великодушны. И верно, по-звала она меня в гости.

Я была голодна и не стала ломаться, сразу же полетела следом за ней в мясную лавку.

– Мы вон в той дыре живём, над крюком, видишь? – сказала Мушка. – Хочешь, сперва свежим мясом полакомимся, потом я тебе наш дом покажу.

Я не посмела возражать: неприлично всё-таки гостье препираться с хозяйкой. Только успели мы приняться за баранью тушу, как в лавку, угрожающе жужжа, влетела Оса. Я не медля сорвалась с места и стала кружить вокруг длинного, крючковатого носа мясника. Не догадываетесь, почему? То-то же! Потому что люди свои носы, словно самую большую цен-ность, оберегают.

Так я и спаслась. А вот бедной доверчивой Мушке спастись не удалось. Оказалась она в цепких лапах проклятой Осы. Верно сказано: великодушные беспечны.

Как говорят мудрецы, врагов на этом свете сколько угодно, а вот друга найти очень нелег-ко. Вот и я – искала, искала, еле нашла да тут же и потеряла. Эх, горе горькое!..

Вспомнились мне слова, которые сказал однажды мой бедный старший брат: «Поглядим, у кого какая судьба». Интересно! Что это такое – судьба? И вообще, до каких пор можно смот-реть, какая она?

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Это повествование точно воспроизводит мемуары, которыми был полностью исписан блокнот, обнаруженный в кармане одной несчастной Мухи. Как это ни тяжко, автор вынуж-ден сообщить скорбную весть: скиталица Муха, о которой он поведал уважаемому читателю,

трагически погибла восьмого августа одна тысяча девятьсот семьдесят восьмого года, угодив в поданную ему кассу с горячей – только-только с огня – шурпой...

1978

Узак
Бокрут Нас

РАССКАЗ ЧЕРЕПАХИ

Верно говорят – понедельник день тяжёлый. Сегодня с самого утра так припекает, дышать нечем, хочешь вздохнуть – всё внутри словно сохлось, шуршит всё. Видите, я ещё только самую малость прошла, а уже совсем обессилела, тащусь еле-еле, ползу кое-как.

Кому хорошо в такую пору, так это человечим детёнышам. Умеют они от жары спастись. Укроются где-нибудь в прохладном местечке и ледяной лимонад потягивают или, того лучше, мороженое лижут. Я, между нами говоря, к такому мнению пришла: лучше сто лет по-человечьи прожить, чем тысячу по-черепашьи.

Вы, наверно, думаете: «А кто тебе велел в такую жару в путь пускаться? Прохлаждалась бы в норе в своё удовольствие и горя не знала». А я вам на это вот что скажу: никакого желания по раскалённой дороге тащиться у меня и у самой не было, так уж получилось, пришлось мне покинуть свой дом, семью и отправиться в дальний путь.

Видите вон там, впереди, высоченные тополя? Там моя тётушка живёт. Мы с её младшей правнучкой закадычные подружки, в будущий понедельник бабке сто лет исполнится, вот я и спешу поздравить.

Что это вы так на меня смотрите? Удивляетесь, наверно, что я за целую неделю раньше срока в путь тронулась? Так я вам на это вот что скажу: скорость моя известно какая – черепашня. За мной хоть стая собак гонись, быстрее не побегу, не могу я быстрее, известное дело – черепаха.

Эге, да я, кажется, заболталась тут с вами и с пути сбилась, в песок забрела, и ладно бы, просто песок, а тут бугор песчаный, бархан. Попробуй-ка, заберись на него. Сколько раз уж, бывало, лезешь, карабкаешься изо всех сил, вот, кажется, и до верхушки ногой подать, и вдруг р-раз – сползёшь вниз, и опять всё сначала.

... Послушай-ка, дружок, ты кому-нибудь в жизни своей добро делал? Сделай ещё разок. Не сочти за труд, положи меня в тубетейку да перенеси через этот бархан. Я ведь, как-никак, на день рождения тороплюсь.

РАССКАЗ МУЛА

Мой отец – конь, мать – ослиха. Или нет, наоборот: мать – лошадь, отец – осёл. Поэтому я мул. Если бы отец был конём, то я бы родился жеребёнком. Или, наоборот, если бы моя мама была ослихой, то сейчас перед вами стоял не я, а симпатичный ослёнок. Вот какая путаница, когда родители разные. Им ничего, а мне какво, а?

Куда лучше родиться на свет жеребёнком или ослёнком. Какая разнесчастная доля у мулов, только одни мы и знаем. Ох, и трудно же мне живётся! Выйдешь травки пощипать, с одной стороны мать ржать начинает, с другой отец во всё горло орёт.

Жаворонки вон свистят, насмеваются.

Раньше я думал, что похож на мать. А недавно, увидев своё отражение в лужице, понял, что это не так. Уши, да, пожалуй, и вся мор... извините, физиономия, ослиные... ещё раз извините, как у отца. Обидно стало: не ослёнок, но жеребёнок, а так, серединка на половинку. И что меня впереди ждёт? Вырасту, люди станут гонять меня как коня, а работать заставят, как осла, то есть ишака. Всю жизнь ишачить придётся.

Но всё это не главное, есть кое-что поважнее. Меня вот что волнует: ржать я буду, как мама, или орать, как папа, «иа-иа...»?

Хорошо бы свой голос найти. Чтобы все меня понимали и все восхищались: вы только послушайте, как он, то есть я, умно, складно и громко говорит.

РАССКАЗ СОРОКИ

Люди меня воровкой прозвали. Разве это справедливо? Добра всякого у меня не больше, чем у других птиц. Живу как все. А если раз-другой и урву чего лишнего, так пропади оно пропадом.

Представьте себе, что кто-то накатал курта – шариков таких из жирной сюзьмы – и положил на солнце сушить. Вокруг ни души. Так вот, смогли бы вы пролететь мимо, не попробовав пару-другую этих самых шариков? Только, чур, правду говорить!.. Молчите? То-то же!

Или приведу другой пример. Увидели вы, предположим, рассыпанные на крыше орехи. Люди, придурки, зачем-то их там сушат. Так почему не разгрызть на пробу один-другой? Наперёд знаю: вы и наедитесь досыта, и в карманах про запас унесёте. А мне что делать прикажете? У меня, бедной, никаких карманов нет...

Теперь что касается яиц. Если вы думаете, что я таскаю птичьи яйца из каких-то злых намерений, то глубоко заблуждаетесь. А раз так, то и нечего всякие небылицы про меня распространять, нехорошо это, неблагородно. Таких знаете, как называют? Сплетниками...

Вам, конечно, прекрасно известно, что я певица. Причем не лапары какие-нибудь ерундовые исполняю, не рулады перепелиные, а как взлечу на верхушку тополя, да как защёлкаю, затрещу, за тридевять земель меня слышно. Так что соображаете, зачем мне яйца? Между прочим, я и вам советую регулярно про три-четыре яйца глотать. Если, конечно, у вас такой же прекрасный голос, как у меня...

Постойте, постойте, что это там, около кувшина лежит? Неужели сыр?.. А-а, туалетное мыло. Бросили, значит. Стало быть, оно у них лишнее. Ну-ка, никого поблизости не видать? Ну, чего вы нахмурились? Не чувствуете разве, какая жарница стоит, летать невозможно. Проглочу немного мыла, перья почище станут, может, и лететь легче будет... Вы всё ещё осуждаете меня? Да поймите же наконец: я никогда не беру ничего лишнего, только самое-самое необходимое...

РАССКАЗ КОЗЛЁНКА

Все мы трое – папа, мама и я – на первый взгляд, похожи друг на дружку, как три капли воды. Но это, повторяю, только на первый взгляд. Разница между нами всё-таки имеется. У папы, например, на шее медный колокольчик болтается, у мамы – самые красивые в мире рога, а у меня левый глаз больной, красный весь.

Раньше, до того, как на нашем пастбище появилось аремецкое чудовище по имени Обезьяна, оба глаза у меня были здоровые, как например, у вас... Потом... потом я мелко не убежусь и вот, нажил себе беду.

Было это ранней весной. Нас, как всегда, ни свет ни заря погнали на выпас. Я бежал между папой и мамой и с удовольствием слушал мелодичный звон колокольчика. Когда мы проходили под горной елью по берегу ручья, неожиданно послышался какой-то непонятный звук – «ггув-в...» – такого я ещё сроду не слышал. И немедленно папе на голову упала здоровенная шишка. Папа, бедный, шарахнулся от страха и заблеял во весь голос. «Что бы это могло быть? – подумал я и посмотрел вверх. – Белка?» Нет! На самой макушке ели сидела и скалилась во всю пасть какая-то безобразная бестия. Глаза так и бегали, так и бегали то сторонам. «Глядите, глядите: чёрт!» – закричал я. Старый Козёл посмотрел и, брезгливо поморщившись, сказал: «Ме-е, это обезьяна».

Мне стало обидно за папу и я, растолкав всех, кто был рядом, отскочил назад, потопал, разбежался и изо всех сил боднул головой ствол ели. Я думал, что обезьяна сама, как шишка, свалится к моим ногам, а ей хоть бы что. Я удивился, глянул вверх, а она, уродина, словно

только этого и ждала – размахнулась и бац меня шишкой. У меня аж искры из левого глаза посыпались, и я упал в обморок.

Потом мне рассказывали, что Обезьяна сбежала из зоопарка. На следующий день приехали люди, изловили её и увезли. А жаль. Уж я бы с ней поквитался, если бы она осталась здесь жить.

Вы, ребята, я знаю, любознательные, наверное, и в зоо-аарк ходите. Так вот, если доведётся вам увидеть там Обезьяну, передайте ей, пусть больше никогда в жизни мне на глаза не попадается, не то я ей такую трёпку задам!...

РАССКАЗ ВАРАНА

Я племянник Крокодила. Когда-то мы с дядей жили вмесс, в одной реке. А потом река обмелела, нам стало тесно, дядя прогнал меня. С тех пор я стал жить в пустыне. Первое время я никак не мог привыкнуть к жаре, мучился каждой, и с кормежкой здесь туго – если будешь слишком разборчив, кем-то побрезгуешь, кого-то не съешь, очень просто нам можешь стать пищей для кого-то. Я это сразу понял поедая всех подряд – от жуков до крыс и сусликов. Пусть это останется между нами, но однажды я даже большого шакала слопал. Хорошо ещё, что родственники да приятели не узнали, кто это его так надёжно упрятал. Догадайся они – конец мне.

Позже, когда я узнал дорогу в кишлак, жить стало куда лучше, главное – сытнее. Есть такое доброе, тихое животное – коза. Может, слышали? Её сосешь, а она ни с места, вроде бы это ей даже приятно. А молоко у нее – сладкое, вкусное! Если вдоволь насосаться, так потом два дня о другой пище лень думать.

Одним словом, очень хорошо мне было, прямо-таки здорово. Только недолго. Люди, увидев, как я сосу их коз, так турнули меня, что я до сих пор дивлюсь, как жив остался. Мало того! Тогда я лишился и своего роскошного имени – Крокодил, люди меня Козодоем называть стали. А кличку Варан мне уже потом учёные придумали. И где они такое слово отыскивали или подумать лень было: слепили «ворону» с «бараном». Вот ведь к чему ненасытность привела – собственное имя потерял.

... Ребятки, вы бы не поговорили с теми людьми? Если они согласятся вернуть мне прежнее имя – Крокодил – я обещаю, что никогда больше не буду на их коз даже смотреть, а как вспомню про былое озорство, заплачу крокодилыми слезами.

РАССКАЗ ОНДАТРЫ

Никто лучше меня не знает щучьих повадок. Заносчивые они – ужас! Других и в грош не ставят. Должно быть, усами своими гордятся. Подумаешь, невидаль – усы! Они и у нас есть и, между прочим, не хуже, однако же мы не важничаем, не кичимся перед другими. А посмотрели бы вы, как они рыбёшек глотают! Пасть раскроют, челюстями щёлкнут, и всё – нет малыша.

Кого я уважаю, так это сазанчиков. С ними так легко и просто. Они ко мне относятся с большим уважением, едва завидят, спешат уступить дорогу. А щуки?

Вот, к примеру, моя соседка. Другой такой нахалки и грубиянки свет не видывал. Дня прожить не может, чтобы хоть чем-нибудь не рассердить меня. Если, случается, встретимся мы с ней где-нибудь в пруду, подальше от дома, она делает вид, будто не замечает меня, однако непременно норовит толкнуть хвостом в бок. А когда я отдыхаю а своей норе, она обязательно приплывает, останавливается против входа и давай воду мутить. Если она втрое больше меня, так значит, хаами, как душе угодно, да?

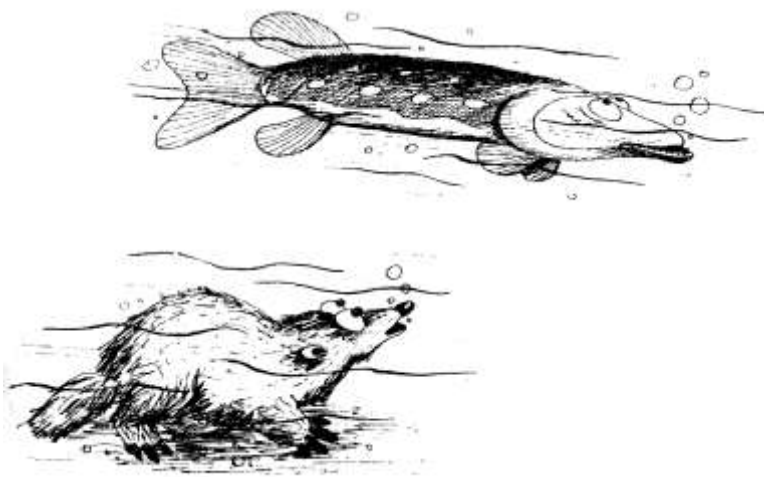
Но вот у меня терпение лопнуло. Решив: «будь что будет», я спряталась в водорослях и стала ждать. Долго ждала, наконец, гляжу – плывёт моя соседка, будь она неладна. Лениво так плавниками шевелит. Дождавшись, когда она стала проплывать надо мной, я выскочила из укрытия и цап её за глотку! Она сперва забилась, затрепыхалась – а где там! От меня не избавишься, коли уж я рассержусь, прикончила я зубастую, оглядевшись по сторонам, уволокла её в свою нору. Ну и раскормилась она, скажу я вам со вчерашнего дня ем, никак управиться не могу.

Утром, после сытного завтрака, отправилась я прогуляться – себя показать, на других поглядеть. Вдруг, смотрю, Карп плывёт. Остановился рядом со мной и спрашивает: «Ты соседку нашу, Щуку, случайно не видела?» – «Нет, – говорю, – гуляет где-нибудь». Терпеть не могу любопытных. До всего-то им дело есть. А зачем, спрашивается? Живёшь себе и живи, а в чужие дела нечего нос совать.

Вообще-то я довольна, что разговор у меня с Карпом короткий получился. Ещё отец мой покойный наказывал: «Ешь побольше, болтай поменьше. И будешь здорова».

... Ну, вот я вам всё про себя и рассказала. Интересно, какого вы обо мне мнения? Правда, я мягонькая?

Будьте здоровы!

РАССКАЗ ТЕЛЁНКА

Если вы по-настоящему наблюдательны, назовите мне самое бестолковое животное в мире. Нет, нет, ошибаетесь, не Осёл. Что, не знаете? Тогда, так и быть, я вам сам скажу. Самое бестолковое животное на свете – Верблюд. Да, да, и, пожалуйста, не спорьте!

Взять хотя бы моего соседа, одногорбого Верблюда. Сколько я ни говорил ему, что имя моё Полосатый – иногда по десять раз на дню! – он всё равно меня Белолобым зовёт. Ну, вот, хотя бы только что, прохожу я мимо него, а он ухмыляется: «Куда топаешь, Белолобенький?» Прямо нервов моих не хватает.

А обидней всего то, что я и сам этого плута – Белолобого – ищу, с ног сбился. Пусть только на глаза мне попадётся, я ему так поддам, что всю жизнь помнить будет. Почему, спрашиваете? Что он мне плохого сделал? Он, мошенник, меня, можно сказать, хлеба насущного лишает.

Вообще-то, одногорбый не так уж и виноват в том, что путает нас. Мы с Белолобым очень похожи, оба тигриной масти. До того похожи, что в темноте даже наши собственные матери, путают нас. Так вот, он, негодник, пользуется этим и, когда меня нет, преспокойненько сосёт вымя моей матери. Иной раз мне даже капельки молока не перепадает. Сунусь – пусто.

Сперва я его пару раз по-хорошему предупредил. Не помогло. Потом боднул как следует в бок. Ну, теперь-то, думаю, дойдет до тебя? Так нет, он, бесстыжий, продолжает, как ни в чём

не бывало, проказничать, мало того – ещё и насмехается надо мной! «Ты, – говорит, – не жадничай, а мало тебе – можешь мою мать сосать, мне не жалко».

Видали, нашёл дурака! Мать у него тощая-претощая, в чём только душа держится. А моя мама большая, дородная, вымя у неё чуть не до самой земли достаёт.

К чему я вам всё это рассказываю? Да к тому, что сегодня он опять мне дорожку перебежал. Утро нынче тёплое, тихое, и я малость проспал. Встаю, подхожу к матери, тычусь в вымя, а оно пустое. Белолобый уже успел и позавтракать, и пообедать. Ну, моему терпению и пришёл конец. Хватит! Должен же быть предел этой наглости?! Вот я и кожу, ищу его. А найду, надаю ему под бока – рожки у меня уже пробиваются – пусть тогда знает, как на чужое молоко зариться.

Вы говорите, теленок дальше сеновала не убежит? Пойду-ка, погляжу, может, оно и так. Ну, Белолобый, держись!..

РАССКАЗ КОТЁНКА

Говорят, люди поговорку придумали – про кошку, которая, мол, задаром и на солнышко не выйдет. По-моему, это вздор, чистая напраслина. Я вот каждый день забираюсь на крышу греюсь на солнышке, и ни от кого за это платы не требую.

Лежу я там, гляжу в даль дальнюю и думаю: правильно говорят, что земле конца-края нет. Но, чтоб в этом убедиться, нужно на неё с крыши глядеть. Только после того, как я забрался наверх и рассмотрел как следует все вокруг, мне стало ясно, что поверхность земли, по крайней мере, раз в пятнадцать больше моей крыши. Подумать только, в пятнадцать раз!

Между прочим, лежать на крыше полезно ещё и потому, что оттуда всё как на ладони видно. Лежу, к примеру, пчера около дымовой трубы и вижу: под тандыром, в углублении, шевелится что-то. Пригляделся – мышь. Большая, кирнющая. Сидит и старый тапочек жуёт, наслаждается. У меня от гнева аж хвост трубой поднялся и шерсть дыбом встала. Заорал я что было мочи, и вниз. Увидела меня эта нахалка, бросила тапочек и ну улепётывать. Я – за ней, и наверняка догнал бы, да вдруг, откуда ни возьмись, Олапар, пёс хозяйский, выскочил. Пришлось мне самому удирать вроде той мыши. Не помню уж, как добежал я до тандыра и спрятался под перевернутой вверх дном миской с отбитым краем. Олапар сунул носом в дырку, да не тут-то было. Рывкнул он пару раз для остротки и, повернувшись, давай задними лапами землю рыть да миску этой землей забрасывать. Заживо похоронить меня надумал. Пёс – он и есть пёс. Другого названия и не придумаешь.

Потом он нехотя вернулся в свою конуру, и вокруг сразу стало тихо-тихо. И в этой мёртвой тишине вдруг послышалось: кто-то пискнул. Вгляделся я, а это она, голубушка, мышь! Свернулась в комочек, чтоб меньше места занимать – авось я её не замечу. Вот ведь как вышло. Она тоже этого пучеглазого балбеса, Олапара то есть, испугалась и здесь спряталась. Ну и глупышка, нашла, где спастись, будто другого места нет. Не ведома ей, что земля, по крайней мере, в тысячу раз больше этой самой глиняной миски.

... Ну, а ты, приятель, не пробовал прикинуть, какой он большой, наш земной шар?

РАССКАЗ ЩЕНКА

Что греха таить, есть среди нашего собачьего племени охотники до всяких проделок. Первая радость для них – ближнему напакостить. Проучить такого, я считаю, – проще простого. Дождёшься, когда ему хорошую кость бросят, перехватишь её на лету и наутёк. Он с тобой после этого до конца жизни здороваться не будет. Ну и не надо нам вашей вежливости, так? Так. Когда он тебе чужой. А как быть, если это твоя собственная сестра? Не знаете? То-то же! Расскажу о моей сестрёнке. Ну, просто житья мне от неё нет. Когда мы еще совсем кутятами были, она всегда норовила первой маминым молочком полакомиться, а меня постоянно отпихивала. Из-за этого я и теперь такой тощий.

Гляжу я сейчас на её подружек и не нарадуюсь. Все они давно уже на цепь посажены, исправно хозяйское добро стерегут. У каждой своя конура, своя чашка-миска имеется. Одним словом, солидными собаками стали. А она? Всё ещё в малышках ходит, и когда повзрослеет, когда ума наберётся – неизвестно. А до чего жадная! До чего бестолковая, ну, самая настоящая пустолайка! А уж хитрюга – другой такой свет не видел. Что? Пример привести? Пожалуйста! «Я, – говорит, – вам не пёс, а наоборот, чистить посуду – это не пёсье занятие, а наша обязанность». Соображаете? Это значит, что чашку после еды только ей вылизывать, а я и близко не подойду.

Стоит только хозяйке дастархан стряхнуть, она тут как тут, первой норовит все крошки похватать. Я ей однажды сказал: «Эй, сестра, не будь ты такой жадной, и мне пару крошек оставь!» А она мне знает, что ответила? «Ты, – говорит, – пёс, кость поглотишь, ничего с тобой не сделается». Ладно бы хоть изредка приличная кость доставалась, да где там! Нынеш-

ние мясники совсем совесть потеряли, хозяйка жалуется: вместо мяса продают кости да и те такие гладкие, как будто их до того уже два раза варили.

Уф-ф, ума не приложу, что мне делать, совсем ведь от сестры житья нет. Может, из дому убежать, куда глаза глядят, а? Вы бы, я думаю, на моём месте давно уже удрали, дня бы с ней рядом не прожили.

Я вот сейчас от голода готов выть да сил нет, а сестрёнка, чтоб ей пусто было, чашку в своё удовольствие вылизывает...

... А вы, девочки, как – не обижаете братишек?

РАССКАЗ ШЕРШНЯ

Захотелось мне сегодня утром без посадки над пшеничным полем пролететь, да не вышло, на полпути мотор отказал. Я спикировал и с лёта врезался в колючий колос. Стебель сперва выгнулся дугой до самой земли, потом меня подбросило вверх. Вы только подумайте, я и не знал, что такая славная забава на свете есть! Теперь глядишь, как только свободная минутка выдаться, буду на этом аттракционе забавляться.

А сейчас у меня времени нет, со Стрекозой вон на том лугу встретиться надо. Её родители в гости меня пригласили. Слетаю, отведаю стрекозьего угощения, может, и вкусно.

Знакомство со Стрекозой у меня очень интересное вышло. Присел я как-то на днях на стебелёк отдохнуть и вдруг вижу – мимо меня девочка с голубой лентой в волосах на цыпочках прошла. Следом за ней мальчик и тихо так шепчет: «Вертолёт маленький, ты его осторожно лови!» и огляделся вокруг – что это ещё за вертолёт? – и увидел сидящую на стебле красивую Стрекозу. Сзади к ней подкрадывалась девочка. Да, да, та самая, с голубой лентой. Я рванулся вперёд, с лёта ударил Стрекозу в хвост, и мы взмыли в небо. Летим мы, и я ей говорю:

– Нельзя быть такой разиней, голубушка. Тебя же поймать хотели.

Что она ответила, я не расслышал, потому что внизу, на земле, мальчишка во весь голос закричал: «Эй, ты, бомбардировщик, мы ещё с тобой потолкуем!» – и погрозил мне кулаком. Я точно не знаю, что это такое – бомбардировщик, но сдаётся мне, что это какое-то нехорошее прозвище. Что, не угадал? Жаль...

Ну, короче говоря, подружились мы со стрекозой после того случая. Потому и приглашён я сегодня в гости.

Хочешь, приятель, я и тебя с собой возьму? Ну – полетели!..

РАССКАЗ ЛЯГУШКИ

Кваква!.. Узнали меня? Да, да, – это я самая, Лягушка По прозвищу Квакушка.

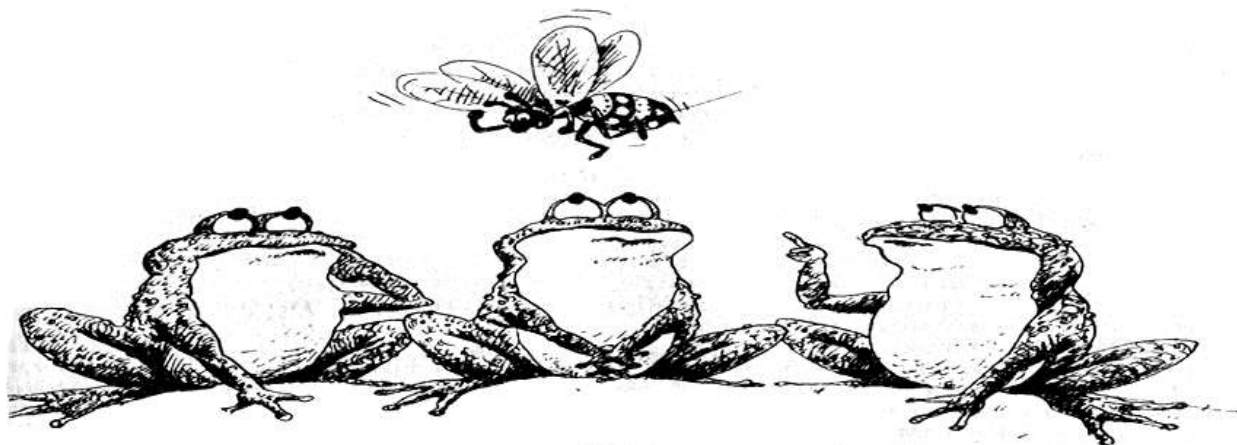
Настроение у меня распрекрасное. И есть отчего! Я ведь только что двух назойливых мух проглотила. Теперь вот собираюсь в хауз нырнуть, понежиться.

Много приятного есть в лягушачьей жизни. Одно плохо: Как проснёшься утром, так сразу есть охота, будто накануне на пустой желудок спать легла. Потянешься, расправишь Косточки и отправляешься пропитание искать. Вот так – каждый день, всё сызнава начинать приходится. А вообще-то хорошо живём, грех жаловаться. Хотя, конечно, всякое случается.

Позавчера я, к примеру, осу проглотила. Не разглядела спросонья, с собачьей мухой спутала. Что тут было!.. Она мне все кишки исцарапала. Уж как я квакала, как квакала! Поверите – выше ведра прыгала. Прыгну – и об землю животом, прыгну ещё раз – и снова об землю животом стараюсь удариться. Так и пришибла желтопузую.

Только избавилась я от этого несчастья, перевела дух, гляжу – мальчишка, который певчих птиц в клетке держит, смотрит на меня во все глаза, оторваться не может. Должно быть, голос ему мой понравился, слышал, как я в муках великих квакала. Ну, подумала я, плохи мои дела, и р-раз, нырнула в хауз, пока он меня не изловил да в клетку к птицам не посадил. По моему разумению, чем в клетке сидеть, дармовые харчи лопать, лучше с голодухи ос глотать. В тысячу раз лучше, уж вы мне поверьте!

... Зачем, спрашиваете, я всё это рассказала? Да просто по-товарищески, чтобы предупредить, посоветовать: не набрасывайтесь спросонья на еду, это иной раз большими неприятностями оборачивается.

РАССКАЗ ЦЫПЛЁНКА

Итак, я благополучно вылупился из яйца. По правде сказать, мне там уже изрядно надоело: теснота, темень беспросветная.

После меня братишки да сестрёнки, один за другим, стали на свет появляться, и тоже, как я, после тьмы-тьмущей сразу привыкнуть не могли, жмурились. Гляжу я на них, и смех меня разбирает – такие они нахохлившиеся, жалкие.

Сейчас нас шестеро – двое будущих петушков, в том числе я, и четыре наших сестрички. Вообще-то нас должно быть семеро, но седьмой – или седьмая? – никак не вылупится. Мама, бедняжка, так волнуется, так волнуется, просто ужас. То реет яйцо своим телом, то встаёт, прислушивается. А там – тишина. Гляжу я, гляжу и думаю: «До каких же пор это будет продолжаться? Когда, наконец, этот лентяй – или лентяйка? – вылупится? Мама ну совсем вен изнервничалась, и отец ходит вокруг такой беспокойный, и нас, малышей, любопытство разбирает, а яйцо лежит себе, будто камень-голыш.

Да, забыл сказать, отец у нас ужас какой строгий, й сильный-пресильный. На голове у него красный гребень, ноги с острыми, как шило, шпорами переставляет не спеша, важно. Глядишь, и завидки берут. Говорит он немного, только изредка напыжится да как закричит, то есть закукарекает, и так это многозначительно, что сразу всем всё ясно становится. Чив-чив-чив, чив-чив-чив!.. Нет, непохоже. Язык у меня не поворачивается, и горлышко ещё слабавато.

Постойте-ка!.. Да, яйцо наконец лопнуло! И кто же, интересно, из него вышел? Давайте-ка поглядим. Что это такое – ни на кого из нас не похожее? Клюв длинный, плоский, и ноги совсем не такие, как у нас, между пальцами перепонки. Ну и чудеса!

– Да это же утёнок! – всплеснула крыльями мама. – Хозяева, мошенники, утиное яйцо под меня подложили!

Слыхали? Что же отец-то скажет? Вот он подошёл, глянул равнодушно на малыша и промолчал, ни звука не проронил. А малыш-то, малыш, ну прямо смех один, поднялся, потоптался на месте и бегом вперевалочку к тазу с водой. Бултыхнулся с разбега, вынырнул, потом ещё, и ещё, и, отряхнувшись, поплыл!

Отец смотрел, смотрел, да как закукарекает, да как клюнет его! Малыша, беднягу, словно ветром из таза выдуло. Но не успел я оглянуться – он опять к воде шлёпает. Мало, значит, ему той нахлобучки. Вот тут-то я и воспользовался правом старшего.

– Эй, пострелёнок, – закричал я, – а ну-ка, марш из воды! Чего клюв-то воротишь, будто не с тобой разговаривают! Подумаешь, утёнок, нашёл чем гордиться!

... У меня к тебе просьба, дружище, объясни ты мне, пожалуйста: как только родился – и сразу плавать умеет... и что из него получится, когда он подрастёт?.. Только тс-с, чтоб отец не услышал.

РАССКАЗ МУРАВЬЯ

Нашёл я однажды среди прелых листьев виноградное семя, да такое здоровущее, что как ни тужился, как ни старался, никак его с места сдвинуть не мог. Немного передохнув, я решил: была не была, попытаюсь ещё разок, может, удастся его до муравейника дотащить. Собрался я со всеми своими муравьиными силами, и только ухватился за груз, как вдруг увидел прямо перед собой какое-то мерзкое чудовище.

Как раз накануне вечером бабушка рассказывала мне сказку про кровожадного Дракона. И вот он передо мной, й уже разинул свою страшную пасть. Что делать? Сразиться с ним? Так ведь в сказке не я его одолел, а Меч-батыр. И не какой-нибудь Меч, а сорокааршинный. У меня же, к сожалению, ничегошеньки такого нет, никакого оружия, даже одноаршинного.

Я быстро сообразил, что нужно делать, и так это вежливо ему поклонился:

– Ассалому алейкум, почтенный Дракон!

Он сперва почему-то засмутился, стал оглядываться вокруг, а потом как раздует свою грудь, как вытаращит глазищи!

– Если бы, – говорит, – ты меня не поприветствовал, я бы тебя в два счёта проглотил!

Я опять поклонился ему до земли.

Поднимаю голову, гляжу во все глаза, и на том месте, где только что стоял передо мной Дракон, ничего не вижу. Куда же, думаю, он подевался? Неужели сам по себе сквозь землю провалился? Вдруг гляжу – ползёт он под лежащий на земле виноградный лист, вот-вот из виду исчезнет. Не успел я понять, что же такое произошло, как прямо с неба свалился на ме-

ня какой-то великан. От ветра, что поднялся при этом, я раза три-четыре перекувыркнулся и потом еле-еле пришёл в себя.

– Где этот жирный червь? – взъерошив перья, спросил великан. – Где, спрашиваю я, гусеница?!

Я уже раскрыл было рот, чтобы ответить, как вдруг налетел ветер и унёс с собой тот самый виноградный лист. А на том месте, где он только что лежал, в страхе застыл дракон по кличке Жирный Червь. Великан приготовился напасть на него, и я понял, что это и есть Меч-батыр. И такие у него перья! Если пересчитать, как раз сорок. «Если то, что говорила бабушка, правда, они будут драться сорок дней и сорок ночей, – подумал я. – Беги-ка ты домой».

Но Меч-батыр всего лишь один раз долбанул дракона, и тот был готов.

– Молодчина, Меч-батыр! – закричал я.

– Соображай, что мелешь! – грозно сказал великан. – Ты по какому такому праву меня с кем-то пугаешь? Никакой я не Меч, а знаменитый Воробей-батыр!

Сказав это, он схватил дракона и улетел высоко в небо.

А сейчас я к бабушке тороплюсь. Представляю себе, как она удивится, когда услышит, что я не в сказке, а наяву видел самого Воробья.

... Ну, пока, друг, до встречи. Попробуй и ты рассказать своим приятелям какую-нибудь сказку вроде этой, пусть подивятся.

РАССКАЗ СВИНЬИ

Хрю... хрю... хорошо на белом свете жить! Сколько разных удовольствий вокруг! С каким наслаждением я вчера, например, в луже повалилась, а потом в куче мусора порылась! Ещё и похвалу заслужила. От кого, спрашиваете? От своего собственного отца! Да, да, увидев, как я извозилась, он сказал: «Вылитая мама!»

Не знаю, что вы думаете на этот счёт, а по-моему, если бы на свете не было луж, незачем было бы и жить. К сожалению, некоторые этого не понимают. К примеру, соседка моя, Овца, неглупая вроде, а настоящей цены хорошей луже не знает.

Вот вышла я позавчера с её ягнёнком погулять, и что вы думаете, оказавшись на улице, он сразу же помчался на зелёную лужайку. Я, конечно, постаралась его образумить:

– Эх, ты, голова садовая! – закричала я ему вслед. – Там же ничего, кроме травы, нет! Иди-ка лучше за мной, тут неподалёку расчудесное местечко есть, грязи по уши, повалиемся вволю!

И повела я его к Вонючему болоту. А как дошли мы до него, сразу же окунулась.

Вынырнула, гляжу – Ягнёнок мой всё ещё на месте стоит.

– Иди сюда, – говорю я ему, – с меня пример бери.

Он сперва поколебался, потом всё-таки потихоньку вошёл в болото.

– Не трусь, – подбодрила я его, – делай как я, – и сунула рыло в густую жижу, только глаза да уши снаружи остались.

Ягнёнок последовал было моему примеру, но тут же вытащил мордочку из грязи и ну отплевываться. Потом глянул на меня так это, знаете ли, сердито и молча повернул назад. Крепко, стало быть, обиделся. Дома, я слышала, ему от матери досталось за то, что он шубку свою выпачкал.

Ладно, что с малыша возьмёшь. Досадно, что мать его, взрослая вроде бы Овца, не понимает всей прелести жизни.

Впрочем, что мне до них? Пусть живут как знают, самим же хуже. Что касается меня, то я и сегодня, и завтра намерена в болоте побарахтаться. И вообще, можете быть уверены, я нашего племени не посрамлю, настоящей свиньёй стану.

... Эй, приятель, ты куда путь-то держишь? К реке, говоришь? Вот чудак, что за удовольствие в воде купаться? Пошли-ка лучше со мной, в Вонючем болоте побарахтаемся.

РАССКАЗ ШАКАЛА

Совсем неохота мне стало в последнее время в школу ходить. Почему? Да потому, что голова у меня трещит от вопросов, которые учитель каждый день задаёт. Нет от сидения за первой партой никакого проку, в этом я уже убедился. Потому что все его вопросы градом только на меня сыплются, будто больше никого в классе нет.

Вот, к примеру, вчера. Он, как вошёл в класс, так сразу меня с места поднял:

– Скажи-ка нам, что мы делаем, когда видим, что Заяц в болоте тонет?

– Выбираем местечко, где камыш погуще, и остороженько начинаем к нему приближаться, – бойко начал я.

– Правильно, продолжай, – одобрительно улыбнулся учитель.

– Приблизившись, мы одной лапой крепче хватаемся за камыш, чтобы самим не очутиться в болоте, а другой тянемся к Зайцу. Как только дотянемся, так р-раз, и к себе тащим.

– Молодец, соображаешь, – опять похвалил меня учитель. – Парень ты, видать, не промах... Ну, а дальше что?

И тут – поверите? – я растерялся. Стою и бормочу что-то себе под нос, и не знаю, что дальше с Зайцем делать.

Я, значит, молчу, а учитель, вижу, нахмурился, нервничать начинает.

– Ну, схватил ты Зайца, башка бестолковая! А дальше-то что. Можешь ты свою мысль до конца довести или нет?

Я сперва испугался: вдруг он сейчас рассердится и жирнющую «двойку» мне влепит? А потом всё-таки собрался с мыслями и говорю:

– А дальше мы берём Зайца и начинаем счищать с него грязь.

– Э-э, – поморщился учитель, – тянешь, тянешь, а что тянуть-то? Ты Зайца из болота вытащил, можно сказать, от верной гибели спас. Стало быть, польза ему от тебя была? Была. Ну, а тебе от него польза должна быть? Должна. А какая? Подумай.

Стою я, стою, думаю, думаю, а придумать ничегошеньки не могу.

– Один Заяц другому Зайцу может задарма услугу оказать, что-нибудь хорошее сделать, – сказал учитель, глядя на меня так, словно съесть собрался. – Но мы-то не зайцы! Мы – шакалы! И законы у нас свои – шакальи!

Я всё продолжал молчать, не понимая, куда он клонит, и тогда учитель окончательно вышел из себя.

– Сперва, – его налитые кровью глаза так и пронзали меня насквозь, – мы спасаем Зайца. Потом делаем вот так...

Он разинул пасть, потянулся к моему горлу, и я сразу всё понял.

– Мы съедаем его!

Учитель, облегчённо вздохнув, отпустил меня.

– Наконец-то, башка дурацкая, – сказал он и похлопал меня лапой по плечу. – Вот это и есть ответ, достойный настоящего Шакала.

Одним словом, скажу вам, пока я получил злосчастную «четвёрку», семь потов с меня сошло.

... Что, что? Сколько, спрашиваете, будет, если к трём курицам двух уток прибавить? Хе-хе, пустяковая задачка! Зачем над ней голову ломать, если всё равно они в желудке вместе окажутся?

РАССКАЗ ОСЛЁНКА

Я сызмальства очень любознательный. Потому часто и не сплю по ночам, думаю. Голова у меня соображает будь здоров, а вопросов меньше не становится, на один ответу – два других тут как тут.

Ну, к примеру, вы знаете, почему сперва молния сверкает, а уж потом гром гремит? Ладно, так уж и быть, я яа сейчас сам объясню. Слушайте. Облака по небу плывут, плывут, а потом р-раз – и об макушку горы стучаются. Если вам когда-нибудь доводилось ударять камнем о камень, то вы должны были заметить, что при этом из них искры высекаются. Это и есть молнии. То же самое происходит, когда облако с горой сталкиваются.

Идём дальше. Каждому известно: после удара облака об гору всё вокруг сотрясается. А от этого огромные – с целую конюшню, каменные глыбы срываются и с грохотом скатываются вниз. Вот вам и гром!

Да, это, конечно, очень трудная задача. Не каждый сразу сообразит. Давайте-ка я вам попроще вопрос задам.

Скажите, почему колесо у арбы круглое, а стёкла в окнах четырёхугольные? Эх-а, и этого не знаете! Ну так знайте.

Та-ак... Вы хоть раз в жизни круглое стекло видели? Точно знаю: не видели. Потому что все стёкла выходят с завода четырёхугольными. Раз так, то и стёкла для окон на такой же манер делать приходится. А в колёса стёкла не вставляют, потому они и круглые. Вот в чём штука-то!

... Эй, мальчик, ты чего на меня так уставился? Похоже, никак что-то сообразить не можешь? Не стесняйся, спрашивай, я всё-всё знаю.

РАССКАЗ ЛИСИЧКИ

Как только среди людей разговор о нас, лисах, заходит, так непременно перед нашим именем слово «хитрая» ставится. По-моему, это очень несправедливо. Надо же всё-таки понимать разницу между хитростью и ловкостью или, скажем, предприимчивостью. Неповоротливому ведь ох как трудно прожить.

Впрочем, не буду я тебе своими рассуждениями голову морочить, а расскажу лучше про то, что совсем недавно произошло. А там ты уж сам во всём разберёшься.

Дней десять тому назад нас с мамой на птицеферме изловили. Засаду устроили. Очень я испугалась, думала – конец, убьют нас. Да что там я, уж на что мама бесстрашная, чего только на свете не нагляделась, и та от ужаса прямо-таки затрепетала. Но мать есть мать – зажала меня между передними лапами, мордой прикрыла: всем видом своим призывая к милосердию: «со мной что хотите делайте, а дитя неразумное пощадите».

Надёжно запрятала меня мама, но я всё-таки ухитрилась выглянуть наружу и увидела у старика-сторожа в руках большущий кусок мешковины. Не успела я сообразить, зачем это ему, как оказалась в тьме кромешной. «Всё пропало, накрыли нас!» – не своим голосом закричала мама и изо всех сил забилась, затрепыхалась, пытаясь вырваться наружу. Ну, и я, конечно. Но не тут-то было. Эти несносные чудовища – люди так нас «запеленали», что о побеге и думать не смей.

Чья-то сильная рука сжала мне горло так, что я дышать не могла, хрипеть начала... Что было потом – не знаю.

Придя в себя, я увидела, что мы с мамой крепко-накрепко привязаны цепями к стволу растущего на берегу арыка раскидистого тала. Интересно, думаю, что они дальше с нами делать будут?

Через некоторое время сторож принёс в глиняной миске с отбитым краем прокисшую полхлёбку и поставил перед нами: жрите, мол. Я было уже принюхалась к ней, чтобы начать есть, но мама как даст мне по носу:

– Не ешь, дура этакая!

– Почему? – не поняла я. – Есть ужас как хочется.

– Нам сейчас не дармовая жратва нужна, – сказала мама. – Свобода нужна! Поняла?

Потом, видать, пожалела меня, погладила лапой по голове и тихонько, чтобы никто не услышал, стала говорить, как нам следует вести себя, что можно, а чего нельзя делать.

– Ну я хоть воды попью, а? У меня всё в глотке пересохло, – попросила я.

– Можно, – разрешила мама. – Это не похлёбка, никто не заметит, что её поубавилось. – Она кивнула головой в сторону арыка. – Только не сейчас, ночью, когда все заснут. И я вместе с тобой попью. Потерпи уж, моя рыженькая.

Я еле дождалась, когда наконец наступит вечер, но зато уж напилась вдоволь. К тому же выбрала подходящий момент и, изловив пару лягушек, слопала их. И такими вкусными они мне показались – м-м!..

Вот так и шло время. Днём мы голодали, а по ночам с воды на лягушек перебивались. Люди приходили глядеть на нас и всё удивлялись: как это мы ничего не едим, не пьем, а живёхоньки.

– Вы, должно быть, рёбра им переломали, когда с мешковиной накинудились, – сказала как-то пожилая птичница сторожу. – Надо же – сколько дней в рот ничего не берут. Или голодовку объявили?

– Ничего, они твари живучие, – пробурчал старик. – Вот маленькую, – он указал глазами на меня, – выращу, отличная шапка получится.

На пятый день мама сказала мне:

– Постарайся сегодня лежать так, чтобы дыхания твоего не видно было. Даже если пнут – терпи, виду не подавай.

Так я и сделала. Лежу, значит, будто бездыханная, и вдруг слышу чьи-то шаги. Приоткрыла потихонечку один глаз и вижу – опять птичница миску с едой несёт.

Остановилась над нами, поглядела внимательно, потом, нагнувшись, слегка потормошила меня.

– Уф-ф! – отставив в сторону миску, тяжело вздохнула она. – Отмучились, бедняжки.

С этими словами она отвязала цепи и усталой шаркающей походкой направилась к дому.

– Ну что, бежим? – нетерпеливо спросила я. – А то как бы не спохватились да снова на цепь не посадили.

– Тише! – чуть-чуть приоткрыв глаза, прошептала мама. – Вон старик у ворот околачивается. Потерпи ещё немного, умница моя.

Сторож долго ещё возился у открытых ворот. Потом, вернувшись к сторожке, взял кувшин и направился в сторону хауза.

– Вот теперь можно! Вставай! – приказала мама.

Вскакивая с места, я изловчилась и успела-таки лизнуть остатки маставки, что принесла птичница в миске с отбитым краем. Мама тем временем успела схватить безмятежно прогуливавшуюся неподалёку от нас глупую жирную курицу.

Очень хорошо, что мы такие терпеливые оказались. Теперь вот на воле разгуливаем, и никаких цепей. А ведь, можно сказать, в когтях у самой смерти побывали.

... Ну-ка, приятель, взвесь на весах своего разума то, что я тебе рассказала. Как, по-твоему, хитрость это или что-то другое, а?

РАССКАЗ ВОРОНЫ

Кар! Кар-р! Кар-р-р!!!

Эй ты, тебе какое дело до моего житья-бытья? Видала я таких внимательных да заботливых. А если скажу, как живу-поживаю, так ты, может, половину моих бед да забот себе возьмишь?

Кар-р! Кар-р-р!!! Ну и дубар-рь!.. Про кого это я так? Да всё про него – кота Черномазого. Дурак дураком, мерзавец мерзавцем! Гляди, что натворил – исцарапал всю, перья выдрал.

Случайно не твой он – этот зверюга когтистый? Не я его, бродягу, сызмальства терпеть не могу.

Сижу я на днях на урючине, никому не мешаю, мороженое, то есть иней с ветки слизываю, и вдруг вижу: сереброкудрый красавец Пудель стрелой за Черномазым гонится вот-вот настигнет. Поглядел бы ты только на кота: шерсть дыбом, глазищи выпучены, того и гляди выскочат. Добежал сломя голову, до навеса, под которым листья с деревьев овцам на корм впрок припасены, да в самую кучу и врезался.

Мне-то с дерева всё, как на ладошке, видать. И вот гляжу я, примчался Пудель и остановился в растерянности – что делать, как дальше быть, не знает. Ну, думаю, без моего вмешательства тут дело не обойдётся. Слетела я на землю, чуть подальше от пса, и спокойненько так, вроде ничего мне неведомо, спрашиваю:

– Кар-р... что, интересно, тут происходит?

– Да вот, – твякнул Пудель, – я тут Кота потерял... Черномазого. Мне его, каналью, изловить да изувечить надобно. Я клятву дал хвост у него выдрать.

– Вообще-то, если рассудить, нехорошо на других своё зло вымещать, – глубокомысленно сказала я. – Очень жаль, но ты, видать, не подумав слова эти брякнул. Но раз уж они кар-р... вылетели, придётся тебе самому серьёзнейшим образом защитить своё высокое собачье достоинство. Но ты у нас богатырского племени, так что...

Пуделю, должно быть, не понравилась моя длинная речь. Оборвав меня на полуслове, он нетерпеливо рывкнул:

– Хватит болтать! Скажи: видала или нет, куда Черномазый запропастился?

– Видеть не видала, но если с умом за дело взятыся, то за конец верёвочки ухватиться можно. Не мышь же он какая-нибудь, чтобы в норке укрыться. Если не ошибаюсь, ядолне возможно, что он в этой куче листьев скрывается...

Не успела я договорить до конца, как Черномазый пулей вылетел из кучи и прямо на меня. Я не успела увернуться, и он, злодей, с воплем: «Вот тебе, доносица!» как схватит меня когтями за бок. Что было дальше? Я – на дерево, Пудель – за Черномазым.

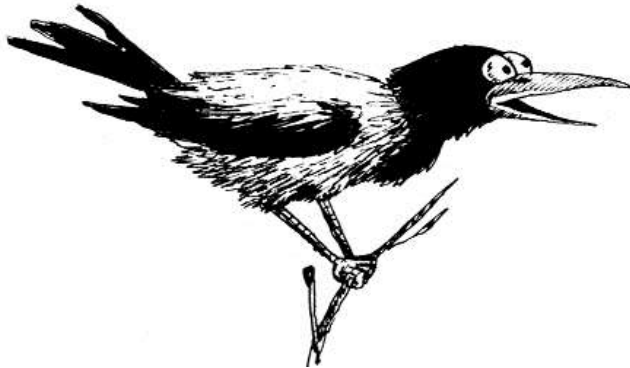
И почему мне не сиделось тихохонько на урючине? Зачем сунула свой клюв в чужие дела? Умней других показать себя захотела? Вот и показала...

... Что, ябедничество, говоришь, вредная штука? Уму-разуму, стало быть, поучить меня хочешь? Ступай-ка ты своей дорогой, дружок. Молод ты ещё уроки мне давать. Кар-р!..

РАССКАЗ ЗАЙЧОНКА

Вы спрашиваете, почему я такой невесёлый? Сам не знаю. Может, оттого, что голоден или... или потому, что, играя с Кабаном в «дурака-дурачину», очень утомился.

Не знаешь, что это за игра? Неужто ни разу не видел? Эх-хе, здорово отстал ты от жизни... На целых четыре вершка. Или даже больше.

По правде говоря, я сам только сегодня научился этой игре. Если бы не капуста, кто знает, сколько бы я ещё жил, ничего не ведая о ней...

Короче говоря, лежал я в норе, лежал, и очень мне скучно стало. К тому же, проголодавшись, я обшарил все наши с мамой закрома и не обнаружил ничего такого что можно было бы на зубок положить. Всё подчистили. И тогда я решил пробежаться по лесу, чтобы хоть самую малость перекусить, а заодно и ножки размять.

Бегу я, скок-поскок, и вдруг вижу – по лесной дороге арба, запряжённая осликом, едет. А в плетёном из ивовых прутьев кузове полным-полно капусты. У меня аж слюнки потекли и от голода подташнивать стало. Есть, говорила мне бабушка, у людей поговорка: «Повезёт, так из угля золото, а из осла грамотей выйти может». Так вот, мне-то как раз и повезло. Дорога была ухабистая, и когда арбу тряхнуло на выбоине, из кузова на землю выпали два здоровенных кочана капусты. Растяпа-арбакеш даже на заметил потери. Ну скажите, разве не везение это?

Откатил я кочаны в укромное местечко и стою, раздумываю: с какого начать? И тут вдруг навстречу мне из лесной чащобы Кабан по кличке Брюхан выходит:

– Хрю, хрю, малый да удалый, со свежей капусткой тебя! – говорит он и прямо на меня прёт. – Ты где же её, такую пригожую, раздобыл? Ну и молодчина ты!

Очень я от такого дружеского обращения растрогался, ведь сроду ни от кого доброго слова слышать не доводилось. Однако всю правду сказать всё-таки не решился.

– Нашёл, и все!

– Замечательный ты, Зайчишка, добытчик, – не отводя глаз от капусты, продолжал нахваливать меня Брюхан. – Чую я, поразвлечь ты меня хочешь, в «дурака-дурачину» сыграть, да предложить стесняешься, верно? Хрю-хрю...

Я было поинтересовался, что это за игра такая, но Брюхан сперва обиделся: «Ты что, потешаешься надо мной?», а потом видит, что я и впрямь ничего об этой игре ведать не ведаю, стал объяснять. Оказалось, что участвуют в игре всего двое. Пока один ест, другой скачет вокруг него и дразнит: «Дурак-дурачина капусту жуёт! Дурак-дурачина капусту жуёт!..»

Интересная игра, правда? Я сразу же согласился поиграть в неё.

– Чур, я первый, потому что старший, – хрюкнул Брюхан и, не дожидаясь моего ответа, принялся за кочан, который побольше. Я же с криком «Дурак-дурачина капусту жуёт!..» поскакал вокруг него. Так прыгал, так веселился, что в горле запершило и лапки занемели.

Слопав до последнего листочка оба кочана, Брюхан громко рыгнул и, потеревшись боком о ствол дерева, пошутил: «Ты с какой это радости так распрыгался, косой?» Я говорю, давай ещё поиграем, а он мне: «Зачем? Ты дурак-дурачина и есть. Хрю-хрю...» С этими словами он развернулся и трусцой побежал туда, откуда явился. Обиделся, наверно, за то, что я слишком уж над ним потешался.

... Ты чему ухмыляешься, мальчик? Не веришь, что я Кабана чуть до упаду не задразнил? А чего ж он ушёл тогда? Обиделся...

РАССКАЗ БОГОМОЛА

Все кусты и молодые деревца, что есть в этой округе, с незапамятных времён нам, Богомолам, принадлежали. Но вот налетела однажды прожорливая Саранча, захватила все наши охотничьи уголья, и кормиться нам очень трудно стало.

Раньше на каждом шагу полным-полно было комаров да божьих коровок. Лови и ешь сколько угодно. Теперь же целый день охотишься за какой-нибудь козявкой-малявкой, а поймаешь, съешь – в желудке всё равно пустота. Эти стрекочущие чудовища, можно сказать, всё сплошь выжрали. Мало того, угрожали нам всячески. Да и сейчас ещё не уgomонились. Вышел я вчера на охоту, гляжу – две злодейки навстречу мне выскакивают: одна толстая, другая тощая, в чём только душа держится. Толстая едва удостоила меня взглядом и спрашивает тощую:

– Это ещё что такое?

– А кто его знает, мало ли на земле всякой нечисти. Насекомое, наверно, какое-нибудь.

– Спроси-ка, чего это он в наших угодьях разгуливает?

Очень обидно мне было это слышать. Вы только подумайте: здесь я на свет появился, здесь вырос, и вот вынужден терпеть жестокие притеснения да ещё слышать такие слова! Сердце же от всего этого разорваться может!

Со слезами на глазах возвратился я домой. Услышав причину такого моего плачевного состояния, бабушка принялась меня утешать:

– Не огорчайся, мой славненький, живём же мы кое-как, с голоду не умираем. И за то спасибо.

– Нет, бабушка, больше терпеть невозможно, – ответил я. – Повстречалась мне позавчера одна из этих разбойниц да как напустится: «Ты почему, такой-сякой, не стрекочешь? Да я тебя!.. Да ты у меня!..»

Призадумалась бабушка, потом, горестно вздохнув, сказала:

– Этих стрекочущих чудовищ, мой хороший, тьма-тьмушая. Ты с ними не задирайся. И для них, разбойниц, чёрный день придёт.

Так сказала моя мудрая бабушка. Я ей, конечно, верю, только думаю: когда же, наконец, этот самый день настулит? Я слышал, соседка говорила: «Вот настанет зима, ударят морозы, и все яйца, что они, скачущие да стрекочущие, отложат, перемерзнут». Может, и впрямь так?

... Ты чего раззевался, малыш, ко сну клонит? Не ко времени я тебе это рассказываю? Ну да ладно, я потом с тобой своими печальями поделюсь. А сейчас я покачаюсь, колыбельную песенку о счастливом детстве спою. Спи, мой пригожий, спи.

1978–1983 гг.

ЧТО ПРИСНИЛОСЬ КОШКЕ

Раза два скребнув дверь, робко вошла Мышь. «Ие!»— изумлённо воскликнула Кошка.

– Вы здесь самая главная?– пропищала Мышь. – Я к вам с жалобой.

– Подойди поближе, коли с жалобой, – приготовившись сцапать её, промурлыкала Кошка. Но услышав: «Я со своей соседкой поссорилась», решила не торопиться. – Она что, несправедливо тебя поколотила? Ну-ка, подать её сюда!

– Не колотила она меня, оскорбила при всех, – чуть не плача, высказала наконец свою обиду Мышь.

– Значит, и свидетели имеются?– обрадовалась Кошка. – Да будет тебе известно, в любом деле должна быть соблюдена справедливость. Стало быть, чтобы правильно, честь по чести решить твой вопрос, я должна выслушать свидетелей.

Глупая жалобщица, пятясь, выскользнула за дверь и вскоре возвратилась с несколькими – не то с четырьмя, не то с пятью – такими же, как она сама, серенькими аппетитными мышками. Кошка любезно предложила им сесть, сама же, приблизившись к двери, резко захлопнула её, и простодушные свидетельницы оказались в плену...

Ох и попиrowала бы Кошка, если бы не проснулась!

ЧТО ПРИСНИЛОСЬ ЗАЙЦУ

Заяц, развесив уши, восседал на троне и сквозь дремоту слушал сладкоголосие придворных певцов. А прямо перед ним, выкидывая замысловатые коленца, плясали Волки. Огромный гривастый Лев, ещё вчера заставлявший трепетать все живое, смиренно сложив на груди когтистые лапы, подобострастно улыбался. Лиса, Шакал, Медведь и другие беспородные звери испуганно, снизу вверх, заглядывали в отсвечивающие холодным стальным блеском глаза владыки, один лишь главный палач Тигр, как обычно, бегающим взором оглядывал всё вокруг, ожидая, когда Его Величество подаст желанный знак.

Вдруг перед тронem возник главный дворцовый повар Леопард. Он, ткнувшись мордой в землю и задрвав хвост, поклонился повелителю и сообщил, что обед – рубленая свёкла с капустой – готов. И хотя от такого сообщения у Зайца сразу разгорелся аппетит, он, дабы ещё выше поднять себе цену в глазах подданных, проглотил слюну и, скорчив недовольную мину, сказал: «Разве неведомо тебе, что я больше всего морковь люблю? Подай-ка мне её!..»

– Уж не бредишь ли ты, сынок?– всполошилась мать, склонившись над мечущимся во сне Зайцем.– Где же я тебе сейчас морковь добуду? Тс-с, спи, хищники вокруг рыщут.

ЧТО ПРИСНИЛОСЬ АИСТУ

Набежавшие невесть откуда чёрные-пречёрные тучи, словно сорокаголовый дракон, в миг проглотили солнце. Засверкали молнии. От ураганного ветра зашумели, полегли на землю крепкие, как бамбук, камыши. И хлынул с небес на землю поток воды вперемешку с лягушками. Они с лёту гулко шлёпались об землю и, лишившись чувств, оставались лежать распластанные. Те же из них,

кому посчастливилось упасть на что-нибудь мягкое, хромая на все четыре лапки, спешили убраться в ближайшую лужу. Некоторые из падавших с неба лягушек всей своей тяжестью ударялись о тех, что были на земле, и они, разозлившись, отвечали им звучными оплеухами. Схлопотавшие оплеуху, конечно, в долгу не оставались, и завязывалась потасовка.

Спрятавшиеся до поры, до времени аисты, глядя на всё это, прыгали от радости на одной ножке и щёлкали, как кастаньетами, длинными клювами.

Проснувшись от шума, голодный Аист протёр крыльями заспанные глаза и с завистью поглядел на горделиво проходившего мимо соседа, в клюве которого отчаянно трепыхалась здоровенная лягушка.

ЧТО ПРИСНИЛОСЬ РАЧКУ

Юркий Щурёнок, обычно никогда не упускавший возможности позабавиться над неуклюжим Рачком, вдруг предложил: «Давай вместе играть». И хотя маленькому Рачку такое предложение было очень лестно, он всё же засомневался: «Чего это он вдруг ко мне подлизываться надумал?»

Щурёнок виновато шевельнул усами и, скромно потупившись, сказал:

– Прости, зря я тебя раньше обижал. Хороший ты. И ещё... красивый.

Рачок в душе очень обрадовался, но не стал показывать этого Щурёнку.

– Разве старый приятель, Сомёнок, тебе надоел? – спросил он.

– Я никогда больше дружить с ним не буду, – нахмурился Щурёнок. – Он вчера у меня червяка из-под самого носа уволок. Разве это товарищ?.. Будь мне другом, а? – Щурёнок просительно заулыбался и в знак расположения пошевелил хвостом и плавниками...

Хотел было Рачок ответить: «Ладно», да не успел. Устремившийся за Сомёнком Щурёнок нагнал такую волну, что спать дальше стало невозможно.

ЧТО ПРИСНИЛОСЬ ПСУ

Такого красивого цветника он в своей жизни ещё не видел. С куста сирени свисала к земле аппетитная кость, между стреловидными листьями ириса лежало коровье ребро, а козыи сережки, так те прямо гроздьями свисали с вьющихся стеблей колокольчика. Будь вы собачьего племени, наверняка тоже пришли бы в восторг от подобной красоты.

Бежавшие с разных сторон по десяткам канавок помои стекали в большую яму посреди цветника. Яма была похожа на огромную миску, а от канавок тянулись дорогие медные цепи, какими обычно привязывают только самых породистых собак.

Здесь не было слышно ни человеческого крика, ни блеяния и мычания овец и коров, ни птичьего щебета, никаких других действующих на нервы звуков – только доносившийся отовсюду приятный, ласкающий слух собачий лай.

Он подошёл к розовому кусту и, вытянув шею, собрался схватить зубами висевшую на нижней ветке уж очень соблазнительную косточку...

Но тут он услышал знакомый оклик хозяина: «Эй, Бесхвостый!», и нехотя открыл глаза. Прямо перед его носом упала какая-то штуковина. Приглядевшись, Пёс узнал в ней вываленную в земле кость. Он молча, без всякого удовольствия, посмотрел на неё и снова закрыл глаза с надеждой: «а вдруг да сбудется вкусный сон?»

ЧТО ПРИСНИЛОСЬ КРЫСЕ

Вызвал её к себе Большой начальник и давай выговаривать:

– Калошная фабрика, которой ты руководишь, очень тревожат ещё более высокое, чем я, начальство. Половина выпускаемых для Гусей и Уток калош никуда не годится. Какие-то они жёваные.

– Да, ошиблась я малость, приняла на работу Мышей, – стала оправдываться Крыса. – Уверена, это они калоши грызут. Сегодня же поразгоняю их всех.

– Ты и в прошлый раз то же самое говорила, – обозлился начальник. – Не верим мы больше тебе. И потому увольняем!..

И Крысу освободили от должности. Жаль только, что во сне.

ЧТО ПРИСНИЛОСЬ МЕДВЕДЮ

В лесу открыли пасеку, и туда срочно потребовался заведующий.

– Что тут долго раздумывать? – обратилась к собравшимся обсудить этот вопрос зверям Лиса. – Вот, наш уважаемый Медведь уже много лет занимается медо... э-э, пчеловодством. Давайте ему и поручим это дело.

Садясь на место, Лиса украдкой подмигнула Медведю: с тебя, мол, дружок, причитается.

Заяц, Олень, Куница и другие животные незнатного происхождения, поддерживая её, загалдели на разные голоса: «Правильно!», «Лиса дело говорит!..»

И тогда взял слово Кабан:

– Пасека общественная, – прохрипел он. – Если мы выберем Медведя заведующим, то, клянусь своим пяточком, мёда нам не видать, как своих ушей.

«Верно, верно!» – дружно завопили незнатные животные.

– Присоединяемся к кабаньему мнению! – от имени всех проревел Лев. – Не зря говорится: «Не доверяй Мулу сено, а Медведю мёд».

«Правильно!.. Одобряем!..» – снова заорали незнатные животные...

Очнувшись от сна, Медведь, не теряя времени, отправился в лес, чтобы как следует проучить завистливого Кабана.

ЧТО ПРИСНИЛОСЬ КУЗНЕЧИКУ

Вчера какой-то Бык, разгуливая по пастбищу, раздавил копытом его жилище. И сейчас, случайно встретив эту безмозглую скотину, Кузнечик подскочил и изо всех сил ударил его кулачищем между глаз. Бык зашатался, но всё-таки устоял на ногах. Кузнечик рассердился и, подпрыгнув, нанёс ему сокрушительный удар в бок. Бык охнул от боли, но опять-таки не свалился.

– Я тебе покажу, как бесчинствовать! – гневно закричал Кузнечик. Схватив Быка за рога, он резко повернул бычью голову влево, отчего враг рухнул, как ветхий дувал, на землю, и, испугавшись, что сейчас за него примется мясник, завопил диким голосом...

Пробудившийся от его крика Кузнечик увидел приближающееся к пастбищу стадо и бросился спасаться. Благополучно укрывшись в безопасном месте и переведя дыхание, он с грустью посмотрел на свои тонкие, немощные лапки.

ЧТО ПРИСНИЛОСЬ ЛИСЕ

Десятки больших и малых скелетов, окружив её, загалдели птичьими голосами. Она метнулась было в одну сторону, в другую, но так и не сумела прорваться сквозь плотное кольцо стоявших намертво, словно вколоченные в землю железные кольца, скелетов.

– Попалась, гадина! – грозно шагнул к ней один из скелетов, похожий на петушиный. – Ты, кажется, нас не узнаёшь? Зато мы тебя не забыли.

– Ты меня совсем недавно съела, – пискнул маленький скелетик, принадлежавший, должно быть, Кеклику. – Неужели не помнишь, проклятушая?

– Теперь пришёл наш черёд, – злорадно крякнул утиный скелет. – Никакими словами невозможно передать боль, которую мы испытывали, когда ты нас душила. Сейчас тебе придётся почувствовать то же самое.

– Да что же это такое, друзья мои! – в страхе закричала Лиса. – Поймите меня правильно, я же должна что-то есть, чтобы не подохнуть с голоду – это закон природы!

– Я целых пять лет на белом свете прожила до того дня, когда ты меня сожрала, – дрожащим от ярости голосом сказал куриный скелет. – Однако никого за это время не съела.

– Выходит, она одна должна жить, а такие, как мы, сотнями должны гибнуть, – обведя свирепым взглядом окру знающих, вмешался в разговор гусиный скелет. – Разве щь. виноваты в том, что меньше и слабее ее?

– Она, небось, ни о каких законах не говорила, когда кровь нашу пила, – воинственно выпятил грудь петушиный скелет. – Так чего же мы тут пустую болтовню развели? Бить её, и все!..

И скелеты, словно только и ждали этого призыва, стуча костями, с кудахтаньем, кряканьем и гогогом со всех сторон набросились на Лису...

С диким воплем вскочив с места, кровожадная Лиса долго не могла прийти в себя. А когда успокоилась, выкинула из норы все, до единой, скопившиеся там птичьи кости.

1977

СПЛЕТНЯ ПРО БАХРАМА

Ха, вы только посмотрите, как он стоит – руки в брюки, рот до ушей. Ржёт от радости, словно ему петушка на палочке подарили. Бездельник! Чем так вот прохлаждаться, лучше бы «Букварь» или ещё какую умную книгу полистал.

У-у, жадоба! На днях гляжу – в школу идёт. В одной руке портфель, в другой – пашмак-халва.

– Э-гей, – кричу я ему, – Бахрам! Не разделить ли то, что у тебя в руке, на двоих? Не портфель, конечно.

Вообще-то у ребятни сейчас хватка такая, что ой-ой-ой! И аппетит – тоже. Любому мальчишке этого пашмака хоть сотню дай – в два счёта проглотит, крошки никому не оставит.

К чему, спрашиваете, я клоню? Да к тому, что и Бахрам пожадничал, не захотел делиться. Ну, думаю, раз так – держись, Бахрамджан! Р-раз, и разнесла по округе его тайну. Какую? Неужто ещё не слышали? Ладно, так и быть, расскажу, вы ведь, как-никак тоже свои.

Мне точно известно: в этом году в первый класс принимали только тех, кому до тридцатого сентября семь лет исполнилось. Запомнили? До тридцатого! А Бахрам, знаете, когда родился? Первого октября! Это мне тоже наверняка ведомо. Так вот, он в школу, как говорится, под шумок пробрался. Пролез, понимаете ли, воспользовавшись тем, что в школе этой самой одни ротозеи работают. Они даже документы толком не просмотрели. Им лишь бы рост длинный был, а что ум короток – это их не касается. Вот и с ним, я думаю, тоже так вышло. Начни их сейчас проверять, «простите, – скажут, – недоглядели». С них, бездельников, взятки гладки.

Так вот, шепнула я одному, другому про эту его тайну-секрет. На свете справедливых существ, вроде нас с вами, немало, не один, думаю, так другой до директорских ушей доведёт. Начнут документы проверять. А там, глядишь, скажут: «До свиданьица в будущем учебном году!» Короче говоря, выставят Бахрамбаю из школы. Вот уже мы потешимся над ним!

Ну, ни капли соображения у мальчишки нет. Было бы соображение, разве пожалел бы он тётушке Сороке кусочек пашмак-халвы? А теперь пусть на себя пеняет.

СПЛЕТНЯ ПРО ИКРАМА

Было время, я этого мальчишку хорошим считала. А дотом оказалось, что воспитания он неважнецкого. Воспитанные ребята на сестру нашу, сороку специально в музей глядеть ходят. На чучело сорочье, я имею в виду. А ему чучело ни к чему. Для него главная радость – живую сороку обидеть.

Прискакал он вчера домой, бросил курам кукурузного зерна, а сам давай камнями яблоки с дерева сшибать. Гляжу – кур мало, а зерна много. Разве, думаю, порядок это? Подкралась я тихохонько и стала клевать. Во-первых, время обеда подоспело, а во-вторых, я утром толком и не позавтракала, только немного в навозе покопалась. Так что, сами понимаете, кукурузу ту я с великим аппетитом клевала.

Клюю, значит, я, поклёвываю, и вдруг вижу – прямо перед моим клювом ком сухой глины пролетает. И немалый – с доброго воробья. Куры, конечно, врассыпную, а я на самую макушку высоченного тополя взлетела. Достань, попробуй, меня.

Чем больше я об этом думаю, тем обиднее мне становится. Ну что я такого сделала? Только и всего, что у кур зерном подкормилась. Икраму-то какое дело до этого? Зависть его гложет, вот что. Нет на свете ничего хуже завистников. Сами не едят и другим не дают. Неизлечимая болезнь, это я вам точно говорю.

И ещё я вам скажу (раньше-то я молчала, а больше не хочу): прозвище у него – Рыжий. Один раз назовёте его Рыжим – рассердится. В другой раз – орать станет. А уж в третий – во весь голос плакать начнёт, прямо-таки рыдать. Вы попробуйте разок. Так просто, из интереса.

СПЛЕТНЯ ПРО НАДИРУ

Со стороны на неё поглядеть – вроде тихая такая, бесхитростная девочка. Но это если со стороны. А на самом деле она очень даже себе на уме. Это хотя бы из того видно, что говорить-то она ничего не говорит, а понимает всё дочи́ста. Если ей это выгодно, конечно. Скажете ей, к примеру: «Не трожь чайник, разобьёшь», – она прикинётся, будто дважды два не знает, и продолжает играть, как ни в чём не бывало. А попробуйте спросить: «Конфет хочешь?» Эх-хе, увидите, что будет! Как начнёт лопотать да головой мотать – давайте, мол поскорее! Так-то вот. Хвост можете у меня выщипать, если я вру.

А сегодня знаете, что произошло? Нет? Ну, послушайте.

Гляжу я утром, перелезла она кое-как через порог и потопала вразвалочку по айвану. А в руке у неё кусок сыра был зажат – это я хорошо со своего дерева, со сливы, то есть, видела. И не ест она тот сыр, и не выбрасывает. Странно мне это, однако гляжу, наблюдаю: что же делать она с ним дальше станет? А она вдруг возьми да споткнись об веник. Ну и, конечно, растянулась на полу, и сыр в руке не удержала, отлетел он в сторону. Слышали бы вы, как она заревела! Ну прямо навзрыд. Странно мне это показалось. «Неужто думаю, так ушиблась, или это очередная хитрость? Дай-ка я её испытаю». Слетела я вниз и потихоньку стала приближаться к сыру. И вот, скажите мне, думаете вы о еде, когда у вас что-нибудь болит? Нет ведь, верно? А Надира, как увидела меня, первым делом сыр схватила, а уж потом плакать перестала. Сидит, надулась и глазами так и сверлит меня, так и буравит. Глянуть со стороны, можно подумать, будто тётушка Сорока и раньше сыр у неё таскала.

Убедились теперь, что девчонка себе на уме? То-то же! Так что и не думайте чем-нибудь у неё разжиться, напрасная это затея.

СПЛЕТНЯ ПРО РАВШАНА

Вы только поглядите на него! Равшана хвалить надумал! Да будь он хорошим мальчишкой, разве не подружился бы давным-давно со мной? Я же не Синичка какая-нибудь плюгавая, а самая что ни на есть уважаемая Сорока!

Вообще-то говоря, глаза бы мои не глядели на такого приятеля. Вместо того, чтобы, как другие ребята, чем-нибудь вкусненьким лакомиться, он день-деньской жвачку жуёт. Какая мне польза от дружбы с ним? Ну, допустим, расщедрится он, жвачкой меня угостит. Что я стану с ней делать? Всем известно, что мы, Сороки, когда голодны бываем, можем даже битое стекло проглотить, но чтобы жвачку?! Да вы её хоть нишалдой, хоть мёдом намажьте – ни за что жевать не станем.

У него не только то, что во рту, к еде непригодно, и игрушки тоже совсем никудышные. Даже обыкновенный винтовочный пистон стреляет так, что хоть уши затыкай. Позавчера нацелилась я было на конфеты, что в вазочке на суре стояли, и вдруг позади меня как бабахнет! С перепугу я аж головой об перила сури стукнулась, да так, что в миг на лбу шишка вскочила. Видите, какая здоровущая? Хм... похоже, об остальном мне придётся вам потом рассказать. Судя по трескотне, это Равшан на отцовском мотоцикле едет. Лучше мне на глаза ему не попадаться. Как знать, может у него не игрушечная, а настоящая винтовка в руках? А мне ещё моя жизнь очень даже дорога.

СПЛЕТНЯ ПРО ЗУЛХУМОР

Девочка она уже здоровущая, пора бы уже поумнеть, а у неё ума этого самого ну, нисколечко. Когда ни глянь, вечно двор метёт, метлой машет. Неужели, думаю я про себя, по годам своим дела найти не может? Сверстницы-то её вон как лихо на улице в классы играют.

Дело даже не в том, что она день-деньской двор подметает, мне вообще аккуратность эта её не нравится. И ещё: всюду она нос свой суёт, во все дела вмешивается.

Братишка у неё есть, Ильхамбай. Славный такой мальчуган, вечно хлеб жуёт. И при этом добрую половину вокруг себя бросает. Вот это доброта! Стало быть, не только о себе, а и обо мне думает. Он, значит, ест, а я за ним по пятам следую, брошенные куски подбираю. И к такому я выводу пришла: если друг к дружке с почтением относиться, одной большой лепёшки, ну, в крайнем случае, двух, нам обоим вполне хватит, может быть, ещё и останется. Хотя, конечно, едва ли.

Недавно вот такая история произошла.

Ильхамбай вышел во двор с кусищем свежеиспечённого патыра и только-только начал крошки на землю ронять, как, откуда ни возьмись, эта маленькая плутовка, Зулхумор выскочила. «Сколько раз, – заверещала она, – было тебе сказано: ешь хлеб аккуратно, не кроши, не разбрасывай вокруг, а ты и ухом не ведёшь! Вот же тебе, вот!» – и раз, другой шлёпнула его по мягкому месту. Поверите ли, до того мне стало жалко мальчонку, что, глядя, как он плачет, я сама чуть было слезами не залилась. Однако сдержалась, возраст, знаете ли, и положение... Так вот, с тех пор Ильхамбай стал есть хлеб так, что не только кусочка – крошки на земле не остаётся, и сколько я за ним ни хожу, ничегошеньки мне не перепадает.

Так-то вот... Хоть убей, не пойму, за что родители без конца её хвалят. А Ильхамбая хоть бы кто похвалил, «молодец, мальчик» сказал. Хотя, между нами говоря, хвалить его сейчас особенно не за что. Эх, поперепугалось всё на свете так, что даже мне – при моём-то уме! – не разобрать.

СПЛЕТНЯ ПРО МУМИНА

Живёт в махалле Бешогайни, что значит Пять приятелей, неказистый паренёк. Звать его Мумин, или ещё Муминтай. Да вы, я думаю, его знаете: лоб крутой, нос пуговкой. Фу, даже говорить о нём тошно... Так вот, житья нам, птицам, от него нет.

Дома у них – и во дворе, и вокруг – сплошной виноградник. И столько там этих самых... – хм-м, придумают же такое – «солнечных ягод»! Готова с кем угодно об заклад биться, целой махалле его не съесть, даже на спор. И не диво, что каких-нибудь четыре сороки да с пяток воробьев иной раз прилетят чуть-чуть винограда поклевать. Что в этом плохого, скажите?

Так нет же, Муминтай нас с раннего утра до позднего вечера гонять готов. Спрячется в винограднике, и давай камнями или ещё чем-нибудь швырять. Или, скажем, за бечёвку, к которой погремушки привязаны, дёргать. Грому от этих консервных банок, погремушек, то есть, столько, что впору лететь, куда глаза глядят. Иной раз так и хочется на бредущем полёте всех их, до единой, скосить, да приходится сдерживаться: а вдруг там силки какие-нибудь прилажены?

Дождалась я как-то подходящего момента и аккуратноенько склюнула с большой кисти «дамских пальчиков» одну ягодку. Ох, ох, ох! Вкус неописуемый! Что там мёд! Эх, думаю, не мешал бы никто, села бы я на лозу да спокойноенько склевала кисточки три-четыре. Как бы не так! Сядь, попробуй, когда всё там гремит. И так, между прочим, каждый день.

А виноват в том, что Муминтай такой зловредный растёт, его собственный отец. Да, да, не удивляйтесь! Купил бы он мальчишке велосипед, и было бы ему не до нас, с утра до ночи по улицам бы гонял.

СПЛЕТНЯ ПРО АЛИШЕРА

Пучеглазые дети, известное дело, все, до единого, какие-то суматошные. Ну, и Алишер, конечно, из таких. Попадут к нему в руки пять копеек, и всё, земли он под собой не чувствует, мчится в магазин и покупает резиновый шар. Крупное приобретение, не правда ли?..

Имеется у него пять или шесть самых что ни на есть простых голубей. Мы, например, их и за птиц не считаем. Почему, спрашиваете? Да потому, что уважающая себя птица ни за что не станет жить в гнезде, которое ей кто-то соорудил. Ну, а с этих прощелыг что возьмёшь? Безродные, одним словом, вроде собак-дворняжек. А поглядели бы вы, как он с ними носится,

как балует! Фи, противно!.. А как играет с ними! Запустит в небо, и давай безобразничать – в ладоши хлопать, свистеть. А если хоть один голубь в воздухе кувыркнётся, он от радости прямо сам не свой становится – так орёт. Ладно, пускай. Но разве и мы не умеем кувыркаться? Ещё как! Захотим, ещё лучше у нас получится. Однако под чей-то свист такие штучки проделывать – увольте, авторитет не позволяет нам шутовством заниматься.

По-моему, чем с беспородными голубями возиться, лучше бы нас досыта накормил, мы ведь всегда рядышком. И птицы мы настоящие, осанистые, не то, что эти вертихвостки. К тому же неприхотливые, что ни дай, всё за милую душу съедим.

Эх, сколько в нас, Сороках, достоинств, а бестолковые мальчишки видеть этого не желают. Им, понимаете ли, кувырки в небе подавай. Ну, да ничего, когда-нибудь и нас по заслугам оценят.

СПЛЕТНЯ ПРО АТАБЕКА

Бывает иногда так: вроде бы и башковитый мальчишка, а всё равно дурачок. Это потому, что умом своим он правильно пользоваться не умеет. Атабек как раз из таких. Вместо того, чтобы кошке, которая вечно к нему подлизывается, хвост узлом завязать, он её, видите ли, по шерстке гладит. Разве стал бы он это делать, будь у него привычка хоть самую малость поразмыслить над своими поступками?

А что, собственно говоря, представляет собой кошка? Самое неразумное в мире животное. К тому же хитрющее. Других таких пройдох не сыскать. Злонамеренные, корыстолюбивые, а поди ж ты, сумели подхалимажем да притворством человеку в самую душу влезть. Вот ведь какие твари бессовестные!

Чтобы вы не подумали, будто тётушка Сорока просто так, от безделия, злобствует, я в подтверждение своих слов лишь один пример приведу.

Поспела во дворе клубника, которую отец Атабека посадил. Кошки, как вам, наверно, известно, клубнику не едят. Эта же, подхалимка проклятущая, с рассвета до заката вокруг огорода вертится. Захочешь ягодку-другую отведать, так она сразу тут как тут, словно бешеная, кидается. У неё, плутовки, шерсть мягкая, а когти острые. Попадёшься ей в лапы – прощайся со своей драгоценной жизнью, прямёхонький тебе путь на тот свет. Думаете, зря я столько времени на дереве сижу, вниз спуститься боюсь?

Вон она, чертовка, рядышком с Атабеком, на скамейке устроилась, калачиком свернулась. Вы не думайте, что раз у неё глаза зажмурены, так она ничего не видит. Нет, она за всем следит, до всего ей дело есть.

Помните, я вам говорила, что Атабек умный, умный, а всё равно дурачок? Так вот, он, пустая голова, опять кошку гладит. Лучше бы дал ей, как следует, пинка в бок, да так, чтоб она раз десять в воздухе перевернулась. Эх, и когда только этот мальчишка умом своим правильно пользоваться научится?

СПЛЕТНЯ ПРО ВАС

Ты что это, пострелёнок, мимо проходишь, головы не повернёшь? Или, может, память тебе отшибло, узнавать перестал? А ну-ка, поздоровайся с тётушкой Сорокой, как следует! Кто, кроме неё, тебе правду-матку скажет! Здравойся, негодник этакий!

Ты чего нос дерёшь? Хочешь поважничать: глядите, мол, люди, какой я весь из себя отличник? Думаешь, тётушка Сорока так-таки ничего не знает, ни о чём не ведаёт? Ошибаешься! Мне точно известно, что у тебя в дневнике или по родному языку, или по математике, или по географии «двойка» красуется и ты его, наверно, отцу не показываешь, прячешь?

Что, что? Это ты мне сказал, чтоб я думала прежде, чем болтать? У-у, негодник, я, стало быть, обманываю? Лгунья я, да? Ну-ка, поклянись: «Пусть у меня чернильница разобьётся и всего меня забрызгает, если в дневнике «двойка» есть».

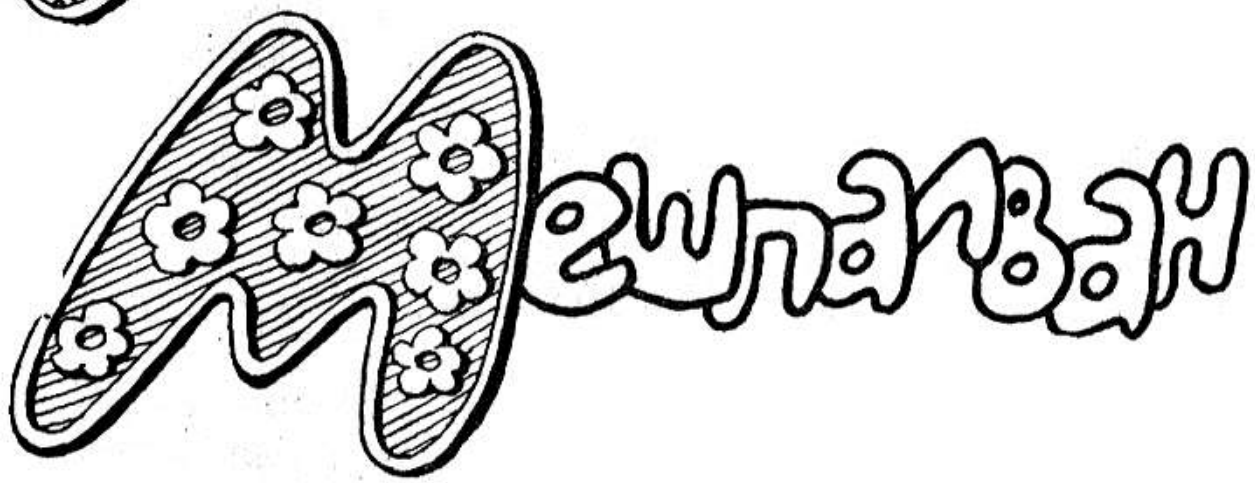
Молчишь, глазами стреляешь? То-то же, нет дураков клятвам твоим верить.

А от чего это, скажи, карман у тебя топырится? Небось, орехами набил его? Да ты мне голову не морочь, от простой ученической резинки он бы так не раздулся. Чем в орехи играть, ты бы, тряпичная голова, лучше «двойку» исправил. Не стыдно тебе? Другие ребята, ровесники твои, между прочим, на «Доске отличников» красуются.

Прошу тебя, ты мне лучше по-хорошему орехи отдай. Давай, говорю! Не хочешь? Гляди же, я отцу про «двойку» расскажу!

Постой, постой, что это? И вправду резинка!.. Хм, вон какой верзила вымахал, а в кармане ни одного орешка. Надо же!.. А ну, растяпа, сгинь с моих глаз!

1978

От автора:

*Учась у узбекских мудрецов –
бахши, я взялся за этот дастан.*

О Мешпалване алтыарыкцы рассказывают множество историй. Если их не слышали вы, значит, прожили жизнь напрасно. Но вот странное дело: если некто описывает его удивительные приключения так, то другой возражает: «Нет, было эдак...» А по-моему, так все сказочники говорят правду. Ведь эта повесть, проросшая из зернышка правды, веками переходила из уст в уста, и каждый родитель, рассказывая ее своим детям, что-нибудь да прибавлял от себя. А коль так – былого не скрывая, небылиц не прибавляя, поведу-ка и я свой рассказ для вас.

Итак, в то время, когда этот грозный Мешпалван ещё не знал, что в грядущем его деяния станут легендой, а имя войдёт в историю, он уже отличался от всех своей статью: две щеки, как литавры, звонки, лицо от загара желтей кукурузы, сорокапудовое пузо, на подбородке шрам от пинка – угощение ишака, нос, точно у кошки, курнос, плечи вздёрнет, скажу вам я – похож на взъерошенного воробья, шея с наклоном вперёд, уши – наоборот, – вкривь и вкось ступает ногами, голова – как степь Язьявана, нагая, с виду молчаливый простак, на самом деле болтливый чудак, глаза навывкате, как у совы, чудный парень – скажете вы...

Навалились громы и молнии на дынную головку этого бедняжки, и к двенадцати годам он остался жить сиротой. Налетели воины Сепкилыпаха, в чёрных папахах, словно сель, безжалостно смыли его детские радости... Дома растоптаны, усадьбы разорены, поля затоптаны. Те, кто остался жив, были взяты в плен, закованы в цепи, кто рабом, кто рабыней – угнаны в далёкую Кахратонию. Среди них были и раненый отец Мешпалвана, и его красавица-мать с оленьими глазами.

Мешпалван горько рыдал и долго сопровождал толпу пленённых. И тогда отец крикнул ему: «Не реви, как девица! Край остаётся тебе!» А мать, едва сдерживая слёзы, глянула на сына в последний раз и почему-то отвернулась.

Услышав слова отца, Мешпалван стал как вкопанный и смотрел вдаль, пока не скрылся из виду последний из бредущих по пыльной степной дороге людей.

Пыль, поднятая сотнями ног, словно туман, окутавшая небо, постепенно улеглась... Теперь дорога была пуста. Хотя пленные уже скрылись с глаз, песня, которую они пели, долго ещё звучала в ушах мальчика:

*Все смельчаки в бою погибли,
А нам чужбина, как могила,
Прости, родная сторона.*

*Поём мы скорбно и печально,
И нас с тобою разлучают,
Прости, родная сторона.*

*Твоих надежд не оправдали,
Врагам на растерзанье дали
Тебя, родная сторона.*

*Теперь селения – руины,
А мы теперь – рабы, рабыни,
Прости, родная сторона.*

Вернулся Мешпалван домой, и старушка – бабушка, ждавшая его и уже думавшая со страхом, что и внука увели в рабство, поначалу обрадовалась, а потом разревелась:

– Чернопапашечники ограбили нас начисто. Чем же я теперь тебя прокормлю, сирота?

– Чего вы разревелись? – закричал Мешпалван. – Я ведь не прошу у вас варёного слона! Самое большее – съем казан шурпы да два тандыра лепёшек.

Хорошо, что в этом краю много солнечных дней, а земля его всего родней, и ещё множество арыков на ней. Ушли завоеватели, и разродилась эта земля пшеницей и рожью, машем и фасолью, кукурузой и рисом, овсом и горохом, дынями да тыквой. Оставшиеся люди трудились помногу, зато спали помалу, кукурузную лепёшку в тутовое варенье макали, тыкву в молоке варили, айвовый настой вместо чая пили, думали с грустью о тех, кого в рабство угнали, – так и перезимовали.

Труднее всего было в эту пору Мешпалвану и его бабушке. Бедная старуха мучилась из-за того, что глаза внука от недоедания запали, а мальчишка переживал оттого, что штаны с похудевшего пуза спадали.

* * *

Сырдарья и Амударья бились волнами о берега, и Арал был ещё полноводным. За конями шли жеребятта вслед, за днями – месяцы в собрание лет, снова зацвёл миндаль. Птицы запели свои песни, муравьи побежали дорожкой тесной. И земляки Мешпалвана принялись за свои заботы вместе с роями пчёл. Старушки стали зерно для сева перебирать, старики стали землю пахать, девушки стали чистить арыки, чтобы воду чистой пить, парни – землю мельчить.

На пашне бугорки и комья земли, которые разбивали парни, были похожи на головы в чёрных папахах, а потому ребята их не жалели и всюю сравнивали с землёй.

– Вой, гляди, какой огромный ком!

– Как башка воина Сепкильшаха!

– Давай его набалдашником или черенком!

– Уй-ю-ю!

На этой пашне

Разобьём чернопапашных,

Хаюв-ю!

В нас сила есть,

А в сердце – месть,

Хаюв-ю!

Много маков у горы,

Ещё больше детворы,

Хаюв-ю!

Пусть, заслышав твёрдый шаг,

Мрёт от страха Сепкильшах.

Хаюв-ю!

Семена разбросавши, всходов дождавшись, перестали они угрюмо молчать, стали верить и ждать. Ноги дехканина увязли в поле, зато его песня звучала на воле.

Пролетел аист, за ним – гусь следом, прошла весна и сменилась летом. Цыплята стали петухами, почки – листиками и лепестками. Колосьев коснулся серп, дынь коснулся нож, полон мяса котёл, дрова в тандыре гудят, как костёр.

И вот в один из таких обильных дней Мешпалван решил наколоть дров, да расколол глиняный таз, стоявший у пенька. А бабушка как будто только и ждала этого, стала причитать, хотя на самом деле изливала свою тоску по сыну:

– Бестолочь! Не можешь пень расколоть как следует! Ростом дюж, а сам не муж! Был бы мужчиной, разве сидел бы, повесив голову, как тыкву, когда мать твоя и твой отец угнаны в рабство?! Хай, гляди мне в глаза, если совесть твоя молчит, перед людьми поимел бы стыд! Есть у тебя хоть капля совести?

И хоть была совесть Мешпалвана не столь огромна, как его живот, и даже не столь велика, как его аппетит, но всё же она у него была. Слова бабушки разбередили ему сердце. Ведь и сам он смертельно скучал по отцу, который возил его на коне, да по матери, которая по глазам узнавала, когда он голоден, а потому слова старушки стали поводом, чтобы он немедленно засобирился в путь.

Решить-то он решил, да не было у бедного бойца ни оружия, ни лат, и в руке его не сверкал булат. Набросил он на себя чапан, взял на голову полный кислого молока жбан, подвязался кушаком, вместо пращи взял глины ком, взамен пики – скалку с наконечником из старушкиного шила, вместо щита – деревянную крышку казана, которую бабушка давно не мыла, а потом занял у соседа-старика его мула на пока, навесил седло на его спину, а стремяна на его тощие бока. Решил он запрыгнуть на мула, но обжёг себе ноги слегка, потому как солнце палило нещадно и перегрело стремяна. Повёл он мула к бабушке и, заворуженно глядя на её старые калоши, пропел:

*На Сепкильшаха я решил идти войной,
О, это будет самый страшный в мире бой!
Но ей же богу, стыдно драться, коль босой,
Старушка-бабушка, отдай калоши мне!*

*Покуда цел мой жбан – то голова цела,
И бычьё шкуру мне не пробурит стрела.
Я помню, скалкой ты однажды мне дала...
Старушка-бабушка, отдай калоши мне.*

*Мне сердце крышка защитит от казана,
Пусть Сепкильшах поймёт, что даст ему война.
Но для того всего одна лишь вещь нужна,
Старушка-бабушка, отдай калоши мне!*

Старушка, не ожидавшая такого напора со стороны её лопоухого внука, поначалу опешила. И даже решила было выбить из него всю дурь кочергой. Но приглядевшись, она поняла, что внук зол не на шутку, что решение – не на минутку, что губы у внука дрожат, а зубы у внука скрипят. Поняла она, что пробилось во внуке родовое упрямство и что его теперь не остановить. Молча пошла она в каморку, через некоторое время вынесла полный хурджун припасов, развесила его по бокам мула, сняла калоши, отдала и благословила внука на ратное дело:

*Пусть ведёт в пути луна,
Пусть тропа следов полна,
Рви колючку, пусть она
Станет розой и не колет.*

*Я роняю с губ слова,
Принимай, как дождь – трава,
Щедрость – лишь она права,
Не пейись о бедной доле.*

*Встретишь нищего в пути –
Поклонись и дай пройти,*

*Пусть он, прежде чем уйти,
Бога о тебе помолит.*

*Если выбранит дурак –
Не шуми, прими за так,
Взвоешь – сам себе ты враг,
Лишь терпенье лечит боли.*

*Даже если мучит грусть,
Всё равно ходи, как гусь,
Если скажешь: «Я не гнусь!»
Не согнут тебя тем боле.*

*С мирным людом не дерись,
Перед сильными не гнись,
Будешь голоден – приснись:
Накормлю тебя я вволю.*

Обрадовавшись этим словам, а ещё больше калошам, Мешпалван забрался на мула, взятого на пока, и пришпорив его, стал мять бедному бока. А дороги были как морщины на старушечьем лице, стоишь в начале и не знаешь, что в конце. Наш герой хромого мула понукал, скакал, останавливался у скал, отдыхал на базарах, распевал свою песню с жаром:

*Я отведал яблоко зрелое,
Я отведал черешню спелую,
Я отведал инжир пышнотельый
С оплеухой садовника старого...*

Он проезжал сады и чайханы, Багдады и Коканды, пустыни и степи, Исфары и Кургантепе, он вёл бедного мула в направлении Джизака и Шахрисабза, оставляя за спиной версты, и наконец достиг Кызылкумов. Неделью он вёл своего мула по пустыне, не встретил ни деревца, ни колодца. Он то хрустел теперь каменными своими сухарями, то пил воду, пахнущую морями, и опять двигался и двигался в сторону дворца Сепкильшаха. А Сепкилынах тем временем возлежал в своей опочивальне и не знал, что против него встала грозная сила.

* * *

Однажды вечером поднялся ветер, земля и небо покрылись пылью, и Мешпалван вместе со своим мулом прилепился к земле. Бедное животное положило всецело на бога, – а хозяин отпустил поводья, зато обнял свой хурджун, завернулся в овчину. Глаза его забило песком, а рот и нос – солью. К утру буря утихла, но зато разыгралась теперь буря его храпа, которая тревожила всё попятавшееся зверье пустынной округи.

Встал он пополудни, видит – нет ни ветерка, одно лишь солнце, как на вертеле, вертит паленую землю. В крынке, надетой им вместо шлема, набралась с его лысой головы ровно одна кружка пота. Он не поверил тому, что остался жив, а потому попробовал плюнуть в небо. Мутный плевок шлепнулся прямо ему в лоб. И тогда он возликовал.

Затем огляделся по сторонам в поисках своего мула, но вид округи заставил его содрогнуться от испуга. Мул его торчал из песка только головой и хвостом, и над его мордой плясали две гюрзы.

Растерялся на мгновенье Мешпалван, не зная, то ли запустить в змей своей скалкой, то ли бросить всё и бежать без оглядки. Собравшись с мыслями, он решил: «Дай-ка попробую подлизаться к этим безобразным... Что мне с того за убыток?» И он запел:

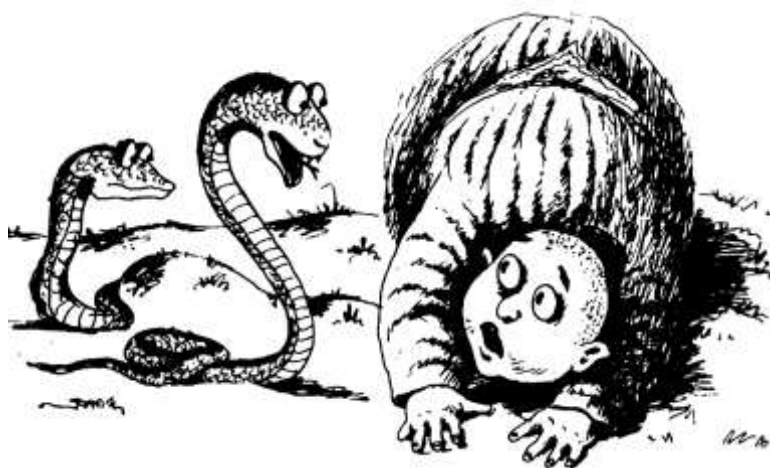
*Змея во сне – богатство наяву.
Сия краса не снилась даже льву,
Да здравствуйте же, ваши благородства!*

*И я, и мой болван – полушиак,
Мы – гости ваши, он и я – кунак,
Да здравствуйте же, ваши благородства!*

*А потому, вильнув своим хвостом,
Скажите нам спасибо и на том,
Да здравствуйте же, ваши благородства!*

*Ужалите – мы души отдадим,
Не станете – мы ужин вам дадим,
Откушайте же, ваши благородства!*

Пропев это, Мешпалван зачерпнул горсть толчёных сухарей из хурджуна и рассыпал по земле. Хозяева пустыни важно поползли к выторгованной дани и принялись за еду. Этим воспользовался Мешпалван и стал спешно откапывать своего мула, чтобы тут же утащить его к зарослям верблюжьей колючки, откуда бросил взгляд на кончавших трапезу змей.

– Были рады вам, господа змеи, – отвесил поклон Мешпалван. – Ну что ж, здравствуйте и до свидания.

Но змеи не опускали глаз и продолжали пронизывать его взглядами. «Да, плохи дела, – подумал он, – Эти гады не успокоятся, пока не съедят меня с моим мулом на закуску». Он опустился перед ними на колени и произнёс:

– Мы могли бы угостить вас ещё, но и сами хотим есть. Ну что ж, передавайте привет своим домашним!

Змеи зашипели и внезапно бросились на Мешпалвана. Ещё мгновение, и они оказались уже у него за пазухой. И пустыня, тихая, как кладбище, тотчас переполнилась воплями и рёвом: «А-а-а! Караул! Погиба-а-ю! Вай, ба-а-бушка-а!»

Мешпалван кувыркался и катался по земле: в одну сторону – не умер, в другую – и опять не умер, вскочил на ноги и обежал своего мула сорок раз – не умер. Наконец ему надоело вопить, и он прислушался к своей пазухе. Не поверил тому, что жив до сих пор – плюнул опять в небо, и на этот раз плевок впелся ему в нос.

И тогда он не то чтобы возрадовался, но пришёл в себя. Руки его дрожали, он достал из хурджуна лепёшку и, отломив от неё кусок, осторожно засунул его за пазуху. И лишь тогда, когда змеи захрустели зубами, он успокоился и даже осмелился откусить кусок лепёшки сам. Он жевал этот кусок, вытянув шею, и при каждом глотке чуть не плакал от обиды, и тогда он обернулся к своему мулу, хрустевшему верблюжьей колючкой, и пожаловался:

*Буря шла наоборот.
Пыль, как полк, а воздух – взвод.
Ты один и я – один.*

*Степь – как сеть для нас с тобой,
Вместе с горькою судьбой
Пойман ты и пойман я.*

*Змеи здешние хитры,
Спят, наевшись до поры.
Ты не сыт и я не сыт,*

*Ах, незрелы головой
Ты да я, да мы с тобой.
Вместе оба дураки.*

Мешпалвану казалось, что после этих слов всякая тварь расплачется, да не тут-то было, голодный мул продолжал утолять свой аппетит.

* * *

Мешпалван принадлежал к древнему роду землепашцев, а потому он никогда прежде не видел пустыни. Когда говорили о пустыне, он представлял себе песчаное море с барханами волн, а оказалось – не совсем так. У этого пространства был свой шум и своя тишина, своя зима и своя весна, свои твари и свои звери, свои норы и свои двери, словом, был у этой местности свой закон, и назывался просто здешней жизнью он.

Человек чувствует себя вольным и могучим среди людей, а чуть отойдёт в сторону и страшится, слабеет, как дети, или как муха, попавшая в паучьи сети. Его пугает медведями – лес, коршунами – ширь небес, тиграми – заросли и тугаи, шакалами – степи, пустыни, да он боится и собственной тени, а потому бежит к людям, в родные стены.

Так было и в пустыне. Безобразные вараны, как стадо баранов, сопровождали долго мула, а на нём Мешпалвана. Надо думать, они жалели, что в ночную бурю не воспользовались даром, и ползли в надежде, что, как и прежде, случится какая-нибудь беда, и стая варанов насытится мясом без труда.

Мешпалван сидел на муле задом наперёд и пугал своей скалкой ползучий народ, сам он мелко дрожал, оттого и мул бежал. Он был готов к первому в своей жизни бою и, держа крышку казана перед собою, поглаживал свой урчащий живот. Но солнце достигло зенита, и вот вараны устали за ним ползти и разбрелись по своим делам вдоль пути.

Жаркие барханы, казалось, не кончатся никогда. Через день-другой Мешпалван стал опасаться: «А что, если конец пустыни упирается в край земли?», но вдруг заметил тень всадника за спиной. Всадник приблизился к нему, и Мешпалван увидел, что в руках его цветные поводы, что под ним конь копытами стучит и головою водит, в глазах этого юноши невысказанная речь, на боку – огромный меч, телом статен, точно кипарис, хваткой цепок – только поборись! Остановился он и удивился: скалке – вместо копья, крышке казана – вместо щита из литья. По всему видать, что юноша из таких, которые, если спешат, то ударят камчой, а не спешат – так ущипнут словом невзначай.

Мешпалван поначалу испугался его и даже поднял было первым кулаки, как всякий напуганный, но в конце концов вспомнил змей за пазухой и, понадеявшись на них, стёр пот со лба, чтобы зашуметь:

*Коли ты живой,
На пути не стой.
Скалкою простой
Дам тебе я бои.*

*Крышка казана
Смельчаку нужна.*

*Кочерга в ножнах
Больше, чем грозна.*

*Без волос я, лыс,
Вместо сабли – хлыст.
Но поберегись –
Я голодный вдрызг!*

Услышав эти угрозы, благородный юноша с усмешкой глянул на Мешпалвана и, наклонившись с коня к мулу, стал задавать вопросы:

*Разевая рот,
Выпятив живот.
Ты куда идёшь?*

*Как ворона, лют,
Тяжеск, как верблюд,
Ты куда идёшь?*

*Без волос и лыс,
Как осенний хлыст,
Ты куда идёшь?*

*Мул-то твой трёхног,
В дюнах изнемог,
Ты куда идёшь?*

Мешпалван как будто и не почувствовал насмешки, отвечал, будто щёлкал орешки:

*Я в пути, на то есть повод,
Сепкильшаху мицу, как овод.
Он ограбил мой народ,
Вылизал вино и мёд.
Из голов он строил замки,
Всех пленил он, как вязанку.
Мой отец в вязанке той,
Мать моя, как сухостой.
Я иду освободить их
И вернуть в свою обитель.
Мощь копил, поджарки ел,
Вот и в битву захотел.*

После этих слов лицо гордого юноши вдруг изменилось, он сказал: «Прости меня, дружище, я не хотел обидеть тебя» и спешился. Затем он подошёл к Мешпалвану и протянул навстречу руки.

– Теперь мы – братья, – произнёс он торжественно. – Дорога наша – одна. Меня зовут Ошикбола – Влюблённый юноша.

– Ну, а обо мне ты наверняка слышал, – задрал голову, сказал Мешпалван. – Я тот самый грозный Мешпалван из Алтыарыка. – Затем он с сожалением покачал головой и прибавил: – Увы, но твоё имя как-то не попадалось мне на слух...

Пусть Мешпалван пока стоит и гордится собой, а мы тем временем познакомимся получше с Ошикболой, с его судьбой.

* * *

Ах, мои любимые читатели! Красноречивые мальчики, сладкоголосые девочки! Вы очень везучие люди. Ведь среди вас нету несчастных, кто бы не слышал сказания о Гёроглы, знаменитом среди узбеков и сеющем страх среди врагов.

Если вы помните, непобедимый Гёроглыбек прожил много лет, но аллах ему не дал ребёнка. И тогда он привёл мальчика по имени Хасанхон из страны Ваянган, Авазбека – из края с названием Хунхор и вручил для воспитания одного из них Мискол-пэри, а второго – Пэри Ага-юнус.

Мальчишки выросли, джигитами стали, один из них – соколом, другой же – орлом с крыльями крепче стали. Много пережили они, били врагов, гасили вражеские огни. Хасанхон женился на красавице – царице Далли, которая родила ему сына Равшанбека. У Авазбека и Гулькиз родилась девочка Гульанар.

Ах, сколько раз таял снег и всходили цветы! Девчонка была шаловливой, а мальчик, читатель, как ты, и они выросли, и Хасанхон послал сватов к Авазбеку. Сам постаревший Гёроглыбек пошёл их роднить. Но Авазбек сказал, что сын его брата – не ровня его дочери, и тем крепко обидел старика. Тем временем Равшанбек влюбился в дочь Ширваншаха – Зульхумор и после долгих приключений женился на ней.

И опять шли месяцы и годы невзначай, люди жили, пили чай. И вот у Равшана и Зульхумор родился сын с кудрявыми волосами, с огромными глазами, лобастый, как орех, и белый, как снег; нарекли его Ошикболой. Ошикбола в три года прыгал через арык, в четыре – переписывал буквы из древних книг, в пять – читал их свободно, в шесть – скакал на коне принародно, в семь – кинжалом намазывал масло на лепёшку, в восемь – из лука разбивал монетку в крошку, в девять – глотал яйца сырые, в десять – сворачивал борцам их выи, в одиннадцать звал приглашённых друзей домой, в двенадцать – уходил на охоту в дальний простор степной.

И в тринадцать лет ему не надоела охота. Однажды он гнал оленя со своими друзьями из Чамбиля и вдруг в горах Бабатага наткнулся на здешних девушек. Влюбился он в их предводительницу – Ойтумар, дочь Байсунского бека, и вернулся несчастный к себе на родину. Там он поведал свою печаль деду своему Гёроглы. И тогда дед его снарядил сорок всадников, как сорок огней, посадил их на сорок коней, погрузил ещё подарки, к ним впридачу стариков в халатах ярких, и отправил их свататься в Байсун. Прошло совсем немного времени, как сваты вернулись ни с чем и рассказали о том, как войска Сепкильшаха ограбили байсунские кишлаки, забрали в плен парней и девушек и увезли сундуки. Услышал это Гёроглы, и кольнуло у него в сердце, услышал Ошикбола и, казалось, гнев его обсыпался перцем. Он попросил у деда коня Гирата, у отца взял меч из булата и вышел в путь, чтобы Сепкильшаху шею свернуть...

Выслушал Мешпалван слова Ошикболы не поведя бровью, а потом оглядел его с ног до головы и произнёс:

– Когда отец мой сватался к матери, дед ему сказал: «Ты ещё молод, поборешься – переломят хребет, если придёт вор или враг – охранишь ли жену да народ свой от бед? Набери-ка соку в кости, прибавь ещё немного в росте, научись ремеслу, покажись умом селу, а потом и приходи к нам хоть свататься, хоть в гости». Вот я и думаю, что сам ты как воробей, а кричишь «вора бей»?

– Мы из такого рода, – сказал гордо Ошикбола. – Отец мой, Равшанбек-батыр, отвоевал мою мать своей саблей в тринадцать лет.

Услышав это, Мешпалван глубоко вздохнул:

– А мой отец обзавёлся хозяйством в тридцать.

Итак, они, ругая безголовых, нахваливая, напротив, умных и добрых людей, разгорячась от гармсея¹ и всяких идей, шли между кустами саксаула густыми по бескрайней пустыне. С одной стороны их мучил зной, бережливость в потреблении пищи и воды – с другой, к тому же допекали их бессонница и усталость, и вот что на третий день с Мешпалваном случилось: рот его высох и горло пересохло, челюсть отвисла и речь заглохла.

Зато Ошикбола был бодр. И всё же назавтра под ухом у него появилась какая-то шишка, началась горячка, глаза налились кровью и тело обмякло от недуга.

– Кажется, растёт у меня зуб, – предположил он уныло. – Как я появлюсь с такой рожей перед Ойгумор?

Мешпалван махнул рукой и пропыхтел:

– Не расстраивайся, дружище. Есть простой выход. Дашь немного хлеба, подскажу, как быть.

*Странный этот Мешпалван,
Аппетитом – целый слон.
Хочешь что-нибудь спросить –
Надо дать и есть, и пить.
– Есть ли у пустыни глаз?
– Дай поест, отвечу враз.
– Почему не конь твой мул?
– Ты б воды мне протянул.
– А цветёт ли саксаул?
– Ты бы хлеба протянул.
Словом, на любой вопрос
Не ответ, а новый спрос.
Странный этот Мешпалван,
Аппетитом – целый слон.*

Ошикбола натянул узду Гирата и спешил. Через коня был переброшен двухсумчатый пёстрый хурджун, царевич достал из него четыре лепёшки, полмешка толчёных сухарей, десятка два яиц, изюму и кураги, и расстелил дастархан. Ещё не успели приземлиться песчинки, поднятые в воздух при расстилании дастархана, как Мешпалван уже сидел, поджав под себя ноги, готовый к трапезе. И, по мере того как Ошикбола складывал съестное, он, глотая слюну, приговаривал всякий раз: «Спасибо тебе, дружище. Да не будет тебе ни в чём недостатков!»

Наконец, настала пора угощений. Ошикбола поднёс было ко рту первый кусочек лепёшки, да вдруг заметил, что не достал из хурджуна соли. Принёс ее, глядь – дастархан вылизан до чиста. Не понял ничего и, растерявшись, спросил у Мешпалвана:

– Эй, а где же то, что было на дастархане?

– Что за чёрт, разве и ты голоден? – вытаращил глаза Мешпалван. – Так надо было раньше говорить. А что у тебя в руках?

– Соль.

– Ну-ка, дай сюда!

Мешпалван взял протянутую соль и забросил её в рот. Сглотнул и даже не поморщился.

После трапезы они пустились дальше в путь. Ошикбола мучился от пересохшего горла и шишки под ухом, а потому не мог даже проглотить слюну. Наконец он решил и попросил: «Ну, хоть теперь назови средство от зоба!»

– Сейчас скажу, – ответил Мешпалван. – Только дай сперва что-нибудь съедобное. Я совсем забыл о Чике и Пуке.

– О ком? – спросил Ошикбола, протягивая кусок кукурузной лепёшки.

¹ Гармсель – летний иссушающий ветер.

– О моих змеях, – воскликнул Мешпалван и, разделив кусок на три доли, забросил одну в левую пазуху, одну в правую, а одну стал жевать сам. Ты когда-нибудь играл в кости? Бро-сишь кость, если она ляжет на выигрышную сторону, то это Чика, а проигрышная – Пука.

Видели бы вы, как теперь Мешпалван смеялся над этим простаком – Ошикболой:

*Ну и франт, одетый в бархат,
Ты как тёмная хибарка.
Ты – узбек, а в эти игры
Не играл с костями, как негры!
Есть ещё игра в орех,
Поиграть в неё не грех.
Бьёшь его стальным ты шаром,
Попадёшь – ядро задаром!
Есть игра поинтересней:
Двигать камень в «классик» тесный.
Знаешь про «чилляк» и «чижик»?
Нет? Тогда, по мне, ты пыжик.
Глину лепят до пяти,
А качели – с десяти.
Только стал я стар, беда,
Мне годна лишь «чехарда».
Не серди меня заранее,
Знаешь, есть и «уходраание».
И не хуже козлодрания –
Вплоть до полного сгорания!
Но все игры ты сравни –
Нету лучше «западни».
А ещё и «прятки» есть,
А ещё – на ветки лезть.
Хочешь стать охотником –
Поборись охотненько.
Есть и в «ножички» игра.
Есть и пляски у костра.
Зохотят играть девицы,
Мы не станем им дивиться.
Поиграем в «ручечк»,
А потом попьём чаёк.
Развивают девам ум
Игры вроде «кума – кум».
А забава «сват и сваха» –
В «Тёмный тополь – белый тополь» –
Наиграешься до сопель,
А потом бежишь домой, –
Мать кричит: «Лицо умой»!
Столько игр, что нету сил,
Кто не знал их, тот не жил!*

Ошикбола слушал своего умелого друга рассеянно и, когда тот кончил перечисление своих забав, недовольно буркнул:

– Я спрашиваю, что за средство от зоба ты знаешь? Или не скажешь, пока не опустошишь весь мой хурджун?

– Да это никакой не зоб, – сказал наконец самое главное Мешпалван. – Это свинка. А лечение ее просто: берёшь две лепёшки или четыре яблока, или же шесть блинов, словом, что найдёшь, но обязательно чётное количество, и идёшь к женщине, рожавшей близнецов. Отдаёшь ей принесённое и рассказываешь о своём недуге. Говорят: поел – про совесть вспомнил. Женщина бросит все свои дела и голову твою положит на порог, а потом семь раз пнёт опухшее место босой ногой. Через неделю – свинки как не бывало!

Ошикбола молча стеганул коня. Мешпалван прищпорил вслед своего мула и стал мурлыкать свою любимую песню:

Я отведал яблоко зрелое.

Я отведал черешню спелую.

Я отведал ннжир пышнотельый

С оплеухой садовника старого...

Так они ехали долго и проехали длинный путь. И не то чтобы родительницу близнецов, в этой проклятой пустыне невозможно было встретить просто живую тварь. И, несмотря на это, через неделю шишка под ухом Ошикболы исчезла сама по себе.

* * *

Слава богу, но другой край пустыни не упирался, как предполагал Мешпалван, в край земли. Поначалу им стали встречаться на пути редкие аулы, а потом они вышли к широкой реке. Пошли по берегу и к вечеру набрали на город Мингпода – «тысяча стад». Гостили в аулах на пути, беседовали, чабаны им объяснили, что население Мингподы добровольно подчинилось Сепкильшаху и отдало на разграбление земли вниз по реке.

Долго они плутали по городу с узкими улицами, в которые едва бы поместился и плуг с парой волов, в городе, где на каждом углу висел паук, где стены осыпались, а скрипучие ворота просили смазки, долго искали они караван-сарай. Никто не спрашивал у них о житье-бытье. Каждый был занят собой, каждый жил заботами о своём желудке.

Чужой – понятно – чужак, но жители этого города были безразличны и к землякам. Встречаются знакомые и головой не поведут, как будто поверх головы их сидит авторитет, который может рассыпаться и упасть, вот и мигают легонько друг другу. Так появятся двое одновременно из ворот – один из них мигнёт глазом, а другой усом дёрнет. Потому, наверное, враг завоевал их без особых усилий, потому, наверное, и держал по сей день узду на их сердцах.

И только детишки с интересом разглядывали странно вооружённого воина, накрывшегося бычьей шкурой, и шли за ним по всем переулкам, куда б наш Мешпалван ни поворачивал.

Дороги были узки, а потому конь шёл впереди осла, и от пыли, поднятой его копытами, Мешпалвану, точно мулу, хотелось чихать и чихать.

«Тоже мне нашёлся Гират! – злился Мешпалван про себя. – Каждый сверчок знал бы свой шесток, вот и плелся бы твой хозяин сзади. Не подход бы!»

Всегда аристократы впереди.

А ты, как скот, за ними вслед иди.

Хотя пускай он был бы впереди.

Когда б не пыль, скрипящая в груди.

От этой пыли горла не продрать.

И от песку дороги не видать!

Узду мне не нащупать, не найти.

Вот и решай, как мула мне вести...

А спросишь – не ответит ни шиша.

Скорее конь его прибавит шаг...

*Как будто с мулом наперегонки.
На мула же не действуют пинки.*

*Ах, словом, плохо, если ты – второй.
Ты – пыль глотаешь, ну, а он – герой,
Не лучше ли, чем пыль его глотать,
В бою погибнуть или дуба дать?!*

В конце концов они дошли до пустыря между четырьмя улицами. Посреди – бассейн без воды. На берегу его под высохшим чинаром сидел нищий с усами, как плети тыквы-тыквищи, в халате рваном, как портянки дервиша, в шароварах, залатанных сотней заплат, в чарыке, из которого пальцы торчали в ряд, сидел и размышлял вслух:

– Эй, люди! Бросьте немного ума, взамен я дам вам свой язык.

Мешпалван ничего не понял и взглянул растерянно на Ошикбола,

– Эй, люди! Ладно, берите мой нос, но вручите мне лишние уши и глаза!

Два чужестранца спешили и приблизились к попрошайке, чтобы поздороваться с ним.

– Давайте покороче, – сказал нищий. – Вам нужны лёгкие? А что вы дадите взамен? Сердце?

Они смущённо молчали, не зная, что и сказать. Наконец Ошикбола начал, заикаясь:

– П-п-оч-чому вы говорите так, дедушка?

– Самое дорогое существо на свете – это человек, – вонзил палец в небо по-царски попрошайка. – Поскольку у него есть разум, есть рассудок. А ум и разум обогащаются ушами и глазами. Мы же живём носом, существуем посредством языка. Мы ищейки! Мы сплетники!

– Дай-ка бедному всё, что у вас есть, он от голода совсем сошёл с ума, – прошептал Мешпалван.

Казалось, и впрямь на этот раз нищий слушал их не ушами, а глазами.

– На свете есть три вида безумцев: правитель, насыщающий народ награбленным, сановник, согласный с таким царем, и народ, присоединившийся к этим двум безумцам.

Нищий произнёс эти слова и гордо отвернулся от них, уставившись в высокое небо с розовыми облаками. Ошикбола снял с коня хурджун, весь как есть, и принёс старику, но ни при этом, ни потом, когда два всадника медленно удалялись, нищий не произнёс ни слова благодарности. Он сидел, как истукан, обратив глаза к пламенным тучам...

Они закусали губы от удивления перед этим нищим, животные закусали удила, но пошли тише, и вот достигли начала новой улицы. Ошикбола хотел было спешиться, но Мешпалван вдруг угрожающе произнёс:

– Слушай, дружище. Честно говоря, ты хватаешь через край. Ты знаешь, кто я? Грозный Мешпалван! Меня все знают. А ты, гляжу, в городе скакал первым. И с нищим поздоровался раньше меня. Ты думаешь, это дело?

Так и заводился Мешпалван всё больше и больше.

*Что ты ходишь всюду первым?
Или счёл себя ты перлом?
Лучше б нос подтёр меж делом –
Ходишь – шмыгаешь и в зной.*

*Подостыл бы ты немного,
Шёл бы рядом по дороге,
Ведь сравнить со мной, – ей богу.
Только лоск в тебе иной.*

*А не будь твоих лепёшек,
Я б не шёл с тобою больше,*

*Как мне надоело, боже,
Всё твоё железо, ой!*

*Ты к тому же безбородый,
И притом мне, как уроду,
Мысль свою внушаешь, вроде
Я при ней ни в зуб ногой.*

*Сел, как гусь, в седло Гирата,
А пойдёшь пешком куда-то,
То споткнёшься о лопату,
Ведь влюбленный, что хмельной.*

*Ты мне скучен, ты мне скучен,
Щеголь ты, а я научен
Бить таких хлыстом колючим
По тому, что под спиной!*

Ошикболу хоть и разозлили эти слова, но он сдержался, отнеся их к простоте своего друга. Тем временем из переулка неожиданно появились мазанги¹. Их женщины смеялись – рот до ушей, а мужчины гнали ишаков взащей. Они гремели своими бубнами, и старуха плясала впереди, пока этот табор продумывал очередную выходку.

А старуха плясала и припевала:

*Выходите, снохи, свахи,
Дайте денег для девахи.
Вы невестку не сердите,
Жуйте жвачку, выходите!*

*Выходите вы, невестки,
Будем петь мы вместе песни,
Пусть изводятся свекрови,
Губы искусав до крови...*

Мешпалван встал на их дороге и спросил про караван-сарай. Тогда к нему подошла плясавшая старуха. Звеня своими кораллами, сверкая глазами-пиалами, она держала руку в боку, а каждое слово её было подобно плевку: «Есть один караван-сарай, но и он тесен, как куриный сарай, из десяти его жильцов – девять – воры, только один правый, да хворый, а уснёшь – по одну сторону кричит осёл, с другой стороны – ещё один пьяница-новосел, ты подозреваешь их во всём, а им всё это – совсем нипочём, отыщут – утащат последний целковый, а не отыщут – снимут с коня подкову. Лучше идём с нами, почувешь, какая свобода над полями, увидишь, какая прохлада над рекою, повалешься в траве после еды для покоя».

Задумались друзья на минуту и решили, что нет у них особых богатств, а потому пошли вслед за табором в поле.

Их шатры были на окраине города у реки. Сели все в кружок у костра. И всё выложили, что заработали днём.

Мешпалван обрадовался было бесплатному ужину и засучил уже рукава, но вдруг услышался конский топот. Не заметили они в сумерках всадников. Выскочил из-за бугра один из них, похожий на арбуз, установленный на лошади. И старуха, плясавшая до сих пор, воскликнула:

– Это – Акула-сборщик налогов. Едет собирать дань.

¹ Цыгане.

* * *

...Аи, игривые мои читатели, вы не знаете, что такое налоги?! Вот это да! Ваше счастье, что не знаете!

Нет ничего хуже на свете, чем платить дань подневольную. Вот к примеру, есть у вас земля, доставшаяся вам от вашего прапрадедушки. Скажем, пять десятин. Вы её поливаете в самый зной, пашете, как вол, и осенью, и весной, удобряете, задобряете, сами сеете и сами веете. К тому же чистите арыки, чтобы поливать посеы. Седьмым своим потом выращиваете хлеб. Потом косите, вяжете, носите, молотите, веете и готовитесь везти зерно в свои закрома, и при этом размышляете: «Ну, вот, собрал я зерна на десять мешков, повезу на мельницу и получу примерно столько-то муки, из них столько-то я отдам мельнику, столько-то оставлю в хозяйстве, чтобы печь зимой лепёшки, столько-то продам и употреблю на покупку того-то».

И вдруг вы начинаете путаться, поскольку забыли, что ведь надо оставить на семена под следующий урожай. И снова начинаете считать, и вдруг в это время подъезжают люди падишаха и говорят вам: «Ты выращивал зерно на землях, принадлежащих Сепкильшаху, так что гони его долю».

И вот та часть вашего урожая, которая отнимается для падишаха, и называется «налогом», или «данью», а те, кто рыскают, выискивая вас, – сборщики дани.

Если этот сборщик ещё сговорчивый, то заберёт лишь половину урожая, а нет – так семь или восемь мешков из десяти. Вы ему говорите: «А нельзя ли деньгами?» Он и от этого не откажется!

Теперь вы знаете, за чей счёт живут падишахи и их вельмо жи? Вот такие они, вместо того, чтобы лелеять тех, кто их кормит, они насильничают, грабят среди бела дня...

А этот сборщик дани – Акула был туп, как скот, зол, как чёрт. Если Сепкильшах назначал десять видов дани, этот прибавлял ещё три, если шах просил пять таньга с носа, то этот вышибал ещё три вместе с зубами.

Как всегда, он прискакал в Мингподу с двадцатью своими прихлебателями, прискакал и стал кого-то пугать, кого-то бить и грабить, как тать, словом, собрал свою дань – за землю, за воду, за лошадь и за подводу, за дрова и за дым, за ишака, что сдох молодым...

И, как будто не хватало этой дани, он придумал ещё дань за чалму и за штаны, причём собирал её со всей страны. И хоть резко сократилось в стране число носителей чалмы, но от штанов, увы, мало кто мог отказаться.

Вслед за Акулой из-за бугра вынырнули двое палачей и двадцать чернопапашечников, погонявших нагруженных верблюдов.

– Стой! Ни с места! – распорядился Акула, приближаясь к цыганам, и его приспешники тут же окружили их со всех сторон.

– Ах ты, миленький мой, – встала и обратилась к нему старуха-плясунья. – Мы ведь всего-навсего цыгане, с бубнами в руках, вечно остающиеся в дураках. Так что же ты хочешь от нас?

– Не болтай! – закричал Акула. – Плати подать за бубны.

Старуха засверкала глазами. «Семьдесят лет я скиталась, увидела семьдесят стран. Но впервые слышу, что надо платить дань и за бубны!» – воскликнула она и произнесла:

*Ты за поле взял налог,
За пустой бараний рог,
Даже за речной порог,
Только бубен мой не тронь!*

*Взял ты дынь за семена,
Взял за пыль, за стремена,*

*Взял за то, что есть весна,
Только бубен мой не тронь!*

*Взял за поеданье дань,
Взял за утопанье дань,
Взял за погребанье дань,
Только бубен мой не тронь!*

*Девки платят лань с красы,
А торговцы – за весы,
Старики же – за усы,
Только бубен мой не тронь!*

*Взял ты плату за дувал,
За чердак и за подвал,
За сквозняк, за вихрь, за вал,
Только бубен мой не тронь.*

*Мы платили за арык,
За болезнь ты брать привык,
За собачий лай и рык,
Только бубен мой не тронь.*

*Выдумал ты брать за снег,
За веселье и за смех,
За щетину и за мех,
Только бубен мой не тронь.*

*Научился брать за сны,
За обильный стол весны,
За высокий ствол сосны...
Плут, хоть бубен мой не тронь.*

И вдруг Акула завопил: «Что?! Кто плут? Я тебе покажу, кто я такой. Зачислю в козы и сниму с тебя три шкуры!» И так пригрозил:

*Ах, цыганская старуха,
Несъедобный хряц от уха,
Будет на тебя поруха,
Шкуру я с тебя спуцу.*

*Есть предел у падишаха,
Ты же, горсть дурного праха,
Ие испытываешь страха»
Шкуру я с тебя спуцу!*

*Если ты не знаешь меры,
Станешь остальным примером,
За твои слова, манеры
Шкуру я с тебя спуцу!*

*До сих пор ты все толстела,
Видно, наедала тело,
Но пора теперь приспела –
Шкуру я с тебя спущу!*

Акула сделал знак и пошевелил усами. Палачи соскочили с коней и, посвистывая в воздухе мечами, стали приближаться к старухе-плясунье. Но парни-цыгане мгновенно окружили старуху и, засучив рукава, сжали кулаки. Один из палачей схватил за волосы ближнего парня и резко отбросил его в сторону. Увидев такое, приспешники расхохотались.

Иногда отец говорил Мешпалвану: «Ты не бойся палача-людоеда, бойся друга-дурака. Потому что дурак – непостоянен, непостоянный человек – корыстен, корыстолюбивый – как правило, нечист на руку. Таких легко поймать на крючок. Враги твои готовят из таких скорпионов и заворачивают в твои портянки. А скорпион в портянке укусит неожиданно – это в сто раз страшнее простого палача!» Странно говорил отец! Интересно, а каков дурак с виду?

Мешпалван, смело выйдя вперёд, крикнул цыганам: «Стойте!» и, идя на палачей, прибавил: «Оставьте этих мне!» Один из палачей, паясничая, закричал: «Помоги-и-те!» и расхохотался. Второй поддержал его: «Караул, наткнулись мы на Алпамыша!»

– Приготовься, Чика, – прошептал Мешпалван, подтолкнув змею в правом боку. Змея поползла по рукаву и потёрлась головой о его кисть. – Ты и вправду, что ли, силен? – спросил Меш у первого из палачей. – Давай-ка сперва пожмём друг другу руки!

– Ах, так? – хихикнул палач. И, глядя на тучу в небе, беспечно протянул руку. – На, держись!

Наблюдавшие за этим розыгрышем приспешники Акулы хохотали от души.

Мешпалван решительно подошёл к палачу и сжал его огромную руку. И когда он, словно стараясь сильнее сжать, крикнул, змея высунула головку и ужалила незнакомую ей руку. Палач только раз ойкнул и упал замертво.

Мешпалван победно огляделся по сторонам. Акула стоял, ошалев, приспешники смотрели на Меша, как будто он лев, цыгане молчали, остолбенев. Один Ошикбола остался спокоен.

– Что ты сделал с моим лучшим помощником? – зашумел Акула. – Найдётся ли теперь такой зверюга?

Разъярился и второй палач, защёлкавший пальцами стальными, заскрежетав зубами перед остальными, и вдруг он набросился на Мешпалвана:

– Считаю, что дни твои сочтены, мальчишка. Оторву твою руку и брошу собакам на съедение. Ноги оторву, подарю кому-нибудь на день рождения. Выдерну твой пупок и отдам телёнку как жвачку, сделаю из ушей ветряную мельницу, а из носа – водокачку!

– Не хвастай попусту! – прервал его Мешпалван. – Щёлкну раз тебя по лбу, задрожешь!

– Это меня-то? – зарычал второй палач. – На, щёлкни, чтобы уйти с этой земли с удовлетворённой душой.

Он подставил свой лоб, скрежеща зубами. Мешпалван толкнул в левый бок: «Просыпайся скорее, Пука!» Почувяв, что Пука поползла по его рукаву и высунула головку, он воскликнул:

– Ладно, не стану из жалости бить тебя правой рукой, щёлкну левой!

Он сказал: «Ну!» и щёлкнул палача по лбу. Змея тут же воспользовалась случаем и впиалась ядовитым зубом в мясистый лоб. Палач упал, как пень с арбы, вверх ногами. И все разом воскликнули: «Вах!»

После этого Мешпалван оглядел приспешников Акулы, как мелкую сошку, и завёл такую речь:

– Эй, вы, шмакодявки! Вы, кажется, не узнаете меня? Я Мешпалван, слава о котором идёт по всему свету – на все сто сторон. Жалко, нет у меня времени цацкаться с такими, как вы, птички-синички. Но если хотите испытать себя, вон мой ученик – Ошикбола, правнук Гёроглы, попробуйте потягаться с ним.

Ошикбола почувствовал, что яд у змей кончился, а потому и обессилел теперь сам Мешпалван, вот и вскочил он на Гирата и, обнажив меч, бросился на воинов Акулы...

*Если смел, то щит меняй,
А пробью, то не пеняй.
Гёроглы – мой прадед, знай.
Дрался так своим мечом.*

*Вас немного проучу,
Вам папахи покручу.
Сам Аваз – мой дядя, чу,
Дрался так своим мечом.*

*Дед мой, сам Хасан-палван
Был в бою свирепым львом.
Ваша кровь – мой меч коль он
Дрался так своим мечом.*

*Мой отец – Равшан-батыр
Бил врагов, как щиплют кур.
Вряд ли даже Бахрам-гур
Дрался так своим мечом.*

*Вот и я вас, как овец.
Перережу наконец.
Скажет сын: «И мой отец
Дрался так своим мечом!»*

Ошикбола, как и всякий узбек, вспомнил всю родословную из века в век и почувствовал себя ещё сильнее, меч ему вдруг показался длиннее, и он стал разделяться со всеми чернопапашечниками. Но и те были из отборных, отступить перед каким-то молочнососом им было стыдно, и они стали драться не на жизнь, а на смерть, и, несмотря на огромные потери, оттеснили Ошикболу к реке, где был обрывистый берег. Теперь-то, считая, что он попался к ним в руки, они стали гикать и наседать.

И когда Ошикбола отвлёкся на нападающих справа, один слева прицелился из лука ему в спину. Мешпалван хотел крикнуть: «Оглянись!», но вдруг рядом с ним раздался свистящий звук, и он увидел, что враг, который метил в Ошикболу, схватился за глаз и свалился с лошади... Оглянулся Мешпалван и увидел, что цыганёнок, которого давеча отшвырнул один из сарбозов, держит в руках трубку и выдувает из неё горошины. «Туф» – и падает один из сарбозов, держась за глаз. «Туф!» – другой.

– Горох замешан на перце, дружище, – признался цыганёнок. – Вот и щиплет глаза!

Таким манером он моментально уложил пять или шесть врагов. К тому времени и Ошикбола выбрался из окружения и стал добивать остальных чернопапашечников.

Видит Акула – дела плохи. Дёрнул уздечку своего длинно-гривого и был таков. А за ним ещё трое оставшихся в живых воинов, не глядя ни на награбленные богатства, ни на своих раненых приятелей, припустились следом.

Табор с шумом окружил теперь Мешпалвана и стал нахваливать его, дескать, никогда мы не видели такого богатыря. И хоть гордыня Меша выросла почти до небес, но и он захотел показаться скромным.

– Хватит, дорогие цыгане, прекратите льстить,– сказал он, возвышаясь, как вежа или дорожный указатель.– Разве это враги? Если говорить правду, то я побеждал ведь и красного дэва из сказки. Не люблю хвастать, вот и не рассказывал до сих пор никому. Ну хватит, хватит, не смущайте меня. Я ведь потому и не рассказывал никому, как разделался и с сорокаголовым драконом, что знал: люди вот так же станут падать мне в ноги. Хватит, мне совсем уже не по себе. А то придётся рассказывать вам и о бабе-яге, сожравшей всю Фергану и Бадахшан, и о рыжем колдуне, заколдовавшем Бухару и Хорезм, ведь и их прикончил я. Но хватит, довольно, перестаньте целовать мне полы халата, как знамя. Не стыдите меня. Чем попусту льстить, лучше давайте поговорим о чём-нибудь съестном...

Услышал это акскал табора и, воскликнув: «Кто умер от гостеприимства?», стал угощать Мешпалвана, блюдо за блюдом. А Мешпалван не заставлял себя упрашивать, уплетал одно за другим. Лишились цыгане своих двухнедельных запасов и после того, как попросили прощения у гостя; дескать, чем богаты, тем и были рады, Мешпалван нехотя – да и что поделаешь, вытер рот и руки. Заморил он червячка, прилёг на травку и обратился к Ошикболе:

– Вот это молено назвать человеческим отношением. Молодцы, цыгане! Давай и мы обрадуем их: отдадим весь караван награбленного Акулой им, а?

– Вернём всё хозяевам, – возразил Ошикбола. – Ведь грабили бедных.

Мешпалван вдруг рассердился:

– Жители Мингподы сами запродались Сепкильшаху! Уши им от мёртвого осла!

Вот что он подумал бы, если заговорил стихами:

*Не смотри, богат ли, беден,
Может, добр, а может, вреден.
Тот, кто предал край намедни, –
Не жалея предателя.*

*Он и поля не стыдился,
Он и голым не стыдился.
Он без воли не стыдился,–
Не жалея предателя.*

*Он без боя сдался в плен.
Драться за свободу – лень,
Пусть его накажет тлен,
Не жалея предателя.*

*Раз врагу не выдрал клок,
Раз и скалкой не дал в лоб,
Раз он рядом с нами – клоп, –
Не жалея предателя!*

– Не надо кипятиться, – посоветовала старуха-цыганка Мешпалвану. – Правду твой друг сказал: простые люди не виноваты, предают страну чиновники. Верни богатства каравана беднякам. А богатство цыган – оно в дороге, подари нам коней да верблюдов...

Посоветовались они сообща и решили послать по всем махаллям по два человека, чтобы раздать награбленное приспешниками Акулы до завтра.

– Пусть мой внучек Чумаковой идёт с тобой, богатырь, – попросила старушка и указала на того самого, с «плевательной» трубкой. – Пусть учится у тебя уму-разуму.

Мешпалван вместе с этим мальчишкой и впрямь решили мудро: ходили вею ночь по крышам отведённой им махалли и забрасывали через дымоходы монеты в бедняцкие дома. Вот и стали кончатся деньги, а вместе с ними и махалля; кое-где заголосили первые петухи. Друзья уже сидели на плоской глиняной крыше последнего дома, когда вдруг услышали из дымохода чей-то раздражённый голос:

– Сказано «уйдём», значит, уйдём! Плевал я на страну с таким хозяином!

Затем раздался дрожащий голос старой женщины:

– Кому ты нужен, если оставишь отцовский край?

– Какой он мне отцовский? Это владение Сепкильшаха. Что хочет, то и делает!

– Потерпи, сынок. Есть бог и на этих пришлых!

– Не морочьте мне голову! – рассердился сын. – Бога нет, есть Сепкильшах.

– Не кощунствуй, прикуси свой язык!

– Если бы существовал ваш милосердный бог, то он не позволил бы одним заковывать в цепи других. И не молитесь ему... если даже хоть раз он сварит вам плов бесплатно...

Мешпалван опрокинул остатки из денежного мешка в дымоход. Пустой казан на очаге вдруг зазвенел «золотым дождём».

– О боже! – воскликнула старуха. – Скорее кайся, окаянный. Вон, ты попросил плову, а бог тут же дал на него деньгами. Разве хватит у него времени чистить морковку да перебирать рис?!

– Не нужно! – ещё больше разозлился парень. – Отдал страну на растерзание своему дружочку, а теперь даёт мне взятку.

«Да, правду говорил Ошикбола, – подумал Мешпалван, – не все из Мингподы предатели».

После этого случая со сборщиками налогов, когда они были наказаны, а награбленное ими роздано беднякам, Мешпалван и Ошикбола отдали верблюдов с конями цыганам, а сами, наполнив хурджуны съестным, собрались в путь. Ошикбола предложил Мешпалвану: «Возьми одного из добытых коней», но Мешпалван ответил ему: «Сосед проклянёт меня, если я не верну ему мула», и не согласился.

Старушка-плясунья опять подвела своего внука к «учителю всех богатырей», но на этот раз посадила его на верблюда, доставшегося ей, и попросила:

– Сделай, богатырь Меш, из моего внука настоящего «лайзона» – Баньку-Встаньку. А погибнет, так закопай его у дороги и повесь над его могилой его оружие – трубку. Как знать, может статься, что и навещу её...

Мешпалван и не заметил, как похвастал опять:

– Не беспокойтесь, тетушка-цыганка. Походит под моим началом с годик, и я научу его догонять рыбу в воде. Вон, разве плохо внуку Гёроглы оттого, что ходит при мне?

Попрощались они с табором и вышли втроём в путь. Шли они по степи, что была вся в рытвинах и ухабах, с травами, растущими по краям оврагов, с ветрами, закручивающими песочные шали на «каменных бабах». Смотрел при этом Мешпалван на Чумаквою, качающегося меж горбов верблюда, и радостно думал: «Слава богу, есть ведь человек, который находится повыше, чем этот высокомерный Ошикбола!»

– Почему ты нагружил верблюда двумя хурджунами? – спросил он однажды у Чумаквою. – Неужели всё это – пища?

– Нет, братец, в один мешок я набил толчёного перцу. Какой дурак пойдёт в бой с трубкой без боеприпасов, – объяснил он и стал расписывать достоинства своего оружия:

*Нашёл бы пьяница камыш,
И вышла бы свирель, глядишь,
Но хуже, чем я сам – малыш –
Моя свирепая пицаль.*

*Она как будто карандаш,
Но видит перец – входит в раж,*

*Нигде не купишь, не продашь
Мою бесценную пицаль.*

*И бродит вместе по стране,
И чует то что мнится мне,
Она со мной сгорит в огне,
Моя подруженька – пицаль.*

*Она разборчива весьма,
Вот глаз, а вот она сама,
А вот горох – взамен письма
Шлёт обожаемым пицаль.*

*И если выбит вражий глаз,
Не льстите мне прошу я вас,
Я дую, и за разом раз
Находит глаз моя пицаль.*

Ошикбола с улыбкой спросил:

– А можешь попасть в глаз комару?

– Совсем не сложно, – нисколько не смутился Чумаквой. – Ты только покажи, где его глаз.

Тем временем затянул свою любимую песню и Мешпалван, накрывшийся бычьей шкурой и в такт стучащий скалкой по крышке котла:

*Я отведал яблоко зрелое,
Я отведал черешню спелую,
Я отведал инжир пышнотельый
С оплеухой садовника старого...*

Десять дней слушали бедные уши Ошикболы и Чумаквой эту песню, пока их конь и верблюд шагали, задыхаясь, по степи. И даже запасы, сберегаемые от аппетита Меша, стали кончаться, а потому всё чаще и чаще раздавалась эта скорбная песнь-воспоминание.

На одиннадцатый день колючки, репей да полынь, одевавшие степь, стали редеть, то там, то здесь попадались заросли тростника и осоки. А когда по сторонам дороги стал появляться тамариск, выдающий близость влаги, друзья и вовсе обрадовались. Ведь это означает, что скоро пойдут луга и поля, а там, где пастбища и посевы, там и люди.

Мешпалван, уже выбившийся из сил от голода и мечтавший о манты с тыквой, самсе с зеленью, плове с курдючным жиром – да хоть о постном луковом супе! – свесив голову на вкусно пахнущую крышку казана, вдруг увидел посреди дороги цветастую штучку наподобие карандаша и насторожился. Пригляделся, тотчас признал: это была карамелька – леденец, которая продается по праздникам, обернутая в бумажку с бахромой. Лежала эта конфета как бы упрекая: неужто не нужна я никому, неужто не найдётся храбрец, который меня подберёт и лизнёт?

Наверняка её обронил какой-нибудь рассеянный торговец, подумал Меш не без удовольствия и, видя, как одновременно с ним осадил коня и верблюда Ошикбола и Чумаквой, немедленно ринулся к конфете – благо он был ближе всех к земле... Заметив, как спешили и его друзья, Мешпалван решил их отвлечь – и начал оглядываться по сторонам.

– Ты чего остановился? – спросил его Ошикбола.

– Что-нибудь случилось? – пробормотал Чумаквой.

– Всё в порядке, – сказал Мешпалван. – Хочу подтянуть сбрую мула, а то седло всё съезжает..

Он нагнулся, залез под мула и принялся что-то подтягивать. Сколько ни копошился, друзья ждали терпеливо.

– Что вы стали как вкопанные? – рассердился Мешпалван. – Что вы берёте пример с мула. Давайте, двигайте!

– Это нехорошо – бросать друга в беде, – сказал Ошикбола.

И Чумаков подтвердил:

– Говорят, и беду, и радость дороги надо делить поровну. Эта мысль о «дележе поровну» перепугала Мешпалвана.

«На что намекает этот цыганёнок?!» – подумал он раздражённо.

Меш снова попытался отвлечь своих назойливых друзей. Тем более, что до конфеты было рукой подать, и на это хватило бы полмгновения. А потому он уставился в небо и спросил: «Сокол это или коршун?» Да только напрасно. Ни Ошикбола, ни Чумаков на небо не посмотрели, и даже напротив, зыркнули двумя парами глаз на конфету.

Мешпалван не знал, что делать, и опять принялся за подтяжку, но в это время Ошикбола подошёл, мурлыча песенку, к конфете и стал около неё, загородив её хромовым сапогом. Он наклонился было, чтобы отряхнуть пыльные полы халата, но наблюдавший за всем происходящим между ног мула Мешпалван не вытерпел и бросился на добычу. И вдруг прямо из-под носа её увёл налетевший бог весть откуда Чумаков. Ошикбола навалился на Чумака, Мешпалван – на Ошикболу, получилась «куча мала» из подушек, и вдруг конфета отлетела из-под них на целых четыре шага в сторону.

Все трое опешили и поразевали рты, казалось, кто-то посторонний выхватил конфетку и отшвырнул её подальше.

Мешпалван, лежавший на самом верху, снова бросился вперёд всех. Поймал? Но конфета метнулась ещё раз, словно дразня и дурача Меша.

То же самое вышло и из прыжков Ошикболы и Чумаков, каверзная добыча, обманув всех, словно посмеивалась в сторонке!

Никто из них не раздумывал, поскольку был до смерти голоден. Каждый из них уже полз, не тратя времени на разгибание, но и конфета не ленилась – прыгала, прыгала и вдруг, словно змея исчезла в траве на обочине.

И в это время из-за кустов раздался хохот. Смеялся старик-карлик, с виду настоящий гриб-подберёзовик, в одежде, ставшей из белой – розовой, с щеками, как два блина, в войлочной шапке, что была длинна, при бороде до колен, с рогаткой, подвешенной на шею, как будто он взят ею в плен, стоял, стоял и вдруг стал кататься по траве от хохота.

Первым вскочил с земли Ошикбола. Вслед за ним Чумаков и последним – самый тяжёлый – Мешпалван. Они хмуро посмотрели на хохочущего старика и стали старательно отряхиваться от пыли.

Старик внезапно прекратил смеяться, посмотрел из-под косматых бровей на всех, затем стряхнул слёзы с ресниц и обратился к ним, только что падавшим ниц: «Ие, как это так? Неужели не станете меня бить?» и следом съехидничал:

*Эй, вы, везучие, не торопитесь,
Хоть каждый из вас богатырь или витязь,
Вы, как грачи, наутёк не стремитесь –
Но почему вы не бьёте меня?*

*Никто не погиб из несъевших конфету,
В сундук не положишь бесплатную эту,
Никто не смеялся над вами, как некто,
Но почему вы не бьёте меня?*

*Зная о том, что голодный – ужасен,
В бумагу я глину набил и раскрасил,*

*И вас подурочить сам чёрт угораздил,
Но почему вы не бьёте меня?*

И тогда Мешпалван разозлился и сказал: «Я знаменитый Мешпалван, слава о ком идёт по семи частям света, а эти двое – ученики столь великого человека, так неужели мы опустимся до того, чтобы лупить вас?» Сказал – и добавил:

*Встречу дувал – разрушал я дувал,
Встречу оковы – оковы срывал,
Встречу я волка – его разрывал,
Встретится озеро – переплывал,
Горы в пути я преодолевал,
В пустыне, как чайник, я пар выдувал,
В степи себе жизнь, словно тень, продлевал,
Лисицей я мех на себя надевал,
Я в иглы шагов нить следов продевал,
Я зайцев в степи на бегу раздевал,
Я уши косичками им завивал,
Я сто кишлаков по пути прозевал,
Хоть запахом плова кишлак зазывал...*

– Ну, ладно, братцы, раз не хотите бить, так и не надо, – сказал старик. – Но всё равно странно вы поступаете. Ведь вот уже сорок лет я дразню прохожих, и все лупят меня. Можете убедиться по этим шрамам на лице, а ведь во сто крат больше шрамов на теле. Из десяти пальцев вывернуто восемь, из тридцати двух зубов мне вышибли тридцать, нет ни одной косточки в теле, чтобы она не была покалечена. Губы искусаны, челюсть гуляет, нос кривой, перепонка в правом ухе порвана. Нелегко дразнить всякую бестолочь.

После этого старик-карлик с удовольствием стал перечислять, кого он дразнил на этой дороге. Среди них были бакалейщики и лабазники, палачи и проказники, миршабы и казии, просто люди праздные, словом, все, от служителей во дворцах до тех, кто часовыми стоит на торцах. Итак...

*На свете множество хапуг,
Ещё побольше – тех, кто скуп,
Кто шёл пешком, кто мылил круп,
Но всех заставил ползать я.*

*Прошли здесь взяточник и вор,
Тот, кто у брата что-то спёр,
Прошёл тут, словом, всякий сор,
И всех заставил ползать я.*

*Рабовладельца и слугу,
И богача я гнул в дугу,
Да так, что оба ни гу-гу,
Кого заставил ползать я.*

*Тех, кто готов продать страну,
Лишь покажи ему казну,
Готов продать сестру, жену, –
Таких заставил ползать я.*

*Тех, кто не стоит ни гроша,
В ком должность есть, а не душа,
И тех, кто визирь, и кто шах,
Всех-всех заставил ползать я.*

*Всех, кто бесплатно жрать привык,
Кто ценит в жизни только шик,
Всех глупых – высунув язык,
В грязи заставил ползать я.*

– Благодарите бога, что до сих пор вы не висите на виселице у Сепкильшаха, – воскликнул Мешпалван, вооружаясь опять своей скалкой и крышкой от казана. – Теперь можете не бояться, мы очень скоро расправимся с ним.

Карлик уразумел их намерения и тут же пожаловался: «Приспешники Сепкильшаха отняли у меня клочок моей земли, оттого я и скитаюсь. Пойду-ка и я с вами, отомщу ему!» Чумаковой засомневался: «А что вы можете сделать?», но старик показал на рогатку, висевшую у него на шее. «Воробью в нос попаду», – похвалился он.

– Да, славные у нас собираются войска, – усмехнулся Ошикбола. – Один метится в глаз, другому подавай нос.

Мешпалван и здесь решил, что последнее слово должно остаться за ним, а потому съехидничал:

– Откуда, отец мой, у воробья нос? У него клюв!

– Это мы так думаем, – сморщил лоб старик. – Воробьи же считают, что у нас клювы, а у них – носы.

Они поспорили еще некоторое время, но наконец старик убедил ребят и проблеял в сторону зарослей: «Бе-е-е, бе-е-е!» Вдруг оттуда выбежал круторогий баран и остановился у ног хозяина. Старик обратился к нему, дескать, поехали, и забрался к нему на спину, держась руками за рога и пришпоривая.

«Слала богу, нашёлся и такой, кто едет пониже меня», – обрадовался Мешпалван.

Они проехали некоторое расстояние, и старик обратился к ним: «Давайте познакомимся поближе. Меня зовут Райхон-кызык, то есть Базилик-смехач».

Ребята представились ему. Он дотошно расспрашивал их и вдруг обрадовался:

– Так ты из Алтыарыка? – переспросил он Мешпалвана. – Говорят, там живут большие мастера и умельцы. Я вот с детства помню такую присказку:

*– Алтыарык – прекрасный арык.
– А что есть в этом арыке?
– Есть парусники вдалеке.
– А что на парусниках вдалеке?
– Джура и Джума, и у них в руке –
У одного – горсть муки,
У другого – шерсти клоки.
– Куда едет Джуравой?
– Вот Станбула он достигнет –
Обменяет горсть муки
На овечьей шерсти клочки.
– Куда едет Джумавой?
– Вот достигнет он Стамбула,
Обменяет шерсть – клочки
Там на пригоршню муки.*

Мешпалван хмуро уставился на Райхон-кызыка:

– Как бы то ни было, мы у вас в краю гости. И чем читать нам допотопные стихи, лучше бы предложили хоть какое-то угощение.

– Я и сам гость в своей стране, – ответил старик. Затем всё же отвязал один из поясов-платков из-под расстёгнутого камзола. – Вот в пояс у меня завязано пять сухарей, их и прикончим!

И стал он делить эти пять сухарей.

– Дайте мне два, отец мой, – сказал Мешпалван. – У меня за пазухой двойняшки-змеи. Не накормим их – они нас съедят.

– Ах, вон оно в чём дело, – скривил губы Чумаков. – А я, дурак, решил, что палач и впрямь погиб от твоего щелчка.

Мешпалван вдруг рассердился и закричал:

– Заткнись, цыган! Какое надо иметь сердце, чтобы носить за пазухой змей!

– Ну, не знаю, у кого какое сердце...

– А что вообще умеют цыгане, кроме как воровать лошадей?

Но гнев Мешпалвана никак не сказался на его аппетите, и накрошил полсухаря Чике и Пуке и полтора – съел сам.

* * *

Так они скакали на своих животных, прищпоривая их, ночами отдыхали, спали на травах густых, видели во снах плов, а утром седлали этих четырёх голов и продолжали свой путь.

В один прекрасный день они увидели вдали усадьбу: Мешпалвану показалось она яичницей, Ошикболе – сметаной. Чумакову – сливочным маслом, но старик Райхон разочаровал их:

– Чего это вы слюнки глотаете? Не мечтайте попусту! Знаете ли вы, что дозьяина этой усадьбы зовут Мутал-майнавоз – Мутал-дразнильщик. Золота у него – тысяча кувшинов в полный рост, но дома у него – ежедневный пост, за всю жизнь он навряд ли дал курице четыре зёрнышка, а собаке – воробьиное перышко. Воскреси его мать и скажи: «я голодна», он станет кормить её обедками.

По словам старика Райхона, этот богач, живший на границе Мингподы и Кахратонии, первым продался Сепкильшаху. Поначалу он обманывал жителей округи, дескать, будем сами себе хозяевами, станем платить меньше налогов, и подчинил мирно народ Сепкилю. Затем стал называть своих сограждан: одного – бунтарём, другого – мятежником, отнял их земли, самих сделал рабами и даже своих родственников не пожалел. Теперь никто не мог без его разрешения сдвинуть даже камешек с места на место.

– Сейчас мы торопимся, поэтому с твоим Муталом-майнавозом рассчитаемся позднее, – сказал Ошикбола. – Но пусть только попробует подерзить нам!

Они достигли усадьбы и стали стучаться в ворота. Когда всадники шумели на привратников, выбежал сам Мутал-майнавоз, улыбаясь, дескать: «Добро пожаловать! А вот и я сам!» Он внимательно осмотрел четверых всадников на четырёх разных животных и с разным оружием, заглядывая каждому в глаза.

– Прошу вас, прошу сюда, – склонился он чуть ли не до земли.

Путники вошли во двор и, привязав животных, услышали, как хозяин угодливо спросил: «Так, чем могу быть полезен?»

Одна сторона двора была сплошь из строений, другая – вся в плодовых деревьях, гнувшихся под тяжестью плодов. Гости поглядели тоскливо на сад и, глотая слюну, стали поочередно излагать.

Мешпалван:

*– Быстрее рвите виноград,
Он мучит, распяляет взгляд.*

Ошикбола:

*– Себя рвачом не назову,
Но ей-же-ей, сорву айву!*

Чумаковой:

*– И я грущу, и я в прорехах,
Ей-ей, мне хочется орехов.*

Райхон-кызык:

*– Мне и вовсе не до жиру,
Мне бы чуточку инжиру.*

Мешпалван:

*– Мне бы пять мешков алчи,
Слив – ведро, ну хоть кричи!*

Ошикбола:

*– Пятьдесят бы эдак груш,
Да и вымытых к тому ж.*

Чумаковой:

*– Хоть я ростом маловат,
Но хочу большой гранат.*

Райхон-кызык:

*– Яблоко упало бы,
Да мне в рот попало бы...*

– Вай, бедненькие братцы, вы, видать, не на шутку проголодались? – покачал головой Мутал-майнавоз. – Ну-ка, ну-ка, прошу вас в гостиную, уж лучше угоститься тем, что на дастархане. – Тогда, как говорится, брага – вам, а благо – нам.

«И такого человека хулят», – подумал про себя Мешпалван и исподлобья глянул на старика Райхона. Он расцвёл от вежливости и гостеприимства хозяина и обратился к нему с таким словом:

*Если б вас мы не нашли,
То погибли б, например.
Дай нам хлеба, мы б могли
Помолиться, например.*

*Если я латшу съедал,
Мне покойный дед давал
Семечек, чтоб я клевал
Между делом, например.*

*Вы б нарезали казы¹,
А ещё бы арбузы, –
Тьфу, арбузы, – мы разы –
Кались, к слову, например.*

*Переварится шавля,
Там, глядишь, – горошек для
Настроения, «ля-ля» –
Распоёмся, например.*

*Там, глядишь, поспеет плов,
Хрусть – огурчик – нету слов,*

¹ Казы – колбаса из конины.

*Станем сыты, как улов
Красной рыбы, например.*

Они вчетвером вошли в гостиную, сели по-турецки или по-узбекски на цветастые курпачи. Мутал-майнавоз приткнулся у самого порога и поднял руки для молитвы, затем сложил их на пузе и произнёс: «Ещё раз добро пожаловать!» Затем он выглянул в открытую дверь и приказал:

– Ну-ка, подайте гостям водичку для мытья рук!

Тут же явились двое слуг. И хоть в их руках не было ничего, они ступали осторожно, будто несли нечто ценное.

Первый из слуг приблизился к Мешпалвану и сделал вид, что в правой его руке находится сосуд с водой, а в левой – тазик. «Прошу вас ополоснуть руки», – предложил он, поклонившись.

Мешпалван поначалу рассердился и, приглядываясь к слуге, решал: шутит он или насмеяется, но его серьёзный и покорный вид совсем сбил Меша с толку. А после того как Мутал-майнавоз прикрикнул на слугу: «Держи тазик пониже, скотина!», Мешпалван протянул руки для мытья. Слуга трижды якобы полил стружкой воды на руки Меша. Второй слуга будто бы протянул ему полотенце: «Возьмите, пожалуйста!» Точно так же «вымыли руки» и остальные, красные от неловкости.

Затем первый слуга сделал вид, будто бы расстилает дастархан, вошли друг за другом служанки, будто бы неся подносы. Мутал-майнавоз понукал их: «Изюм сюда. А соленые косточки поставь вон туда!» Он даже отругал одну из служанок: «Ты почему так плохо помыла виноград?!» и выпроводил её вместе с её несуществующим подносом. Сам он как бы разломал лепёшки. Затем якобы протянул гостям пиалы с чаем.

Старик Райхон, всю жизнь терпевший лишь унижения, здесь оказался на высоте: он стал будто бы макать куски лепёшки во что-то сладкое и с причмокиванием запивать это чаем.

– А вот это варенье из тутовника? – обратился он к Муталу.

– Точно, дорогой гость, точно, – кланялся Мутал-майнавоз. – Попробовали бы ещё вот этого холвайтара¹.

После этого и остальные вслед за Райхоном-кызыком стали наворачивать несуществующие яства. И чем больше жевал Мешпалван «всухую», тем больше урчало у него в кишках, а горло забивала слюна.

Мутал-майнавоз, притулившись у самого порога, непрерывно угощал их то лагманом, то вслед за ним урамой, затем димлямой, печёнкой, шашлыком, и служанки мельтешили с пустыми руками. Наконец, как венец всему «застолью», был доставлен прозрачный плов, и после него униженные до предела гости попросили хозяина благословить их в путь. Наспех попрощавшись с ним, они поспешили продолжить путь.

Лишь только они вышли за ворота, как Мешпалван стал ругать этого Мутал-майнавоза на чём свет стоит.

– Не будь я сейчас настроен на другую битву, я бы искромсал этого негодяя. Он растоптал мой авторитет!

– И оплеуху не залепишь. То смеётся, то лебезит, – добавил Чумаквой.

– Я ведь говорил вам, каков этот пройдоха, – усмехнулся Райхон-кызык. – Ваше чревоугодие опозорило вконец и меня, братишки!

Ошикбола попытался их успокоить:

– Ладно, будет вам, не надо сейчас отвлекаться на таких. Перед нами грозный враг.

* * *

На следующий день они пересекли границу страны Кахратонии. Шли они вперёд по песку, в котором вязли копыта животных, слушали завывание ветра в солончаках безводных, глядели сквозь пыльные ресницы, перелистывали дней страницы...

¹ Блюда узбекской кухни.

Стих ветер, стало легче дышать, но и тут подстерегала очередная неприятность: с каждым днём всё больше попадалось надоедливо звенящих комаров, и вот комары окружили их облаком и набросились на них. Они были поменьше своих, домашних, но отчаянней: ей богу, они не боялись смерти! Самое неприятное, что при вдохе штук шесть их залетало в рот или нос, и оттого Ошикбола и Чумаков то и дело отплёвывались, а Райхон-кызык вместе с плевками выпаливал и отборные ругательства.

И только Мешпалван не знал горя. Он раскрывал рот шире обычного и глубоко дышал, пытаясь проглотить возможно больше этой живности. Но хоть и было их несмешное количество, их крошечный рост и вес не перегружали желудок Меша. «Ну, создал бы Творец крылатыми хотя бы червей», – думал он с сожалением, продолжая глотать эту мелкую тварь.

Издали вдруг послышался хриплый рык, и они устремились на звуки. Когда вышли на небольшую пустошь, то увидели, как два огромных кабана дерутся не на жизнь, а на смерть. Поглядев некоторое время на бой из-за камышей, Мешпалван воскликнул: «Давайте-ка, чем попусту глазеть, начнём готовить шампур!»

Старик Райхон удивлённо пожал плечами:

– Зачем нам шампур? Ведь это не свадьба нашей тётушки!

– Как зачем? Поедим шашлыку из кабанов, – ответил Меш.

Ошикбола при этом недовольно сморщил нос:

– Надо ещё поглядеть, погибнет ли хоть один из них.

– Верно, – подтвердил Чумаков. Мешпалван упрямо настаивал:

– Сказано, и всё! Не видите, что это две кабанихи? А наш сосед, знаток перепелиных боев, говорил: «Если подерутся две самки, то не разойдутся, пока одна не погибнет».

Райхон-кызык начал было: «Вот что плохо – после битвы так и не узнаешь, был ли убитый прав». Мешпалван отозвался: «Я не судья! Но побеждённого съем!»

Они следили за ходом боя и готовились пировать. Каждый наготовил по охапке шампуров, чтобы жарить шашлык, а кабанихи всё ещё дрались... Уж очень затянулся этот бой! Хорошо ещё, что они не приглашали гостей заранее, а то бы сконфузились.

Животные бились до полудня. Обессилели, стали шататься. Заметив это, Мешпалван радостно подмигнул своим друзьям и даже показал, как он будет облизывать шампур после сочного шашлыка.

И вдруг, совсем неожиданно, заблеял баран Райхона. Кабаны, со шкур которых поднималась испарина, вдруг замерли, прислушались и, со страху почуввав силу в ногах, дали дёру в разные стороны...

Мешпалван чуть не заплакал с досады. Он схватил было свою скалку, чтобы разделаться с этим идиотским бараном, но Райхон-кызык опередил его – он легонько ткнул свое животное в бок и пригрозил ему:

– Ах, бестолочь! Чего ты переживаешь за всякую тварь? Помогай – не помогай, всё равно кабан тебе не станет другом!

– Так его! – поддакивал Мешпалван. – Влепите и по этой щеке!

– Ах, голова твоя садовая! – не унимался Райхон-кызык. – Сколько раз я говорил тебе: по одежке протягивай ножки, а ты как оглох! Стыдно перед таким человеком, как Мешпалван! Когда ты наконец поумнеешь? Влеплю сейчас вот этой рогаткой по морде, будешь знать!

– Не надо бить рогаткой, – воскликнул Мешпалван. – так уж и быть, прощаю я это животное!

Он лишь раза два покосился на барана и тут же, вскарабкавшись на своего хромоногую мула, повёл своих друзей в дальнейший путь.

Чумаков сердито проворчал со своего верблюда:

– Так тебе и надо, грязная свинья! Ещё капризничаешь когда тебя хотят съесть такие богатыри!

– Они ещё пожалеют, вернувшись к себе в норы, – улыбнулся Ошикбола.

Голод, оказывается, портит настроение. Они ехали гуськом, молча и хмуро, и даже Мешпалван не пел своей извечной песни о садовнике... Казалось, они решили теперь поиграть в «молчанку».

На закате завиднелось огромное озеро. Приблизились и видят: развёрнут дастархан, а на нём множество всяких блюд. А рядом лежит груды роскошной одежда, кучами – сабли и кинжалы, а с десятков джигитов купается в озере. Их кони бродят разнузданные, пощипывают травку.

И в то же самое время с другой стороны внезапно показалась толпа всадников. Это приближались чернопапашечники Сепкильшаха, песнями прославляя своего царя. Наши четверо тут же спрятались за деревья, глотая вместо шербета с дастархана свои слюни.

Видит Мешпалван: те, кто в озере, плывут тихо-тихо в сторону берега. «Э-э, не на того напали, кто уйдёт отсюда не солоно хлебавши!» – подумал он и тут же, несмотря на предостережения своих друзей, ринулся к дастархану, чтобы наворачивать всё, что попадётся под руку, не спрашивая названия...

Чернопапашечники удивлённо посмотрели на Мешпалвана, запросто уплетающего изысканные блюда, но песни своей не прервали:

*Ах, есть бородка у царя,
Она – как вешняя заря.
Да здоровствует наш царь-отец!
Да здоровствует над ним венец!*

*Есть много золота в казне,
Что поступило к нам извне.
Да здоровствует наш царь-отец!
Да здоровствует над ним венец!*

*В медвежьей шкуре он пригож,
Но спустит шкуру и с вельмож!
Да здоровствует наш царь-отец!
Да здоровствует над ним венец!*

Те же, кто выплыл на берег, стояли и смотрели остолбенело: как будто бы стадо прошло по дастархану и всё поело. А сидит у дастархана незнакомый оборванец, напьяливший на голову глиняный горшок, и сверкает глазами. Подумать, что он всё слопал – так в одного мальчишку вряд ли столько пищи поместится? В конце концов к нему подошёл самый рослый из парней и спросил:

– Какая курица это сделала?

– Дадите немного мяса, скажу, – ответил, ничуть не смущаясь, Мешпалван.

Тогда вперёд вышел один из джигитов, похожий на шавку, и залепетал:

– Вай, смотри, как бы мы из тебя самого не сделали отбивную!

Он замахнулся было кулаком, но Мешпалван вдруг запел:

*Ты не по делу не шуми,
Я вовсе не терплю шумы.
Скажи спасибо, что крикливых
Я не луплю, пока не ел.*

*Когда бы, скажем, был я сыт,
Ты б мог о помощи просить,
Но только о своём желудке
Забочусь я. пока не ел.*

*Лишь только горло промочу,
Я ложь от правды отличу,
Но испокон веков я правду
Не прокричу, пока не ел.*

*Чего ты выпучил глаза?
Ей богу, я не «против» – «за».
Но я на «вы» не называю
Даже поччу¹, пока не ел.*

*Ограбив нас, ушли войска,
От голода в душе тоска,
Но мстить грабителям за зло я
Не полечу, пока не ел!*

Тому верзиле стало уже невтерпёж, и он воскликнул: «Эх, по мне, хоть вместе с дастарханом съешь, но только ответь, кто всё это слопал?!»

Мешпалван кивнул в сторону всадников, удалявшихся с песней.

– Вон, на сытый желудок и поют!

– По коням! – завопил верзила. – Надо проучить этих зарвавшихся приспешников царя. Выпустим им сытые кишки! Поехали!

Они наспех оделись, вооружились и, вскочив на коней, пустились в погоню за всадниками Сепкиля.

– Всё, что осталось – в хурджуны! – скомандовал в свою очередь Мешпалван. – Кто не смотается отсюда вовремя – растяпа!

На протяжении нескольких дней они бережно относились к хурджунам с пищей, но ели уже как цари, а не нищие, животы их были туги, как барабаны; сами они – довольны, как сытые бараны, пока однажды не заметили, что три последних лепёшки пропали в животе у Мешпалвана, как звук в гармошке...

* * *

Цель у этих четверых была одна, но дорога к ней была ещё длинна.

Человек, живущий с рождения на одном месте, считает эту местность самым красивым, самым лучшим, самым, быть может, даже большим куском земли. Ведь в представлении чабанов, живущих на сожженных солнцем предгорьях, нет ничего прекрасней на свете, чем их земля, и им кажется, что даже Сахара – всего лишь часть этой округи, а Элладу они мнят ярдркой, с которой можно привезти вещи детишкам.

И только путешествуя, человек познаёт всю смехотворность своих прежних представлений и понимает, что его округа – всего лишь островок в бескрайнем море всей земли.

Они прошли множество кишлаков и аулов, повстречали на пути не меньшее число крепостей и караулов, виделись со многими людьми разных вер и привычек, но нигде не было таких, кто без нужды решил бы жить в чужих краях, быть там похороненным. Каждый, оказывается, считает свой островок самым важным на свете. Но, может быть, оттого и живо единое море?

По мере того как они двигались всё дальше и дальше, Мешпалван благодарил бога за одно: хорошо, что у мула нет мозгов, иначе запросил бы он плату за свой труд, и пришлось бы тогда вкалывать лет пять-шесть, чтобы с ним расплатиться! Ведь в кишлаке принято так: если ты относишь мешок с поля кому-нибудь домой, то хозяин отсыпает тебе хотя бы четыре горсти зерна за работу. А сам Мешпалван весит не меньше, чем четыре мешка! Вот и считай!

¹ Почча – шурин.

А ещё дорога! Посчитайте сами, сколько бы он задолжал! Нет, хорошо, что мул не соображал.

Так они шли, не зная отдыха, пока не встретила им в пути старуха, закутанная в чёрный креп, с носом, огромным, наподобие двух реп, с лицом, кривым, как старая калоша, с зубами, как будто их ей одолжила лошадь, с грустью в стеклянных глазах, с клюкою и палкою в двух руках. Они поздоровались с нею хором, но старуха вдруг заворчала: «Пропади пропадом ваше «здравствуйте!» Уж лучше бы, чем так без дела бродить, пошли бы Сепкильшаха бить!»

– Он и мне не нравится, тётушка, – буркнул Мешпалван. – Вот иду со своими войсками на него.

После этих слов старуха расцвела. Теперь она принялась прославлять это войско:

– Ой, мои прекрасные! Вай, мои милые! Если удастся вам взять в плен Сепкильшаха, то отомстите ему и за моих повешенных сыновей. Иначе я не перестану проклинать и его, и вас!

– Хорошо, так и поступим, – пообещал неожиданно для себя Чумаков. – Только скажите, ведёт ли эта дорога прямо ко дворцу Сепкиля?

– Можно пойти и по этой дороге, – ответила старуха. – Но она длинновата. Если же вы пересечёте Иблисджар – Чёртово Ущелье напрямик, то достигнете цели на неделю раньше.

Мешпалван, умирающий от голода, так обрадовался возможности сократить дорогу, что тут нее спросил у старухи:

– А вы сами не покажете нам эту дорогу, тётушка? Нам надо поскорее достигнуть его крепости, а там мы разберёмся с местью как надо!

– Вай, мои миленькие! Вай, мои родименькие! – обрадовалась старуха. – Да что там показывать дорогу, я сама пройду с вами до самой крепости Сепкиля. Не хочу умереть, не услышав его воплей!

Старуха вскарабкалась на верблюда и повела спутников по дороге. К закату они достигли Чёртова Ущелья.

Обрыв этот был глубиной в четыре тополя, поставленных друг на друга, и стены обрыва ниспадали, как обрубленные мечом. Глянешь вниз, и голова закружится!

Прошли они по-над обрывом и наткнулись на деревянный мостик. Здесь со дна ущелья вздымалась скала и вершина её соединялась мостиком в 15 шагов со стеной обрыва. Другая же сторона скалы была пологой, как будто бы нарочно приспособленной для спуска в ущелье.

Они прошли по мостику и стали спускаться по тропе, кружившей по пологой стороне скалы, но в это время стало смеркаться. На дне ущелья они утолили свою жажду ключевой водой и пошли вниз по течению речки, берущей начало от родника. И только когда стало совсем темно, они на ощупь выбрали травянистую полянку, где и остановились на привал.

Просыпаются утром и видят, что старухи нет. Стали кричать – не докричатся, стали искать – не находят, тогда удивлённо воззрились друг на друга.

Мешпалвану показалось, что его в чём-то подозревают, и он тут же принялся оправдываться, дескать, не ел я этой старухи:

*Я от голода глину ел,
Я болотную тину ел,
Я с галоши резину ел,
Но увольте, я не людоед!*

*Иногда я щетину жевал,
Мыло ел и водой запивал,
Ел я мел, грыз порою дувал,
Но увольте, я не людоед!*

*Ел я вату, жевал семена,
Я кормился во все времена*

*Хлопком, хлопком с утра до темна,
Но увольте, я не людоед!*

*Правда то, что я сов пожирал,
Что жуков до усов пожирал,
Тварь полей и лесов пожирал,
Но увольте, я не людоед!*

*Я облизывал мясо в крови,
И котлы, как душой ни криви,
Я облизывал брызги с травы,
Но увольте, я не людоед!*

*Я отведал на вкус амулет,
Шкурку лука, все виды котлет,
Словом, всё, чем прославился свит,
Но увольте, я не людоед!*

*Ел я змей ядовитых и пчёл,
Ел я всё, что Создатель учёл,
Я еду бы всему предпочёл,
Но увольте, я не людоед!*

– Не бойся, мы не пеняем на тебя, – успокоил его Ошикбола. – Если бы ты съел старушку, то, по крайней мере, от неё осталась бы резиновая калоша!

– По-моему, так, – предположил Чумаков. – Старушка с утра решила совершить омовение, отошла в сторону, где её и загрызли волки.

Мешпалван посмотрел на него и скривил лицо:

– Ну, вот и проявился в тебе цыганёнок. Ты уже начал гадать.

Райхон-кызык принюхался к воздуху и спросил: «Вы не чувствуете запаха дыма?»

– Короче говоря, мне кажется, что мы попали в руки к старухе-обманщице, – сказал он. – Давайте-ка вернёмся назад, если мост ещё на месте, то мы спасены. Но если моста уже нет, то плохи наши дела.

С гулко стучащими сердцами они повернули назад. Смотрят – доски моста, разбитые в щепки, рассыпаны по дну ущелья.

– Ну, вот и попали в капкан, – сказал Райхон и опустился на колени у родника. – Теперь осталось смотреть в небо и ждать дождя из пельменей!

И вдруг откуда-то раздался страшный хохот. Они, вздрогнув, посмотрели вверх, откуда раздавался смех. На краю обрыва стояли в ряд чернопапашечные войска Сепкиля и, сверкая своими кривыми зубами, хохотала вместе с Акулой вчерашняя старуха.

– Ну, как вы там, разбойники? – крикнул Акула-налогосборщик. – Вот теперь самый сильный из вас пусть ест самого слабого. Вах-вах-вах, вах-хахаха!

Райхон-кызык схватил свою рогатку и запустил камнем в Акулу. Смех вдруг прервался. И Акула, схватившись за нос, присел. Далее снизу было видно, как между его пальцев заструилась кровь. Меткость незнакомого стрелка взбесила чернопапашечников, которые стали насыпать град стрел на головы Мешпалвана и его друзей. Но те, в ущелье, поспешили спрятаться среди скал.

* * *

Через некоторое время свист стрел утих, и спустя мгновение исчезли сами чернопапашечники. Наверняка они решили, что не стоит дожидаться смерти тех, кто внизу.

Четыре мстителя, попавшие в ловушку, еле-еле вытерпели два дня. На третий день Мешпалван предложил: «Начнём-ка жить по-человечески – съедим верблюда!» Он объяснил свою мысль:

*Неподатлив наш баран,
Конь лягнёт, оставит ирам,
Ну, а мул – и вовсе срам,
Может быть, верблюда съест?*

*Чтобы впредь не голодать,
Чтобы силу мышцам дать,
Да не сдохнет благодать –
Может быть, верблюда съест?*

*Чтоб самим не помереть,
Чтоб не сомневаться впредь
В том, что мы мертвы на треть,
Может быть, верблюда съест?*

*Четверым баран – не корм,
Из хрящей – Ошика конь,
Мул – костей и шкуры ком,
Может быть, верблюда съест?*

– Отчего сразу верблюда? – удивился Чумаквой. – К чему жилистая верблюжатица, когда есть баранина?

– Ну я-то не против, – залепетал Райхон-кызык, – только если мы съедим этого овна, то нас проклянут все чабаны мира. Ведь он самый породистый из всех овнов света.

Ошикбола и вовсе не стал спорить:

– Кто станет упоминать Гирата – вырву тому язык!

– Делайте тогда что хотите, – обиделся Мешпалван. – Если хотите, можете съесть моего мула!

Но голод уже пробрал и Чику с Пукой, они выбрались из-за пазухи Мешпалвана и поползли в заросли.

– Куда путь держите, господи змеи? – крикнул им вслед Мешпалван. – Разве проведать родственников?

Но змеи молча исчезли...

В эту ночь Мешпалвану приснились его родители. Будто бы они вместе с другими рабами под палящим солнцем рыхлят землю кетменями. Видит Мешпалван, как мать его, изнемогая, падает... Надсмотрщик подходит к ней и пинает в бок: «Вставай». Мать пытается встать и, пошатнувшись, снова падает. Взмах плети... Подбегает отец и принимает дары на себя. А тот хлещет и хлещет...

– Не бей! Не бей отца! Отец! Мама!

Мешпалван проснулся весь в поту. Огляделся и увидел, что уже рассвело. А в глазах его слёзы. И друзья чивлённо смотрят на него.

– Видел во сне, как они били отца и мать, – объяснил он. – Наверняка и впрямь их унижают не на шутку. А я, вместо того чтобы их спасти, лежу и жду, когда умру от голода...

При этом он взглянул хмуро на Чумаквою, тот склонил голову и прошептал: «Ну ладно, ешь моего верблюда...»

– А как же, почему бы и нет? – вдруг воодушевился Мешпалван. – А ты разве не хочешь?

– Нет, не смогу, – признался Чумаквой.

– Тогда ешь чёрта! Не станешь ты – мы съедим. Правда, друзья?

– Я не буду есть, – произнёс Ошибкобола.

– И я не хочу, – ответил Райхон.

Внезапно и пыл Мешпалвана угас, он отбросил в сторону молоток, который вытащил из поясного платка, посмотрел со злостью на друзей и стал ходить кругами.

– Ну что ж, ешьте тогда меня, – съязвил он наконец. – Правая рука – Чумаковую, левая – правнуку Гёроглы. – Затем он уставился на старика Райхона. – А вам мой мягкий бочок!

Райхон взглянул на Меша, затем молча встал с места, подобрал брошенный молоток и приблизился к пасущемуся барану. Схватил его за рога, и овен, обычно бодавшийся и не дававшийся в руки, на этот раз покорно пошёл вслед за хозяином. И даже когда старик уложил его головой в ямку на землю, он не дёргался.

Райхон погладил крутой лоб своего любимца и поглядел ему в глаза. Мешпалвану показалось, что и баран прослезился, ему стало не по себе. И в то время, когда старик перестал гладить барана и замахнулся молотком над его головой, вдруг Мешпалван закричал: «Стойте!»

Старик, хоть и слышал этот крик, но, не обращая на него внимания, закрыл глаза и, воскликнув: «Эх!», ударил. Но молоток стукнулся о что-то твёрдое и вылетел из его рук.

Когда старик открыл глаза, он увидел, что Мешпалван дует на свой расцарапанный локоть, а на земле валяется расщепленный его знаменитый щит из крышки казана.

Райхон-кызык спешно приблизился и припал губами к кровоточащему локтю Мешпалвана. Затем он воскликнул: «Мешпалван! Ты все же хороший человек! Ты настоящий парень, Мешпалван!» и вдруг стал беспрестанно целовать его.

В это время Мешпалван почувствовал, как кто-то щекочет ему икру. Он удивлённо обернулся и увидел, что это баран, дрожащий до сих пор, трётся об его ногу. Это его тронуло ещё больше, чем благодарность старика Райхона.

Теперь Мешпалван сиял, как медный таз, и даже забыл, что он голоден. Теперь можно было даже говорить с друзьями...

Когда опускался на горы вечер, вернулись Чика и Пука. Вернулись не одни: они волокли за хвост жирную крысу.

Скоро крыса была разделана, и Чумаковой на костре, зажжённом при помощи кремня, изготовил из неё шашлык. Хотя были все голодны, но, когда пища была выставлена посередине, никто почему-то не решился протянуть руку первым.

– Ну-ка, начните, старина, – обратился с почтением к Райхону Ошибкобола.

– Ничего, я согласен. Пусть начинают младшие, но более смелые, – отнекивался Райхон.

Чумаковой почтительно скрестил руки на груди:

– Давайте всё же по возрасту!

– Сколько церемоний? Всего-то грязная крыса!

Мешпалван произнёс эти слова и, взяв кусок крысятины побольше, положил его спокойно в рот и, дважды жеванув, единожды проглотил. И ещё, ещё...

После того как качнулся его кадык, остальным осталось лишь проглотить безнадежно слюну, отчего Мешпалван почувствовал неловкость.

– Ничего, не расстраивайтесь, – обратился он к друзьям. – Завтра pošлю господ змей ещё раз на охоту. Они принесут ещё более жирных крыс. Вот увидите! Тогда-то и наедемся вдоволь, так?

Заморив червячка, Мешпалван уснул в этот день раньше других, и храп его заполнил все щели Чёртова Ущелья.

В полночь он почувствовал, как кто-то его пощипывает. Открыл глаза и подпрыгнул. Над ним словно реял в тумане мальчишка, его волосы, ещё более длинные, чем у Чумаковой, развевались как бахрама...

– Кто ты такой? – спросил, преодолевая дрожь, Мешпалван. – Откуда ты?

– Йе, чего ты так боишься?

– Не приближайся ко мне! Я превратил в фарш сорокаголового дракона. И тебе будет худо!

– Я правнук правителя Чёртова Ущелья. Так что можешь не задаваться!

Услышав это, Мешпалван побледнел как полотно.

– Вай! Так ты сам дьявол?

– Нет, я джинн-нечистая сила. Зовут меня Джинн-Ходжихон.

– Очень рад познакомиться. Ну, а теперь можешь идти! Ходжихон рассердился на эти слова:

– Ты почему гонишь меня?

– Я не гоню. Просто вижу, что ты хороший парнишка. Ходжихон-джинн тотчас заулыбался:

– А не хочешь ли дружить со мной?

– Да ну, брось! – перепугался Мешпалван. – Разве нет у меня других друзей? Стоит тебя обидеть, так ты и заколдуешь. А там, глядишь, и скривится моя рожа или окосею.

И вслед за этим он принялся излагать свои сомнения так:

*Я ущелий не боюсь,
Я и пчёлам не сдаюсь.
Но когда увижу джинна,
То я лучше затаюсь.*

*Не пугаюсь я и змей,
Скорпионов среди камней.
Только джинн и скорпиона,
И змеи, видать, страшней.*

*Вижу жаб и не дрожу,
Смело я на щук гляжу.
Если ж речь зайдёт о джинне,
Я ни слова не скажу.*

*Не страшусь я и волков,
И кусачих пауков.
Только джиннов я пугаюсь,
Что поделать: я таков.*

*Я от гроз не содрогнусь,
Перед дураком не гнусь.
А о джинне говорили:
«Он не друг тебе, а гнусь!»*

Ходжихон немного обиделся, но всё же сказал: «Смотри, а то подумай. Я ведь могу тебя вывести из этого ущелья!

– Только меня? – вырвалось у Меша. – А вот этих? – Он указал на друзей.

– Так всё дело в этом. Выбирай: или я, или они.

– Э-э, нет...

– Не спеши. Подумай хорошенько. Если выберешь меня, то вместе пойдём драться с Сепкильшахом...

– А откуда ты знаешь, куда мы идём?

– Я знаю всё... Словом, если ты присоединишься ко мне, то не пожалеешь, я многое могу. А если же останешься на стороне вот этих, то и здесь останешься навсегда. Больше того, я вас сам и съем.

Мешпалван оказался в затруднительном положении.

«Как бы то ни было, я должен спасти своих родителей и всех сородичей, уведённых в рабство, – думал он. – А раз так, то какая польза оттого, что я предпочту дружбу и останусь

здесь? Кто они мне в конце концов? Если по справедливости, им же будет лучше. Останусь жив после битвы с Сепкилем – возвращаясь, закопаю кости всех троих, поставлю приличное надгробье. Разве плохо?»

Но вдруг он сам воспротивился собственным мыслям:

«Господи, да что я говорю! А если они останутся живы? Как я посмотрю им в глаза? Да если даже и умрут, если выплывет правда, как мне ходить с гордо поднятой головой среди народа? И в таком-то состоянии духа я иду освобождать людей? Если узнает об этом мать, назовёт меня предателем. Отец, как собаку, отлупит. Скажет: «Уж лучше б ты умер!» Проклянёт...»

В их махалле был некогда мальчик-бахши. И до того как войска Сепкильшаха увели и его, Мешпалван слышал от него такую песню:

*Можно оправдать и лень,
Можно оправдать и плен,
Но измен не оправдать.*

*Можно оправдать хапуг,
Можно оправдать испуг,
Но измен не оправдать.*

*Гордость можно оправдать,
Сгорбись? – Можно оправдать,
Но не оправдать измен.*

*Можно лживых оправдать,
Можно вишивых оправдать,
Но не оправдать измен.*

*Можно оправдать скупцов,
Можно оправдать льстецов,
Но измен не оправдать.*

*Может быть оправдан плач,
И оправдан был палач,
Но измен не оправдать...*

– Нет, это не по нам, – пробурчал Мешпалван в сторону Ходжихона-джинна. – Если я слушаю тебя, то опозорюсь. Но прямо тебе скажу, плохо, что ты решил нас съесть. Откажись от своего чревоугодия!

Надо признаться, что последние слова Мешпалван заучил от своей матери, которая очень часто поучала своего сына.

Ходжихон-джинн ужасно заскрежетал зубами, повращал глазами и спросил:

- И это всё, что ты хотел сказать?
- Да, всё! – решительно сказал Мешпалван.
- А ты потом не пожалеешь?
- Нет.
- Тебя можно есть сразу?
- Сам знаешь.

Ходжихон вдруг стал раздуваться, как пузырь. И вот уже с тополь стал его рост, клык во рту – как соединяющий губы мост, глаза – как колеса от арбы, а голос – как гроза или крики гурьбы, и он закружился над Мешпалваном, как дракон! Наконец, с криком «Сожру!», он

стал снижаться. Мешпалван зажмурил глаза и стал ждать своего конца. И даже когда над головой его что-то просвистело, он не шелохнулся.

И вдруг всё затихло.

«Наверняка я уже у него в желудке, – подумал облегчённо Мешпалван, – хорошо, что не стал хоть жевать».

И вдруг под его ухом раздалось хихиканье. Он осторожно приоткрыл глаза и увидел всё того же патлатого мальчишку, который, как и прежде, мило улыбался.

– Я давно наблюдал за тобой, – сказал он Мешпалвану. – Несмотря на своё обжорство, ты не пожалел ничего для нищих Мингподы. Видел я, что ты к тому же и жалостливый, добрый. Как ни измывался над тобой Мутал-Майнавоз, как ни унижал тебя, ты не стал отвлекаться, а продолжил свой путь к цели. Ты терпеливый парнишка. И вот сегодня ты не предал своих друзей, не променял дружбу на что-то иное. Ты совестливый человек. Я очень тобой доволен, Мешпалван. Как говорил мой дед, земля создана для милосердных, терпеливых, справедливых. И если таких станет мало, то весь этот мир, все его твари и чудеса сторят и станут пеплом.

– А что бы ты делал, если бы я сказал «да»? – спросил Мешпалван. – Понимают ли джинны шутки?

– Всему есть место и время. Когда приходится выбирать между чем-то и чем-то, тогда не до шуток. Если бы ты отказался от своих друзей, я всю ночь стал бы мучить тебя. И остался бы ты на всю жизнь в этом ущелье. Самое страшное – ты был бы опозорен перед своим народом на всю жизнь.

И тогда Мешпалван вдруг вспомнил сказку, которую рассказывала его бабушка...

Жил некогда Рыжий колдун. Он околдовал Бухару и Хорезм, худо стало людям этих краёв. Все их богатства шли/ разве что на то, чтоб колдун промочил горло...

Жил в этих краях и некий старик, и было у него трою сыновей. Когда они выросли и окрепли, отец сказал им: теперь идите мстить Рыжему колдуну. И, пока не уничтожит врага, не возвращайтесь!» Прочёл он им благословляющую молитву, и отправились сыновья в путь.

Шли они долго и наконец дошли до удивительного замка. У ворот этого замка их встретили три пэри, несравненные по красоте. Никогда братья не видели столь красивых девушек: старший из братьев упал без чувств, второй онемел, третий стоял, хлопая глазами...

Когда очнулся старший, они вошли внутрь и пуще удивились. А внутри? Четыре стороны замка – как четыре стороны света. С одной – прыгали белки, бродили олени, шествовали павлины, с другой – был разбит цветник, над которым заливались все певчие птицы света, с третьей – были террасы, украшенные всеми мыслимыми орнаментами и узорами.

Но девушки повели братьев в четвёртую сторону, символизировавшую водный мир. Они перешли через мостик, низ которого омывали волны: среди них плавали золотые рыбки. Они прошли под навес и сели на ковры и курпачи. Вмиг явился дастархан, полный яствами. Девушки стали угощать братьев ароматным чаем и шербетом.

И в это время с запада донёсся голос Рыжего колдуна:

– Нет на этом свете ни другой утехи, ни другой опоры, кроме моих дочерей. Я разделил все свои богатства на три равных части им в приданое. Станьте моими зятьями, парни-богатыри. Вы десять раз обойдёте весь свет, но не найдёте ни такого счастья, ни таких богатств.

– Да, я нашёл своё счастье! – воскликнул старший, очарованно глядя на одну из сестёр.

Теперь с востока раздался голос отца братьев:

– Раскройте свои глаза, мои дети! Рыжий колдун хочет купить вас ценой своих дочерей. Не забывайте, что за этой ценой слёзы и несчастье тысяч и тысяч рабынь.

И всё равно старший сын не смог отказаться от прекрасной пэри. Колдун в тот же день устроил грандиозную свадьбу, и женил его на своей старшей дочери.

Двое других братьев двинулись дальше в путь. Шли они несколько недель, пока не дошли до двух волшебных городов. Эти города возвышались на берегу двух озёр, и их мраморные стены уходили в синее небо.

Всё было в этих городах: красивые здания, богатые жители, молившиеся за здоровье Рыжего колдуна, даровавшего им столь сытую и благополучную жизнь.

И опять Рыжий колдун воскликнул со стороны заката:

– Эй, юноши-богатые! Вот, смотрите на нашу благонамеренность. Разве есть на свете более счастливые, более роскошные места? Вас ждут в этих городах счастье и покой. Живите в них, правьте ими! Отдаю вам эти два рая! Что вам ещё нужно?

– И впрямь, – согласился средний брат. – Что нам ещё нужно? Всё здесь есть. Если убьём Рыжего колдуна, все нас проклянут!

Но в это время раздался голос отца со стороны восхода солнца:

– Не обманывайтесь, дети мои! Не стремитесь к власти! Это происки Рыжего колдуна. Разве же трудно ему привести в порядок два города? Но помните, что благополучие этих городов зиждется на крови и поту многих тысяч кишлаков и аулов.

И всё-таки средний сын не рискнул упустить этот случай и остался править одним из городов. А младший пошёл дальше исполнять волю отца. По-всякому пытался сбить его с праведного пути Рыжий колдун, но не удалось ему совратить юношу ни подкупом, ни лестью, ни клеветой, ни взяткой, ни запугиванием. Всё бесполезно.

Тогда решил он натравить на юношу его же народ. Чего только ни натерпелся младший сын старика: и измывательство, и очернительство, и зависть соплеменников, кто-то украл у него лошадь, дескать, она лучше, чем моя, кто-то оскорбил его, мол, ты не так поздоровался со мной, кто-то насмеялся над его выговором, кто-то хлестанул его плетью, дескать, слишком задаёшься. А чиновники, те и вовсе гнали его отовсюду.

В такие минуты горькие сомнения разъедали душу Младшего, и он хватался за свой кинжал, а Рыжий колдун злорадствовал: «Вот они, твои соплеменники, а ты ещё борешься за них! Хочешь, я поставлю тебя над ними, и ты отомстишь всем им враз и каждому в отдельности?» – доносился голос с запада.

Но в то же время раздавался голос его отца со стороны восхода солнца:

– Умерь свой гнев, сынок! Лишь только ты – моя надежда! Если ошибёшься и ты, всему конец! Это проделки Рыжего колдуна, а не твоих соплеменников!

И всякий раз Младший прислушивался к советам отца и, набираясь терпения, шёл и шёл дальше.

Наконец он достиг пристанища Рыжего колдуна и в жестокой битве победил его. Рыжий колдун был захвачен им в плен, и юноша стал легендарным героем, из уст в уста летела слава о нём. А братья его, запродавшие свои души, были перед народом опозорены...

Ах, мои юные читатели! Ах, скворушки! Ваши разговоры прерывают мой сказ, как бы я не сбился, а? Ведь потом мне несдобровать от ваших дяденок-критиков.

Да, так о чём вы спрашивали? Жалел ли старик тех двоих, которые опозорились перед всем светом? И разве не мог он приехать к любому из сыновей во время их правления и жить припеваючи? Почему он так настаивал на походе своего младшего? Ведь тот мог погибнуть? Вы удивляетесь этому?

Ошибаетесь. Вы ведь знаете, как любят вас ваши родители души в вас не чают. Точно так же любил своих детей и старик. Но потому, что он был мудр, больше всего на свете он любил свой край и ставил превыше всего волю и благополучие своего народа, понимая, что никогда не будет счастлив он сб своими детьми среди несчастного народа. А потому терпел разлуку со своими сыновьями и одиночество. Честно говоря, более всех терпел этот старик.

В те времена в этой униженной стране было очень мало столь мудрых стариков.

Ну что ж, продолжу теперь свой сказ, а вы сидите тихо-тихо...

Видит Ходжихон-джинн, что задумался Мешпалван, и спрашивает: «Чего ты затих?»

Но Мешпалван, уже убедившись в незлобности правителя Чёртова Ущелья, собрался с мыслями и, задрвав нос, сказал:

– Ты, видимо, считаешь меня трусом? Я молчу, а ты позволяешь себе всякие разговорчики. Поработай-ка головой, разве бы пошёл я драться с Рыжим колдуном, если бы боялся всякой мелочи, вроде тебя?

Ходжихон-джинн усмехнулся и обнял Меша:

– Ты меня не дурачь. Рыжего колдуна убил не ты, а сказочный Младший Брат!

Мешпалван не растерялся и тут же переспросил:

– А какого из Рыжих колдунов ты имеешь в виду? Ведь они были братья-близнецы!

Ходжихон-джинн расхохотался:

– Смешной ты парень. Я тебя немедленно освобожу!

И вдруг он превратился в смерч и, подняв Мешпалвана в воздух легко, как солому, покрутил над ущельем и осторожно посадил на самый край обрыва. «А другие?» – спросил тут же Мешпалван.

– Потерпи немного, – сказал Ходжихон-джинн. – По моей просьбе мой дед околдовал их. Я их вынесу сюда, пока они спят. Вот утром обрадуются!

– А мул, мой мул?

– Не беспокойся. Наше основное отличие от людей – в том, что мы делаем всё до конца.

После исполнения обещанного джинн похлопал Мешпалвана по плечу и сказал:

– А теперь прощаемся на время. Скоро настанет утро. А днём я превращаюсь в смерч и не показываюсь людям.

* * *

Проснувшись от утренней прохлады, Чумаквой услышал какой-то шум у изголовья и лениво повернулся. Он увидел; идут трое, держась за полы друг друга. Первый из них постукивал палочкой, прощупывая путь.

– Йе, как вы оказались здесь, братья? – спросил сонным голосом Чумаквой.

– Мы идём на базар, – ответил поводырь слепых. Чумаквой рассмеялся:

– Тогда считайте, что вы базара достигли. Пройдёте ещё десять шагов и наткнётесь на лавку, где продают леденцовых петушков. Купите их и станете сосать!

– Чего ты болтаешь?!

– Хочу сказать, что до Судного дня можно жить, питаясь и крысами. Мы зрячие, и все равно не сумели выбраться из этого ущелья. Куда уж вам?

Слепые, что шли сзади, стали ворчать: «О каком ущелье ты болтаешь? Кто ты такой?»

Чумаквой ответил им: «Это место называется Чёртовым ущельем. А вы попали сюда, как черепахи на дно колодца». И тогда слепые набросились на своего поводыря:

– Куда ты нас завёл, балбес?

– Ведь говорил я вчера: «Поменьше пей!» У, проклятый!

Так они ругались и наседали на своего собрата:

– *Мало того, что я слеп,
Что горек насыщенный мой хлеб,
Худо, когда ведёт всех калек
Сам поводырь – слепой.*

– *Держишь его за подол,
Вот тебе высь, вот – дол,
Но лупишь его, коль он балабол –
Сам поводырь слепой.*

– *Прыгает, бьёт себя в грудь,
Зовёт-заливается в путь,*

*А там же он может тебя и надуть,
Сам поводырь слепой.*

*– Попросишь его на базар,
А он приведёт на мазар¹,
Заявит: ты сам мне сказал:
Твой поводырь слепой.*

*– Напьётся допьяна он,
А скажет: я трезв и смышлён,
Затем приведёт на склон
Сам поводырь слепой.*

*– Полезней глухой в пути,
Полезней немой в пути,
К обрыву может свести
Лишь поводырь слепой!*

– Заткнитесь оба! – крикнул поводырь. – Столько лет водил вас и разве хоть раз обманул? Мне обидно, что верите вы не мне, а какому-то сопляку, валяющемуся на обочине дороги. Раз сомневаетесь во мне, то отпустите мои полы и идите сами.

Слепые обернулись в сторону Чумаквоя: «Эй, балбес, будь здоров. Пока!» Ухватившись за поводыря, они продолжили свой путь.

Чумаквой насторожился, поднял голову. Внимательно оглядевшись по сторонам, увидел, что лежат они над самым обрывом, а кругом раскинулось огромное поле. От неожиданности он закричал и вскочил с места.

Вскочили, испугавшись его крика, и Ошикбола с Райхоном.

– Что случилось? – спросил Ошикбола, озираясь и не веря своим глазам.

Райхон же равнодушно огляделся и, зевнув, произнёс:

– Ничего не случилось. Просто мы видим во сне Чумаквоя, который ходит и кричит.

Но тут вмешался в разговор Мешпалван, переворачиваясь с боку на бок:

– Чего вы шумите на голодный желудок? Разве не видите, что мы выбрались из ущелья. Скажите спасибо моему Другу.

– Какому другу? – спросил Чумаквой, сверкая глазами.

Мешпалван стал описывать им ночные события и, пока он смаковал все подробности, солнце встало высоко над землёй. Некоторое время спустя над полем опять разнеслось известное:

*Я отведал яблоко зрелое,
Я отведал черешню спелую,
Я отведал инжир пышнотельый
С оплеухой садовника старого...*

Мешпалван пел свою песенку всё громче и громче, как бы объявляя всему свету о том, что он с друзьями спасён и теперь продолжает свой путь.

* * *

Долго шли они и дошли до безымянного места, где берёзы и осины вместе, где домишки были, как клетки, а из их крыш торчали и росли ветки. Шли они по селу, разливаясь, как река, и наслаждались запахами, щекочущими нос и раздувающими бока. А особенно наслаждался ими Мешпалван, различая, где жарится лук, а где варится мясо.

¹ Мазар – кладбище.

После очередного поворота Чумаквой осадил своего верблюда у одного двора. Полюбовался цветами, наклонился с верблюда и принялся было к цветку, как вдруг пчела, собиравшая нектар с цветка, ужалила его прямо в лоб. Чумаквой вскрикнул: «О, моя мудрая голова!» и откинулся назад за забор. Он опрокинулся с верблюда и, перекувыркнувшись, схватил горсть глины со дна арыка, чтобы приложить её ко лбу. Теперь он бесконечно охал и лежал в арыке.

Друзья, обнаружив потерю, вернулись за поворот и увидели бесхозного верблюда. Старик Райхон растрогался не на шутку:

– Бедный мальчик, он был похож на колосок ячменя. Не уволок ли его муравьи?

– Если бы земля поглотила его, то вряд ли остался бы здесь верблюд, – предположил Ошикбола.

– А может быть, он промочил штаны и отошёл в сторону, чтобы вывесить их?

– Или ходит и продаёт уткам свой перец?

Мешпалван соскользнул со своего осла и стал кричать во все стороны: «Хей, Чумаквой! Где ты, мой цыганёнок?» Услышал Чумаквой этот голос, встал со дна арыка – опухший лоб, как навес, глаза-щёлки – и высунулся из-за цветов. Мешпалван не узнал его и спросил:

– Эй, дружище, ты не видел здесь растяпу-цыганёнка с трубкой?

Чумаквой такое отношение взбесило:

– Я тебе покажу, как насмеяться! – и бросился на Меша. Еле-еле удалось Ошикболе и Райхону разнять их.

В это время рядом появился лысый человек, несущий медный таз, покрытый дастарханом, и воскликнул:

– Вместо того чтобы бесплатно драться, вы бы лучше набросились на самсу!

Лишь услышал Мешпалван такое слово, как тут же насторожился и, отпустив Чумаквой, приблизился к лысоголовому. Глядя на торговца с безграничным уважением, он спросил:

– О какой самсе вы говорите?

– Иду продавать самсу на базар, – ответил лысоголовый. – Пока горячая, подходите, пока не кончилась, закусите!

Мешпалван невольно стал копаться в кармане и вдруг наморщил лоб.

– Так вы говорите, идёте продавать?

– Точно! Деньги с вас, самса с нас!

– Нет, мы самсу не едим. Разве пицца – самса?

Торговец воскликнул:

– Йе, а что же, по-вашему, пицца? – поставил таз и с пеной у рта принялся расхваливать свой товар:

*Огонь сотворил землю,
Земля создала пар,
Пар создал воду,
Чтобы человек ел самсу.*

*Воды создали берег,
Берег создал пески,
Пески создали травы,
Чтобы человек ел самсу.*

*Травы создали зерно,
Зерно создало дехкан,
Дехкане создали амбары,
Чтобы человек ел самсу.*

Амбары создали терпение,

*Терпение создало тесто,
Тесто создало печи,
Чтобы человек ел самсу.*

*Печь создала костёр,
Костёр сотворил огонь,
Огонь сотворил предметы,
Чтобы человек ел самсу.*

*Предметы сотворили руку,
Рука сотворила сердце,
Сердце сотворило деньги,
Чтобы человек ел самсу.*

Мешпалван, узнав всеобщую историю сотворения самсы, как бы сожалея, воскликнул:

– Честно говоря, мы бы поели самсу с удовольствием, но, во-первых, мы не знаем, какие тут приняты деньги. А во-вторых, у нас нет ни гроша.

Самсушник с завистью посмотрел на нож, приткнутый за пояс Мешпалвана, и сказал: «Твой кинжал очень удобен, чтобы готовить фарш. Дай мне его, а я каждому из вас дам по три самсы!»

«Мало того, что я разбил в щепки крышку от котла, ещё и лишиться кухонного ножа! Тогда уж точно бабка меня убьёт! – подумал Мешпалван. – А может быть, всё же рискнуть!»

В конце концов аппетит победил, и он предложил: «Я отдаю тебе нож, но ты нам даёшь по пять самсушек!» Торговец упёрся: «Три!»

Тогда Мешпалван многозначительно посмотрел в сторону Чумаков и сказал: «Стыдно торговаться перед иностранным гостем!» «А откуда он?» – спросил шёпотом самсушник. Мешпалван бросил взгляд на опухшего Чумака и сказал: «Из Китая». «Ну, хорошо, прибавляю ещё по одной», – решил продавец самсы.

Пока он раздавал по четыре самсы каждому из друзей, Мешпалван успел проглотить свою долю. Впрочем, он не забыл отломить по маленькому уголку от последней самсы Чике и Пуке.

– Я смотрю, вы немножко несообразительны, – обратился он к торговцу. – Ведь если держать таз на боку, то бок натрет.

– Не только натирает, но и режет до крови, – пожаловался самсушник.

Мешпалван наслаждался, когда мог дать простаку умный совет. «Надо соображать, ведь можно легко носить и таз втрое тяжелее, чем этот!» Торговец заинтересовался и попросил, если не трудно, поделиться столь ценным опытом.

– Накормите – поделюсь, – ответил как ни в чём не бывало Меш.

«Он съел четыре самсы, – подсчитал про себя самсушник. – Самое большее, съест – ещё четыре». Словом, он дал согласие.

– Не станем говорить о мужчинах, – начал свою речь Мешпалван. – В нашей стороне даже женщины носят по пять тандыров самсы и ещё сверху кладут три тандыра лепёшек. А дело вот в чём. Делается бархатное колечко, с бублик, и это колечко ставится на голову. А поверх его уже можно устанавливать и таз. Смотрите, и тоненькая, как прутик, невестка, идя в гости, несёт пудовую тяжесть на голове. Собака может порвать подол, а таз не шелохнётся!

– Вы только поглядите! – восхитился самсушник. – Я долго думал, почему верх головы у человека плоский. Оказывается, для того, чтобы водружать на него таз!

В это время Мешпалван сошёл с мула и принялся наедаться. Думаю, вам понятно, что торговец лишился всей дневной выручки – зато получил хороший урок.

* * *

Теперь кишлаки стали встречаться чаще. Вся округа была покрыта зарослями – тугаями, пропитание доставалось легче. То грибов отваришь, то малины наберёшь.

Однажды вдалеке показался огромный замок. Даже отсюда были видны узоры на стенах строений внутри крепости, покрытые черепицей крыши навесов и купола.

– Ну вот мы и достигли пристанища Сепкильшаха, – обрадовался Райхон-кызык.

Они направились в сторону замка и по дороге наткнулись на маленькую крепость, припрятанную за холмом в трёх-четырёх верстах. Пригляделись они и видят, что на толстых крепостных стенах лежат, загорая, прекрасные девушки. А внизу, перекидываясь с ними словами, пасут своих овец кишлачные мальчишки.

В это время проехал на арбе, гружённой дровами, горбатый старик, у которого они и спросили, что это за крепость.

– Это Кизкурган. Девичья крепость, – ответил горбун.

Оказывается, сюда привозили умелых, красивых, умных девушек, взятых в плен войсками Сепкильшаха, и особые воспитательницы учили их здесь хорошим манерам, а также петь и танцевать. Каждый год Сепкильпах устраивал пиры, на которых хвастал перед приезжими принцами и царевичами своими служанками и понравившихся продавал за выгодную цену.

Горбатый старик сказал: «Эй, странники, кажется, с тех пор как на престол сел Сепкильпах, начался конец света», и, пригорюнясь, заговорил:

*Есть базар для ситца,
Есть базар для птицы,
Есть базар для люлечек,
Есть базар бирголечек.*

*Но что за время наступило,
Коль девичий есть базар?*

*Продаются тыквы всюду,
Продаётся чай, посуда,
Продаётся серп и меч,
Продаётся сотня свеч.*

*Но что за время наступило,
Коль девичий есть базар?*

*Продаётся шелковица,
Продаётся рукавица,
Сыр и козье молоко,*

Гвоздь, напильник, молоток.

*Но что за время наступило,
Коль девичий есть базар?*

*Есть на рынке рожь, зерно,
Есть закуска, есть вино,
Есть ценою в два гроша
Человек, его душа.*

*Но что за время наступило,
Коль девичий есть базар?*

*Продаётся мост реки,
Продаётся грязь руки,
Продаётся белки шерсть,
Продаётся ум и честь.*

*Но что за время наступило,
Коль девичий есть базар?*

*Здесь торгуют и слонами,
Здесь торгуют семенами,
Дуйга оптом продают,*

Языки же в долг дают.

Но что за вромья наступило.

Коль девичий есть базар?

С этими словами старик-горбун уехал дальше, а Ошикбола разволновался: «Эй, братья! Неужели и Ойтумор здесь?» Он хотел было устремиться к Кизкургану, но дорогу ему преградил Райхон-кызык.

– Успокойся, братишка, – сказал он и задумчиво погладил бороду. – Если Ойтумор узнает тебя, то она наверняка вскрикнет и выдаст нас. Тут же набегут чернопапашечники. Ведь налогосборщик Акула уже предупредил Сепкильшаха. Иначе не стал бы он посылать свои войска вместе с той старухой, которая завела нас в Чёртово Ущелье.

– Верно, – сказал Чумаков. – Давайте будем начеку, пусть врагу хуже придётся.

Ошикбола задумался. И тогда Мешпалван нашёл выход. Он набросил на влюблённого пёструю шкуру со своего плеча» подшил её, из шнурка с кистью, которым подвязывал штаны» сделал хвост, из сучьев арчи – рога и вмиг превратил своего друга в прекрасного бычка. Обвязал его шею шнуром и сказал: «Теперь поведу тебя как бы пастись под стены Кизкургана, а ты через отверстия в шкуре разглядывай девушек. Если среди них увидишь Ойтумор, то не забывай, что ты сейчас бык!»

И он произнёс такое назидание:

*Ты смотри, не падай ниц
Перед сборищем девиц,
Мудрый, славный мой бычок.*

*Не глядь по сторонам,
Не нужны скандалы нам,
Мудрый, славный мой бычок.*

*Ты мне сердца не тревожь,
И цветы не рви, не трожь,
Мудрый, славный мой бычок.*

*Не испачкай шкуру мне,
Жуй траву, ие жмись к стене,
Мудрый, славный мой бычок.*

*Ты не трогай комаров,
Пусть укусят, – будь здоров,
Мудрый, славный мой бычок.*

*Ты меня не опозорь,
Не мычи: «Му, Ойтуммор-р...»
Му-у-у-дрый, славный мой бычок.*

Мешпалван подходил всё ближе и ближе к стене, будто бы пася своего бычка. Мальчишки на пастбище смотрели исподлобья на незнакомого пастуха.

Когда он подошёл к стене, один из часовых прокричал с башни: «Эй,

глиняный колпак, а ну, давай отсюда!»

– Не важничай у себя в крепости, – ответил Мешпалван, – вот будешь в Алтыарыке, я тебе покажу!

Дозорный решил, что Алтыарык – какой-нибудь кишлак этой округи и, поморщившись, отвернулся.

Девушки на стене с интересом наблюдали и за приближением этого странного парня, и за его перепалкой с часовым. Поравнявшись с ними, Мешпалван крикнул: «Как дела, девицы?» Девушки давно скучали, не зная, над кем бы посмеяться. И сразу загалдели: «Отлично! А как вы? Здоров ли ваш бычок?» И только одна, в голубом камзоле, сидевшая в стороне, молчала и смотрела вдаль.

Женщина надсмотрщица, в шелку и бархате, в золоте и серебре, посмотрела на Мешпалвана и насмешливо крикнула: «Ты пришел выбирать себе невесту? Ну что ж, выбирай корову себе в масть!» Девицы прыснули разом. Мешпалван так ни в чём не бывало произнёс: «Но мне понравилась вон та, в голубом камзоле, она не такая болтливая!» И вдруг его собственный бычок боднул его так, что он полетел вверх ногами. Девицы расхохотались пуще прежнего.

Мешпалван поднялся, отряхнулся и вдруг со словами: «Проклятая скотина!» дал такого бычку пинка, что тот аж подпрыгнул.

Надсмотрщица сказала: «Если разговоришь эту девушку, то она твоя, козлик!» И опять все расцвели в улыбках. Мешпалван прокашлялся, как настоящие певцы, затем проиграл партию бубна «таппа-тпак, таппа-тпак» и запел:

*Не гони меня, цветочек мой,
Я тебе ещё нужным стану.
Буду ступой тебе, сумой,
В молоке я сметаной стану.*

*Буду в ушке серёжкой тебе,
Буду перстнем на пальце тебе,
Хоть чулочком на ножке тебе,
Для камзола карманом стану.*

*Ты ругайся, а я промолчу,
Шторкой окон твоих быть хочу,
Свои зубы о сахар сточу,
Для тебя самым сладким стану.*

*Хочешь, скатертью стану твоей,
Хочешь, чайником стану на ней,
Стану мясом коров и коней,
Твоей пищей единственной стану.*

*Ты вспотеешь, я в тень обращусь,
Ты уснёшь, я в матрац превращусь,
Ты заплачешь, – платком оснащусь,
Или песенкой грустной стану.*

*Я гожусь и для пищи, как стол,
Стану ватой, подбей ей камзол,
Хочешь, буду свистеть, как щегол,
А для нити катушкой стану.*

*Где найдёшь ты такого юнца, –
Полотенца тебе для лица,
Хочешь, в супе сменю я птенца,
И ведром для воды твоей стану.*

*Я кипел, словно суп-кипяток,
Я бежал, словно горный поток,
Если скажешь: «Прийди!» – я бог,
А не то я посмешищем стану.*

*Мне никто до сих пор был негож,
Я увидел тебя – в сердце нож,
Если ты и теперь не поймёшь –
Дураком пусть набитым я стану.*

*Да, я беден, всего я лишён,
Может быть, я немного смешон,
Но я лезу всегда на рожон –
И когда-нибудь сказкой стану.*

Выслушала эту песню девушка в голубом камзоле и не шелохнулась. Мешпалван начал было: «Эй, красавица, гляньте-ка сюда...» – но в это время его опять опрокинул с ног его бычок.

– Прекрати, балбес! – шикнул на него из-под шкуры Ошикбола. – Ведь это – Ойгумор!
Но и Мешпалван поспешил шёпотом выразить своё недовольство:

– Не мог по-хорошему сказать? Ты ведь мне все бока своими рогами исколол, рогоносец проклятый!

После этого он встал, отряхнулся и посмотрел совсем иным взглядом на Ойгумор. «Всё равно разговаривай тебя, пусть хоть друг понаслаждается твоим голоском», – решил он про себя. И опять, не глядя на хохочущих девиц, он запел вторую песню и опять посвятил её девушке в голубом камзоле:

*Вот пришёл я сватом,
Вместе с этим братом.
Ийя-ия, ийя-ия,
Кто молчит – тот и свинья.*

*Кто-то вас и любит,
Бычью душу губит.
Ийя-ия, ийя-ия,
Кто промолчит – беда моя.*

*Будь таких две сотни,
И быкам вольготней.
Ийя-ия, ийя-ия,
Кто молчит – тот царь вранья!*

Ойтумор эта песня показалась и вовсе грубой, а потому она продолжала сидеть, уставившись в небо. Мешпалван рассердился, видя такое, и в сердцах стал стягивать узел на шее быка, приговаривая: «Она хоть что-нибудь понимает или нет?! Ведь я ей все рассказал про тебя. А она и не обернётся!» «Теперь ты просто шевели губами, а песню буду петь я», – сказал Ошикбола.

Надсмотрщица опять решила позлословить: «Ну, что, твои дела не идут, мой козлик?», но это было на руку Мешпалвану, и он сказал: «Девицы – упрямый народ. Что ж, споём теперь то, что тронет её сердце!» Он ткнул в бок быка, и Ошикбола почувал, что если сейчас же не запоёт, то заполучит, чего доброго, ещё пинка, а потому тут же начал свою песню – соответственно ей вдохновенный Мешпалван раскрывал свой рот...

*И девушка мужественной быть должна,
И красит глаза ей печаль, не сурьма,
Для девушки вольной и свет – словно тьма,
Но враг озверев, коль ты промолчишь.*

*Сто бед, сто страданий нашьёт на тебя,
Загонит в темницу, в темнице губя,
Но вытерпи всё, утешая себя,
Ведь враг озверев, коль ты промолчишь.*

*Пускай ты – рабыня, но духом вольна.
Ты вспомни свободные дни и сполна
Решимость в себе ощути: пусть война!
Ведь враг озверев, коль ты промолчишь.*

*Врагу своему ты за всё отомсти,
Сердце, как птицу, на волю пусти,
Долгую горечь ты в песнь преврати,
Ведь враг озверев, коль ты промолчишь.*

*И песня твоя пусть пылает огнём,
И страх, словно пепел, рассыплется в нём,
Пусть песня польётся о крае родном,
Ведь враг озверев, коль ты промолчишь.*

Лишь только началась песня, Ойтумор встрепенулась, услышав знакомый голос, невольно выпрямилась, и лицо её стало проясняться. Когда же кончилась песня, она не отрывала зачарованного взгляда от бычка, и только, когда Мешпалван крикнул: «Ну, как на этот раз?», она немного опомнилась. Чтобы никто ничего не заподозрил, она сказала: «Да, бычок твой горазд на песни!» Ведь нельзя было быть уверенной, что эту хитрость не разгадала и надсмотрщица.

Но та воскликнула:

– Ты, парень, не промах! Разговорил саму Ойтумор. На, получай награду и дуй отсюда поскорей!

Она бросила краснобокое яблоко, которое Мешпалван поймал не рукой, а разинутым ртом, и, не жуя проглотил с кожурой и семечками.

– А эта награда твоему бычку! – воскликнула Ойтумор и бросила вниз платочек с бахромой.

Еле-еле оттащил Мешпалван своего бычка от стен Кизкурмана, и, по мере того как они удалялись, перед взором Ойтумор возникали картины давнего сада, юный охотник в этом саду, она словно слышала свою тогдашнюю песню:

*Он звёзды превращает в пепел,
Лицом он сам, как месяц, светел,
Он спрашивает: «Что за дева –
В саду разбрасывает сети?»*

*Зачем ей сорок две служанки,
Когда ей одного не жалко,
Она смеётся жарко-жарко,
И тает иней зимних вётел.*

*Её платок мне сердце давит,
А каждый локон – грудь буравит...»
Ах, неужели он оставит
Свои слова, а сам – как ветер...*

После возвращения из Кизкурмана Ошикбола всё упивался душистым запахом платочка своей возлюбленной и даже не посмотрел, что друзья его готовят грибы, а лежал в ожидании и предвосхищении своей сладкой ли, горькой судьбы. И даже когда друзья протянули ему шампур шашлыка, из четырёх один, он не обернулся.

– Оставим его в покое, – предложил Мешпалван. – Придётся, видимо, мне съесть за беднягу шашлык.

Что стоило ему проглотить два шампура шашлыка – всё равно что две вишенки, а потому, проглотив их, он с грустью посмотрел на свой опавший живот и прилёг на травку, чтобы по-вспоминать свою великолепную трапезу на берегу озера. Ах, как он соскучился по лепёшкам!

Так он лежал и глядел на мальчишек, пасших поблизости коров, и вдруг его посетила прекрасная мысль, от которой он даже вскочил с места. Подошёл он к ребятам и спросил: «А вы видели слона?» «Слышали о нём, но не видели», – ответили мальчишки.

Тогда Мешпалван воскликнул: «А у нас он есть. Могу показать его, но только тем, кто принесёт мне что-нибудь заморить червячка», – и тут же запел такую песню:

*Широка земля и несказанна,
Справа – запад, слева – восток,
Но несчастней всех людей на свете, –
Кто живого слона не видал.*

*Хоть смешнее всего обезьяна,
Но она, скажем, меньше собак.
Всё же хуже последней собаки, –
Кто живого слона не видал.*

*Говорят: «Есть огромные яки»,
Это – сплетня и чистая ложь.
Но темнее, чем эта сплетня, –
Кто живого слона не видал.*

*Вам дано посмотреть это чудо,
Но бесплатно смотреть не дано.
Ведь несчастней несчастных на свете, –
Кто живого слона не видал.*

Мальчишки, услышав такое, тут же, галдя, ринулись в кишлак и через некоторое время вернулись с пищей и новыми друзьями. В горку сложились лепёшки и творог, рыба, варенье и сушёные фрукты.

После этого Мешпалван выстроил их в ряд и повёл к верблюду, пасущемуся в кустарнике.

– Вот это и есть слон! Мальчишки восхищённо зашумели:

– Ву-у-й!

– Смотрите, какой высокий!

– Знаем, когда на него садятся, то подставляют лестницу!

– А почему у него горбатая спина? Почему?

– Я слышал, что у слона бывает хобот, – предположил один из малышей.

Мешпалван показал ему верблюжий хвост:

– Вот его хобот, братишка!

– Йе, хобот похож на хвост.

– Не знаю, может быть, у вас хобот называется хвостом.

– А зачем нужен хобот? Зачем?

Тот же малыш пропищал: «А я слышал, что хобот бывает спереди!»

– Ты говоришь об индийских слонах, – стал поучать его Мешпалван, – а этот из Алтыарыка.

– А Индия в Алтыарыке?

– Нет, братишки, это отдельная страна.

– А что у вас ещё есть?

Мешпалван всё ещё стоял, гордо подняв голову, и незамедлительно отвечал:

– Есть всё! А больше всего – белых медведей.

* * *

Мешпалван нашёл для своего войска отличную стоянку в полуверсте от Кизкурмана. Здесь были срублены и не вывезены в своё время огромные деревья, лежащие теперь вповалку.

Часть продуктов, поступившая за счёт представления «слона», была положена в хурджуны, а другая выставлена на дастархан. Когда они принялись за трапезу, Мешпалван вдруг крикнул: «Вон он! Вон, идёт!» и бросился с места навстречу несущемуся смерчу. «Друг мой, Ходжихон-джинн!» – кричал он. Когда же принялся обнимать этот смерч, тот его опрокинул навзничь.

– Не хитри, Ходжихон, не хитри, – стал грозить он пальцем смерчу. – Не ставь подножку!

Смерч покружился вокруг Мешпалвана, и показалось, что опять хочет подсесть своего друга, а потом он налетел на дастархан и протанцевал на нём. А дальше он над травами просвистал, сор-солому разбросал, в лес, кривляясь, убежал. Мешпалван крикнул ему вслед: «Ходжихон, не уходи далеко! Надо поговорить!» – и очень громко стал излагать свои мечты:

*Я от отца отлучён,
Я от матери отлучён,
Я от бабушки отлучён,
Со мной останься, Ходжихон.*

*Одежда порвана моя,
Три воина – мои друзья,
Вдобавок к ним лишь ты, да я,
Со мной останься, Ходжихон.*

*Гляди, у нас под боком враг,
Будь ближе к нам, ведь ты нам друг,
Ты можешь пригодиться вдруг,
Со мной останься, Ходжихон.*

*Есть всадники в моих войсках,
На верблюдах, для битв в песках,
Так будь и ты у нас в рядах,
Со мной останься, Ходжихон.*

*И если вступит войско в бой,
Ты загради его собой,
Пыль напусти и громче взвой,
Со мной останься, Ходжихон.*

– Как только ты начинаешь есть, так у меня портится аппетит и меня подташнивает, – сказал Чумаквой. – Но когда ты начинаешь говорить, нельзя тебя слушать без слёз.

Ходжихон-джинн вернулся со своей прогулки только лишь к вечеру. Знакомство с ним сложилось для друзей Мешпалвана поначалу несколько тревожным, но потом всё стало на свои места.

– К примеру, как вы смотрите на конокрадство? – задал свой вопрос Чумаквой.

Ходжихон-джинн насупился и на мгновение умолк. Затем сказал: «А что мне делать с лошадей? Варить и есть, что ли? Ведь если мне нужно, то я могу в мгновение ока перенести любого скакуна из Ирана в Учкурган!» и пропел:

*В тягость мне и речь, и пыл,
Ты бы лучше не грубил,
Джинн в глаза не пустит пыль.
Разве дело – конокрадство?*

*Я вступал с друзьями в спор,
Мчался я во весь опор
До луны, потом до гор,
Разве дело – конокрадство?*

*Прыгал я с холма на пик,
Издавал я страшный крик,
Поразивший материк,
Разве дело – конокрадство?*

*По ночам я всем верчу,
Встречу гнусь – не промолчу,
Я гоню её, кручу,
Разве дело-конокрадство?*

*Добрых в золото закопал,
Беднякам дарил опал,
В души тем и тем запал,
Разве дело – конокрадство?*

*Я летучей мышью был,
Я царю отбой трубил,
Царь подол мне тербил,
Разве дело – конокрадство?*

*Это Рим, а то – Туран,
Я ведь житель разных стран,
Я волну океан,
Разве дело – конокрадство?*

Чумаков восхищённо загляделся на Ходжихона-джинна:

– Хай, ха-а-й! Вот теперь я узнал: даже цыган перед джинном всего лишь малявка!

Ошикбола переменял тему – думая о своих страданиях.

«У тебя есть любимая девушка?» – на что Ходжихон-джинн ответил: «Нет, я ещё не получал такого задания!»

Райхон-кызык, разумеется, решил показать, что он других старее, а мысль его мудрее, и потому, произнеся долгое: «Та-а-а-ак...», помолчал и свёл свои брови наподобие птичьих крыл, глаза призакрыл и заставил всех ждать, заподозрив в нём глубокую мысль.

Наконец, брови его получили размах, огонь заблестел в его глазах, и он спросил:

– А знает сообщество джиннов, как стрелять из рогатки?

– Никогда не видел, – признался Ходжихон.

– То есть, точнее?

– Нет, джинны никогда не стреляли из рогаток.

– Ну во-от!

Райхон восторженно захлопал в ладоши и расхохотался.

– Говоришь, не стреляют? Стало быть, не умеют, так, что ли? – продолжал гордиться он. – Скажу тебе, братишка, прямо: не каждому дано умение стрелять из рогатки. Тем более попадать в нос. Ха-ха-ха! Хе-хе-хе!

Честно говоря, Ходжихон-джинн явился сейчас сюда не для того, чтобы шутить.

Утром он побывал в столице Кахратонии. Долго искал Мешпалвана и его соратников, летал то там, то здесь и в конце концов нашёл их на лугу. Вернее, там, где Мешпалван пел свою «любовную песню» девушке в голубом камзоле. Ходжихон-джинн не стал перебивать певца, а потому поднял лишь горстку пыли над землёй и весьма осторожно приблизился к Мешпалвану, так что тот и не заметил появления своего друга.

– Надсмотрщица в Кизкургане – та же ворона, – заметил Ходжихон-джинн. – Она ведь заметила, как изменилась Ойтумор, когда стал петь из-под бычьей шкуры Ошикбола. Я побоялся разоблачения и пристроился сзади неё...

Как только Мешпалван и Ошикбола ушли с пастбища, надсмотрщица тут же направилась к Сепкильпаху. Там она встретила с известной нам старухой и насплетничала ей о происшедшем.

– Говоришь, один из них носит на голове горшок? – переспросила старуха. – Вай, пропади они пропадом, как это им удалось освободиться из Чёртова Ущелья?!

Старуха в свою очередь донесла всё, что слышала, до самого Сепкиля. И тут же они стали строить свои коварные планы.

– Короче говоря, они хотят всех вас перерезать в бане, – заключил Ходжихон-джинн, показывая, как это произойдёт. – Человек, как известно, в бане безоружен. Вот они и хотят воспользоваться этим.

Сепкильшах выбрал из своих приспешников пятьдесят самых страшных людоедов и назначил их предводителем плешивого, любившего перегрызать глотки своим врагам.

Ходжихон-джинн кончил свою речь, соратники стали размышлять, что предпринять. Кто-то предложил одно, кто-то другое, в конце концов все сошлись на том, что предложил Чумаков...

* * *

Утром следующего дня, когда они завтракали на своей стоянке, к ним подошла некая старушка и воскликнула: «Эй, мои бедные пришельцы, вы ведь очень грязные с дороги! Идёмте,

мои милые, в кишлаке есть баня с куполом, я покажу её вам, искупайтесь, приведите себя в порядок», и принялась их поторапливать с помощью песни:

*Бок себе ягнята лижут,
Перья клювом чистит чижик,
Лезет в сай жеребчик рыжий,
Как не искупаться вам?*

*Словно дую громко в дудку,
В пруд утят уводит утка,
В луже червь, ему не жутко,
Как не искупаться вам?*

*У жуков бы вам учиться,
Вам в пример родится птица,
Чтоб, как боров, не лениться, –
Как не искупаться вам?*

«Ой-ёй, коварная старуха, – подумал Мешпалван, – смотрите, как быстро изменила и голос, и внешность».

Они хором сказали спасибо и двинулись вслед за старухой в кишлак.

Баня с куполом была просторна. Разделись они и вошли внутрь, и видят: с полсотни головорезов лежат, намыливаясь для виду, а сами уже готовы к бою. Мгновенье – и пришельцы выплеснули воду из своих тазов на раскаленные камни. Пар – столбом! На расстоянии вытянутой руки не разглядишь человека.

Чумаков подал знак кашлем, и друзья, вытащив из кусков мыла воткнутые в них шилья, стали напропалую колотить ими толстые зады приспешников Сепкиля.

Баню огласили крики и вопли.

Чтобы не ошибиться в суматохе и не задеть своего, друзья заранее распределили, где кому быть, но на всякий случай прикрывали тазиком свои зады.

Один из головорезов сослепу дал оплеуху по лысой голове главаря. Тот, мгновенно схватив его за шею, тут же перегрыз горло. Только обрадовался – и получил укол в свой незащищенный зад.

Крик в бане достиг предела, головорезы стали искать выход на ощупь. Но двое, стоявшие у дверей Мешпалван и Ошикбола, кололи их и здесь, подбадривая друг друга песней.

Коварная старуха между тем сидела снаружи, позевывая, халву пожёвывая, слушая шум, и ей лишь благая весть шла на ум. Но те, кто выбежал из бани, пробежали по ней, а последним тазом и вовсе прикрыли мокрое пятно, оставшееся от неё, как от лягушки, раздавленной арбой.

* * *

После полуночи Ходжихон-джинн принёс новые вести из дворца.

Когда Сепкильшах узнал о позорном поражении в бане и, главное, о нелепой гибели королевы всех коварных, подлой старухи, он пришёл в ярость. И когда сборщик податей – Акула пожалел старушку: «Бедная, лишила нас в своём лице такого мастера коварств!», Сепкиль гаркнул: «Дважды ты упустил из рук этих разбойников, теперь сам смывай свою вину!» Решил он дать Акуле сто воинов и на вопрос Акулы: «А не мало ли это?» он возопил: «Ты что?! Хочешь, чтобы я на четырёх этих сопляков послал половину своего войска...»

– Хитрость с шильями в бане придумал Чумаков, – сказал, помолчав, Райхон-кызык. – А на этот раз доверьтесь мне, друзья...

Было между стоянкой друзей и крепостью Сепкиля топкое болото. И вот воспользовался Райхон им, бросил по своей старой привычке цветастую конфетку навстречу врагам своим,

сам залёг по другую сторону того болота и стал ждать, держа свою нитку. Наконец показалась сотня чернопапашечников во главе с Акулой.

Заметили конфету сразу не один, а четверо воинов, включая самого Акулу. Один из идущих впереди даже нарушил было дисциплину строя и бросился вперёд, но Акула рыкнул: «Не тронь! Иначе истребую налог!» Затем обернулся к своим войскам с таким назиданием:

*Должны быть воспитаны
Царские войска,
И не бросаться
Из-за куска.
Храните дисциплину!*

*В краю Сепкильшаха
Нельзя наобум.
Закон о налоге
Возьмите в ум.
Храните дисциплину!*

*Если не достанется
Кусок – не беда.
Ведь не из-за сладостей
Вы служите? Да?
Храните дисциплину!*

*Приказ командира
Для вас есть закон.
Позор, если пробу
Снимает не он.
Храните дисциплину!*

Первые шеренги проглотили языки, те, кто шёл в последних, чуть не померли от неизвестности и тоски, они взывали: «Что там такое?» и не находили покоя... Но по колонне разбежалось: «На земле лежит леденец... Бесплатный... Ты что, оглох? Понял, наконец? Понятно?»

Акула, не теряя достоинства, важно приблизился к конфете и неторопливо наклонился было, но конфета, как мы знаем, ушла из-под его рук чуть подальше. И второй раз случилось то же самое. Он рассердился и, позабыв про свою сановитость, встал по-простецки на колени и раз семь-восемь скакнул, точно кузнечик, пытаясь схватить неуловимую конфету. В конце концов ему надоело ползать по земле, и он просто-напросто приказал воинам: «Поймать и доставить мне конфету!»

Жадные воины тут же бросились с криками «ура!» за конфетой и смели с дороги своего командира при этом. Задние наседали на передних, передние ставили подножки задним, и в общем они все кубарем катились к болоту, где и стали тонуть один за другим. И даже когда сам Акула, вскакивая на плечи то одного, то другого своего воина, последним стал входить в топь, он всё же не мог оторвать своего тоскливого взгляда от бесплатной конфеты, лежавшей в двух шагах...

И только лягушки проквашали отходную войскам Сепкиля, и только болотные пузыри – буль-буль – вознесли над телами усопших свою молитву.

Райхон-кызык опасливо пересчитал чёрные папахи на болоте, и лишь когда убедился, что их ровно сто, встал в полный рост и направился к своим друзьям.

Он уже приближался к лагерю, когда увидел дехкан, идущих с узлами и корзинами в руках и отмахивающихся от комаров впопыхах. И вдруг один из озорников воскликнул: «Вон идёт друг фокусника!»

Дехкане, к вящему страху Райхона, окружили его со всех сторон, и самый старший из них сказал:

– Твой товарищ, что под бычьей шкурой, показывал детям слона. Вот и мы хотим поглядеть на это чудо.

«Всё из-за этого Мешпалвана, – подумал огорчённо Райхон. – Детей-то надуть просто, но как стариков убедить в том, что верблюд – это слон? Уж они-то знают. Да, теперь придётся нам всем потерпеть»...

Тогда старик, почувывая нерешительность Райхона, воскликнул: «Чего испугался! Не бойся, – и, указав на узелки, добавил, – Мы не за бесплатно будем смотреть!»

– Вот, и у меня есть яйца, – похвастал другой.

– А я захватил творогу, – воскликнул второй.

Райхон, не зная, что делать, стоял, обмахиваясь своим войлочным колпаком.

– Слон наш заболел, – наконец придумал он. – Поэтому пришлось прервать представления.

– А что с ним случилось?

– Чирей на хвосте вскочил!

– И всего-то? Ведь для слона чирей – что для нас комариный укус!

– Кроме того, он ел всё, что люди давали, вот и расстроился желудок. Поднялась температура. Словом, он слёг.

– Ничего, нам достаточно посмотреть его и лежачего. Веди же нас скорее!

И, не ожидая согласия, они сами решительно направились в сторону их стоянки.

Некоторое время спустя в лагере поднялся шум. Райхону едва удалось сообщить о намерении дехкан Мешпалвану. «Разбирайся теперь с ними сам!» – буркнул он и скрылся. Мешпалван на минутку задумался, потом взобрался на толстое бревно и обратился к собравшимся:

– Вам ведь сообщили о болезни слона. Чего же вы пришли целым стадом?

– Мы не дураки, чтобы теперь возвращаться! – воскликнул кто-то. – Показывай хоть лежачего.

– Это очень опасно. Больной слон – всё равно, что бешеная собака.

– Не болтай лишнего! Показывай скорее!

Мешпалван почувствовал, что словом их не убедишь, подумал ещё.

– Ладно, я согласен, – сказал он внезапно. – Но не сейчас. Представление состоится вечером. До того слон должен выздороветь.

– А что, если дашь это представление в кишлаке? – предложил самый главный старик. – Глядишь, и наши старушки обрадовались бы...

– Тем более, что кишлак наш по ту сторону тропинки, которая идёт отсюда, – уточнил другой. – Придётся, так мы закатим пир, наешься до отвала.

Услышал Мешпалван это сладкое слово «пир», и задрожал у него кадык. «Хорошо, ждите нас вечером, приведём всех животных», – твёрдо пообещал он.

Как только дехкане ушли, всполошился Райхон-кызык.

– Каких это животных ты имеешь в виду? Беда ты на нашу голову!

– Сказал – и довольно, – отрезал Мешпалван. – Если я скажу, что сегодня земля поглотит англичан или французов, то не наступит завтрашний день, как это случится непременно. Вот такой я!

* * *

Начало темнеть, а вестей от Ходжихон-джинна не было. Потеряв всякое терпение, Мешпалван бегал из стороны в сторону, как орех, которым играют детишки, а Чумаковой не упускал случая подразнить его: «Может быть, твой джинн в замке проводит время с танцовщицами, одаривая их за танцы?»

Слава богу, Ходжихон-джинн всё же пришёл. Мешпалван ему тут же сказал: «О новостях в крепости расскажешь потом. А сейчас есть срочное дело!» И все они направились в кишлак.

Жители в полном сборе ожидали представления и встретили «артистов» рукоплесканием.

– Своих животных я оставил вон за теми кустами, – объявил Мешпалван. – Буду вызывать их по одному и показывать. Ну-ка, рассядьтесь по трём сторонам тропы.

Все расселись так, как велел им Меш. После этого Ходжихон-джинн стал выходить в круг в облике то одного, то другого зверя, так, что Мешпалвану оставалось лишь объяснять:

– Это обезьяна из Сахары!

– Откуда в Сахаре обезьяны? Разве обезьяны не в джунглях водятся?

– Ты соображаешь хоть немного? Ведь центр Сахары – сплошь джунгли!

– Ах, вон оно что! Так бы сразу и сказали... Ие, а это что?

– Это страус. Он из Азербайджана.

– Наверняка, его яйца в целую голову?

– Вот! Смотрите повнимательней! – воскликнул Мешпалван, когда появился новый зверь. – Этого тигра я поймал в Сулеймании.

На следующий раз Ходжихон-джинн обернулся зебррой. Увы, Мешпалван никогда зебр не видел и теперь растерянно взирал на диковинное существо. Скажешь «ишак» – а шкура у него тигриная, назовёшь тигром – сложением настоящий ишак. В конце концов он промямлил: «Это одно из самых отвратительных существ на свете!» «А как оно называется?» – загалдели любознательные жители кишлака. Мешпалван ещё раз уставился на зебру и как можно уверенней сообщил: «Это тётка того тигра!»

– Это разве тигрица? Ты нам показываешь раскрашенного ишака!

– Я хозяин, что, сам не знаю? Сказано – значит так!

Появлялись всё новые и новые звери. Мешпалван говорил, что на ум взбредёт:

– Вот это – кошка из Герата, а это – медведь из Венгрии.

Расписывал их так:

*Вот ташкентский вам петух,
Крик его свиреп и глух,
Успевай смотреть!*

*Вот вам барс – весьма пятнистый,
Из Гулджи его монисто,
Успевай смотреть!*

*Это – страшный крокодил,
Рот его широк, что Нил,
Успевай смотреть!*

*Это – одичал барашек,
Стал, как крокодил, он страшен,
Успевай смотреть!*

*Вот – лиса, – проказить рада,
Изгнана из Ашхабада,
Успевай смотреть!*

*Вот вам крыса, уроженка
Предалёкого Ходжента,
Успевай смотреть!*

*Вот слепой и хмурый крот,
Что прорыл вслепую грот,
Успевай смотреть!*

*Это же – коварный волк,
Знающий в баранах толк,
Успевай смотреть!*

*Это – заяц без хвоста,
Впрочем, тоже красота,
Успевай смотреть!*

*Вот кабан идёт лениво,
Нос его приделан криво,
Успевай смотреть.*

*Наконец, вот вам и слон,
Упросили – вышел он,
Успевай смотреть!*

Зрители, наслышанные о зверском аппетите слона, решили увидеть это воочию. Но когда начался пир, Мешпалван не мудрствуя стал показывать страшные возможности своего слона на собственном примере.

* * *

Сепкильшах бросил на третью битву двести человек. Но весть об этих двухстах опередила их самих.

Ведь вчера, после представления, Мешпалван долго беседовал с Ходжихоном-джинном.

– Гони суюнчи¹, Мешпалван! – воскликнул Ходжихон-джинн. – Я нашёл твоих родителей.

Мешпалван, вытаращив глаза, чрезвычайно волнуясь, принялся расспрашивать своего друга:

– Правда? Что ты сказал? Где ты их видел?

– Летал я повсюду, чтобы узнать секреты крепости. И даже не обращал внимания на проклятия рабов из-за поднятой мною пыли, как вдруг услышал слово «Мешпалван».

– Иё, и что же? – нетерпеливо заёрзал Меш. – Ну, ну, говори!

– Смотрю, мужчина с женщиной работают в четыре руки и переговариваются. Я остановился, прислушался.

– Ну, не томи душу! И что же они сказали?

– Они беспокоятся, не умер ли ты с голоду. Сами еле держатся на ногах от голода, а думают о желудке другого. Понял я, что ты их любимчик.

– Гляди-ка! Спасибо тебе.

– А есть у тебя к старая бабка?

– Да, а что? Ну, ну?

– Они переживали и за неё. Говорят, наверное, она из кожи вон лезет, чтобы прокормить тебя – если ты жив.

– Стало быть, они соскучились и по бабушке.

– А глаза твои похожи на отцовские.

– Даже? – обрадовался Мешпалван, затем обнял своего призрачного друга за несуществующие плечи. – Спасибо тебе, Ходжихон. Ты здорово успокоил меня. Самое главное – мать и отец живы. Освобожу их и успокоюсь окончательно!

Ходжихон пригляделся к опечаленным глазам своего друга и прочёл в них:

*Можно вытерпеть, дружок,
Коль в пустыне нет дорог,*

¹ Суюнчи – подарок за хорошую весть.

*Но стерпеть ты разве б смог,
Если мучат мать, отца?*

*Можно вытерпеть, мой друг,
Если голоден ты вдруг,
Но не вытерпеть тех мук,
Если мучат мать, отца.*

*Можно вытерпеть, мой брат,
И похуже во сто крат,
Но не вытерпеть – что врать? –
Если мучат мать, отца.*

*Можно вытерпеть, браток,
Сотню ран и кровотоков,
Но не вытерпеть никак,
Если мучат мать, отца.*

*Можно вытерпеть, мой джсинн,
Если кто-то стал чужим,
Только в сердце кровь «жим-жим»,
Если мучат мать, отца.*

*Можно всё перетерпеть,
Если трудно, то запеть,
Но темницею – вся твердь,
Если мучат мать, отца!*

Мешпалван, разлегшийся на траве, хотел было долго-долго помечтать о матери и об отце, но то ли сытый желудок, то ли усталость скосили его так, что он скоро захрапел. Даже снов в эту ночь не видел.

Опять наступило утро. Лагерь готовился к новой битве.

– Когда двести человек могли завоевать весь мир? – хорохорился Чумаквой. – Я один возьму на себя целую сотню.

Райхон-кызык тоже не хотел отставать, а потому воскликнул: «Ну, а вторую сотню я беру на себя!»

– Именно об этом я и думал, – заключил командирским голосом Мешпалван. – Я не хочу вводить в бой, столь пустяковый, самого Ошикболу...

Как только солнце коснулось земли, в поле показались двести чёрнопапашечников и, размахивая своими пёстрыми флагами, с воплями двинулись в бой. У самого лагеря их встретили вооружённые один рогаткой, другой своей плеватальной трубкой-пищалью, Райхон-кызык и Чумаквой. Чёрнопапашечники карабкались по брёвнам и получали то, что им причиталось, кто в лоб, кто в глаз, а эти двое наших героев, превративших бой в потеху, весело перешучивались:

– Не опозорь меня, трубка моя.

– Ах, на рогатку надеюсь я.

– В глаз – шпах, шпах!

– В нос – шплюх, шплюх!

– В левый глаз вон тому попади!

– Нос вон того пропади!

– В глаз – шпах, шпах!
– В нос – шплюх, шплюх!
– Шпах!
– Шплюх!
– Шпах!
– Шплюх!

Бой длился недолго. Не успел ещё Сепкильшах сесть за обед, как ему сообщили, что сотня его воинов вернулась раненная в левый глаз, а другая сотня – в нос. Шах завопил от обиды. Стал метаться туда-сюда, ругал своих военачальников – «Головастики! Паразиты!» Кидался на всех, как собака, бил посуду, впал в истерику.

* * *

Как всегда, солнце проснулось вовремя и начало новый день. На площади выстроилась в колонну треть всех войск Сепкильшаха.

– Ах, жалко, было бы сейчас рядом со мной сорок джигитов моего деда Гёроглы, – вздохнул Ошикбола.

– Ну, этого я не знаю, – сказал Мешпалван. – Как бы то ни было, а очередь воевать – твоя. Не ищи всякие отговорки, а постарайся показать себя в деле!

– Ну уж, тебя о помощи не попрошу, – обиделся Ошикбола. – Да, а вообще, что это ты раскомандовался? Кто тебя назначил нашим военачальником?

Но Мешпалван не сдавался с налету.

– Я с рождения командир. А у вас на лбу написано быть солдатами. Понятно?! Без меня вы все погибнете. Помнишь, как вы лежали в Чёртовом Ущелье и все звали свою «бабулю»? Если бы не мой друг Ходжихон, ещё неизвестно, чем бы всё кончилось!

– Видал я таких! – рассердился Ошикбола. – Пришёл вечером, оповестил о битве, а сам куда-то смылся. До сих пор его где-то черти носят...

Их разговор прервал внезапный голос из-за «крепости». Это был некий воин, с белым флагом, пришедший на переговоры. Он начал излагать свои условия:

– Среди вас есть, оказывается, грозный богатырь Мешпалван. Если он так силен – пусть выйдет в чистое поле сразиться с нашим Рябым-богатырём – кто кого?

Поначалу Мешпалван перепугался, но потом, вспомнив про Чику с Пукой, сидящих у него за пазухой, внезапно осмелел и презрительно заметил:

– Ладно, так уж и быть! Хотя это и не прибавит мне славы.

После этого он вышел навстречу Рябому-богатырю, с шерстистой грудью, как у медведя, с руками, предрекавшими страшные беды, с ногами, толстыми, как у слона, и с телом широким, словно стена.

Встретились они в середине поля, Рябой-богатырь равнодушно взглянул на своего толстяка-соперника и сказал такую речь:

*Породистые собаки
Не дерутся с шавками.
Что мне от этой драки
С букашкой обшарпанной?*

*Ты, как вошь, ползаешь,
Не поймаешь пальчиком.
Но что за польза мне
Драться с хилым мальчиком?*

*Ты достойный воин ли,
Чтобы мне с тобою драться?*

*Ты плевка достоин ли,
Если рад стараться?*

*Пока не сбежал ты
Со скалкой наперевес.
Тебя мне жалко,
Позвал бы отряд свой весь.*

*Всё, что приходит в голову,
Что имею сказать я:
В правый глаз – кол тебе,
В левый глаз – лопатой!*

Не на шутку рассердило Мешпалвана такое пренебрежение, и тогда он ответил Рябому:

*Не копай живым могилу,
Покажи-ка лучшие силу,
Разве должен я тебе?*

*Не трепись, пока не сдюжил,
Затяни-ка пояс туже,
Разве должен я тебе?*

*Каждому есть фрукту время,
На тебе такое бремя, –
Разве должен я тебе?*

*Кто ты есть, что супишь брови,
Как бы не грозил ты кровью,
Разве должен я тебе?*

*Я молчу, ты дразнишь «вошью»...
Мой удар – твоих не плоше...
Разве должен я тебе?*

*Что ж, тогда тебе отвечу:
В рот – ледышкой, в нос же – свечкой.
Разве должен я тебе?*

После того, как они вдоволь посмеялись друг над другом, а вернее, враг над врагом, пошла подготовка к схватке. Мешпалван тронул локтем своих змей и прошептал им: «Чика, Пука, будьте готовы!» Затем он посмотрел на противника и сказал: «Я должен сперва испытать тебя. Дай-ка я надавлю тебе на плечо. Если выдержишь и не встанешь на колени, то стоит с тобой бороться».

– Да хоть катайся на моей шее, – ослабился Рябой верзила.

Мешпалван достал до его плеч, лишь встав на цыпочки. Змеи, выползшие из его рукавов, стали, сцепив хвосты, нещадно душить Рябого, и не прошло мгновения, как он, точно подстреленный медведь, бухнулся без чувств. Мешпалван издал победный клич и упал на него. Змеи тут же заползли обратно.

Чернопапашечники, стоявшие в пятидесяти шагах, ничего не заметили, кроме замертво упавшего своего богатыря, а потому пришли в смятение. А среди друзей Мешпалвана царила безудержная радость.

– Теперь и у нас есть условие, – крикнул Мешпалван воинам Сепкиля. – Пусть самый прославленный едок в Кахратонии посоревнуется со мной за дастарханом!

Как и в любой другой стране, в Кахратонии был один отъявленный взяточник и чревоугодник, который, скажи ему «Взятка!», мог бы проглотить и меч поперёк горла. Быстренько отыскали и привели именно его. Расстелили посреди поля битвы два больших дастархана и устали их всеми мыслимыми яствами.

Чревоугодник с вражеской стороны и впрямь был безобразен: рот, как кошёлка, вместо глаз – щёлка, зубы, как кетмени, уши от толщины щёк – на темени, складной в несколько слоев подбородок; при всей своей хитрости, на вид, как овечка, кроток. Уложили его на бок перед одним из дастарханов, а за другой сел Мешпалван.

– Пожалуйста, господин, возьми взятку, – обратились чернопапашечники к своему едоку.

«А что, разве это бесплатно? – удивился тот. – Хорошо, прислушаемся...» – и так выразил свою преданность своему народу и краю:

*Если кто-то варит плов,
Если просит съесть, без слов
Съем, да так, что будь здоров,
Подчиняюсь воле общей.*

*Люди – сила, люди – власть,
Скажут люди: «Ешьте всласть!»
Буду есть, натужив пасть,
Подчиняюсь воле общей.*

*Вот нарын вам – сорт еды,
Вот лепёшки без воды,
Съесть – мой долг, мои труды,
Подчиняюсь воле общей.*

*Если против всех пойти,
Приговор себе найти.
Но живи, мой аппетит,
Подчиняюсь воле общей.*

И вот началось представление для тех, кто только глотал слюни.

Противник Мешпалвана принялся, по обыкновению, сначала за жидкие блюда, а потом уже за обгрызание костей.

Мешпалван же не стал мелочиться, перемешал в тазу с катыком шербет и каймак, варенье и чеснок, маставу и лепёшки, куски и крошки, солёную капусту и халву, словом, всё, что было на дастархане наяву, и стал макать в это месиво куски мяса и уплетать за обе щёки. Когда пресытившийся противник, икая, доедал лишь три четверти яств дастархана, у Мешпалвана всё было съедено начисто.

Видя такой оборот дела, противник расстроился и настроением, и желудком. И всё же ему не хотелось расставаться с бесплатной трапезой, и он продолжил свои героические усилия. В конце концов у него не осталось сил проглотить последний кусок мяса без трёх пиал чая.

Мешпалван между тем протягивал руки и умолял его: «Дяденька, дайте, пожалуйста, хотя бы одну вашу самсу!» И лишь тогда этот чревоугодник понял, что наткнулся на непобедимого соперника, он воскликнул: «Бери!» – Мешпалван понял эту команду по-своему, и не успел мул прокричать: «И-а!», как он докончил и второй дастархан.

Когда не осталось ничего, кроме чаинок в чайнике, которые также были пережёваны Мешпалваном, он неожиданно спросил у своего противника: «Дядя, а зачем вам такие большие

уши?» Противник не на шутку перепугался и смиренно ответил: «Это тоже одно из украшений человека».

– Какой толк в красоте мужчины? – удивился Мешпалван. – Давайте-ка лучше отведаем одно из этих ушей!

Он уставился на ухо противника и пропел:

*Глянуло из-под волос,
Хоть и не оторвалось,
Так понравилось, хоть брось,
Откушу-ка это ухо.*

*Окуная в суп самсу,
Съел я не одну касу¹,
Но, ей богу, не снесу,
Откушу-ка это ухо.*

*В трёх корзинах съел я хлеб,
Ел, как будто бы ослеп,
И теперь, когда окреп,
Откушу-ка это ухо.*

*Съел четыреста яиц,
Плова ждал, упавши ниц,
И, наевшись до ресниц,
Откушу-ка это ухо.*

*Бочками я пил айран,
И застрял в зубах баран,
Но теперь, почтив Коран,
Откушу-ка это ухо.*

После таких слов глаза противника чуть не выскочили из орбит, и он, воскликнув: «Брось шутить, я болен сердцем, случится что, придётся тебе возмещать убытки», – пропел в ответ:

*Знаю я тебя, обжору,
Съешь одно, и очень скоро
Разорвёшь зубами ворот,
Не шути, я сердцем слаб.*

*Ты бесплатно съел уж столько,
Что храпеть бы, да и только!
Нет, не дам тебе нисколько,
Не шути, я сердцем слаб.*

*Что без соли заваруха?
Что без звона оплеуха?
Наконец, что я без уха?
Не шути, я сердцем слаб.*

*Ты мне только лишь напомни:
Головной убор наполню*

¹ Каса – посуда.

*Серебром своим, но полно,
Не шути, я сердцем слаб.*

*Я себе придумал клетку,
Ты – обжора просто редкий,
Но не трогай ухо, детка,
Не шути, я сердцем слаб.*

Мешпалван уже сам поверил в своё зверство, а потому стал настаивать: «Отдай мне ухо добром!» Перепугавшийся противник стал уползать, волоча пузо по земле, как ящерица, и вопить: «Спасите меня от этой несусветной беды!»

– Стой! – крикнул Мешпалван. – Всё равно откушу твоё ухо!

Но его пузатый противник впервые за многие годы вскочил без чужой помощи и на своих двоих пустился наутёк. Чёрнопапашечники были в панике. И, воспользовавшись их замешательством, Ошикбола повёл своих друзей в бой.

*Чувств лишил богатыря Мешпалван,
Переел обжору наш Мешпалван,
Всех в смятение привёл Мешпалван,
А теперь лупи оглохшего врага!*

*Ты потомок Гёроглы, Ошикбола,
Твой родитель – Равшанбек, Ошикбола.
Страждущим защитник ты, Ошикбола.
Острой саблею секи теперь врага!*

*Будь одним из соколов, Райхон-кызык,
Будь опорой для друзей, Райхон-кызык,
Будь рогаткой славен, о Райхон-кызык,
Меться в нос и наповал лупи врага!*

*Веселись в бою юнец, Чумак-палван,
Цыганёнком будь в бою, Чумак-палван,
Мастерски используй трубку, о Чумак-палван,
В левый глаз лупи и ослепляй врага!*

И пока опомнились чёрнопапашечники, одна сторона поля была уже полна раненых. Каждый из друзей занимался, согласно призыву, своим любимым делом. И только Мешпалван на своём хромом муле руководил боем и каждому давал стратегические советы: «Эй, Ошикбола, шире размах меча!», «Не давай им открыть глаза, Чумаквой!», «Пусть не устаёт рогатка!», а потому сам от души не повоевал. Но, впрочем, ни один из врагов так и не осмелился приблизиться к нему.

Прошло некоторое время, и всё же численность вражеского войска стала сказываться. Чёрнопапашечники начали потихонечку теснить наших друзей с трёх сторон, и было ясно: если они попадут в окружение, то им несдобровать.

И в это время с задней стороны послышались крики. Обернулся Мешпалван и увидел, что постепенно приблизились его войска к Кызкургану и девушки на стенах приветствуют их.

В это время настезь раскрылись ворота, и Мешпалван скомандовал своим войскам:

– За мной! Скрываемся в крепости!

На этот раз все беспрекословно подчинились своему командиру.

Я отведал яблоко зрелое,
Я отведал черешню спелую.
Я отведал инжир пышнотельный
С оплеухой садовника старого...

Вот так, распевая во весь голос свою знаменитую песню, командир на хромом муле увёл свои войска с поля боя. Ошикбола, подгоняя коня, подумал: «А не ловушка ли это?», но, увидев среди других девушек на стене и Ойтумор, поспешил развеять свои сомнения.

Как только они оказались внутри крепости, девушки закрыли ворота и подперли их брёвнами.

Выяснилось, что девушек сговорила на это Ойтумор. Поначалу они поймали надсмотрщицу и связали её по рукам и ногам, а потом, вызывая по одному часовых, якобы к надсмотрщице, стали заворачивать их в паласы.

Ойтумор развязала верёвку на одном из свёрнутых паласов и показала главаря всех стражников – тяжело дышащего толстяка.

– Я раб, нанятый служить в солдатах, – объяснил юноша. – И другие стражники из таких лее. Не убивайте нас, мы вместе с вами ещё покажем Сепкильшаху, где раки зимуют!

Раздались приглушённые голоса из других свёрнутых и поставленных рядом паласов. Остальные, видимо, соглашались.

Чёрнопапашечники тем временем с грохотом лупили в ворота Кызкурмана, стрелы свистели над стенами крепости. Размышлять было некогда. Мешпалван попросил пять лепёшек у девушек, сунул их под нос главарю стражников и воскликнул: «Поклянись на хлебе быть верным воином беспримерно грозного Мешпалвана!», а потом стал нагонять на него страху:

*Если ты нарушишь слово,
Отречёшься от былого,
Пусть тебя боднёт корова,
Так сейчас и поклянись!*

*Если ты забудешь речь –
Голова слетает с плеч,
Или падаешь ты в печь,
Этим страхом поклянись!*

*Если клятвы ты не сдержишь,
За твою такую дерзость
Поглотит земля, отверзаясь,
Так сейчас и поклянись!*

*Если ты преступишь честь.
Если вдруг проснётся мечь,
Людоеду тебя съесть,
Так при мне и поклянись!*

*Если ты обет забудешь
И мужчиною не будешь,
Знай, во всём тогда забудешь,
Знай и тут же поклянись!*

Главарь стражников взял дрожащими от страха руками лепёшки и трижды поднёс их ко лбу: «Да ослепну я, если предам грозного Мешпалвана!» – поклялся он.

Как только он поклялся, проголодавшийся Мешпалван выхватил из его рук лепёшки и хотел было их проглотить, но вспомнил про других арестованных и спросил:

– А им можно верить без клятвы?

– Покуда я жив, они не пикнут, – решительно обещал главарь.

– Если кто-нибудь из них попытается обмануть или предать, то по меньшей мере станет прокажённым! – предупредил Меш.

Из паласов раздались утвердительные возгласы.

Мешпалван теперь спокойно мог съесть свои клятвенные лепёшки.

Они освободили всех стражников и влезли на крепостные стены. Стрелы у чёрнопапашечников кончились, а потому они уже готовили лестницы для штурма. И когда они стали, как муравьи, ползти по лестницам, приставленным к стенам крепости, здоровилы-стражники стали опрокидывать их одним прикосновением своих копий.

Но враг теперь был бесчислен. Свалят одну лестницу, на ее месте вырастают две. Битва разгорелась. И когда защитники уже стали уставать, девушки начали в разных посудинах носить кипяток и лить его на головы врага. Одна из них с тазом перехватила двоих, уже ступивших было на крепостную стену, и облила их кипятком с ног до головы так, что после них остался на стене лишь пар.

– Молодец, сестрица! – воскликнул Мешпалван со своего наблюдательного поста. Затем собрал девиц и стал ободрять их. – Вы не бойтесь, я здесь. Пусть попробует кто-либо прикоснуться к вам – задавлю каждого. Главное, стойте поближе ко мне...

В это время Ойтумор с тремя подругами принесла раскалённое оливковое масло в большом казане и выплеснула его на головы врагов. Раздались страшные вопли.

Мешпалван поддерживал их усердие. «Молодцы, девчата!» – кричал он.

Скоро и девушки выбились из сил, одна даже получила ранение в руку. Остальные сбегались на её крики. И в этот трудный момент вдруг вдалеке показался смерч. Никто ничего не мог понять, но Мешпалван уже кричал, что было сил:

– Друг мой, Ходжихон-джинн идёт! А ещё вдобавок со своими друзьями! Ура!

И впрямь, сюда неслись десятки смерчей. Нет, не на них, а на чёрнопапашечников! Завывая, стали их опрокидывать, поднимать высоко и швырять наземь. Мгновенно осада крепости была снята и округа очищена от вражеского войска.

Конечно же, выше всех смерчей вздымался Ходжихон, быстрее всех крутился. И хоть казалось, что он воет, на самом деле он пел свою радостную песнь:

*Кружись, мой смерч, кружись, кружись,
С листвою осеннюю сдружись.
Листва, шелести,
И смерч, лети!*

*Обрадуются все мои друзья,
И ослеплю врагов песками я.
Листва, шелести,
И смерч, лети!*

*Завоеватель ест бесплатно,
Но камнем по уху – накладно!
Листва, шелести,
Мой смерч, лети!*

*Свистя и воя над врагом,
Гони его в его же дом.
Листва, лети,
И смерч, свисти!*

Ходжихон-джинн был примером в битве для своих друзей. Дрался он без устали. И предводитель войск Кахратонии, ещё недавно считавший, что дело сделано и крепость вот-вот будет взята, был теперь страшно обеспокоен. Он сам бросился на выручку своим войскам, прежде всего, чтобы оправдаться перед Сепкильшахом. Но и он попал в объятия смерча, который поднял его вместе с лошадей до высоты птичьего полёта, а потом понёс, наподобие птичьего помёта.

– На кого вы нас бросаете? – крикнул кто-то.

Со всех сторон закричали:

– Смотрите, наш начальник улетел!

– Он сбегает от нас во дворец!

– Все начальники такие, только о себе и думают!

– Нам не хватает лошадей, а для начальства выдумывают уже воздушных змеев!

– Эй, балбесы! Бегите, пока голова цела!

Словом, Сепкилю не повезло и на этот раз. Его войска, покорявшие страну за страной, не могли справиться с кучкой «сопляково, как он их называл, и бежали прямо на его глазах.

* * *

Сегодняшняя победа, разумеется, подняла командирский авторитет Мешпалвана раз в десять. Как только кончилась битва, девушки окружили его со всех сторон и защебетали, поздравляя с победой славного военачальника.

– Хватит, девчата, не смущайте меня, – начал он по обыкновению своё хвастовство со скромничания. – Я ведь всего-навсего отменно работал головой и отдавал единственно верные приказы. Труднее пришлось моим войскам. Скажите и им, что ли, спасибо, пусть бедняжки обрадуются и завтра воюют получше.

Пока его друзья приводили в порядок свою одежду и оружие, пока умывались и причёсывались, Мешпалван занимал девушек разговорами.

– Странно всё произошло, – уставился он в небо. – Бросил я трёх чёрнопапашечников в небо, двое из них упали на землю, а одного что-то не видать. Неужто зацепился за тучу?

– И Ошикбола дрался что надо, – сказала одна из девушек. – Таких фехтовальщиков, как он, едва ли на свете больше одного!

– Верно! – подхватил Мешпалван. – Таких двоих быть не может. Поскольку он мой единственный ученик.

После этого его засыпали градом вопросов:

– Вай, так вы его учитель?

– А как же? Гёроглы привел его в Алтыарык и сказал мне: «Вот, сделай из него человека!» Я сначала не соглашался, поскольку устал от стодневной битвы с Рыжим колдуном. Но старик Гёроглы чуть не обиделся: «Осталось нас на весь свет два богатыря – и так относиться друг к другу...» Смотрю, человек, с сорока джигитами завоевавший весь мир, обижается не на шутку. И я был вынужден согласиться.

– Раз вы такой мастер, то почему сами без меча?

– Меч и сабли выдаются воинам. Оружие командира – скалка.

– А почему так малочисленны ваши войска?

– Их мало, но все они в меня, всех я выучил. Например, вашего дядю Райхона-кызыка я три года учил стрелять из рогатки. Ведь он, растяпа, не мог попасть в ворота караван-сарая с восьми шагов! Через год он уже попадал в человека, через два – в голову, а через три – в нос. Но и до сих пор, если не подсказывать, он иногда путает нос с ухом... Но самое главное – как я сделал из бродяги-цыганёнка меткого стрелка из трубки...

Одна из девушек съязвила:

– Если вы такой важный, то почему вы на хромом ишаке?

– Взрослая девушка несёт чушь! – рассердился Мешпалван. – Надо думать, прежде чем говорить что-то о таких, как я. Во-первых, если приглядеться, то это не ишак, а лошак. Во-

вторых, я не стал бы менять своего храбреца на коня самого Рустама-палвана. Поскольку мой лошак, или, как вы его называете, ишак, был ранен в битве с сорокаголовым драконом.

– Наверное, дракон ударил его хвостом в копыто?

– Бо, о чём вы болтаете? Как это дракон мог ударить хвостом, если его хвост я намотал себе на руку, чтобы тот не убежал? У дракона может быть до семидесяти голов, но ведь хвост всегда один! Ну и простушки вы, девчата!

– Ну, хорошо, расскажите сами, что произошло с вашим мулом!

– Словом, семь дней и семь ночей я дрался с сорокаголовым драконом...

– А как же с едой? Неужели голодали?

– Я вам скажу вот что: если двадцать пять голов дракона исторгают огонь, то остальные брызгают водой. Так мне пришлось драться, плавая в море выпущенной им воды. Когда же он исторгал огонь, мы с мулом-лошаком ныряли. И вот, смотрю я, птицы, что пролетают над морем, падают замертво уже прожаренные в своём соку. Тайком от дракона я съедал то утку, то кулика, наткнув на свой меч. Кроме того, когда я нырял, в рот заплывала кой-какая рыбёшка. Наконец, на седьмой день седьмого месяца у дракона осталось всего две головы. Теперь они могли только завывать, и море само по себе впиталось в землю, пересохшую от огня.

– А потом?.. А потом?..

Мешпалван нахмурился и продолжил:

– А потом случилось непредвиденное. Пока я дрался с тридцать девятой головой, сороковая поступила нечестно – укусила за ногу моего лошака. Но и мул мой не промах, пока я разделался с этой головой, он откусил у дракона сороковую, последнюю, голову! Э, нет, такое животное я не стану менять на тысячи скакунов!

– Расскажите теперь о джиннах. Как вам удалось привлечь их в своё войско?

– Э-э, не надо, девушки. Опять ставите меня в неловкое положение.

– Ладно уж, расскажите! Нам очень интересно, – стали упрашивать девчата.

– Ну, хорошо, пусть будет по-вашему... На пути к вам мы с друзьями однажды повстречали коварную старуху. Она околдовала нас и свела в Чёртово ущелье. Что делать? Но вот ночью передо мной появился трёхглазый кабан: «Я начальник всех джинов ущелья, вы должны бояться меня!» Я и так, и сяк, а он всё своё. Тогда пришлось двинуть ему по пяточку! Если бы вы видели, что было! Он превратился внезапно в козла и бросился протыкать меня рогами. Слава богу, я ловок, поймал его в воздухе и стал крутить ему рога. Поначалу он блеял, а потом взвыл человеческим голосом. Ну, думаю, теперь будет шёлковым, а он взмыл в воздух и вдруг превратился в огромного, как верблюд, беркута. Гляжу, хочет клюнуть в темя, того и гляди, разобьёт горшок. Если разобьётся горшок, то конец, ничего нет хуже, чем ходить босоголовым. Разозлился я, подпрыгнул и схватил его за горло...

– Так вы и летать умеете? – спросила Ойтумор. У Мешпалвана забегали глаза.

– Как летать?

– Но вы ведь говорите, что догнали беркута...

– А, тогда? Правда, тогда пришлось...

– А вы часто летаете?

– Нет, изредка. В основном хожу по земле.

– Хай, Ойтумор, не прерывай разговора, лучше послушаем, что было потом, – зашумели подруги.

– А потом мы брякнулись вместе с беркутом на землю, – продолжал гордо Мешпалван, – после того, как я оципал его наполовину, он внезапно вырвался из рук и тут же превратился в осла, который стоял ко мне задом. Это затем, чтобы подпрыгнуть и лягнуть меня в подбородок. Видите вот этот шрам? Но самое главное, я остался жив!

– Но если даже не умерли, то наверняка упали без чувств?

– Нет, девчата, я не лишился чувств, поскольку умею владеть собой. Команда – и я на ногах! Снял с себя пояс-шнурок и тут же связал все четыре ноги осла. А когда повесил ему на шею камень, он не смог и шелохнуться. Стал умолять: «Отпусти меня, буду твоим рабом, и войска свои отдаю в твоё распоряжение!»

– А друзья ваши были рядом?

– Можно сказать, что и рядом. Во всяком случае, неподалёку. Смотрю: Райхон-кызык и Ошикбола сидят на вершине тополя. А после того, как я покричал немного, объявился и Чумаквой, забившийся в нору суслика...

Между тем, к кружку беседующих присоединились сперва Ошикбола, потом Чумаквой с Райхоном. Мешпалван отчего-то увял. «Ладно, пора обедать...» – буркнул он.

Э, непоседы-дети! Странные вы читатели! Ведь я говорил вам уже, чтобы вы мне не мешали. Опять двадцать пять, дескать: «Вышел Мешпалван в путь с добрыми намерениями, ну ладно, был обжорой, так теперь и врать стал без удержу!» – говорите вы...

Сказать по правде, и обжорство, и вранье – это вещи совсем никудашные. В особенности ложь, которую никто не переносит. Но есть среди врунишек опасные и безопасные. Так вот, если с этим согласиться, то можно и не пенять на Мешпалвана. Ведь, как сказано, сердце его чисто, а намерения добры. Наверное, именно потому он симпатичен и мне, и вам, а потому мы закрываем глаза на его недостатки...

* * *

Ходжихон-джинн вернулся поздно из дворца Сепкильшаха и рассказал, посмеиваясь, обо всём, что ему довелось увидеть.

По его словам, Сепкиль и его приспешники совсем забыли о планах на завтрашнюю битву, а только вымещали зло на прилетевшем полководце.

– Что это за побег на глазах у всех войск на воздушном змее? – гневно спросил Сепкильшах.

– Какой побег? Я не бежал!

– Ага! Значит, ты просто решил пролететься? Стало быть, ты и прежде был врагом нашего государства и войска нарочно сбил с пути!

– Где воздушный змей? Куда ты его спрятал?! – завизжал ему в тон визирь.

– Какой змей? Не знаю я никаких змеев. Не морочьте мне голову!

Теперь пришёл черёд встречать одному из писарей:

– Раз вы не летали на воздушном змее, показали бы нам свои крылья, а мы бы поздравили вас...

– Что делать военачальнику в небе, когда столь великий падишах ходит по земле? – возмутился второй.

После этих слов Сепкильшах ещё более насторожился и, охватив подбородок рукой, поставил вопрос ребром:

– Ну что, какое наказание мы ему придумаем?

– Завяжем в мешок и повесим на дерево, – сказал визирь.

Писари выдвинули свои предложения:

– Похороним заживо в земле, а сверху посадим дикую яблоню.

– Нет, лучше напоить его, пока не лопнет, помоями.

– Мне кажется, надо засунуть его в печь, а остатки скормить собакам,

Сепкильшах выслушал своих придворных и внезапно вспыхнул:

– Оказывается, ни у кого из вас совести нет! Ведь как-никак он служил нам столько лет, иногда даже выказывал храбрость или что-то такое... А самое главное, он был всем нам приятелем и часто задавал пиры. Как же его теперь позорить перед всеми? Нет, не осталось в вас ничего человеческого. – После этого он ласково произнёс своё решение: – Давайте-ка нашего заблудшего друга прямо здесь и убьём!

Вот как можно выразить чувства Сепкиля в этот миг:

*Не станем позорить друга,
Не станем неволить друга,*

*Не станем мы вздорить с другом,
А сами его убьём.*

*Пусть он не умрёт в разлуке.
Не тронут чужие руки, –
От них, верно, большие муки –
Мы сами его убьём.*

*Здесь мы собрались воедино
И поняли: он не невинен.
Хоть прав он наполовину,
А всё ж мы его убьём.*

*Не станем оправдывать друга,
Пусть он остаётся нам другом.
Но, чтобы поплакать над другом,
Мы сами его убьём.*

Визирь, услышавший предложение Сепкильшаха, воскликнул: «Никогда не видел столь гуманного правителя», и принялся засучивать рукава. Восхваления доброте и мудрости правителя вознесли остальные царедворцы и стали окружать виновного военачальника. И тогда тот бросился в ноги Сепкильшаху и взмолился:

– Простите меня, наглеца, мой правитель, теперь никогда не стану летать без вашего разрешения. Надо же было мне послушаться шайтана! Вот увидите, к утру все четверо смутьянов будут в ваших руках. Группа отборных войск ведёт подкоп под Кызкурган. Только ваше прощенье, мой владыка!

После этих слов предводителя Сепкильшах несколько смягчился...

Здесь Мешпалван прервал Ходжихона-джинна и спросил:

– О каком подкопе ты говоришь?

– Подкоп давно уже готов, – ответил джинн, – еще немного, и враг выйдет из-под твоих ног.

Мешпалван не на шутку встревожился:

– А где они вырыли этот подкоп?

– Не беспокойся, мои друзья охраняют это место, – сказал Ходжихон. – Они начали копать в кустарниках, а вышли за нашей столовой. Я все уже просмотрел.

– Хай, так что же теперь делать? – разволновался Чумаквой.

– Что делать? – переспросил Райхон-кызык. – Как только покажется чужая голова, ты будешь бить в глаз, а я в нос.

Ходжихон-джинн, тем временем, вел себя странно: он разговаривал сам с собой и даже, оказывается, уже придумал одну диковинную хитрость. И вот теперь он сообщил о своём плане друзьям. После некоторых уточнений командующего план был одобрен всеми.

После этого Мешпалван приказал девушкам: «Несите скорее бумагу и калам!» Затем он велел передать всё это Ошикболе.

Что делать, самым образованным среди четверых был Ошикбола. Взяв бумагу и палочку для письма, он ждал слова командира.

И тогда Мешпалван произнёс:

– Пиши, Ошикбола, сначала название: «Предупреждающее письмо от прославленного на сто сторон грозного Мешпалвана прирождённому подонку Сепкильшаху, отъявленному пьянчуге, топчущему своими грязными ногами множество стран»... Написал? Молодец!

Затем он встал в позу завоевателя мира и стал торжественно диктовать само письмо, тем временем, как его секретарь писал и посмеивался:

«Эй, Сепкильшах! Ты ублюдок потому, что вырвал кусок хлеба изо рта людей. В твоё правление людям жилось, как собакам, а собакам – как людям! Все на тебя в обиде. Если поймают тебя где-нибудь в сторонке, наверняка запинают. Не лучше ли тебе подохнуть самому?»

Но если говорить откровенно, ещё не поздно, освободи по-хорошему престол. Если отправишься куда глаза глядят по своей воле, мы не станем тебя преследовать. Не бери греха на душу, не губи своих солдат, всё равно тебе конец. Будь ты поумнее, заслышав моё имя, сбежал бы хоть верхом на кошке!

Словом, пропади, пока ты ещё в почёте. Мы с войсками желаем тебе доброго пути и попутного ветра!»

Закончив письмо, они освободили из тюрьмы надсмотрщицу и направили её с этим посланием к Сепкилю.

И лишь после того Мешпалван разрешил всем поспать перед завтрашним боем. Некоторое время спустя он оставил на страже только несколько джиннов и лёг спать сам.

Обычно даже самый бдительный человек засыпает между полуночью и рассветом. И именно на этот час назначил свою операцию начальник войск Сепкиля.

По его мысли, часть войск должна была пробраться через подкоп в крепость и внезапно напасть на спящих врагов, а несколько воинов открыли бы крепостные ворота для остальных. Это и должно было обеспечить успех операции.

Но один из джиннов, стоявших у подкопа, принёс весть о начале операции, лишь только первые из воинов Сепкиля полезли под землю, как Ходжихон тут же поднял по тревоге четверых друзей. Они пробрались в укромное местечко и стал ожидать, прислушиваясь даже к стрекоту кузнечиков в траве!

Наконец, послышался шорох, и из подкопа показалась чёрная папаха, под чёрной папачой два глаза, полные тревоги и страха, затем нос, как тыква для насвая, вслед за ним рот и вся голова, как на сваях. Поглядела голова по сторонам и подала знак остальным, дескать, безопасно.

В мгновение ока площадка за столовой переполнилась войсками. И только собрались они разделиться на две части и двинуться, кто в спальню, кто к воротам, как джинны Ходжихона, принявшие облик львов, стали окружать их с четырёх сторон и, рыча, сжимать кольцо. Воины Сепкиля наверняка пожалели о том, что родились не воробьями, и тут же оцепенели.

– Кто шевельнётся – станет пищей льва! – закричал Ошикбола. – А ну-ка, шагай к воротам!

Чёрнопапашечники подчинились приказу. У ворот Ошикбола сказал им в напутствие:

– Нам не нужны пленные. Мы сейчас отворим ворота и отпустим вас. Но только с условием, что последние пятеро будут отданы на съедение львам.

И тут в строю началось столпотворение: все устремились вперёд, крича:

– Эй ты, шавка, куда лезешь? Стой согласно ранжиру!

– Какой ещё ранжир?!

– Йе, теперь этот ползёт. Пошёл на место, малявка! Ты один жить хочешь?

– Дружище, пропусти меня! Вот, возьми мои деньги!

– На кой чёрт мне твои деньги? Львам, что ли, скармливать?!

Мешпалван тем временем влез на арку, подбоченился. Чёрнопапашечники за воротами были настороже, как сороки, но не разобрали в темноте, что за тень появилась перед ними.

– Эге, так половина злодеев здесь! – воскликнул Мешпалван. – Уничтожить всех до единого! Вперёд, мои войска! Ха-юв!!!

И вместе с этой командой были отворены ворота, и два стремительных потока войск Сепкиля столкнулись со всего разбега лбами.

Червь считает:

– Грязь прекрасна.

Моль считает:

– Бязь прекрасна.

Сом считает:

– Сай прекрасен.

Человек же:

– Чай прекрасен!

Человек же:

– Сладок кров.

Палачам же

В сладость кровь.

Воинам сладка лишь слава,

Трусам – горько слева, справа!

Схлестнулись два потока, и воины, что стояли у ворот, увидев такое количество войск, якобы защитников крепости, поначалу растерялись, но потом, обнажив мечи из-за страха перед Сепкилем, бросились на врага!

Драка во тьме шла не на жизнь, а на смерть. Ведь одинаково страшно погибать от сабли противника или от клыков льва! И только с наступлением рассвета оставшиеся в живых десять или пятнадцать человек с каждой стороны вдруг увидели и на себе, и на враге одинаковые чёрные папахи. Они были готовы рвать себе волосы из-под этих чёрных папах!

Дошла эта страшная весть и до Сепкиля вместе с письмом от Мешпалвана, и теперь Сепкиль не знал, куда деваться от обуревавшего его гнева. Ведь кроме того, что было написано в письме, Мешпалван передал и устно через надсмотрщицу свой совет, дескать, скажи своему правителю, пусть наймётся учеником к какому-нибудь кузнецу и занимается мирным хозяйством.

Ещё вчера он называл этих четырёх сопляками, а сегодня он уже понимал, что «сопляки» привели его и судьбу его престола да короны к последней черте.

Битва не на жизнь, а на смерть началась с утра. Сепкильшах вывел на поле все имеющиеся свои войска, конные и пешие, большие и меньшие, словом, все аулы и караулы поставил он на кон.

Да, теперь было не до шуток. Теперь не хватало ни сил, ни рук, чтобы опрокидывать лестницы, по которым, как муравьи, ползли воины Сепкиля. Мешпалван всё так же ходил по стене крепости и отпускал руководящие указания, держа при этом в руках скалку, как дутар, но при этом он почему-то никому не надоедал, напротив, все воодушевлялись, слыша:

– Хой, Чумаков, не жалей зарядов! Прибавь-ка перцу!

– Будьте здоровы, отец Райхон! Не забывайте, что нос находится между глаз!

– Молодцы, стражники! Держите крепче копыя! Кто нарушит клятву, тот обречёт себя на проказу!

– Вай, Ошикбола, не раскрывай грудь! На что мы выделили тебе щит? Умрёшь, – что я скажу твоему деду?

Так он точил свой язык вместо меча, ходил, как попугай гадалки, стрекоча. Между делом и он вмешивался в ход боевых событий и опрокидывал одного-двух забиравшихся на стену врагов своей скалкой. Он уже не разбирал, какой из смерчей Ходжихон, а потому ко всем обращался с этим именем благодарил их за дружбу и службу:

В Кызкургане наша крепость,

Дай бог стенам этим крепость,

Мы, смеясь, их скинем в пропасть,

Однополчане Мешпалвана.

Хищные враги ползут,

Их, видать, тревожит зуд,

Что ж, почешем каждый зуб,

Однополчане Мешпалвана.

*Враг, ей-ей, не зрел на планы,
И летит со стен на пламя,
Но танцуют меж колами
Однополчане Меишпалвана.*

*Хищен враг и жаден, вах!
В чёрную мишень папах
Трубкой и рогаткой бах! –
Однополчане Меишпалвана.*

*Враг идёт, забыв про страхи,
Только чёрные папах
Обернём мы в «охи-ахи»,
Однополчане Меишпалвана.*

*Враг наш хвастает числом,
Лестницы несет селом.
Только пустят их на слом
Однополчане Меишпалвана.*

*Враг везде кричит и воет.
Но когда приступит к бою
Ходжихон, он громче вдвое,
Однополчанин Меишпалвана.*

*На все четыре стороны,
От страны и до страны,
Славят волю средь войны
Однополчане Меишпалвана.*

*Пусть терпенье станет стягом,
Пусть народ им станет флагом,
Пусть идут победным шагом
Однополчане Меишпалвана!*

Командующий войсками Сепкиля из всех сил старался сегодня смыть позор вчерашнего поражения, а потому присмотрел, где стоит Сепкильшах со своей подзорной трубой, ринулся туда, обнажив свой меч. Он кричал больше обычного, дабы услышал его царь, но крик сослужил ему плохую хужбу, поскольку Ходжихон-джинн услышал знакомый голос и решил повторить вчерашнюю проделку. Он выхватил из седла командующего и, закрутив вместе с конём, поднял высоко в небеса. Три раза пронёс его вокруг крепости. Опять чёрнопапашечники закричали: «Смотрите, начальник снова летает!»

– Ах, подонок! Опять бросил нас на смерть, а сам летает на воздушном змее.

– Он любимчик царя. А потому что хочет, то и творит. И солнце встаёт для него, и луна!

– Дали бы и нам такие воздушные змеи, и мы бы легко взяли крепость!

Когда все уставились в небо, Ходжихон раздул красные шаровары командира и стал уносить его всё дальше и дальше. Войска, выученные беспрекословному подчинению, побежали в ту сторону.

– Назад! Бараны! – кричал Сепкильшах, преграждая им путь.

Но воины отвечали: «Чем мы виноваты? Куда командир, туда и мы! Таков порядок!»

– Начальник переступил все пределы, – обратился к Сепкилю один из писарей.

– Смотрите, как бесстыдно он развеивает свои красные штаны над вами, – науськивал другой.

Но резче всех сказал визирь:

– Он нарушил клятву – всё равно, что настудил на ваше лицо, мой государь! Живым он не должен спуститься на землю!

От гнева глаза Сепкиля вылезли на лоб, брови и вовсе оказались на темечке, описав дугу, и он воскликнул, глядя в небо:

– Высочайше приказываю! Начиная с этой минуты, будет считаться этот подонок неопознанной целью. Сбить его и доставить к моим ногам! Сбившему в награду будет дан новый кумган!

В ту же секунду сотни стрел превратили командующего в настоящего воздушного ежа.

Пока лучники приходили в себя, Сепкильшах распорядился пустить в дело таранщиков и пушечников.

– Сейчас, мои шакалы, вы пойдёте в крепость, как на прогулку, – подбадривал шах свои войска.

– Благодарите господина своего, – воскликнул один из писарей, – чтобы вам стало легче, он бросает в бой дорогостоящие стенобитные машины.

– У царя много золота, – поддержал его второй. – Он может порекомендовать любого из геройски погибших в рай!

... И вдруг полетели огромные, как сундуки, камни в сторону крепости, разбивая её стены. Пыль покрыла все стороны света, и стало невозможно различить пыль, поднятую ядрами от смерчей. Один из каменных осколков попал в голову Мешпалвана, разбился горшок, полетели черепки... Кровь потекла по лбу командира, он упал, и Чумаквой завопил во всё горло:

– Друзья! Убили нашего Мешпалвана!

Все бросились к командиру. Через минуту его отнесли вниз к девушкам.

Он был бледен, как вата, руки тряслись виновато, но никаких других признаков жизни не подавал.

– Бедный, так и не увидел своих родителей, – стёр слёзы с глаз Райхон.

У Чумаквой слёзы лились рекой. «Мы ещё им покажем!» – угрожал он кулаком.

– Вы не беспокойтесь, – обратилась к парням Ойтумор, – мы посмотрим за ним сами. Отец вот этой девушки был лекарем, – показала она на подружку. – Она многому у него научилась, – попыталась она успокоить друзей.

Меша уложили на мягкую постель, и девушка-лекарь принялась хлопотать.

– Ну, ладно, пошли, – сказал Ошикбола. – Надо отомстить за Мешпалвана!

– Отомстим, – подтвердил Чумаквой.

– Отомстим, – воскликнул Райхон-кызык, повторили за ним стражники на стене.

Стенобитные ядра всё продолжали долбить и разрушать стену крепости. Поскольку ядра были из валунов, то Чумаквою казалось, что к полудню с лица земли пропадёт целая гора, ушедшая на ядра. Но вдруг наступила пугающая тишина... И солдаты с лестницами опять бросились на штурм крепости.

Теперь было ещё труднее защищать полуразрушенную крепость. И хотя в проломах стен стояли смерчи, но все же чёрнопапашечники налегали именно на эти места.

Десяток врагов проник в одну из щелей. Они забрались на стену, начали сражаться врукопашную. Цель их была ясна – прыгнуть под стену и открыть ворота. Но тут девушки проявили ещё раз смекалку: они засыпали всё подножие стены горящими углями, и чёрнопапашечники, те, кто в нетерпении или в страхе бросались вниз, мгновенно превращались в шашлыки.

Было трудно, но даже теперь Ошикбола думал лишь об Ойтумар. И сейчас, обрабатывая мечом одного за другим ползущих на стены врагов, он поглядел на Райхона, неутомимо натягивающего рогатку, и крикнул ему:

– Отец, спуститесь вниз! Уведите и девушек, и Мешпалвана через потайной лаз из крепости. Только быстрее!

Райхон-кызык воспротивился было, но Ошикбола гаркнул так, что старик напугался и тут же бросился вниз.

Бой продолжался. В эту минуту чуть не убили и самого Ошикболу: пока он дрался с одним, сзади подкрался другой и уже нацелил ему в спину копьё, как вдруг раздался короткий шлепок, и Ошикбола увидел, что его возможный убийца, схватившись за нос, валится со стены.

И хоть рассердился Ошикбола на неожиданное появление Райхона-кызыка, но тот быстро объяснил:

– Девушки говорят, что никуда не побегут. Говорят, если погибать, так вместе!

Ошикбола сжал губы и подумал: «Ну, что ж! Погибать, так вместе!»

Вдруг внизу раздалась песня, и ему показалось, что с её звуками в усталую его руку вливаются новые силы.

Ойгумор же продолжала петь:

*Подпоясавшись, герой
За народ стоит горой,
И мечом своим порой
Он врагу – за палача.*

*Если враг его теснит,
Смелый прокричит в зенит
И на крике устоит,
Трус – заплачет сгоряча.*

*У кого есть племя, род,
Не сдаётся просто тот,
Не глядит врагу он в рот,
Точит лезвие меча.*

*Если есть в герое честь,
В нём тогда и смелость есть.
И его святая месть
Двинет по врагу плеча...*

Когда расстояние между жизнью и смертью сократилось до одного шага, вдруг показалась толпа, которая валом валила на врага. Это была окончательная победа над проклятым Сепкильшахом.

* * *

Восставшие вошли в крепость и принялись обниматься с её защитниками.

Высокий мужчина, державший добытый в бою меч, обратился к молчаливым девушкам, стоявшим поодаль: «Вы чего же боитесь?», но, увидев лежавшего на курпаче Мешпалвана, вдруг осёкся, и, став на колени перед ним, взял его перевязанную голову в руки. «Мешпалван, открой глаза, сынок! Это я, твой отец!» – шептал он. «Открой свои глаза, сынок!» – вскрикнул и прижался к его холодному лицу. Что звучало у него в голове? Не это ли?

*... За луг, что сгнил из-за врага,
За ключ, что высох от врага,
За край, что гибнет от врага,
Неужто жизнь твоя ценой?*

*За эти высохшие степи,
За соль озёр, за боль рассветов,
За тропы и на тропах сети
Неужто жизнь твоя ценой?*

*За опустевшие сады,
За горы без былой руды,
И за сердца, а в них следы,
Неужто жизнь твоя ценой?*

*За звук твоей разбитой лиры,
За книги, заткнутые в дыры,
За крик в тюрьме, за конвоиров
Неужто жизнь твоя ценой?*

*За цветник увядших роз,
За колоды и за гроши,
И за честь, что с мезтью врозь,
Неужто жизнь твоя ценой?*

*За мечи, что поржавели,
За гробы, что смыты селем,
И за битву на пределе
Неужто жизнь твоя ценой?*

*За слепую муть в реке,
За сплошную соль в тоске,
И за почву, всю в песке,
Неужто жизнь твоя ценой?*

*За седину оглохшей мамы,
И за отца, что смотрит прямо,
И за детей там, за горами,
Неужто жизнь твоя ценой?*

*За прощенье храбрым, смелым,
За презренье к неумелым,
За пример потомкам делом
Неужто жизнь твоя ценой?*

Все застыли, в это время Мешпалван чуть заметно зашевелил губами и приоткрыл глаза.

– Сын мой! Дитяtko! Ты жив? – воскликнул отец. Мешпалван, прежде чем ответить на вопрос отца, собрался с силами и плюнул в небо. И лишь после того, как плевок, описав дугу, упал на его щеку, он уверился, что жив, и прошептал:

– Отец... отец мой...

– Открой глаза пошире, сынок!

– Не бойтесь... я не умру...

Сказал он эти слова и опять смежил веки.

Отец подтвердил: «Конечно, не умрёшь. Такие, как ты, не умирают», – и прижал его к себе, поцеловал в холодный лоб, слёзы из глаз его посыпались градом.

Все кругом молчали. И только маленький смерч, примчавшись бог весть откуда, все вертелся вокруг сына и отца, как будто птица над своим гнездом.

После того, как Кахратония была освобождена из-под ига злого Сепкиля, пришел праздник на улицу рабов. Согласно обычаям тех времён, люди решили так: «Ты – парень из царского рода, будь нам теперь главой, а к Гёроглы мы пошлем своих послов, чтобы отпустил тебя», – и выбрали Ошикболу своим царем. Райхон-кызык стал у него визирем, начальник стражников – главнокомандующим, а Чумаквой – казначеем.

Мешпалван, лечившийся под присмотром своих родителей, отказался оставаться в этом краю. Оглядев всех своих друзей, сказал: «Нет, я не могу жить без Алтыарыка. Да и Алтыарык без меня опустеет». Затем взглянул на девушку-лекарку, кормившую его змей-близнецов, и обратился к отцу:

– Ачахон, оказывается, сирота, заберём и её с собой. Правда, папа?

– А как же, сынок. Ачахон теперь будет жить у нас.

– Спасибо, папа. Всех вам благ...

Мешпалван спал в эту ночь как никогда крепко и видел сон, вполне соответствующий его помыслам.

Видит он во сне, что друзья его направились к нему в гости в Алтыарык. И даже Ходжихон кружит со всеми рядом. А сам Мешпалван всё поёт свою песню:

*Я отведал яблоко зрелое,
Я отведал черешню спелую,
Я отведал инжир пышнотелый
С оплеухой садовника старого...*

Долго они шли и вот дошли до усадьбы Мутала-майнавоза. Стучат в ворота, а он их не пускает: «Я сам, дескать, живу хуже нищего, не могу вас ничем угостить, дорогие». Оказывается, после того как был повержен Сепкиль, рабы отобрали землю и у Мутала. Пересмешник, отведав их кулаков, стал нелюдимым и всегда сидел за семью запорами.

– Дурак! Жадный дурак! – рассердился Чумаквой. – Надо проломить ему ворота!

Райхон-кызык тем временем рассказал об издевательствах Мутала Ходжихон-джинну, который разгневался не на шутку.

И тогда Мешпалван стал осуществлять свой задуманный план. Собрал он народ округи и стал угрожать Муталу.

– Освободи по-хорошему сад, – предложил он. – Некогда ты предавал и продавал вот этих людей. Теперь я не допущу, чтобы ты жил с ними под одним небом, убирайся!

– Да я и сам не хочу здесь жить, – улыбнулся, скрестив руки на пузе, Мутал-майнавоз. – Было бы неплохо, если кто-нибудь из богатых людей купил бы у меня это дедовское наследие. Вот чего я жду, вот на что надеюсь, дорогие!

Ошикбола спросил: «Сколько же стоит твоё имущество?», на что Мутал ответил: «Сто тысяч золотых».

– Ладно, – согласился Мешпалван. – Отсчитаем сто тысяч при этих свидетелях. Ну-ка, Чумаквой, открывай мешок.

Чумаквой якобы развязал мешок и будто бы стал вместе с Мешпалваном отсыпать из мешка золотые. И они даже звенят «дзынь-дзынь». Это Ходжихон-джинн даёт шумовое оформление.

Ошикбола же смотрит на свидетелей и спрашивает: «Слышите звон?» «Слышим» – отвечают свидетели. «А ты?» – обращается Ошикбола к Муталу. «Слышу», – соглашается он, кланяясь.

Словом, так и отсчитывали ему якобы сто тысяч золотых таньга.

Когда после пятидесяти трёх тысяч ста двух монет Мешпалван назвал цифру пятьдесят три тысячи сто восемь, Мутал с визгом прервал его: «Ошиблись!» Мешпалван согласился и добавил якобы ещё пять золотых. А Чумаквой и Ошикбола относили воображаемые тяже-

ленные мешки с золотом к ногам, а потом и на спину Мутала. (В это время на него взобрался невидимый днём Ходжихон-джинн).

– Не тяжело? – спросил Мутала Мешпалван.

– Нет-нет, что вы, – пропыхтел Мутал, затем быстро-быстро стал удаляться, чуть ли не пропахал носом землю.

Долго смеялись люди над этим представлением.

Вечером вернулся Ходжихон-джинн и сказал, что с Муталом теперь покончено.

А было дело так. В пустыне Ходжихон, соскочив с шеи Мутала, превратился по своему обыкновению в смерч, а Мутал, вдруг лишенный заветной тяжести, бросился вслед за смерчем с криком: «Куда, вы мои золотые?! Мои дорогие!» и бежал, высунув язык, пока не подох. А может быть и сейчас ещё бежит по пустыне?

Так и будет бегать за миражем-богатством, не правда ли?

Вот о чём размышляли друзья, когда весёлой гурьбой подходили к Мингпобе.

Нищий, которого они оставили на перекрёстке, всё ещё сидел в той же позе, разглядывая огненные облака. Но теперь он не говорил своих странных слов, у него не было рта, чтобы говорить, не было глотки для глотания пищи. И даже нос ему кто-то отрезал. А вместо этого перед ним лежала горка отрезанных ушей, мозгов и сердец.

Но в это время Мешпалван внезапно проснулся, как будто от щекотки. Смотрит, близнецы-змеи сидят у него на животе и воют из-за какого-то полудохлого кузнечика.

– В чём дело, господа? – воскликнул Мешпалван и дал по оплеухе каждой, лишь тогда змеи успокоились. Разделил Мешпалван кузнечика им, поровну и стал гадать: которая из них Чика, а которая – Пука, а потом, вообще, как змеи различают своих детишек?

Недельные торжества в Кахратонии соединились с торжествами в честь свадьбы Ошикболы и Ойтумора. Песня перетекла в песню, канатоходцы перепрыгнули на другой канат, борцы перестали друг друга тягать, а певцы, напротив, стали друг другу внимать, женщины пошли по портникам, мужчины по брадобреям и книгам, были починены старые заборы, украшены улицы и подроря, словом, кипела жизнь, а в ней – праздник.

Отец Мешпалвана решил вывести сына на торжества.

– А как же Ачахон? – спросил тот.

– Ты иди с отцом, а мы с Ачахон пойдём к невесте, – улыбнулась мать.

Затем мать погладила его разбитую, перевязанную голову и посоветовала не особо хватать перед гостями: «Ведь ты теперь уже большой», – сказала не без гордости она. И разъяснила:

*Кто без всякого сомненья
Сас себя переоценит,
Тот, как клоуны на сцене,
Станет всем посмешищем.*

*Если нож решит: «Я – меч»,
Если хrap решит: «Я – речь»,
Словно трус на поле сеч,
Станет всем посмешищем.*

*Если искрой мнится пепел,
Если злыднем – тот, кто светел,
Или пьяным – тот, кто не пил –
Станет всем посмешищем.*

*Если чиж решит: «я – лей»,
Если домом станет хлев,*

*Всякий, кто обманет всех,
Станет всем посмешищем.*

*Если скажет шип: я – роза,
Заяц выступит с угрозой,
То, как голый на морозе –
Станет всем посмешищем.*

*Тот, кто хвастает и лжёт,
Кто слова не бережёт,
Тот себя во лжи сожжёт,
Станет всем посмешищем.*

– Сказать по правде, я сам не замечаю, где начинаю говорить лишнее, – простодушно признался Мешпалван.

Тогда отец шутиливо успокоил его: «Если начнёшь задаваться, я покашляю», – и похлопал сына по плечу.

На огромной площади между дворцом и садом были расстелены ковры и курпачи. Рабы и бедняки округи сидели рядом, как братья, и неспешно переговаривались о чём-то радостном.

– Отправимся сразу после свадьбы домой, а, папа? – то и дело обращался к отцу Мешпалван. – Я очень соскучился по бабушке.

– А я, – заметил отец, – я, кроме того, соскучился по молотьбе!

Раненый Мешпалван теперь использовал скалку как посох и шёл, хромая, опираясь на неё. Его встретили рукоплесканиями, а раз так, было бы невежливо не обратиться к народу с какой-нибудь речью.

Когда бы Мешпалван, предвидя десятки мудрых среди собравшихся, не сказал бы нечто поэтически витиевато, он не был бы Мешпалваном. Он вышел из-под надзора своего отца и, с фасоном подняв руку, обратился к людям:

– Не надо, мои дорогие! Мне очень неловко. Что я сделал, чтобы вам так кланяться! Ну, разбил я Сепкильшаха, так и войска мои постарались. И что такое для меня, громившего дэвов и людоедов, расправиться с каким-то царишкой? Что мышь, что Сепкиль...

Тут отец закашлялся. На мгновение над площадью воцарилась тишина.

– Словом, не надо меня смущать, – сказал Мешпалван, глянув исподлобья на отца. – Мой вам совет; чем кланяться своим освободителям-богатырям, лучше сами бы немного поучились воевать. Много таких, как Сепкиль, мало таких, как я. Ведь у меня может времени не хватить – всякий раз освобождать вас.

– Правду говорит грозный Мешпалван, – сказал кто-то в кругу. – Мы сами – рохли беззащитные!

– Да здравствует отважный Мешпалван! – закричал другой. – Да здравствуют его героические войска!

Мешпалван вежливо отвесил поклон:

– Спасибо! Всего вам наилучшего!

Затем он прошёл к Райхону-кызыку и Чумаквою и сел между ними. Отец его сел напротив.

* * *

Через некоторое время начался настоящий пир. Сотни служителей стали разносить тысячи разных блюд. Что бы ни ставили перед Мешпалваном, он поглощал без оглядки. Один из них был вынужден только лишь за ним убирать посуду. Чумаквой и Райхон-кызык не знали, как к этому отнестись, а потому сидели молча и хмурю.

И только лишь когда отец Меша опять закашлялся, Мешпалван, опомнившись, скрестил руки на груди и степенно огляделся по сторонам, дескать, всё же со старших, что ли, начать бы трапезу... И высказался так:

*Напоив язык слюной,
Закатайте ус хмельной
В рукава и свой, и мой, –
Всё бесплатно на пиру.*

*По обычаю слерва
Ест старик иль голова,
Так и нам велит молва,
Всё бесплатно на пиру.*

*Можно дома позевать,
Можно лечь и на кровать,
Но на свадьбе – пировать, –
Всё бесплатно на пиру.*

*Коль не знал, то будешь знать,
Ты теперь ни чернь, ни знать,
Ты – пришедший пировать,
Всё бесплатно на пиру.*

*Пусть зовёт на пир карнай,
Толпы люда принимай,
Их весельем занимай,
Всё бесплатно на пиру.*

*Нужен на войне таран,
Здесь – поджаренный баран,
Нет аппетита! – Срам!
Всё бесплатно на пиру.*

*Нет, не платит ночь луне,
И могила не в цене,
На пиру – не на войне –
Всё бесплатно на пиру.*

*В бане заплати за таз,
На квартире – свет за газ,
Только здесь, смотри не сглазь,
Всё бесплатно на пиру.*

*На базаре есть навар,
Деньги или же товар,
Здесь – кипящий самовар,
Всё бесплатно на пиру.*

*Не зевай, еда не ждёт,
Кто не ест, тот – идиот,
Ешь скорей, честной народ,
Всё бесплатно на пиру!*

После этих слов Мешпалвана, все приступили к трапезе. Толстые протягивали руки к чаю, худые в мясе души не чаяли, высокие – шеи согнули, малыши! – руки тянули...

Мешпалван то и дело на отца глаз косил, сидел прилично, ничего не просил, Чумаквою завидовал, свое терпение испытывал: вздыхая тяжело, грыз только фисташки. Один раз, воспользовавшись тем, что отец отвернулся, он мгновенно управился с блюдом нишалды¹.

Напротив Мешпалвана, рядом с его отцом сидел их односельчанин – продавец жареной кукурузы, пригнанный сюда в рабство. Поглядел он на скалку! Меша и решил пошутить:

– Послушай, Мешпалван, что лучше для драки – копьё или скалка?

– Какое оружие удобно для владельца, то и лучше.

– Верно. Но говорят, что копьё можно метнуть на сто шагов. А вот со скалкой, наверное, труднее.

Подобное неуважение к его боевому славному оружию несколько задело Мешпалвана, и он сказал:

– Вы говорите о ста шагах. Я сшибал тыковку на расстоянии двухсот шагов. Одно дело копьё, а другое – скалка!

И стал Мешпалван описывать достоинства своего оружия:

*Я могу держать пари,
Что немой заговорит,
Коли скалкой одарить,
Нет, копьё – не скалка.*

*Что вам лук и что праща,
Если и бока трещат
И приходится пищать
Нет, копьё – не скалка.*

*Если треснуть по бокам,
То немедля нужно вам
Лечь, укрыться, взять стакан,
Нет, копьё – не скалка.*

*А заедут по икре,
То уже не как в игре:
Вам костыль иметь не грех,
Нет, копьё не скалка.*

*Нет, от скалки не сбежишь,
Ни как кошка, ни как мышь,
Вот нора, а вот те шиш!
Нет, копьё – не скалка.*

*А сбегать, так из села,
Впрочем, нет, что за дела,
Треснет – кружишь, как юла,
Нет, копьё – не скалка.*

*Вот что скажет Мешпалван:
Кто был скалкой наделён,
На всю жизнь запомнит он,
Что копьё – не скалка!*

¹ Нишалда – сладкое блюдо из яичных белков и сахара.

Выслушал продавец кукурузы столь вдохновенную песнь о скалке и всё же решил посомневаться:

– Не обижайся, Мешпалван, но трудно же бросить скалку на двести шагов. Тем более попасть в тыковку...

Мешпалвану никогда не нравилось становиться посмешищем на людях. А этот кукурузник явно намекал, что он лжец.

– Не верите? Показать?

Он так разгорячился, что забыл: ведь никогда в жизни он не бросал своей скалки и на пять шагов, не слышал Меш и покашливаний своего отца. Вскочил с места и швырнул с размаху свою скалку, которая пролетела тридцать шагов и стала было приземляться, но вдруг опять набрала высоту и летела, пока не скрылась из виду.

Продавец жареной кукурузы был повержен.

Ходжихон (а вы догадались, что это был он) покружил скалку за стенами дворца и понёс её обратно в сторону Мешпалвана.

Все были поражены тем, что лучшее в мире оружие ещё и возвращается к хозяину.

– Йе, твоя скалка опять здесь! – удивился продавец кукурузы. – Не понимаю...

– Что тут непонятного? – пробурчал Мешпалван. – Если говорить честно, то скалка моя совершила один оборот вокруг земли.

– Вах! – восхищённо завопили люди.

Отец понял, в чём дело, ведь он заметил, как после броска исчез маленький смерч, кружившийся у цветника, а поэтому он опять покашлял, но на этот раз Мешпалван обиделся:

– Папа, не надо кашлять по поводу и без повода. Ведь вы сами видели мою силу!

Отец едва сдержал улыбку, между тем как продавец жареной кукурузы пролепетал себе в усы: «Да, если скалка совершила оборот вокруг земли, то, стало быть, земля не плоская!..»

Но самое интересное на свадьбе началось вечером.

Вечерний пир был устроен для мужчин во дворце, а для женщин в Кызкургане.

Поскольку родственники Ошикболы и Ойтумор не смогли приехать из далёких стран, то сторону жениха представлял отец Мешпалвана, а сторону невесты – его мать.

Пир длился до полуночи, а после полуночи сторона жениха направилась в Кызкурган, за невестой. Веселье хлынуло теперь на улицу. Певцы пели, музыканты играли, клоуны смешили, зрители смеялись, словом, все соединяли воедино ночь с рассветом.

Ошикбола надел кольцо на нежный палец своей возлюбленной.

В честь этого был устроен золотой дождь над детишками всей округи.

Уже к утру друзья жениха сели на коней, вслед за ними на разукрашенной арбе двинулись ко дворцу жених с невестой. Замыкали процессию несколько повозок с женщинами, везущими подарки невесте.

Весёлые песни разносились по всем кишлакам округи, где-то пацанва выходила и преграждала им по обычаю путь верёвкой; приходилось разбрасывать детворе подарки.

Когда они достигли дворца и невеста ступила на землю, раздались задорные звуки бубнов, карнаев и сурнаев. Всё это сплелось в восторженный хор голосов, приветствующих невесту и жениха, когда те направились в покои.

Мешпалван шагал со всеми, опираясь на свою скалку. Когда он приблизился к тому месту, где ещё до ухода присмотрел огромный кусок баранины, который, согласно обычаю, должны были съесть друзья жениха, он увидел неподалёку пса, который сладко облизывался.

Мешпалван поспешил ткнуть в бок Чумаквоя и Райхона-кызыка:

– Эй, вы что, слепые?!

– Что случилось?

– Удар по свадьбе! Вы что, не видите, что пёс уже обнюхал то мясо?!

– Так всего-то навсего? Ну, пусть бы слопал! И что?

– Вы думаете, что говорите? Если каждая дворняга будет есть по пять фунтов мяса, нам что, с голода умирать?

– Есть место и время шутке! – впервые серьёзно сказал Чумаковой-казначей.

– Нет, не надо бы по вам давать должностей, вы тут же испортились, – рассердился Мешпалван. Затем внезапно скомандовал: – Приказываю! Взять под обстрел из пищали!

Чумаковой почуял, что Мешпалван на этот раз не шутит и тут нее исполнил приказ, несмотря на свой солидный чин. Пёс заскулил и бросился бежать.

– Так тебе и надо! – злорадствовал Чумаковой. – Кто ты такой, чтобы Мешпалван подьедал за тобой!

Но говорят же: собаки – что хрящ, через мгновение пёс опять нацелился на мясо. Тогда пришлось показывать своё незаржавевшее умение Райхону-кызыку. На этот раз пёс позорно бежал.

– Э-э, спасибо тебе! Пусть не болят твои руки! – пожелал Меш Райхону.

В это время откуда-то сверху раздался смешок. Мешпалван посмотрел наверх и обнаружил в ветвях целую стаю призрачных пацанят. Среди них сидел и Ходжихон, отчего на душе у Мешпалвана стало легко и радостно, так что он и сам рассмеялся.

В это время начались песни и танцы. Теперь по обычаю невестка должна была отвешивать поклоны родственникам мужа, но, поскольку таковых не было, то вышла некоторая заминка. И тогда Мешпалван вышел в круг, взял в руки поднос вместо бубна, выстукивая по нему «дангир-дунг, дангир-дунг», запел:

*Вот для курица табак,
Курит свёкор просто так.
Поклон от невестки, поклон,
Вот свёкор – ему поклон.*

*Я раскрою вам секрет:
Есть хозяйка – есть обед.
Поклон, от невестки поклон,
Свекрови родненькой поклон.*

Те, кто стоял вокруг, тоже стали всячески показывать, что и они родственники, что им тоже полагается поклон, ведь и они станут дарить за этот поклон свои подарки. Ребятишки по знаку Чумакова поднимали радостный крик...

*Вот в бахромчатых платках
Сестры жениха, «ах-ах»!
Поклон, от невестки поклон,
Золоткам родненьким поклон.*

*Вот стоит, не дуя в ус,
Дядя, рядом карапуз.
Поклон, от невестки поклон,
Двум деверям своим поклон.*

– Ладно, так уж и быть, буду пока деверем, – воскликнул Райхон-кызык, – пусть братец дарит мне по обычаю нож!

Все рассмеялись, сочтя старика Райхона за карапуза, а Мешпалван продолжал:

*Брови подвели усьмой
Три злословки, боже мой.
Поклон, от невестки поклон,
Невесткам той семьи поклон.*

*Вон дерутся за места
Гости, сладкие уста.
Поклон, от невестки поклон,
Всем гостям на пиру поклон.*

*А теперь приедем к нам
Вслед за сказкой пацанам
Поклон, от невестки поклон,
Всем читателям поклон...*

* * *

- Ну, хорошо, скажи, а где Китай?
- В стороне восхода, там, где, Алтыарык.
- Бе, ошибаешься!
- С какой стати! Если не веришь, проверь по карте!..

Ой-ёй, мои маленькие читатели! Ой-ёй, мои маленькие весельчаки. Вы очень пытливые! Смотрите, как вы почувствовали, что моя сказка уперлась в знания сегодняшнего дня...

Но не смейтесь, я не выдумал эту сказку. Говорят, и вправду самаркандские ребята определяют Китай по направлению к Алтыарыку. Наверняка это от славы Мешпалвана. Ах, если бы и нам повезло на такую славу!

Давайте-ка, пока не прервался наш разговор, пропоём вместе любимую песенку Мешпалвана:

*Я отведал яблоко зрелое,
Я отведал черешню спелую,
Я отведал инжир пышнотелый
С оплеухой садовника старого...*

Вот спасибо! Вот молодцы! Но одно условие: как только начнёте петь эту песенку сами по себе, то вместе с Мешпалваном вспомните и вашего доброго сказочника... Договорились?

1987–1988

СОДЕРЖАНИЕ

Аламазон и его пехота. <i>Перевод З. Тумановой</i>	3
Автомальчик с золотым сердцем. <i>Перевод Р. Азимовой</i>	81
Самозванец номер 0099. <i>Перевод Л. Самойлова</i>	135
Оловджан-полководец. <i>Перевод Л. Самойлова</i>	167
Жизнь и смерть страдальцы мухи. <i>Перевод Л. Самойлова</i>	173
Чудаки вокруг нас. <i>Перевод Л. Самойлова</i>	181
Что только не приснится. <i>Перевод Л. Самойлова</i>	207
Сорочьи сплетни. <i>Перевод Л. Самойлова</i>	215
Грозный Мешпалван. <i>Перевод Х. Исмаилова</i>	223

Литературно-художественное издание

На русском языке

АНВАР АБИДЖАН

ГРОЗНЫЙ МЕШПАЛВАН

Сказки, приключения, фантастика

Редакторы В. А. Мориц, Р. У. Азимова, З. А. Туманова

Художественный редактор А. Ш. Шоалимов

Технический редактор У. И. Ким

Корректор Э. Д. Багильдина

ИБ № 0234

Сдано и набор 09.02.90. Подписано в печать 05.05.91. Формат 60х90 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Школьная гарнитура. Офсетная печать. Усл. печ. л. 21,0. Усл. кр.-отг. 21,5. Уч. изд. л. 22,16. Тираж 75000. Заказ 4123. Договор № 0190. Цена 1 р. 60 к.

Издательство «Чулпон». 700000, Ташкент, ул. Газеты «Правда», 41.

Набрано в ТПК Государственного комитета УзССР по печати. 700129, Ташкент, ул. Навои, 30.